

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова

РУССКАЯ ГРАММАТИКА В ДИНАМИКЕ

Сборник научных статей по материалам
VIII международного симпозиума
9–13 октября 2024 г.

Текстовое электронное издание

Нижний Новгород
2024

УДК 811.161.1(063)
ББК 95.4
Р89

Издается по решению редакционно-издательского совета НГЛУ

Рецензенты: д-р филол. наук, проф. Л.В. Рацибурская
д-р филол. наук, проф. Е.И. Беглова

Ответственный редактор: Е.В. Маринова

Р89 Русская грамматика в динамике [Электронный ресурс]: Сборник научных статей по материалам VIII международного симпозиума (Нижний Новгород, 9–13 октября 2024 г.) / Отв. ред. Е.В. Маринова; М-во науки и высшего образования Рос. Федерации; Нижегородский гос. лингвистический ун-т. – Электронные текстовые данные (5,66 МБ). – Н. Новгород: НГЛУ, 2024. – 394 с. – 1 электрон, опт. диск (CD-ROM). – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-85839-450-1

В настоящем издании представлены в виде научных статей материалы докладов, прозвучавших на пленарных и секционных заседаниях VIII международного симпозиума по русской грамматике (2024 г., Нижний Новгород). Спектр поднимаемых в статьях вопросов широкий: авторы обращаются к исторической грамматике и грамматике современного русского языка, рассматривают грамматику как систему и анализируют асистемные проявления грамматических процессов, исследуют норму и вариантность в русской грамматике, а также сопоставляют её с грамматическими системами других языков. Ряд статей посвящён грамматике текста и грамматике дискурса, исследованиям и обобщению опыта в лингводидактике. Сборник предназначен для специалистов в области грамматики, русистов, преподавателей русского языка как иностранного, аспирантов, студентов.

УДК 811.161.1(063)
ББК 95.4

Текстовое электронное издание
Минимальные системные требования:

Компьютер: процессор x86 с тактовой частотой 500 МГц и выше; ОЗУ 512 Мб;
8 Мб на жестком диске; видеокарта SVGA 1280x1024 HighColor (32 bit);
привод CD-ROM

Операционная система: Windows XP/7/8 и выше

Программное обеспечение: AdobeAcrobatReader версии 6 и старше

ISBN 978-5-85839-450-1

© Авторы, 2024
© НГЛУ, 2024

Содержание

<i>Блинова О.В.</i> Атрибутивные и адвербиальные модификаторы в составе русских конструкций с лёгкими глаголами (по данным корпуса законов).....	7
<i>Богданова-Бегларян Н.В.</i> Конструкция <Prep + Inf>: о грамматических новациях повседневного дискурса	14
<i>Болтовская Е.А.</i> О вариантности родовых характеристик несклоняемых нарицательных имен существительных, называющих животных.....	20
<i>Борисова Е.Г.</i> Краткая форма прилагательного: как описывать категорию в динамике.....	26
<i>Величко А.В.</i> Фразеологизированные предложения с лексическими повторами	32
<i>Виноградов С.Н.</i> Морфологическая неизменяемость как грамматическое свойство слов русского языка.....	36
<i>Глазунова О.И.</i> Собирательные существительные в древнерусском и русском языке	43
<i>Голев Н.Д.</i> Синтагматические основания тенденции к аналитизму в русском языке: ослабление согласования и управления vs усиление примыкания.....	53
<i>Голубева В.К.</i> Предикативы и сентенциальные наречия: область функционального взаимодействия.....	64
<i>Горбунова Л.И.</i> Когнитивные и системно-языковые механизмы формирования значения языковых выражений	70
<i>Григорьян Е.Л.</i> Семантические категории, синтаксическая типология и русский синтаксис.....	77
<i>Гришечкина Е.А.</i> Групповая форма работы с применением активных методов и приёмов обучения на занятиях по русской грамматике	82
<i>Донина Л.Н.</i> Актуализация морфемного членения глаголов с приставкой в поэтическом тексте.....	86
<i>Зеленин А.В.</i> Новые интернациональные дискурсивные маркеры: кальки <i>and yeah, and no</i> в европейских языках	92
<i>Зензерея И.В.</i> Функции категории обращённости в поэтическом тексте	100
<i>Зубова Л.В.</i> Активизация предлогов в современной поэзии	103
<i>Казкенова А.К., Рахилина Е.В.</i> ЧЕРЕЗ в текстах казахско-русских билингвов: концептуализация инструмента	114
<i>Кальцавара Е.Е.</i> Семантические факторы функциональной перспективы предложения	119

<i>Колосовская Т.Л.</i> Похожи, но так далеки: конструкции с глаголом <i>не годится</i> в русской речи.....	125
<i>Кольшиева О.Н.</i> Грамматика нарратива: время глагола как способ темпоральной организации нарратива	131
<i>Комышкова А.Д.</i> Грамматическая стилизация священного текста как средство репрезентации христианской метафоры в IT-дискурсе	137
<i>Конюшкевич М.И.</i> Дейксис и реляции на службе категоризации языка	144
<i>Кузнецов И.А.</i> Грамматика и прагматика диалога в фатической коммуникации на русском языке.....	149
<i>Купчик Е.В.</i> Компаративные конструкции в реализациях метафорической модели «внешний человек – оружие» (на материале словаря образов)	154
<i>Кустова Г.И.</i> Номинативный ресурс или грамматический механизм? (Морфологические и синтаксические свойства субстантивов).....	159
<i>Лазуткина Е.М.</i> Исторические изменения в структуре простого предложения (XVIII–XXI вв.).....	165
<i>Лаптева Н.А.</i> О средствах выражения и функциях сравнения в очерках Ф.И. Чудакова	171
<i>Лютикова Е.А., Герасимова А.А., Байков Ф.В., Белова Д.Д., Давидюк Т.И., Паско Л.И., Студеникина К.А.</i> Русское вариативное согласование в свете экспериментальных данных	177
<i>Мареева Ю.А.</i> Достижения теоретической лингвистики в лингводидактическом применении: на материале работы с русскими наречиями в иностранной аудитории..	184
<i>Мартьянова И.А.</i> Выражение категории перцептивности в диалоге киносценария.....	190
<i>Мельникова Е.М.</i> Недостаточные двувидовые глаголы в современной речи: динамика личного формообразования	194
<i>Мечковская Н.Б.</i> Лексико-грамматические категории глагола в детской речи и частотном словаре	201
<i>Минеева З.И.</i> Активные процессы в морфологии	207
<i>Мишина Е.А.</i> Формирование категории вида у простых бесприставочных глаголов в истории русского языка.....	211
<i>Недомова З.</i> Собираательные числительные в русском и чешском языках	216
<i>Николина Н.А., Петрова З.Ю., Фатеева Н.А.</i> Конструкции с творительным сравнения в современной русской прозе	221
<i>Петрова Н.Е.</i> Отрицательные <i>не</i> -местоимения в аспекте категории модальности.....	227
<i>Плесник Л.</i> К вопросу о системе деепричастий в русском и чешском языках	233

<i>Попова Т.И., Козырева П.Т.</i> От идиомы до конструкции: результаты экспертной разметки устойчивых неоднословных единиц (без + X) в корпусе «Один речевой день»	238
<i>Птенцова А.В.</i> Служебное слово <i>ань</i> : пути и перепутья семантического развития	244
<i>Радбиль Т.Б.</i> Явления грамматической переходности прилагательных в выражении имплицитной оценочности (по данным корпусного анализа медиадискурса интернета).....	248
<i>Решетникова В.В.</i> Использование мультимедиа для оптимизации процесса обучения русскому языку по специальности иностранных студентов в техническом вузе	255
<i>Родионова И.Г.</i> Вводное слово <i>вернее</i> как метаоператор в автобиографическом произведении К.Г. Паустовского «Повесть о жизни»	260
<i>Романова Т.В.</i> Концептуальная деривация и интеграция при формировании содержания составных терминов когнитивной лингвистики	266
<i>Русанова С.В.</i> Приказные грамматические элементы в деловом языке XVIII века.....	270
<i>Рылов С.А.</i> Русская система структурно-семантических типов простого предложения на фоне чешской: к проблеме <i>tertium comparationis</i>	273
<i>Саакян Л.Н.</i> Условная уступка как митигативная форма отрицания в медиакommunikации.....	279
<i>Сагидуллина Ю.Р.</i> Особенности употребления локативных форм предложного падежа в языке XXI века.....	285
<i>Сандакова М.В.</i> К вопросу о синтаксических функциях субстантивной метонимии ...	290
<i>Северская О.И.</i> <i>Едь, видь и слышь или поезжай, смотри и слушай?</i> (нерегулярные формы императива с позиции восполнения грамматических лакун)....	296
<i>Середа Е.В.</i> Тройственный характер системы частей речи современного русского языка: самостоятельные, служебные и сентиметивные классы слов	302
<i>Ситникова Е.В.</i> Структурно-семантический принцип как основа классификации сложноподчиненных предложений.....	307
<i>Смолий Е.С., Повалко П.Ю.</i> Аксиогенный потенциал грамматических форм и конструкций русского языка	312
<i>Соловьева С.А.</i> Основные тенденции развития паратаксиста в современном русском языке.....	318
<i>Стрельникова Н.Д.</i> Абзацное членение в текстах новейшей русской литературы.....	325
<i>Ступина Е.С.</i> Грамматический фактор в определении риторического кода в политическом дискурсе.....	332
<i>Федорова О.В., Алексеев Д.А., Панич М.Б.</i> Нормативная грамматика и экспериментальные исследования синтаксической неоднозначности.....	339

<i>Федотова Н.Л., Сунь Юй</i> К трактовке понятия «грамматический навык».....	345
<i>Церюльник А.Ю.</i> Вербальные особенности профессиональной самопрезентации в сфере образования	351
<i>Шарандин А.Л.</i> Интегративный подход к описанию русской морфологии.....	356
<i>Шарафадина К.И.</i> Кодификация флороязыка в этикетно-бытовых пособиях-словарях XIX века	362
<i>Шаронов И.А.</i> Серые зоны русской грамматики: проблемные употребления деепричастного оборота	367
<i>Широкова Е.Н.</i> Сочинительные ряды в контексте информационной войны	372
<i>Шклярук Е.Я.</i> Маркеры-ксенопоказатели в русской спонтанной речи: вопрос грамматического статуса	378
<i>Южакова Ю.А.</i> Зона переходности и псевдопереходность в синтаксисе	383
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	389

О.В. Блинова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

**АТРИБУТИВНЫЕ И АДВЕРБИАЛЬНЫЕ МОДИФИКАТОРЫ
В СОСТАВЕ РУССКИХ КОНСТРУКЦИЙ С ЛЁГКИМИ
ГЛАГОЛАМИ (ПО ДАННЫМ КОРПУСА ЗАКОНОВ)**

Аннотация. Автор анализирует корпус русских законов объемом 3 млн 227 тыс. токенов. Задачей является анализ частотности конструкций с лёгкими глаголами и адвербиальными (внешними) vs. атрибутивными (внутренними) модификаторами. В корпусе обнаруживается 15 856 употреблений конструкций с лёгкими глаголами и именной группой в аккумулятиве (*ипр* 4913,5). Конструкции с атрибутивным модификатором составляют четверть всех вхождений. Конструкции с адвербиальным модификатором составляют один процент всех вхождений. И адвербиальные (*ADV*), и атрибутивные (*ADJ*, *DET*) модификаторы встречаются прежде всего в конструкциях с глаголом «осуществлять» (для всех конструкций с атрибутивными модификаторами доля таких употреблений равна 40%). Каждая пятая конструкция с атрибутивным модификатором образована по модели «*DO-TYPE.VERB ADJ* деятельность» ‘осуществлять образовательную деятельность’. В конкуренции *ADJ* vs. *ADV* участвует 21 однокоренная пара, при этом случаи прямой конкуренции в конструкциях одного семейства единичны.

Ключевые слова: русские конструкции с лёгкими глаголами, атрибутивный модификатор, адвербиальный модификатор, корпус законов.

Исследование выполнено в рамках проекта РФФ № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи».

Предмет интереса. Настоящая статья посвящена русским конструкциям вида *VERB + NP* с т. наз. лёгким глаголом и именной группой в вин. п., см. (1), (2), (3):

- (1) *осуществлять продажу*,
- (2) *проводить оценку*,
- (3) *оказывать содействие*.

Постановка задачи. Конструкции типа *осуществлять продажу* (ср. *продавать*) в русской грамматической традиции принято называть «конструкциями с расщеплённым сказуемым». Семантическим предикатом здесь является существительное, а глагол преимущественно служит выразителем грамматических значений времени, вида, наклонения и др. Соответственно, глагол называют «семантически пустым/опустошённым» (*empty*), «семантически лёгким» (*light*), «семантически слабым» (*weak*), а также «полуслужебным», «полувспомогательным», «лексико-функциональным», «опорным» (*support*) ср. [1; 2], см., однако, [3].

Конструкции с лёгкими глаголами описываются как свойственные текстам официально-делового и (в меньшей степени) академического стиля [2]. При этом в литературе по русской функциональной стилистике на конструкции с лёгкими глаголами смотрят благосклонно, см. следующую цитату: «употребление глагольно-именных сочетаний **вместо соответствующих глаголов** не только **подчеркивает функционально-стилевую ориентацию** в отборе языковых средств, но и **уточняет смысл высказывания**, обращает к использованию специальных терминов и порой даже усиливает действенность речи» (выделено нами. – О.Б.) [4. С. 421].

Важно прокомментировать возможности «уточнения смысла», которые подчёркивает цитированный автор. Среди его примеров следующие: *оказать широкую поддержку, проявить горячую заинтересованность, оказать неоценимую услугу*. Автор сопоставляет этому ряду перифрастические соответствия *поддержать, заинтересоваться, услужить* (но не *широко поддержать, горячо заинтересоваться, *неоценимо услужить*). Таким образом, под «возможностями уточнения» имеется в виду реализация валентности на сирконстант при вершине, выраженной номинализацией; о зависимости между запретом на выражение сирконстанта при глагольной вершине и семантикой зависимого см. [5. С. 186–187].

Конструкции с лёгкими глаголами анализируются также в контексте изучения языковой сложности текстов, см., например, [6]. Замена таких конструкций на перифрастические глаголы – одна из практических техник упрощения [7].

Таким образом, конструкции с лёгкими глаголами употребительны в официально-деловых (в частности, юридических) текстах. Хотя такие конструкции (по сравнению с перифрастическими глаголами) являются более сложными (протяжённым в словах), они эксплицитно оцениваются как «доступные для уточнения» в связи с более широкими возможностями присоединять модификатор (сирконстант, выраженный прилагательным). О конкуренции употреблений типа *оказывать значительное влияние* и *‘значительно влиять’* по данным «Национального корпуса русского языка» (ruscorpora.ru) и эксперимента см. [8].

Между тем в научной литературе (в частности, на материале иранских языков) обсуждается другой тип конкуренции, а именно **конкуренция разных (resp. атрибутивного и адвербиального) модификаторов** в составе собственно конструкций с лёгкими глаголами, ср. примеры (4) и (5) из фарси [9].

- (4) Sedâ ye boland-i dâd.
sound ARG loud-INDEFgave
‘It/(s)he produced a loud sound.’

- (5) Boland sedâ dâd.
loudly sound gave
'It/(s)he produced a loud sound.'

Такой тип конкуренции представим и в русском, ср. (6) и (7).

(6) *принимать активное участие,*

(7) *активно принимать участие.*

Рассмотрение указанной конкуренции значимо не только и не столько для эмпирического описания разновидностей, формальной организации, частеречного состава и пр. конструкций с лёгкими глаголами в различных языках. Как подчёркивают авторы [9], анализ т. наз. **внутренних** (атрибутивных) и **внешних** (адвербиальных) модификаторов является способом доступа к значению компонентов конструкций с лёгкими глаголами. Внутренние и внешние модификаторы, в частности, имеют разные сферы действия и, что важнее, влияют на анализ **степени композиционности** конструкций с ними.

В настоящей статье автор видит свою **задачу** в том, чтобы выяснить, демонстрируют ли в принципе его корпусные данные, в которых конструкции с лёгкими глаголами частотны (см. раздел 4 ниже), **наличие** конкуренции указанного типа. Другими словами, автора интересует, будут ли в корпусе законов встречаться (и как часто встречаться) конструкции вида VERB [ADJ NOUN]¹ и конструкции вида ADV [VERB NOUN], где VERB – лёгкий глагол, ADJ и ADV – модификаторы, а NOUN (в общем случае) – отглагольное существительное.

Материал. Исследование выполнено на материале русского корпуса нормативных документов *CorCodex*, включающего 278 текстов кодексов, федеральных законов и постановлений правительства РФ [10]. Объём корпуса – 3 млн 227 тыс. токенов. Корпус размечен *rumorphy2* [11] и *UDPipe russian-syntagrus-ud-2.5* [12].

При выделении конструкций с лёгкими глаголами и **атрибутивными модификаторами** автор обращался к слою частеречной разметки *UDPipe* и к слою морфологической разметки *rumorphy2*, ища последовательности типа VERB, ADJ, NOUN или VERB, DET, NOUN с существительными и модификаторами в аккумулятиве (тег *accs*), выраженными ADJ (прилагательным) и DET (*determiners*, детерминативами, то есть – в применении к русскому языку – некоторыми указательными, неопределёнными и др. местоимениями, способными определять референциальный статус именной группы). При этом в рассмотрение принимались конструкции и с финитными, и с нефинитными вершинами, а также конструкции с сочинёнными именными группами типа VERB, ADJ, CCONJ, ADJ, NOUN, VERB, ADJ,

¹ ADJ – прилагательное, ADV – наречие, CCONJ – сочинительный союз, DET – детерминатив, NOUN – существительное, NP – именная группа, VERB – глагол.

ADJ, ADJ, NOUN, VERB, DET, ADJ, NOUN и т.п. При выделении конструкций с лёгкими глаголами и **адвербиальными модификаторами** автор использовал ту же процедуру, ища последовательности типа ADV, VERB, NOUN, NOUN, VERB, ADV, учитывая конструкции с сочинением типа (8), (9) и особенности порядка слов (10), в том числе в пассивных конструкциях (11):

(8) *свободно и бесплатно осуществлять проезд,*

(9) *прямо или косвенно осуществляющих контроль,*

(10) *производит выемку принудительно,*

(11) *расчет страховых взносов осуществляется банками самостоятельно.*

Результаты. В корпусе обнаружено 15 856 употреблений конструкций с лёгкими глаголами и именной группой в аккумулятиве (относительная частота на миллион слов корпуса составила 4913,5). Конструкции с **атрибутивным модификатором** насчитывают 3 997 вхождений, то есть приблизительно **четверть всех конструкций**; в них встретилось 64 разных глагола, 230 разных существительных, 459 разных атрибутивных модификаторов. Конструкции с **адвербиальным модификатором** насчитывают 165 вхождений, то есть примерно один процент всех конструкций; в них встретилось 34 разных глагола, 70 разных существительных, 64 разных адвербиала.

Стоит отметить, что сложность для интерпретации составили неоднозначные вхождения типа (12), (13), в которых неясно, является ли сферой действия адвербиала сочинённая группа или же ближайшая к адвербиалу глагольная конструкция (глагол); в таких случаях всякий раз принималась трактовка, согласно которой наречие относится ко всем членам сочинённого ряда:

(12) *повторно рассмотреть вопрос и принять решение;*

(13) *водитель должен немедленно высадить людей и принять меры для освобождения переезда.*

Примеров типа *'самостоятельно осуществлять самостоятельную деятельность* ожидаемо не встретилось. Примеров с двумя неоднокоренными разными модификаторами (ADJ и ADV) типа (14), (15) всего шестнадцать, ср.:

(14) *беспрепятственно проводить предварительную агитацию,*

(15) *ранее замещавших должности судебных приставов или проходивших гражданскую службу.*

Наиболее частотные лёгкие глаголы в конструкциях с атрибутивным модификатором представлены в *табл. 1*; аналогичные данные относительно конструкций с адвербиальными модификаторами (см. в *табл. 2*).

Таблица 1

Лёгкие глаголы в конструкциях с атрибутивными модификаторами

Ранг	Частота	Лемма	Ранг	Частота	Лемма
1	1621	<i>осуществлять</i>	6	174	<i>принимать</i>
2	312	<i>иметь</i>	7	160	<i>проводить</i>
3	287	<i>проходить</i>	8	105	<i>выполнять</i>
4	264	<i>оказывать</i>	9	79	<i>заключать</i>
5	255	<i>устанавливать</i>	10	50	<i>причинять</i>

Таблица 2

Лёгкие глаголы в конструкциях с адverbиальными модификаторами

Ранг	Частота	Лемма	Ранг	Частота	Лемма
1	37	<i>осуществлять</i>	6	5	<i>вносить</i>
2	32	<i>принимать</i>	7	5	<i>оказывать</i>
3	10	<i>проходить</i>	8	5	<i>получать</i>
4	8	<i>производить</i>	9	5	<i>совершать</i>
5	7	<i>решать</i>	10	5	<i>устанавливать</i>

Стоит отметить, что и внешние (ADV), и внутренние (ADJ, DET) модификаторы чаще наблюдаются в конструкциях с глаголом *осуществлять*; доля таких вхождений относительно всех наблюдаемых особенно показательна для конструкций с атрибутивными модификаторами (она составляет порядка 40% всех употреблений). Если вслед за [9] пользоваться традиционным различием между DO-TYPE, GIVE-TYPE, HAVE-TYPE т.д. конструкциями, то можно заметить, что среди рассматриваемых конструкций с атрибутивными модификаторами преобладает DO-TYPE.

Примечательно также, что 727 конструкций (18%) с атрибутивными модификаторами образованы по модели типа DO-TYPE.VERB ADJ *деятельность*, то есть содержат не только глагол со значением типа «делать», но и существительное со значением типа «дело»; неудивительно, что основная семантическая нагрузка в таких конструкциях возложена на прилагательное.

В конкуренцию модификаторов ADJ vs. ADV вступают в общей сложности 21 однокоренная пара, ср. следующие наречия (соответствующие прилагательные не приводятся для экономии места): *безвозмездно*,

бесплатно, временно, дополнительно, излишне, лично, независимо, незамедлительно, неправомерно, отдельно, повторно, принудительно, прямо, ранее, регулярно, самостоятельно, свободно, своевременно, совместно, умышленно, частично. Случаи конкуренции в конструкциях одного семейства (при одном лёгком глаголе) единичны.

Список литературы

1. Butt M. The Light Verb Jungle: Still Hacking Away // Complex Predicates: Cross-linguistic Perspectives on Event Structure / Ed. by M. Amberber, B. Baker, M. Harvey. Cambridge: Cambridge University Press, 2010. P. 48–78.
2. Nagy T.I., Rácz A., Vincze V. Detecting Light Verb Constructions Across Languages // Natural Language Engineering. 2020. Vol. 26. № 3. P. 319–348.
3. Light Verb Constructions as Complex Verbs. Features, Typology and Function / Ed. by A. Pompei, L. Mereu, V. Piunno. Berlin, Boston: De Gruyter Mouton, 2023.
4. Голуб И.Б. Стилистика русского языка. М.: Рольф, 2001.
5. Тестелец Я.Г. Введение в общий синтаксис. М.: РГГУ, 2001.
6. Blinova O., Tarasov N. A Hybrid Model of Complexity Estimation: Evidence from Russian Legal Texts // Frontiers in Artificial Intelligence. 2022. Vol. 5. DOI: 10.3389/frai.2022.1008530.
7. 10 Ways to Create Readable Writing. Электронный ресурс: <https://www.ucalgary.ca/live-uc-ucalgary-site/sites/default/files/teams/9/10-strategies-for-readable-writing-writing-strategies.pdf>.
8. Маттеи Ю.П. «Делать важный выбор» vs. «*важно выбирать»: оформление сирконстанта при глаголе или номинализации (по корпусным и экспериментальным данным). ВКР бакалавра лингвистики. СПб.: НИУ ВШЭ, 2022.
9. Fleischhauer J., Neisani M. Adverbial and Attributive Modification of Persian Separable Light Verb Constructions // Journal of Linguistics. 2020. Vol. 56. № 1. P. 45–85.
10. Корпус русских нормативных документов CorCodex. Электронный ресурс: <https://disk.yandex.ru/d/CaUlav09dgjqLg>.
11. Korobov M. Morphological Analyzer and Generator for Russian and Ukrainian Languages // Analysis of Images, Social Networks and Texts. AIST 2015. Communications in Computer and Information Science / Ed. by M. Yu. Khachay et al.: Springer International Publishing, 2015. P. 320–332.
12. Straka M., Straková J. Universal Dependencies 2.5 Models for UD-Pipe. 2019. Электронный ресурс: <http://hdl.handle.net/11234/1-3131>.

O.V. Blinova

St. Petersburg University (St. Petersburg)

**RUSSIAN LIGHT VERB CONSTRUCTIONS: ATTRIBUTIVE
AND ADVERBIAL MODIFIERS (LEGAL CORPUS ANALYSIS)**

***Abstract.** The author analyzes the corpus of Russian laws containing 3 million 200 thousand tokens named “CorCodex”. The aim is to analyze the frequency of constructions with light verbs and adverbial (i.e. external) vs. attributive (i.e. internal) modifiers. In the corpus, 15856 occurrences of constructions with light verbs and a noun phrase in accusative were found (imp 4913.5). Constructions with an attributive modifier account for a quarter of all occurrences. Constructions with an adverbial modifier account for one percent of all occurrences. Both adverbial (ADV) and attributive (ADJ, DET) modifiers are found primarily in constructions with the verb “osushhestvljat” ‘to carry out’ (for all constructions with attributive modifiers the share of such uses is 40%). Every fifth construction with an attributive modifier is formed by the model “DO-TYPE.VERB ADJ dejatel’nost’” ‘to carry out educational activities’. In the competition ADJ vs. ADV involves 21 pairs, with only a few cases of direct competition in constructions of the same family.*

***Keywords:** light verb constructions, attributive modification, adverbial modification, legal corpus, Russian.*

Н.В. Богданова-Бегларян

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

КОНСТРУКЦИЯ <Prep + Inf>: О ГРАММАТИЧЕСКИХ НОВАЦИЯХ ПОВСЕДНЕВНОГО ДИСКУРСА

Аннотация. В статье рассматривается одна из грамматических новаций повседневного дискурса: девиантная конструкция <Prep + Inf> («говорю про бить», «пропасть между мочь и сделать»), свойственная в первую очередь устно-письменному типу современной сетевой коммуникации, хотя и имеющая предысторию, восходящую к концу XIX века. Конкретным предметом анализа стали конструкции (на первый взгляд, наиболее распространенные) с предлогом НА и инфинитивом с приставкой ПО-: «задание на подумать», «фильм на посмотреть», «время на поесть». Анализ корпусного материала позволил выявить ряд особенностей таких конструкций: их способность распространяться зависимыми словами и даже клаузами, способность встраиваться в ряды однородных членов – как с глаголами («на посмотреть и на послушать»), так и с существительными («на проезд и на поесть»), а также расширять структуру самой конструкции за счет других инфинитивов («на подумать и поговорить»). Девиантность данной конструкции в большинстве случаев ощущается пишущим, который часто заключает ее в кавычки, либо отстраняясь от нее, как от передаваемой чужой речи, либо маркируя ее нетривиальность.

Ключевые слова: устный дискурс, девиантная конструкция, принцип экономии, социальные сети, устно-письменная речь, корпусный подход.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Устная повседневная речь богата не только на лексические, но и на грамматические новации, которых выявляется тем больше, чем более широкий корпусный материал привлекается к исследованию. И хотя многие наблюдения такого рода в лингвистике уже не новы, представляется нелишним привлекать к анализу все больше разнообразного материала, чтобы как проверить и уточнить уже сделанные наблюдения, так и выявить какие-то новые особенности, ранее не замеченные лингвистами.

Объектом внимания в настоящем исследовании является грамматическая конструкция <Prep + Inf> (*вопрос на подумать, не могут без пить, место для купить сувениры* и под.). Для получения более детальных наблюдений в ходе работы материал был сужен до конструкций только с предлогом НА и инфинитивами с префиксом ПО-: *на посмотреть, на почитать, на поспать* и под. В «Русской корпусной грамматике», которая фиксирует эту грамматическую новацию, отмечается, что конструкции

с предлогом НА «несколько хуже» на фоне других подобных, поскольку «здесь часто инфинитив в кавычках; видимо, автор воспринимает его как “полуцитацию”» [1], ср.: *прерываясь на «покурить»; «на покушать бедному Сашеньке», слава богу, хватает.*

С учетом этих наблюдений представляется вполне обоснованным сделать именно такие конструкции объектом специального внимания.

Несмотря на то что в заголовке настоящей статьи рассматриваемая конструкция <Prep + Inf> названа «грамматической новацией», у нее есть довольно длинная предыстория. Правильнее будет сказать, что эта конструкция нова не как явление языка/речи, а как объект исследования. По мнению Д.В. Сичинавы, хронологически первой конструкцией с сочетанием «предлог + инфинитив» является фразеологизм *от нечего делать* (в том числе с перестановкой компонентов), а в целом «типологически не характерная для славянских языков предложная конструкция с инфинитивом появляется с 1880-х годов с рядом производных предлогов: *насчёт, на предмет*» [2]. А «резкое расширение круга предлогов, сочетающихся с инфинитивом» автор считает «чертой современной разговорной речи (с 1980–1990-х)». Инфинитив в данном случае «выступает вместо более стандартного отглагольного существительного или конструкции *то, чтобы* + инфинитив (ср. *насчёт прихода, насчёт того, чтобы прийти*)» [2] (ср. также: [1]). Следовательно, причиной появления подобных конструкций логично признать *принцип экономии*, который с равной активностью действует и в языке (как одна из главных движущих сил языковой эволюции), и в речи (см. о нем: [3; 4]). В повседневной коммуникации этот принцип становится все активнее, поэтому актуальность поставленной задачи – описания одного из вариантов рассматриваемой конструкции – вряд ли подлежит сомнению.

Повторим, что объектом углубленного исследования в настоящей работе стали реализации конструкции <Prep + Inf>, где в роли предлога выступает НА, а все глаголы – с приставкой ПО-. Общим в их семантике оказывается необходимость некоторого времени для выполнения того действия, которое обозначено инфинитивом: *посмотреть, почитать* и т.п.

Наиболее богатой на такие конструкции оказалась устно-письменная речь, зафиксированная в подкорпусе «Социальные сети» (СС) Национального корпуса русского языка (НКРЯ) и объединяющая черты как традиционной письменной, так и устной коммуникации [5. С. 7–8].

Наиболее частотной в СС оказалась конструкция *на подумать* (37 употреблений), появившаяся в этом виде коммуникации около 2003 г., имевшая пик употреблений в 2013–2014 гг., пережившая существенное падение употребительности в 2020 г. и сейчас начинающая новый подъем – см. *рис.*

Чаще всего эта конструкция выступает в синтаксической функции *несогласованного определения*, ср.:

(1) *Вчера взяли день на подумать, и точно решили, что участок нам надо!* (Ю. Украинская. Дачница со стажем. 2022);

(2) *И еще один факт на подумать: оптом все топливо продается в тоннах, а в розницу в литрах* (Нужна помощь! 2022);

(3) *В общем, благодаря сегодняшним дебатам появилось много всего нового «на подумать»* (vk 20.04.2016).

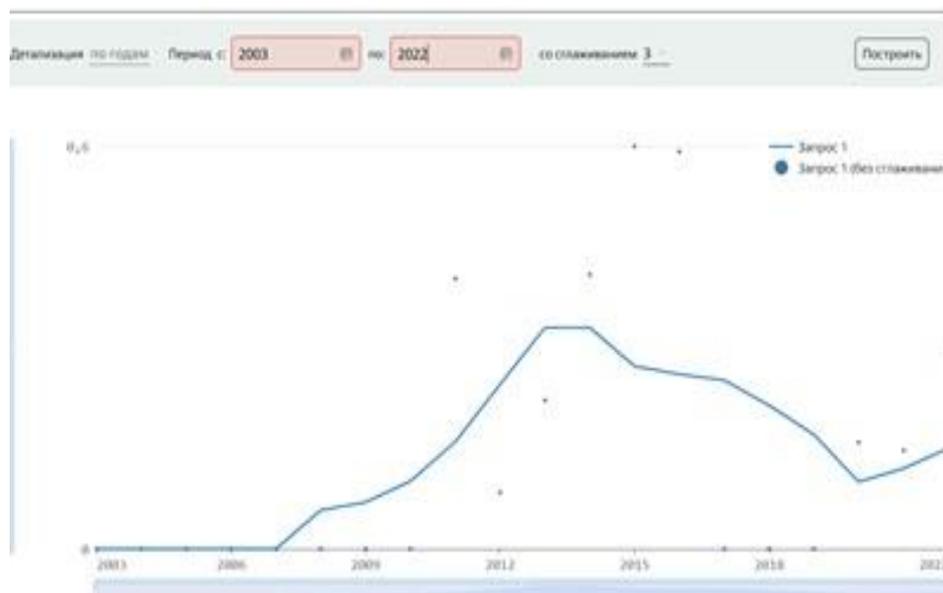

Рис. Динамика употреблений конструкции НА ПОДУМАТЬ в подкорпусе «Социальные сети» НКРЯ

Видно, что такое определение имеет и дополнительную сему цели, оставшуюся от полной конструкции <для того, чтобы + инфинитив>.

Возможны, впрочем, и редкие контексты, когда рассматриваемая конструкция выступает в роли целевого обстоятельства при сказуемом:

(4) *В первый день следственных действий первый вице-мэр дал показания и был отпущен. Как говорили злые языки: «на подумать» «и прийти на следующий день с признанием вины»* (А. Пирогов. Тот самый! 2021).

Корпусные примеры хорошо демонстрируют и отмеченное Е.В. Падучевой [1] стремление пишущего заключить рассматриваемую конструкцию в кавычки (67,6% всех употреблений в СС), представляя ее как «полуцитацию» (задания/остановка/книга «на подумать»). Не исключено, впрочем, что наличие кавычек связано не с цитацией, а с тем фактом, что пишущий осознает и маркирует таким образом нарушение грамматических норм в данной конструкции. Дополнительным подтверждением отношения к рассматриваемым конструкциям как к «полуцитации» или грамматической «нетривиальности» может служить наличие рефлексива, усиливающего функцию кавычек: *две сенсации, что называется, «на подумать»*.

Зачастую инфинитив в составе конструкции распространяется дополнением или целым предложением: изъяснительным придаточным или зависимой клаузой в составе бессоюзной структуры, ср.:

(5) *Поэтому я начала с пакета, который – вроде бы – принесла моя мама мне **на «подумать, буду ли я это носить»*** (vk 13.04.2016);

(6) *осознала как важно находить время **на подумать о том** кто ты и что хочешь от жизни* (vk 09.08.2015);

(7) *власть берет паузу **«на подумать»**, что делать с обратной связью* (А. Федорова. Давай поговорим // Известия. 01.11.2012);

(8) *И давала еще немного времени **на подумать: что же делать дальше*** (vk 12.09.2013).

Иногда один предлог «обслуживает» сразу ряд глаголов, из которых уже не все – с приставкой ПО-: ***«на подумать» «и придти»¹ <...> с признанием вины»**; время **на подумать** и **поговорить** с адвокатами; неделя **на подумать, пораскачиваться** и **засучить рукава**.*

Иногда эти однородные члены объединяются в одно сложное слово: ***на «поесть-одеться»*** (примеров такого типа на *подумать* в СС не нашлось).

Порой у каждого из таких однородных членов в контексте есть свой предлог НА: *остановки **на «подумать»** и **на «послушать партнёршу»**; планы **«на послушать»** и **«на переслушать»**.*

Интересны и примеры, когда в ряду однородных членов рядом с инфинитивом оказываются имена существительные (примеров такого типа на глагол *подумать* в подкорпусе не нашлось), ср.: *на домашку и **на поесть** тратиться; **на сон** и **помыться** остается часа так три; **на проезд** и **на поесть** хватает. Чаше в этот ряд попадают отглагольные существительные (*сон, проезд*), но это совсем не обязательно (*домашка*).*

В подкорпусе СС следующими по распространенности после конструкции *на подумать* являются формы *на поесть* (17 употреблений), *на посмотреть* и *на почитать* (по 10).

Существенно меньше реализаций рассматриваемой конструкции <Prep + Inf> с предлогом НА обнаружилось в газетном подкорпусе НКРЯ, хотя и здесь преобладает форма *на подумать* (12 употреблений), совсем единичны примеры такого типа в устном (*на поесть*) и основном (трижды – *на подумать*) подкорпусах.

Специальному анализу в настоящей статье подверглась девиантная грамматическая конструкция <Prep + Inf> (с конкретным наполнением <НА + глагол с приставкой ПО->). Корпусный анализ показал, что эта конструкция свойственна в первую очередь устно-письменному типу коммуникации (речь в социальных сетях), является результатом действия принципа экономии речевых усилий и обладает рядом особенностей. Среди

¹ Сохранена орфография источника. – Н.Б.-Б.

этих особенностей – способность данной конструкции встраиваться в ряды однородных членов, как с глаголами, так и с отглагольными (по преимуществу) существительными, распространяться не только второстепенными членами в рамках одного предложения, но и зависимыми клаузами. «Однородность» инфинитивов иногда порождает цепочки конструкций рассматриваемого типа («на послушать» и «на переслушать»), а иногда расширяет рамки собственно данной конструкции (*на подумать и поговорить*). Девиантность конструкции <Prep + Inf> в большинстве случаев хорошо ощущается пишущим, который часто заключает ее в кавычки, либо отстраняясь от нее, как от передаваемой чужой речи, либо маркируя таким образом ее нетривиальность.

Думается, что такому же анализу должны быть подвергнуты и другие конструкции рассматриваемого типа, что важно и в теоретическом отношении (выявление грамматических новаций повседневного дискурса и описание их особенностей), и во всех прикладных аспектах: лингводиактика, практика перевода, автоматическая обработка речи и создание/совершенствование систем искусственного интеллекта.

Список литературы

1. Падучева Е.В. Инфинитив, подчиненный предлогу // Русская корпусная грамматика. Электронный ресурс: http://rusgram.ru/new/chapter/verbpar/infinitive/#label_toc516079135.
2. Сичинава Д.В. Предлог // Русская корпусная грамматика. Электронный ресурс <http://a0410571.xsph.ru/new/chapter/pos/adposition/>.
3. Zipf G.K. Human Behavior and the Principle of Least Effort: An Introduction to Human Ecology. Cambridge: Addison-Wesley Press, Inc., 1949.
4. Бодуэн де Куртенэ И.А. Об общих причинах языковых изменений // И.А. Бодуэн де Куртенэ. Избранные труды по общему языкознанию: в 2 т. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. Т. 1. С. 222–254.
5. Лутовинова О.В. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2008. № 71. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/internet-kak-novaya-ustno-pismennaya-sistema-kommunikatsii>.

N.V. Bogdanova-Beglarian

St. Petersburg University (St. Petersburg)

<Prep + Inf> CONSTRUCTION: ABOUT GRAMMATICAL INNOVATIONS OF EVERYDAY DISCOURSE

Abstract. *The article examines one of the grammatical innovations of everyday discourse: the deviant construction <Prep + Inf> (“govoryu pro bit’”, “propast’ mezhdu moch’ i sdelat’”), characteristic primarily of the oral-written*

type of modern network communication, although it has a prehistory dating back to the end of the 19th century. The specific subject of analysis were constructions (at first glance, the most common) with the preposition NA and the infinitive with the prefix PO-: “zadaniye na podumat’”, “fil’m na posmotret’”. Analysis of the corpus material made it possible to identify a number of features of such constructions: their ability to be distributed by secondary members and dependent clauses, the ability to fit into the ranks of homogeneous members – both with verbs (“na posmotret’ i na poslushat’”) and with nouns (“na proyezd i na poyest’”), and also expand the structure of the construction itself through other infinitives (“na podumat’ i pogovorit’”). The deviance of this construction in most cases is felt by the writer, who often encloses it in quotation marks, either distancing himself from it, as if from someone else’s speech, or marking its non-triviality.

Keywords: *oral discourse, deviant construction, principle of economy, social networks, oral and written speech, corpus approach.*

Е.А. Болтовская

Могилёвский государственный университет им. А.А. Кулешова
(Могилёв, Республика Беларусь)

О ВАРИАНТНОСТИ РОДОВЫХ ХАРАКТЕРИСТИК НЕСКЛОНЯЕМЫХ НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЕН СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ, НАЗЫВАЮЩИХ ЖИВОТНЫХ

Аннотация. На основе сопоставления сведений, извлеченных из ортологических источников середины XX – начала XXI в. (грамматик, словарей, справочников, учебных пособий), репрезентирующих нормы современного русского литературного языка в предписывающем аспекте, и данных, почерпнутых из газетного подкорпуса Национального корпуса русского языка, отражающих реальное словоупотребление, автор выявляет и характеризует различные подходы к описанию родовой принадлежности несклоняемых одушевленных нарицательных имен существительных, называющих животных, а также к установлению факторов, влияющих на распределение по родам неизменяемых слов данной тематической группы. Результаты исследования могут применяться в процессе преподавания культуры речи, морфологии, истории русского литературного языка.

Ключевые слова: динамика морфологической нормы, несклоняемые существительные, родовая принадлежность существительного.

Актуальность темы исследования определяется тем, что описанные в научной и учебной литературе представления о литературной норме подлежат со временем пересмотру, т.к. норме внутренне присущи противодействующие признаки изменчивости и постоянства.

Известно, что явление родового варьирования нередко сопровождает грамматическую адаптацию заимствованных существительных. Е.В. Маринова называет тип варьирования по роду среди несклоняемых слов **синтаксическим** в силу того, что он «проявляется в окончаниях синтаксически связанных с ними определений и сказуемых» [1. С. 315], и отмечает его высокую частотность в современной устной и письменной русской речи [1. С. 318].

Нестабильная родовая отнесенность (конкуренция между всеми тремя родами, между мужским и женским родом) несклоняемых одушевленных существительных, обозначающих животных, фиксируется в современных грамматиках. Так, в «Грамматике русского языка» говорится о том, что «такие существительные относятся к мужскому или женскому роду, в зависимости от того, имеется в виду самец или самка, напр.: *какаду́, кенгуру́, колибри, марабу́, шимпанzé*. Примечание. В отдельных случаях несклоняемые названия животных могут согласовываться по среднему роду, если не подчеркивается значение пола (*наше колибри, шимпанзе* и т.п.)» [2. С. 181]; в «Краткой русской грамматике» приоритетным называется мужской род:

«Несклоняемые названия животных относятся к муж. р.: *кенгуру, шимпанзе, пони, какаду* и т.п., однако при обозначении самки возможно употребление их как слов жен. р.: *молодая шимпанзе*» [3. С. 172]. В.В. Виноградов также акцентирует внимание на доминировании мужского рода исследуемых существительных: «В заимствованных именовании животных, если эти имена по своему внешнему строению не соответствуют морфологическим моделям русского языка, возможно колебание в роде, например, в зависимости от семантических аналогий или от необходимости подчеркнуть половой признак. Например, *шимпанзе* – мужского и женского рода; ср.: *колибри, какаду*» [4. С. 67]; «заимствованные несклоняемые названия животных употребляются в женском роде лишь в том случае, если они подчеркнута указывают на самок, например: *шимпанзе кормила детеныша*. Вообще же все несклоняемые существительные, обозначающие живых существ, относятся к мужскому роду независимо от пола (например: *какаду, шимпанзе, гну* и т.п.)» [4. С. 61–62]. Это, по-видимому, связано со способностью слов мужского рода быть общими названиями видов животных, безотносительно к полу (*воробей, волк*). Однако у склоняемых слов, называющих животных, таким свойством обладают и слова женского рода: *ласточка, выдра, змея, рысь* (слово женского рода обозначает и самку, и самца). Кроме того, склоняемое существительное женского рода может являться названием и самки, и всего данного вида животных: *утка – утки (утка – селезень), коза – козы (коза – козел), кошка – кошки (кошка – кот)*.

Авторы «Словаря грамматических вариантов русского языка» в словарной статье, посвященной роду несклоняемых существительных, отмечают основную рекомендацию ортологических изданий относить слова данной тематической группы (за исключением двух) к мужскому роду: «Слова, обозначающие животных, в словарях квалифицируются как слова муж. рода: *альпага́* (порода лам), *д́инго*, *жакó*, *зéбу*, *кíви-кíви*, *коли́бри*, *кенгуру́*, *какаду́*, *маго́*, *мака́о*, *ма́ки*, *марабу́*, *пало́ло*, *по́ни*, *рамбулье́*, *сапажу́*, *фламíнго*, *фифи́* (зеленоногий кулик), *шимпанзé*. Исключение составляют названия африканской мухи-цеце́, ж. р. и промысловой рыбы *иваси́* (дальневосточная сардина), ж. р. В тексте или в устной речи, когда называется самка животного, у всех тех существительных, которые рекомендуются как слова муж. рода, согласование может идти и по жен. роду: *кенгуру кормила детеныша, маленькую шимпанзе* назвали Бетси» [5. С. 102]. Однако в последующем перечне несклоняемых слов это правило отражается довольно непоследовательно: возле одних субстантивов рекомендован только мужской род: *альпага́, м. (особая порода лам); жакó, м. (птица отряда попугаев); зéбу, м. (вид домашнего рогатого скота); какаду́, м.; мака́о, м. (попугай); ма́ки, м. (полуобезьяна); пало́ло, м. (туземное название тихоокеанского тропического червя); рамбулье, м. (тонкорунная порода овец); сапажу́, м. (род цепкохвостых обезьян); фифи́, м. (зеленоногий кулик); фламíнго, м. (водяная птица); шимпанзé, м.;* возле других существительных

дается грамматическая характеристика их колеблющейся родовой принадлежности: *гну*, м. и ж. (*антилопа*); *гризли*, м. и ж. (*при обозначении самки животного*); *динго*, м. и ж. (*дикая собака*); *кенгуру*, м. и реже ж.; *киви-киви*, м. и ж. (*птица Новой Зеландии*); *колибри*, м. и ж.; *маго*, м. и ж. (*бесхвостая обезьяна*); *марабу*, м. и ж. (*птица из семейства аистовых*) [5. С. 104–110].

В «Современном словаре несклоняемых слов русского языка» И.Д. Успенской подавляющее большинство приводимых ранее в качестве примеров существительных снабжено пометой *м* и *ж*, отражающей равноправное существование родовых вариантов. Только слово *палоло* отнесено к мужскому роду [6. С. 286]. По мнению автора словаря, имеются графические варианты лексемы *альпага* и *альпакá*, причем основным признается последний. Лексико-семантические варианты дифференцируются по роду: в значении ‘домашнее парнокопытное животное рода лам’ слово имеет как мужской, так и женский род, в двух других значениях (‘ценная шерсть животного альпака’ и ‘один из сортов искусственной шерсти’) это слово женского рода. Также лексема *альпакá* имеет омоним мужского рода, обозначающий сплав меди, никеля и цинка [6. С. 31–32]. Двумя графическими вариантами (*киви*, *киви-киви*) представлено в этом словаре обозначение летающей птицы. Родовая характеристика данного существительного включает в себя женский, мужской и средний род. Слово-омоним *киви* (название вьющегося кустарника со съедобными плодами) обладает мужским и средним родом [6. С. 188]. В словаре Н.В. Соловьева для лексемы *киви* в значении ‘птица’ рекомендован только женский род, а в значении ‘дерево’ – только средний род [7. С. 266], скорее всего, для подчеркивания дифференциации этих омонимов посредством грамматической характеристики.

Наблюдение над проявлением родовой принадлежности несклоняемых слов в реальной речевой практике осложняется тем, что невелико количество контекстов, в которых прилагательные, местоимения-прилагательные, порядковые числительные, глаголы, причастия употреблялись бы с флексиями, указывающими на род существительного. Так, в газетном подкорпусе Национального корпуса русского языка имеется 23 текста с лексемой *альпака* (лама). Однако только в двух из них удалось определить родовую принадлежность существительного: (1) ***Спасенная альпака родилась около недели назад*** (Застрявшего детеныша альпаки выкопали из земли // Lenta.ru. 18.05.2016); (2) ***Попавшую на видео альпака зовут Корича*** (Фермер снял на видео «огненный пар» из пасти альпака // Lenta.ru. 16.01.2018). Родовая отнесенность лексем *динго* (собака) и *маго* (обезьяна) вовсе не выявлена вследствие отсутствия релевантных для определения рода контекстов. Найдено 2 примера, демонстрирующих разное родовое оформление лексемы *марабу* (аист): (3) ***Большой долговязый марабу до смешного похож на отставного служаку-сановника*** (Василий Песков. Птица во фраке // Комсомольская правда. 11.05.2001); (4) ***Другая***

марабу уже **преодолела** большое расстояние: она была замечена в небе над Севастополем (Из ялтинского зоопарка вырвались на волю марабу // Lenta.ru. 17.08.2009).

В распределении несклоняемых существительных по родам решающую роль может играть не **фактор традиции**, или фактор «влияния категориальной семантики» [8. С. 642] (рекомендации лингвистов при определении рода несклоняемых одушевленных существительных, называющих животных, отдавать предпочтение мужскому роду), а **фактор лексико-семантической аналогии**. Под его воздействием грамматический род более общего родового понятия (гиперонима) или соотносительного, близкого по значению слова, бывшего в русском языке до появления заимствованного слова, переносится на видовое понятие. К.С. Горбачевич называет этот фактор «косвенной, или, точнее, ассоциативной, мотивированностью рода» [9. С. 174], С.О. Савчук – лексико-семантическим фактором [8. С. 642], Е.В. Маринова – парадигматическим, или «внутрисистемным», фактором [1. С. 317]. Так, Д.Э. Розенталь, указывая на влияние родового понятия «птица», называет лексемы *колибри* и *киви-киви* двуродовыми, т.е. способными проявлять свойства мужского или женского рода в зависимости от контекста [10. С. 187]. Получается, что в случае с лексемой *марабу* говорящие могут ориентироваться на самое общее понятие «птица» и на более частное – «аист», из-за проблемы выбора между смежными понятиями род существительного *марабу* может быть определен и как женский (по аналогии с родом лексемы «птица»), и как мужской (по аналогии с родом лексемы «аист»). Лексема *киви* представлена в пяти текстах с родовой отнесенностью к мужскому роду, а в трех – к женскому. (5) *Тогда, как сообщалось, она была признана единственным в мире белым киви, который вылутился в неволе (Белой новозеландской киви подыскали бойфренда // Lenta.ru. 10.07.2012)* – этот пример наглядно демонстрирует имеющуюся даже в пределах одного текста конкуренцию родовых вариантов, возникшую в результате конфликта факторов: традиции и лексико-семантической аналогии.

Для лексемы *гризли* (медведь) в 141 тексте найдено 16 употреблений как слова мужского рода и ни одно – как женского: (6) *Видео заканчивается тем, что один гризли погнался другого в сторону оператора, сообщает телеканал «360»* (Схватка двух медведей гризли на дороге в Канаде попала на видео // Известия. 24.09.2019). Если речь идет о самке животного, авторы отдают предпочтение конструкциям типа *медведица гризли* или *самка гризли*: (7) *Нападение на человека совершила молодая самка гризли...* (В штате Монтана медведь загрыз мужчину // Vesti.ru. 29.07.2010). Вероятно, это связано не только с тем, что общее родовое понятие «медведь» является словом мужского рода, но и с тем, что в нашем представлении это крупное, опасное, непредсказуемое животное, способное нанести смертельный вред человеку, ассоциируется также со словом «зверь» в его прямом значении ‘дикое, обычно хищное животное’. Похожая ситуация имеется и с употреблением лексемы *кенгуру*, для которой в качестве общего родового

понятия может выступать слово «животное», однако в сознании русскоязычных говорящих эта лексема более прочно связана с мужским, а не женским родом. Нами выявлено 102 употребления ее как слова мужского рода (например: (8) *До конца не ясно, действительно ли **кенгуру** был агрессором в этой ситуации* (В сети похвалили избившего кенгуру австралийца // Lenta.ru. 05.12.2016); (9) ***Кенгуру** принял специфическую позу, которую пользователи истолковали как демонстрацию силы* (В сети обнаружили похожего на Путина кенгуру-качка // Lenta.ru. 13.10.2017); (10) *Жительница австралийского штата Виктория получила серьезные травмы лица после того, как во время выгула собаки ее **атаковал кенгуру** (**Кенгуру** изуродовал гулявшую с собакой женщину // Lenta.ru. 21.11.2019), 12 – как слова женского рода (например: (11) *Оказалось, в Челябинск **кенгуру** привезли уже беременной* (Инна Кумейко. Шимпанзе загорают, а леопарды уходят в тень // Комсомольская правда. 16.07.2008); (12) ***Бедная кенгуру**, несмотря на то, что сумка с отъевшимся отпрыском отвисает почти до земли, безропотно пускает его к себе* (Иоланта Качаева. Влюбилась зебра в кенгуру // Труд-7. 02.03.2002); (13) *По словам самого Лена Ричардса, у него сложилось впечатление, что **кенгуру** пыталась оказать ему первую помощь* (Кенгуру получит высокую королевскую награду // Lenta.ru. 29.04.2004) и всего 1 – как слова среднего рода: (14) *Зато в приморском ресторанчике дают за 605 рублей «**Кенгуру, тушенное в белом вине**»* (Сезон, откройся! // Аргументы и факты. 15.06.2005), и то в последнем случае речь идет уже о мясе животного. Даже описывая одно и то же происшествие (когда действия именно самки кенгуру способствовали своевременному оказанию первой помощи человеку, потерявшему сознание), журналисты разных изданий используют разное родовое оформление этой лексемы: ср. (15) ***Мужественная кенгуру** поспешила к дому Ричардсов и стала барабанить в дверь до тех пор, пока жена Леонарда не открыла ей* (В Австралии **кенгуру** спасла фермера и свою репутацию // Vesti.ru. 23.09.2003) и (16) ***Одноглазый кенгуру**, которого приютила семья австралийца, забарабанил лапами в дверь, и когда ее открыли, то **поскакал** в сторону дерева, под которым лежал пострадавший (**Одноглазый кенгуру** спас австралийца от смерти // Lenta.ru. 22.09.2003).**

Таким образом, реальная речевая практика содержит богатый материал для исследований, касающихся родовой принадлежности несклоняемых существительных, называющих животных, и уточнения действующей нормы.

Список литературы

1. Маринова Е.В. Варьирование рода новых иноязычных слов и проблема нормы // Acta Linguistica Petropolitana. Труды ин-та лингвистических исследований. 2012. № 3. С. 315–324.
2. Грамматика русского языка. Т. 1. Фонетика и морфология / Академия наук СССР, Ин-т языкознания. М.: Изд-во АН СССР, 1952.

3. Краткая русская грамматика / В.Н. Белоусов, И.И. Ковтунова, И.Н. Кручинина и др.; под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. 2-е изд., стереотип. М.: РАН, Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова, 2002.
4. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове): Учеб. пособие для вузов / Отв. ред. Г.А. Золотова. 3-е изд., испр. М.: Высшая школа, 1986.
5. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Словарь грамматических вариантов русского языка / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. М.: Астрель: АСТ, 2008.
6. Успенская И.Д. Современный словарь несклоняемых слов русского языка: ок. 3000 слов. М.: Астрель: АСТ, 2009.
7. Соловьев Н.В. Словарь правильной русской речи / Ин-т лингвистических исследований РАН. М.: АСТ: Астрель, 2008.
8. Савчук С.О. Корпусное исследование вариантов родовой принадлежности имен существительных в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: по матер. ежегодной междунар. конф. «Диалог» (Бекасово, 25–29 мая 2011 г.). № 10 (17). М.: Изд-во РГГУ, 2011. С. 627–644.
9. Горбачевич К.С. Нормы современного русского языка: Пособие для учителей. М.: Просвещение, 1978.
10. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке: Для работников печати. 5-е изд., испр. М.: Книга, 1989.

Е.А. Boltovskaya

Mogilev State A. Kuleshov University (Mogilev, Republic of Belarus)

THE VARIABILITY OF GENERIC CHARACTERISTICS OF INDECLINABLE COMMON NOUNS NAMING ANIMALS

***Abstract.** Based on a comparison of the information extracted from orthological sources of the middle of the 20th – early 21st centuries (grammars, dictionaries, reference books, textbooks), representing the norms of the modern Russian literary language in the prescriptive aspect, and the data drawn from the newspaper subcorpus of the National Corpus of the Russian Language, reflecting the actual word usage, the author identifies and characterizes various approaches to the description of the generic affiliation of indeclinable animate common nouns naming animals, as well as to the establishment of factors influencing the gender distribution of unchangeable words of this thematic group. The results of the study can be applied in the process of teaching speech culture, morphology, history of the Russian literary language.*

***Keywords:** dynamics of morphological norm, indeclinable nouns, noun's generic affiliation.*

Е.Г. Борисова

Московский городской педагогический университет,
Государственный академический университет гуманитарных наук (Москва)

КРАТКАЯ ФОРМА ПРИЛАГАТЕЛЬНОГО: КАК ОПИСЫВАТЬ КАТЕГОРИЮ В ДИНАМИКЕ

Аннотация. В статье делается попытка презентации теоретической модели описания грамматической категории, которая находится в особой позиции с точки зрения своего развития. В частности, берется категория русского языка «краткая – полная форма прилагательного», представляющая собой реликт, во многих (но не во всех) случаях не формирующая оппозицию и допускающая весьма часто замену одной формы на другую без изменения смысла высказывания. С опорой на предшественников и на собственный опыт преподавания русского языка как иностранного автор предлагает формулировку содержания категории как оппозицию двух логических действий: предцирование признака (краткая форма) и включение в множество носителей такого же признака (полная форма, то же и для существительных). Поскольку обе операции могут дать очень схожий результат (относиться к множеству – тоже признак), во многих случаях происходит взаимозамена, что ведет к слиянию членов оппозиции и превращению в варианты одного значения. Однако некоторые условия (зависимые дополнения, выделение частицей «и») допустимы только для одного варианта, связанного с предцированием. В статье демонстрируется модель представления меняющегося содержания оппозиций, ранее названного «фасцилляцией» и рассмотренного для появления новых противопоставлений. В данном случае показано, как она работает в прямо противоположной ситуации – слияния (неполного) ранее противопоставленных значений.

Ключевые слова: грамматическая категория, динамика грамматической системы, фасцилляция, расщепление признака, слияние признаков, краткие прилагательные.

Статья посвящена моделям описания категории прилагательных «краткая – полная форма» в современном русском языке. Нам доводилось писать о глагольном виде как категории, у которой есть признаки развития [1]. В случае же с краткой формой перед нами очевидный реликт. Как известно, в древних славянских языках: древнеболгарском (старославянском), древнерусском и других – оппозиция краткое – полное прилагательное была живой категорией с регулярным формообразованием. Полная форма образовывалась за счет присоединения форм указательного местоимения, что вызывало аналогии с артиклем и заставляло предположить, что перед нами категория определенности. Впрочем, убедительных интерпретаций реальных

случаев в старославянском тексте представлено не было: возможно, к времени создания письменных текстов категория изменилась.

В более поздних славянских языках противопоставление краткой и полной форм исчезло везде, кроме современного русского языка. Однако и там краткая форма заметно изменила свой характер. Описания в практических пособиях показывают ее вырожденный характер. Тем не менее она еще не ушла во фразеологизмы и речения, как некоторые причастные формы *сумняшеся* (там, где это произошло, говорят об усеченной форме: *красна девица*).

Данная статья имеет целью показать возможности использования модели развития грамматических противопоставлений (фасцилляции) в рамках категорий на разных этапах развития этих категорий.

Краткая форма прилагательного в современном русском языке. В русских грамматиках, а также в специальных трудах, ей посвященных [2–5], отмечаются следующие свойства краткой формы в противопоставлении полной. Краткая форма образуется почти исключительно от качественных прилагательных: *силен, забавен, блестящ*. Однако есть исключения, возможна краткая форма от большинства обозначений цветов: *бел, черен, зелен* (но не *бежев*). Кроме того, встречаются и другие относительные прилагательные в краткой форме:

(1) *Лист смородины груб и матерчат* (Б. Пастернак).

Однако такие случаи скорее исключение, возможно, связанные с поэтическими приемами. Впрочем, в [2] приведено немало подобных примеров.

Краткая форма используется только в функции сказуемого (в определительной функции явно появляются только узуально закрепленные слова, поэтому их относят к особой – усеченной – форме: *добры молодцы, калена стрела*). Однако чаще всего сказуемым могут стать обе формы, что отражается в речи, текстах и грамматических описаниях.

Тем не менее имеются ограничения как лексического, так и грамматического характера. В первую очередь отметим лексические свойства противопоставления: у некоторых лексем краткая форма обозначает временный признак, а полная постоянный [2]: *Он болен* (сейчас) – *Он больной человек* (слабый, страдающий хронической болезнью). Схожим образом отмечают противопоставление *здоров – здоровый*. Сюда же *жив – живой*:

(2) *Он еще жив? Я думала, уже давно классик, только в учебниках*.

Форма *живой* имеет дополнительный оттенок ‘бодрый’, который встречается в определительном употреблении.

На этом развитие нового значения только у одной формы практически исчерпывается, хотя оттенок «сейчас – всегда» в противопоставлении встречается и в других случаях (однако скорее как проявление содержания грамматической оппозиции).

Что касается грамматических ограничений на употребление одной формы, то наиболее строгим оказывается (после самого принципа использования

только в качестве предиката) требование краткой формы при наличии зависимых членов предложения, ограничивающих проявление признака:

(3) *Он был красив сдержанной мужской красотой.*

Описание условий употребления краткой и полной форм в рамках грамматических моделей. Как мы видим, при довольно широко декларируемой взаимозаменяемости ограничения на выбор краткой или полной форм достаточно заметны и в немалом числе работ перечислены. При этом и не полная синонимичность тоже кажется очевидной, хотя описание различий в оттенках значения оказывается, как сказано в [6], трудноуловимым. Возможно, это интуитивно ощущаемое различие может быть эксплицировано, если мы сможем дать грамматическую интерпретацию краткой и полной форм.

Итак, отметим, что в большинстве случаев, когда краткая форма обязательна, ее употребление имеет некоторые черты предиката, в частности отмеченное выше ограничение признака зависящими от прилагательного дополнениями, что является характерным для глагола (хотя не исключается и для имен); см. пример 3, а также:

(4) *Трактовка образа неожиданна для старшего поколения.*

Выше говорилось о связи с понятием времени (временный признак – у кратких форм). Однако наиболее показательным мы считаем употребление прилагательных с частицей *и*: при употреблении с существительным и полным прилагательным нужно вставить связку *есть*, тогда как с краткой формой вставка не нужна и даже нежелательна: См.:

(5) *Дай красный карандаш. – А это и есть красный.*

Получается, что краткая форма ведет себя как носитель предикативности, в то время как для полной формы, как и для существительного, необходимо дополнительное эксплицитное выражение предикативности глаголом *быть* (в обычных случаях опускаемым).

Все это заставляет считать, что прилагательные в разных формах выполняют разные – с позиций логического анализа и синтаксиса – функции. Прилагательное в полной форме обозначает – как и существительное – принадлежность к классу понятий: *он красивый*, как и *он красавчик*, означает утверждение о принадлежности к классу красивых (предикация возложена на нулевую связку, воплощаемую в определенных синтаксических условиях).

В то же время краткая форма ведет себя как глагол: она сама может осуществлять предикативацию (появление связки в другом времени связано именно с передачей времени). В таком случае нередко говорят, что так – через приписывание свойства, а не отнесения к множеству – осуществляется характеристика. Подобная точка зрения высказывалась в различных работах, в частности в [3].

Заметим в скобках, что в некоторых языках возможно поведение прилагательных как имен существительных. В других прилагательное демонстрирует сходство с глаголом.

В большинстве случаев и отнесение к множеству может восприниматься как характеристика, поэтому краткая и полная формы в предикативной позиции в большинстве случаев оказываются взаимозаменяемыми. Отмечаются стилистические различия: краткая форма представляется более книжной, в основном, видимо, потому что в последние 200 лет идет вытеснение кратких форм, замена более привычными полными прилагательными (кроме указанных выше случаев, где краткая форма оказывается носителем реликтовых грамматических правил); ср. пушкинское:

(6) *Ребенок был резов, но мил.*

Место модели, описывающей краткие и полные прилагательные, среди грамматических структур. Описание противопоставления кратких и полных прилагательных отличается фрагментарностью, периферийностью, необязательностью – часто в предикативной позиции возможны оба варианта. Тем не менее в отдельных случаях появление определенной граммемы все еще является необходимым, что не дает вычеркнуть эту оппозицию из числа грамматических или свести ее к лексикализации и узуализации.

Поэтому грамматическая теория должна предусматривать аппарат не только для грамматического ядра – категорий с устоявшимися противопоставлениями и средствами их выражения, – но для явлений, когда категория находится в периоде становления или распада. Для обоих случаев может подойти модель, включающая в себя динамику – объединение некоторых признаков и, наоборот, расщепление одного. Такая модель была описана в нашей работе, посвященной предикативности в русском языке, где показывалось, что категория предикации в какой-то момент может расщепляться на речевое действие (создание утверждения), средство сообщения информации (тема-рематическая структура) и др. [7].

В случае с противопоставлением краткой и полной форм в историческом плане были более сложные движения, которые практически не зафиксированы в письменных памятниках (категория определенности). В современном русском языке у нас остается противопоставление в предикативной функции, в которой мы видим попытки слияния обеих форм вплоть до статуса вариантов, за исключением нескольких контекстов, в которых исходный признак одного из членов оппозиции – операция приписывания признака – сохраняется благодаря наличию единиц, характеризующих именно данную операцию. К таким контекстам относятся дополнения, ограничивающие признак:

(7) *Папа у Васи силен в математике.*

Ограничить можно только приписываемый признак, но не факт принадлежности к множеству, что характеризует полную форму прилагательного.

Вторым таким контекстом оказывается эмфатическое выделение предикативности при помощи частицы *и*, которая не требует восстановления связки *есть*, т.к. предикативность все еще сохраняется в краткой форме.

Таким образом, мы можем утверждать, что наблюдается процесс, обратный расщеплению: сливаются признак «принадлежность к множеству» и признак «приписывание признака». Основания для слияния очевидны: принадлежность к множеству может быть тем признаком, который приписывается. И в большинстве языков – даже восточнославянских – мы видим полное совпадение этих двух операций. Однако для русского сохраняется возможность «отщепления» признака характеристики при его подкреплении некоторыми факторами.

Итак, мы видим противопоставление краткой и полной форм на нескольких этапах развития русского языка. Самый ранний (и практически не изученный) период – противопоставление определенности (полная форма) – неопределенности (краткая). В отношении более позднего периода в целом можно говорить о противопоставлении «приписывание признака – отнесение к множеству, обладающему данным признаком». Эти признаки близки и могут объединяться. Для описания такой промежуточной ситуации необходимо использовать грамматическую модель, отражающую некоторые диахронические особенности ситуации. В частности, она должна учитывать возможность совпадения некоторых граммем или их значений и возможность сохранения противопоставлений.

Именно такую модель процесса, называемого нами фасцилляцией (расщепление и объединение в пучки), мы применяем для описания особенностей поведения краткой формы прилагательного. Мы признаем, что противопоставление в предикативной позиции основных свойств полных (принадлежность к множеству) и кратких (приписывание признака) прилагательных в целом слилось, однако в некоторых контекстах, требующих характеристики, признак «приписывание признака» способен отделиться от единого пучка признака «сообщение о наличии свойства».

Список литературы

1. Борисова Е.Г. Динамическая модель для описания грамматических явлений. Русский глагольный вид // Русистика и компаративистика: Сб. научн. трудов по филологии. М.: Книгодел, 2019. С. 152–162.
2. Всеволодова М.В. О грамматике полных и кратких форм прилагательных и причастий в русском языке // Вопросы языкознания. 2013. № 6. С. 3–32.
3. Гиро-Вебер М. Бисинхронный метод описания прилагательного в предикативной позиции в современном русском языке // Теория функциональной грамматики. Качественность. Количественность / А.В. Бондарко (ред.). СПб.: Наука, 1996. С. 65–79.

4. Казавчинская Н.А. Функции кратких и полных форм прилагательных в позиции предиката в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Тарту, 1989.

5. Котов А.А. Семантическое противопоставление полных и кратких предикативных прилагательных в русском языке // Учёные записки Орловского государственного университета. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2014. № 5 (61). С. 235–242.

6. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира: Учеб. пособие. М.: РГГУ, 2011.

7. Борисова Е.Г. Предицирование и предикативность (по данным русских усилительных частиц) // Язык и мир. К 100-летию со дня рождения Н.Д. Арутюновой. М.: Институт языкознания РАН, 2024 (в печати).

E.G. Borisova

Moscow City University, State Academic University for the Humanities
(Moscow)

SHORT ADJECTIVES IN RUSSIAN: AN APPROACH TO DESCRIBING GRAMMAR CATEGORIES IN CRUCIAL PERIODS OF THEIR EXISTENCE

***Abstract.** The article demonstrates an attempt of representing a model of the description of a grammar category that can be placed in the crucial point of its development: it is disappearing. As an example, Russian category “short or a full form of an adjective” is taken. In many (still not all) cases one grammeme can be replaced by another taking in consideration the proper investigations and the results of other researchers the author proposes the following interpretation of this category: short form denotes predicting a characteristic and the full form marks that the characteristic belongs to some set. As the both operations can have the similar result, as belonging to a set is also a characteristic, the both forms can often replace one another that provokes the neutralization of the grammar opposition. Still in some contexts (emphasizing by the particle “i”, some complements) are correct for the short form only. The article presents a model of changing the content of grammar oppositions called “fascillation”.*

***Keywords:** grammar category, changing the grammar system, fascillation, split of the characteristics, short form of adjectives.*

А.В. Величко

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

ФРАЗЕОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ПРЕДЛОЖЕНИЯ С ЛЕКСИЧЕСКИМИ ПОВТОРАМИ

***Аннотация.** Статья посвящена рассмотрению предложений фразеологизированной структуры. Они отражают специфику проявления свойства фразеологичности в основной синтаксической единице языка – в предложении, поэтому такие предложения привлекают внимание многих лингвистов. В статье даётся определение предложениям фразеологизированной структуры, определяется их значение. Отмечается их связь с речевым общением и специфика, сущность их функционирования в этом процессе: они предназначены для выражения говорящим отношения к полученной информации. В общем классе фразеологизированных предложений (свыше 50 структур) выделяется группа фразеологизированных предложений с лексическими повторами (с тавтологией), которые являются в данной статье объектом более детального рассмотрения. Отмечается их отличие от предложений фразеологизированной структуры без лексических повторов. В конце статьи перечисляются те аспекты, которые важны для более полного, глубокого их понимания.*

***Ключевые слова:** фразеологизм, фразеологизированное предложение, тавтология, постоянный компонент, переменный компонент, речевое общение, фатическая роль, реакция на сообщение, субъективная модальность.*

Тавтология, специальное повторение единиц языка – одно из активных явлений в русском языке; оно проявляется на всех уровнях языка. Объектом рассмотрения в данной статье являются синтаксические конструкции с лексическими повторами, такие как *Лес как лес; Студент есть студент; Вот праздник так праздник; Всем цветам цветы; Ехать так ехать* и т.д.

Такие конструкции связаны с явлением фразеологичности в синтаксисе; они относятся к предложениям фразеологизированной структуры, составляют определенный сегмент этой системы. Чтобы определить суть таких конструкций с тавтологией (далее мы называем их фразеологизированными предложениями с лексическими повторами), кратко поясним, в чем суть предложений фразеологизированной структуры.

Предложения фразеологизированной структуры, фразеологизированные предложения (ФП) – это особый вид фразеологизмов, отличающийся как от лексических фразеологизмов, так и от синтаксических фразеологизмов непредложенческого характера. Они отражают специфику

проявления свойства фразеологичности в основной синтаксической единице – в предложении. Как отмечается в «Русской грамматике» (1980), в этих предложениях «словоформы связываются друг с другом идиоматически, не по действующим синтаксическим правилам...» [1. С. 383], а «Краткая русская грамматика» подчеркивает: «Фразеологизированными называются предложения с индивидуальными отношениями компонентов и с индивидуальной семантикой» [2. С. 459].

Такие построения привлекают внимание многих лингвистов. См., в частности, указанные работы [1–5].

Специфика ФП в том, что они имеют двойственную грамматическую природу: они сформировались и существуют как фразеологизированные построения и в то же время характеризуются основными грамматическими признаками предложения. В соответствии с этим их образуют компоненты двух видов – **постоянные** и **переменные**.

Постоянные компоненты – это служебные слова, которые утратили или значительно ослабили свое лексическое значение, а также свои грамматические признаки. Они определяют конфигурацию, структурную «рамку» предложения и представляют его значение, т.е. являются конструктивно и семантически образующими.

Переменные компоненты – это знаменательные слова той или иной части речи со свободным лексическим наполнением. Таким образом, ФП частично воспроизводятся, частично строятся, и, следовательно, по одной модели может быть построено множество конкретных высказываний одного фразеологического значения, но разного содержания, ср.: *Как не пойти – Как не купить – Как не залюбоваться – Как не помочь; Тоже мне город – Тоже мне близко – Тоже мне умный – Тоже мне выступил.*

Все ФП обладают предикативностью (*Вот это праздник – Вот это был (будет, был бы) праздник*). При реализации в устной форме они получают интонационное оформление.

Класс ФП велик. Нами выделено более 50 ФП, и среди них – 13 видов предложений с лексическими повторами, которые рассматриваются далее, во второй части статьи. Здесь ставится цель показать и другие признаки, свойства этих предложений как единиц общего класса ФП.

Фразеологизированные предложения с лексическими повторами, как и все ФП, непосредственно связаны с речевым общением и являются специфическими коммуникативными единицами. Они выполняют в процессе общения фатическую, контактную функцию, выражают отношение говорящего к содержанию полученной информации, т.е. передают разные значения субъективной модальности. Это интеллектуально-эмоциональная реакция говорящего на сообщение, а не само сообщение, это способ по-своему интерпретировать полученную информацию. Таким образом, они

тесно связаны с содержанием обсуждаемого, участвуют в смысловой организации коммуникативного текста. ФП выражают следующие значения субъективной модальности и их оттенки:

1. Оценка: а) положительная оценка: 1) *Всем праздникам праздник*; 2) *Вот это подарок так подарок*; 3) *Реликвия из реликвий*; б) оценка как соответствие норме: 4) *Цветы как цветы*; *Город как город*; 5) *Город и город*;

2. Согласие, принятие – отрицание: а) согласие: 6) *Ехать так ехать*; *В цирк так в цирк*; *Завтра так завтра*; 7) *Студент есть студент*; *Работа есть работа*; б) отрицание 8) *Ей сон не в сон*; *Ему жизнь не в жизнь*; *Мне беда не беда*;

3. Множественность и разнообразие: 9) *Бывают встречи и встречи*; *Есть друзья и друзья*; *Существуют проблемы и проблемы*; 10) *Традиции традициям рознь*; *Двойка двойке рознь*;

4. Обусловленность: 11) *Приехать-то брат приехал, но через неделю уезжает*; *Купить-то книгу я не купил, но взял ее в библиотеке*; 12) *Работа работой, а отдыхать тоже надо*; 13) *Я завтра же, да что там завтра, сегодня вечером отнесу ей книгу* [3. С. 125–129; 4. С. 15–16].

Отмечается широкий коммуникативный потенциал ФПП. Основная сфера их функционирования – устная разговорная речь, обыденное общение [5]. Однако, поскольку они относятся к КЛЯ, они активно используются в разных функциональных разновидностях языка, в том числе в публицистике и в художественной литературе.

В заключение обозначим вопросы, проблемы, исследование которых важно для более полного и адекватного представления ФПП. Таковы вопросы о возможной вариативности построения ФПП, о закономерностях лексического выражения повторяющегося компонента, о дополнительных семантических оттенках, возникающих при повторяемости. Актуальным остается вопрос о наличии сходных ФПП в других языках.

Список литературы

1. Русская грамматика. В 2-х томах. Т. 2. Синтаксис. М.: Наука, 1980.
2. Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Русский язык, 1989.
3. Величко А.В. Предложения фразеологизированной структуры в русском языке. Структурно-грамматическое и функционально-коммуникативное исследование. М.: МАКС Пресс, 2016.
4. Величко А.В. Когда есть о чем поговорить, или Предложения фразеологизированных структур в русской речи. СПб.: Златоуст, 2016.
5. Шведова Н.Ю. О некоторых типах фразеологизированных конструкций в строе русской разговорной речи // Вопросы языкознания. 1958. № 2. С. 95–100.

A.V. Velichko

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

PHRASEOLOGICAL SENTENCES WITH LEXICAL REPEATS

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of sentences of phraseological structure (PS). They reflect the specific manifestation of the property of phraseology in the basic syntactic unit of language - the sentence, which is why such sentences attract the attention of many linguists. The article defines PSs and determines their meaning. Their connection with speech communication and the specificity and essence of their functioning in this process are noted: they are intended to express the speaker's attitude to the information received. In the general class of phraseological sentences (over fifty structures), a group of phraseological sentences with lexical repetitions (with tautology) is distinguished, which are the object of a more detailed consideration in this article. Their difference from PSs without lexical repetitions is noted. At the end of the article, those aspects and problems that are important and necessary for a more complete, in-depth understanding are listed and indicated.*

***Keywords:** phraseological unit, phraseological sentence, tautology, constant component, variable component, verbal communication, phatic role, reaction to a message, subjective modality.*

С.Н. Виноградов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижегород)

МОРФОЛОГИЧЕСКАЯ НЕИЗМЕНЯЕМОСТЬ КАК ГРАММАТИЧЕСКОЕ СВОЙСТВО СЛОВ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Анализируется неизменяемость некоторых единиц современного русского языка в свете их морфологических свойств. Полной или частичной морфологической неизменяемостью обладают атрибутивные неизменяемые элементы, категория состояния, наречия, а также инфинитив и «слова на -о» различной морфологической принадлежности. Атрибутивные неизменяемые элементы формируются как специфическая языковая единица, которая не обладает в полной мере ни свойствами слова, ни свойствами морфемы, а рассматриваемая как слово, может относиться к разным частям речи. Категория состояния обладает признаковой семантикой, синтаксически выражая признаки носителя состояния и ситуации. «Слова на -о» могут быть разными частями речи (кратким прилагательным, наречием, категорией состояния) и употребляться в предложениях разной структуры. Синкретизм значений и функций конечной морфемы -о – следствие полной или частичной морфологической неизменяемости «слов на -о». Морфологически неизменяемые единицы участвуют в формировании специфической подсистемы языка, в которой слова, словоформы и части речи претерпевают качественные изменения.

Ключевые слова: морфологическая неизменяемость, атрибутивные неизменяемые элементы, категория состояния, наречия, «слова на -о», синкретизм значений и функций.

Будучи языком синтетического типа, современный русский язык тем не менее содержит неизменяемые слова и целые грамматические классы неизменяемых единиц, которые играют большую роль в его морфологической системе. Степень изменяемости слов, т.е. возможность иметь формы словоизменения, варьируется в широких пределах. Системные свойства морфологически изменяемых и морфологически неизменяемых единиц качественно различаются. Грамматическая неизменяемость рассматривается как одно из специфических свойств языковых единиц [1]. Проблематику системных свойств неизменяемых единиц можно условно обозначить несколько оксюморонным выражением «морфология неизменяемых слов». Поэтому изучение «неизменяемых слов» как морфологической подсистемы является актуальным и теоретически значимым.

По-видимому, неизменяемые слова могут образовать некоторую относительно изолированную морфологическую подсистему языка. При рассмотрении системообразующей роли неизменяемых единиц следует

учитывать размытость границ грамматических классов в «естественной» классификации, градуальный характер грамматичности [2. С. 39].

Материалом исследования послужили атрибутивные неизменяемые элементы, наречия, категория состояния. В процессе исследования принималось во внимание свойство частичной неизменяемости у таких словоформ, как краткие прилагательные и инфинитив. В качестве источника изучаемого материала использовались в основном факты речевого употребления указанных единиц из Национального корпуса русского языка [3].

Целью статьи является рассмотрение морфологической неизменяемости (далее просто неизменяемости) некоторых классов слов современного русского языка в свете их морфологических свойств.

При исследовании были использованы общенаучные и общелингвистические методы наблюдения и описания, методики внутриязыкового сопоставления, трансформации, оппозитивного и когнитивного анализа.

Атрибутивные неизменяемые элементы (АЭ), не имеющие форм словоизменения и грамматических показателей числа, падежа и рода, в плане их морфологической структуры в русском языке не являются прилагательными. АЭ давно являются предметом наблюдения. В частности, М.В. Панов описал разнородные примеры неизменяемых элементов, назвав их аналитическими прилагательными (или аналит-прилагательными; заметим, что первая часть этого термина является типичным неизменяемым атрибутивным элементом) [4]: *коми литература, киносценарий, блиц-конкурс, чудо-молот, супермозг, х-лучи, госучреждение, лесозаготовки* (в данных примерах АЭ находится в препозиции к определяемому слову), *язык хинди, цвет беж, программа-минимум, страница сто двадцать пять, яйцо всмятку* (в этих примерах АЭ находится в постпозиции к определяемому слову). Примеры, приводимые М.В. Пановым, весьма информативны и позволяют проследить наметившиеся особенности АЭ.

Свободное перемещение языкового элемента в предложении и словосочетании – одно из проявлений того, что он является самостоятельным словом. «Степень свободы», «степень отдельности» могут варьироваться в широких пределах. Минимальное значение этих свойств – у морфем в составе слова, максимальное – у слов в составе свободного словосочетания. В связи с этим рассмотрим «слова» (единицы), занимающие промежуточное положение на шкале между словом и словосочетанием.

В словах *экс-президент, суперкризис, ультраправые, псевдооткрытие* (примеры М.В. Панова) первый элемент их морфемной структуры выполняет атрибутивную функцию. Части слов *экс-*, *супер-*, *ультра-*, *псевдо-* по месту в слове являются префиксами. Но эти АЭ могут употребляться в разговорной речи как слова разных частей речи (главным образом существительные). Примеры с элементом *экс-* из [3]: (1) *...серебряная охотничья фляга (одолженная у одного из моих «экс-») будет практичней, нарядней – да и уместней* (Марина Палей. День саламандры. 2008); (2) *Мне 21,*

мой экс – мой ровестник (написание сохранено. – С.В.), «ухажёру» – 25 (Женщина+мужчина. Психология любви (форум). 2004). В данных примерах неизменяемый элемент *экс*, будучи словом, сохраняет значение ‘бывший’. Элемент *супер* активно используется как слово, причём относящееся к разным частям речи: (3) *Аэропорт Ичхон близ Сеула – супер, конечно* (Олег Копытов. Скворец прилетает редко // Сибирские огни. 2012); (4) *Это означает, что действовали или недоучки, или осколки банды, или оперативники сработали супер* (Владимир Емельяненко. Террор в камуфляже // Русский репортёр. 2014). Имеются примеры с элементами *ультра-* и *псевдо-*, превратившимися в слова: (5) *Наша Эсси даже в этой среде была ультра!* (Василий Аксёнов. Круглые сутки нон-стоп // Новый мир. 1976); (6) *Сложное оборудование – ультрацентрифуги, термостаты (тоже ультра), спектрографы и гейгеры – находится за сопкой, в лабораторном корпусе* (Еремей Парнов. Гимн морским ежам // Юность. 1969); (7) *Это – псевдо, – одним дыханием, без голоса добавила она* (Александр Солженицын. В круге первом. Т. 1. Гл. 26–51 // Новый мир. 1990); (8) *...я делю современную русскую литературу на хорошую, настоящую, и плохую, «псевдо», эрзацную, поддельную* (Наталья Иванова. Ut picture poesis // Знамя. 2001).

Данные примеры свидетельствуют, что АЭ могут иметь свойства морфем и слов русского языка, но не обладают полным набором свойств этих типов языковых элементов. По сравнению со словами их место в высказывании обычно более строго закреплено, по сравнению с морфемами они могут выступать как самостоятельные слова (с некоторыми оговорками: у них отсутствуют морфологическая изменяемость и, по-видимому, некоторые особенности синтаксической сочетаемости, характерные для типичных русских слов). Всё это позволяет сделать предположение о качественном своеобразии АЭ по сравнению со словами и морфемами.

В тех случаях, когда АЭ ведёт себя как слово, можно обнаружить нечёткость, колебания в частеречной отнесённости данного АЭ. Например, в техническом тексте, при общей активности морфологически неизменяемых номинативных единиц, широко распространено использование этих единиц для выражения атрибутивных отношений. При этом АЭ может стоять как в препозиции, так и в постпозиции к определяемому слову. Например, элемент *УКВ* (аббревиатура словосочетания *ультракороткие волны*) активен при образовании специальной лексики. В препозиции он выражает определение: *УКВ-приёмник, УКВ-диапазон, УКВ-антенна, УКВ-радиостанция* и т.д. Но при использовании в постпозиции данный элемент может выступать и как определение, и как дополнение: *антенна (какая? чего?) УКВ* [5]. Препозиция и постпозиция конкурируют в выражении смысловых отношений, и при этом на первый план выходит не частеречная принадлежность, а выражаемое смысловое отношение. По-видимому, в современном русском языке неизменяемые слова вообще имеют склонность

к частеречному синкретизму (ср. приведённые выше примеры со словами *супер* и *псевдо*, где данные элементы могут иметь свойства существительных, прилагательных, наречий). Таким образом, при использовании АЭ может нейтрализоваться не только противопоставление слова и морфемы, но и противопоставление разных частей речи. Появление большого количества «полифункциональных слов» [6. С. 41–42], выступающих в функции существительных, прилагательных, наречий (*общаться в онлайн, заказ онлайн, будь онлайн*), вообще характерно для активных процессов в современном русском языке.

Рассмотренные примеры свидетельствуют о том, что АЭ формируется как специфическая языковая единица, которая не обладает в полной мере ни свойствами слова, ни свойствами морфемы, а будучи словом, может относиться к разным частям речи. То, что объединяет все АЭ, – обобщённая семантика атрибута и морфологическая неизменяемость. Возможно, по мере развития аналитических свойств языка сформируются и другие свойства АЭ.

Категория состояния (КС). В соответствии с целью статьи, наш интерес к КС обусловлен её морфологической неизменяемостью, отнесённостью к группе неизменяемых слов. Будем придерживаться традиционно принятого понимания КС: это неизменяемая часть речи, имеющая категориальное значение состояния, выступающая в роли сказуемого в безличном предложении, иногда способная употребляться с примыкающим инфинитивом и управлять дательным падежом именной части речи со значением носителя состояния.

Семантика состояния предполагает явное или неявное наличие носителя состояния (объекта, явления или процесса), который находится в этом состоянии, испытывает это состояние. Эта семантика состояния сближается с семантикой признака, т.к. признак предполагает наличие его носителя.

Если ‘носитель или субъект состояния’ – грамматическое значение, то каковы его формальные средства выражения? В самом слове КС таких средств нет по причине его неизменяемости. Средства выражения носителя (субъекта) состояния носят синтаксический характер. В предложении, содержащем КС, субъект состояния может выражаться существительным (или местоименным существительным) в дательном падеже субъекта состояния, например: (9) *Нам весело работать под музыку*. Состояние или положение, являющееся объектом оценки, может выражаться инфинитивом, сказуемым на его основе, словосочетанием с главным словом-инфинитивом: (10) *Хорошо плыть ночью по реке* (М. Горький). В предложении могут быть оба объекта характеристики (субъект состояния и ситуация), которые характеризуются одним и тем же словом КС: (11) *Хорошо вам радоваться, а мне так, право, грустно, как вспомню* (М.Ю. Лермонтов) (КС *хорошо* характеризует субъекта состояния *вы* и одновременно – ситуацию *радоваться*).

Существуют предложения, формально содержащие КС, но выражающие носитель (носителя) состояния и само состояние в синтаксической структуре, подобной структуре предикативного центра двусоставного предложения. Предложения такой синтаксической структуры содержат неизменяемые «слова на -о» [7. С. 94–95]. Например: (12) *Весьма **непросто** жить по заповедям*. Если *непросто* – слово КС, то сказуемое здесь выражено словом *непросто* и примыкающим к нему инфинитивом *жить*. Тогда данное предложение является односоставным безличным. В нём выражена ситуация «жить по заповедям», характеризуемая словом КС. С точки зрения смысла предложения в нём присутствует характеризуемая ситуация и характеризующий признак. Поэтому данный смысл можно выразить с помощью двусоставного предложения, в котором есть грамматические субъект и предикат: *Жить по заповедям весьма **непросто***. Субъект выражен инфинитивом *жить* или словосочетанием с главным словом-инфинитивом, а предикат – кратким прилагательным *непросто*. Как известно, инфинитив может выступать в функции подлежащего. Это обусловлено отсутствием у него многих частных морфологических категорий глагола – наклонения, лица, времени. Вследствие этого инфинитив способен обозначать процесс не морфологическими средствами, а лексическим значением, подобно отвлечённому существительному. Ср. возможную трансформацию грамматической конструкции с подлежащим-инфинитивом: *Учиться всегда пригодится*. – *Учение всегда пригодится*. В функции подлежащего у существительного есть отношение к падежу, но нет изменений по падежам. В этом аналогия между существительным и инфинитивом в функции подлежащего (глагольная форма, так же как и существительное, в этой функции не нуждается в грамматических изменениях).

В рассмотренном двусоставном предложении слово *непросто* является кратким прилагательным среднего рода. Слово, от которого зависит данное прилагательное, лишено рода. В таких случаях прилагательному не с чем согласовываться. Но оно должно иметь род, и выбирается именно средний род. В данном двусоставном предложении форма прилагательно-сказуемого неизменяема, т.к. не может иметь ни полной формы, ни множественного числа, ни другого рода, ни падежных форм. Значит, в данном предложении морфологически неизменяемым является не только подлежащее, выраженное инфинитивом, но и «слово на -о».

Перечисленные свойства слова *непросто* в данном предложении отражают семантико-грамматический синкретизм данного слова. Морфологическая неизменяемость языковых единиц в подобных предложениях ведёт к изменению системы частей речи, в которую включены «слова на -о». Меняются и синтаксические функции, и категориальное значение, и морфологические признаки: конечная морфема *-о* имеет свойства флексии

прилагательного и одновременно свойства словообразовательной морфемы, образующей неизменяемое слово (наречие, слово КС) от основы прилагательного. Синкретизм значений и функций конечной морфемы *-o* – ещё одно следствие морфологической неизменяемости слов.

Таким образом, полностью или частично морфологически неизменяемая языковая единица участвует в формировании некоторой особой подсистемы языка, морфология которой имеет свою специфику.

Список литературы

1. Бондаревский Д.В. Неизменяемость – ключевое явление аналитизма // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 7 (188). Филология. Искусствоведение. Вып. 41. С. 8–12.
2. Плунгян В.А. Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2011.
3. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru>.
4. Панов М.В. Об аналитических прилагательных // Фонетика. Фонология. Грамматика. К 70-летию А.А. Реформатского. М.: Наука, 1971. С. 240–253.
5. Виноградов С.Н. Морфологически неизменяемые языковые элементы, выражающие атрибутивные отношения // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 6. Ч. 2. С. 51–53.
6. Новые тенденции в русском языке в начале XXI века: Кол. монография / под ред. Л.В. Рацибурской. М.: ФЛИНТА, Наука, 2014.
7. Лингвокогнитивные аспекты изучения национальных концептосфер в синхронии и диахронии: Кол. монография / Е.М. Маркова, Т.Б. Радбиль, Л.В. Рацибурская, Л.И. Ручина и др.; под ред. Л.В. Рацибурской. Нижний Новгород: Изд-во ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2020.

S.N. Vinogradov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod)

MORPHOLOGICAL INVARIABILITY AS A GRAMMATICAL PROPERTY OF WORDS IN THE RUSSIAN LANGUAGE

***Abstract.** The morphological immutability of some units of the modern Russian language is analyzed in the light of their morphological properties. Attributive immutable elements, predicative adverbs, adverbs, as well as infinitives and “words ending with -o” of various morphological affiliations have complete or partial immutability. Attributive immutable elements is formed as a specific*

linguistic unit, which does not fully possess either the properties of a word or the properties of a morpheme, and if considered as a word, it can be different parts of speech. The predicative adverbs has attribute semantics, syntactically expressing the attributes of the state bearer and situation. "Words ending with -o" can be different parts of speech (short adjectives, adverbs, predicative adverbs) and used in sentences of different structures. The syncretism of the meanings and functions of the final morpheme -o is the result of the complete or partial morphological invariability of "words ending with -o". Morphologically unchangeable units participate in the formation of a specific subsystem of language, in which words, word forms and parts of speech undergo qualitative changes.

Keywords: *morphological immutability, attributive immutable elements, predicative adverbs, adverbs, "words ending with -o", syncretism of the meanings and functions.*

О.И. Глазунова

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫЕ В ДРЕВНЕРУССКОМ И РУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация.** Рассматривается разница между дискретной и собирательной множественностью, которая берет начало в древнерусском языке. Первоначально собирательность как способ формообразования выражалась формами единственного числа имен существительных со значением множественности. При этом представление об одушевленной/неодушевленной собирательности варьировалось: в древнерусских памятниках у одних и тех же существительных встречались формы на «-ия» и формы на «-ие», которые перешли в современный язык. В отличие от форм множественного числа собирательные существительные обладают относительной множественностью, обусловленной местом, временем, объектом воплощения и т.д. Форма собирательных существительных соотносилась с их значением. Так, собирательная лексема «бояре» на «-е» соответствовала значению «совокупность однородных предметов», а «князья» на «-ья» соотносились с «множеством совокупных значений» (глава племени, высший представитель класса феодалов, предводитель войска и т.д.). Укоренившиеся в современном русском языке формы множественного числа со значением собирательности: «сыновья́», «мужья́», «друзья́», противопоставлены устаревшим и стилистически окрашенным формам: «сыны́», «мужы́», «друзи́». Таким образом, каждая имеющаяся в грамматической системе форма представления множественности отвечает за выражение закрепленных за ней стилистических или дополнительных семантических значений.*

***Ключевые слова:** категория собирательности, множественное число существительных, русский язык, древнерусский язык, акцентная парадигма, чередование окончаний.*

В настоящее время в лингвистике нет единого подхода к интерпретации категории собирательности. Как правило, в русском языке собирательные существительные относят к особому лексико-грамматическому разряду. Вместе с тем высказываются и иные точки зрения: существительные со значением собирательности рассматриваются в рамках грамматической оппозиции категории числа как особый способ восприятия и выражения количества, а не на основе сходства в их лексико-семантическом значении [1].

Однако более распространенной является точка зрения, согласно которой собирательность рассматривается как результат «операции устранения

дискретности: *студенты – студенчество*» [2. С. 432], т.е. существительные с собирательным значением включают не только количественные, но и качественные составляющие, определяющие возможность их контекстуального использования. Например, собирательные существительные в предложении, как правило, можно заменить формами мн. числа (*Массовое движение и пропагандистскую работу по подготовке общества к активной вооруженной борьбе должно было возглавить студенчество / должны были возглавить студенты*), а вот обратная замена невозможна: *Активное участие в работе принимали студенты кафедры минералогии СПбГУ*.

У существительных типа *студенчество, воинство* собирательное значение возникло на основе первичного процессуально-качественного значения. «В древнерусский период имена на *-ство*, мотивированные наименованиями лиц мужского пола, регулярно развивали значение собирательности. Оно является вторичным для подобных имен и возникает у существительных, выражающих значение качества, свойства, состояния лиц» [3. С. 345].

По мнению В.Н. Ярцевой, в качестве «понятийной категории, выражающей трактовку некоего множества как целостной, нечленимой совокупности однородных предметов» [4. С. 473], собирательность противопоставляется в языке формам множественного числа имен существительных со значением раздельной множественности.

Если множественное число в языке выражается с помощью флексий, то собирательность – с помощью формообразующих суффиксов, привносящих в слово «дополнительный (модифицирующий, видоизменяющий) компонент значения, присутствующий в мотивированном слове и отсутствующий в мотивирующем» [5. С. 262].

Вместе с тем у множественности, выраженной формами мн. числа существительных, и собирательной множественности есть еще одно принципиальное отличие. Формы множественного числа, не ограниченные ситуативно, выражают абсолютное значение (*реки, озера* – все реки и все озера). Собирательные существительные обладают относительной множественностью, обусловленной местом, временем, объектом воплощения и т.д. (*князья* – представители высшего сословия данного государства и данной эпохи; *сыновья* – лица мужского пола по отношению к своим родителям; *прутья* – составные части веника; *колья* – составные части ограждения; *крылья* – парные органы у птиц, насекомых, а также у некоторых млекопитающих, позволяющие им летать).

Первоначально собирательность выражалась формами единственного числа имен существительных. «Категория собирательности в древнерусском языке выделяется как функция формообразования (без изменения собственно лексического значения) предметных (не отвлеченных), в том

числе и личных, существительных, которые, наряду с формами множественного числа, могли с помощью суффиксов образовывать формы единственного числа со значением множественности (совокупности), в свою очередь изменявшиеся по числам, т.е. как и имена со значением единичных предметов, включавшиеся в систему числовых противопоставлений» [6. С. 140]. К такого рода суффиксам в древнерусском языке относились *-bje-*, *-oda-*, *-bja*, *-jadь/-'adb* и др.

Так, наряду с формами единственного (князь), множественного (князи) и двойственного числа (къ обѣма князема) в древнерусском языке существовала форма единственного числа со значением совокупности, единства – князья. Значение собирательности в данном случае выражалось с помощью суффикса *-ij-* в сочетании с принадлежностью к классу имен женского рода. В неодушевленных существительных суффикс со значением собирательности сочетался с принадлежностью к классу имен среднего рода [6. С. 140].

Однако представление об одушевленном/неодушевленном собирательном значении имен существительных варьировалось. В древнерусских памятниках у одних и тех же существительных встречались формы на *-ия* и формы на *-ие*: *трупия* и *трупие*, *князья* и *князие*, *братия* и *братие*, *каменья* и *камение*. А вот сказуемое при такого рода существительных имело форму множественного числа: «При подлежащем, выраженном собирательным существительным (*народъ, дружина, чернь* и др.; названия народов *литва, корела* и т.д.), сказуемое в древнерусском языке обычно ставилось во множественном числе, т.е. согласовывалось с подлежащим по смыслу» [7. С. 159]. И это во многом способствовало неразличению собирательных форм на *-ие* и форм на *-ия*.

Наличие в языке нескольких параллельных форм существительных предполагало разницу в их значениях. Если формы множественного числа (князи, трупы) в древнерусском языке обозначали «множество индивидуальностей», то формы на *-ие* со значением собирательности указывали на совокупность однородных предметов, образующих множество по принципу «все в одном». Формы же множественного числа на *-ия* (*-ья*), в свою очередь, указывали на множество совокупностей, выраженных формами на *-ие*. По мнению В.А. Богородского, в языке XVIII века «среди существительных, являющихся наименованиями лица, <...> не наблюдается четкого противопоставления значений совокупного и расчлененного множеств. Варьируемые формы типа *князие* – *князья*, *мужие* – *мужья* и подобные, взаимодействовавшие с собственно собирательными существительными типа *братия* и *господа*, начинают различаться не только грамматически, но также семантически и стилистически» [8. С. 51].

В современном русском языке противопоставление форм единственного и множественного числа по принципу «совокупность однородных предметов» – «множество совокупностей» сохранилось. Существительные

жлобьё, хамьё, тряпье, дурачьё, дубьё обозначают совокупность по одному наиболее существенному признаку: грубости, наглости, крайней степени изношенности, отсутствию ума. Существительные *хлопья, коренья, перья, листья, уголья* – множество совокупностей. Хлопья могут быть рисовые, пшеничные, овсяные; перья могут быть гусиные, лебязьи, куриные; листья – дубовые, кленовые, березовые и т.д.

Наряду с традиционными формами множественного числа: *бояры, древляны, славяны, горожаны*, в языке появились формы с собирательным значением: *бояре, горожане, славяне, древляне*, вытеснившие из употребления формы на *-и(-ы)*. Стоит обратить внимание на следующее: несмотря на семантическую близость существительных *боярин* и *князь*, формы с собирательным значением у них образовывались по-разному – *бояре* и *князья*. В языке закрепились формы с собирательным значением *бояре*, в отличие от соответствующей собирательной формы *князья*, и это неслучайно.

Боярин – «в Древней Руси и Московском государстве: крупный землевладелец, представитель высшего слоя феодалов») – принадлежал к словословию, которое ограничивалось определенными территориальными и временными рамками, т.е. форма на *-е* соответствовала значению «совокупность однородных предметов». В то время как существительное *князь* соотносилось со множеством совокупных значений: 1) глава племени, рода, вождь военной дружины; 2) высший представитель класса феодалов, правитель феодального государства; 3) предводитель войска и правитель области в Древней Руси и в удельный период; 4) почетный наследственный дворянский титул; с XVIII в. жаловался императором за особые заслуги. Вполне естественно, что для этого существительного была выбрана форма на *-ия*, указывающая на «множество совокупностей».

У некоторых существительных мужского рода за каждой из форм (множественного числа, собирательного единства и собирательного множества) закрепились определенные значения: *лостуты́* (обрезки ткани, кожи) – *лоскутьё* – *лоскутья* (отходы производства в виде обрезков ткани, кожи), *листы́* (бумаги) – *листья* (на деревьях), *мужы́* (мужчины) – *мужья́* (супруги), *сыны́* (дети отечества) – *сыновья́* (дети у родителей), *зубы́* (у человека) – *зубья́* (у орудий производства), *старикы́* (люди пожилого возраста) – *старичьё* (собир., пренебр. старые люди), *зверы́* (дикие животные) – *зверьё* (собир., разг. дикие звери); *образы́* (внешний вид предметов) – *образа́* (изображения святых в иконописи), *прóводы* (только мн. число. обряды прощания) – *проводá* (отрезки проволоки, соединенные между собой для передачи электрической энергии), *прóпуски* (отсутствие где-то) – *пропуска́* (удостоверения), *ла́гери* (общественно-политические группировки) – *лагеря́* (временные стоянки, поселения).

Некоторые формы (*князи́, дру́ги, братья́*) в современном русском языке практически вышли из употребления, другие (*мужы́, сыны́*) остались в качестве стилистически маркированных вариантов. Процесс вытеснения

из языка форм с собирательным значением описывает П.Я. Черных: «Как известно, слово *братья* по происхождению – собирательное существительное женского рода, изменявшееся по III склонению, по типу *земля*, в единственном числе. Оно сохраняло свое склонение по единственному числу в течение долгого времени, но в конце концов в форме именительного падежа получило значение множественного числа от *брат* (при новом родительном *братьев*) и вытеснило старую форму именительного множественного числа от *брат – брати*. В XVII в. слово *братья* еще употреблялось и в той, и в другой функции. Например, в Уложении 1649 г.: “дочерямъ вотчинъ з братьею не давать, пока братья ихъ живы, а как братьи ихъ не станутъ ...” Но другие существительные этого типа (*дядья* (при им. ед. *дядя*) и др.) в Уложении изменяются только по множественному числу, род. мн.: *дядьев* или *теток* и т.д.» [9. С. 175].

Разница в значении существительных-омонимов сопровождалась разницей во флексиях и/или в ударении в их падежных формах. Сравним формы множественного числа от существительного *зуб*: *зубы* и *зубья*. Если парадигма первой лексемы *зуб – зѹба – зѹбы – зѹбѹв* (‘костное образование в ротовой полости’) относится к флективно-акцентологическому типу с ударением на основе в формах единственного числа и в форме именительного падежа множественного числа (флексия *-ы/-и*), и с ударением на флексиях в родительном и далее падежах множественного числа, то в ее омониме все иначе. В парадигме *зуб – зѹба – зѹбья – зѹбьев* (‘острые выступы на инструменте или орудии’) все падежные окончания в единственном и множественном числе безударные. И это не удивительно: *зубы* были с человеком всегда, а вот орудия производства возникли значительно позже, когда вошедшие в язык лексемы во всех падежах сохраняли исходное ударение, чтобы облегчать их восприятие носителями языка. Таким образом, расхождение в формах именительного падежа множественного числа (*зѹбы – зѹбья*) определяло различия в падежах косвенных.

Укоренившиеся в современном русском языке формы множественного числа со значением собирательности: *сыновья, мужья, друзья*, противопоставлены устаревшим и стилистически окрашенным формам: *сынѹи, мужѹи, друзѹи*. Таким образом, каждая имеющаяся в грамматической системе форма выражения множественности отвечает за выражение закрепленных за ней стилистических или дополнительных семантических значений.

Собирательные существительные в древнерусском языке изменялись по числам: *лѹстьѹе* (собир. неодуш. сущ., ед. **число**, ср. род) – *лѹстьѹя* (собир. неодуш. сущ., мн. **число**, ср. род). «Во многих говорах и в языке Москвы, – пишет П.Я. Черных, – они получили форму на *-ья*, возможно, под влиянием *братья* и т.п., и стали изменяться только во множественном числе, как и *братья*, по образцу существительных типа *край* (с основой на *j: и*): *лѹстьѹя*, род. *лѹстьѹев* (как множественное число от *лѹст*) и т.д.» [9. С. 175–176].

Неодушевленные собирательные существительные единственного и множественного числа *ли́сье* – *ли́стья* и одушевленные собирательные существительные множественного числа *братья*, *дядья*, *князья* (<князья>) противопоставлены в языке формам множественного числа *брати*, *дядь*, *князи* с разрозненно-числовым значением. По мнению В.В. Колесова, «противопоставление по числу (*ли́сье* – *ли́стья*) указывает на отношение к категории числа – изменение собирательных происходило параллельно устранению двойств. ч. и замене его на мн. ч.» [10. С. 210].

Однако не у всех существительных с потенциальным собирательным значением существует параллельная форма множественного числа. У *кну́та*, например, такого рода вариант отсутствует: *кну́т* – *кну́та* – *кну́ты* – *кну́то́в*, хотя в «Этимологическом словаре русского языка» Фасмера указана собирательная форма этого слова – *кну́тьё*, образованная по типу существительных *рваньё*, *вороньё*, *зверьё*, *старьё*.

Утратилась и форма множественного числа *кли́ны*, образованная от существительного *клин*; в современном русском языке зафиксирована лишь форма с собирательным значением *кли́нья*. В настоящее время на исходную форму множественного числа данного существительного указывают лишь сохранившиеся названия деревень в России, Белоруссии и на Украине – *Клины*. А существительные *ком* и *брус*, хотя и имеют формы на *-ья*, однако не входят в указанную акцентную парадигму: ударение в их формах выстраивается по другой схеме: *ком* – *ко́ма* – *ко́мья* – *ко́мьев*, *брус* – *бру́са* – *бру́сья* – *бру́сьев*.

Отклонения в акцентной парадигме наблюдается и у существительного *князь*: *князь* – *кня́зя* – *князья́* – *князе́й* (возможная форма – *кня́зей*). По Зализняку, это существительное относится к схеме *с* [11. С. 464–465] – ударение на основе в единственном числе, ударение на окончаниях во множественном числе. Однако наличие параллельной формы множественного числа во фразеологизме *из грязи в кня́зи* указывает на то, что лишь на определенном этапе развития, в силу возникших потребностей, форма множественного числа этого существительного приобрела собирательное значение, которое выразилось в ударном окончании *-ья*: *князья́*.

В современном русском языке форма множественного числа на *-ья* наблюдается и у существительных среднего рода с собирательным значением: *крыло́* – *крыла́* – *кры́лья* – *кры́льев*, *перо́* – *пера́* – *пе́рья* – *пе́рьев*, *шило́* – *шила́* – *ши́лья* – *ши́льев*, что свидетельствует о том, что в древнерусском языке представления о существительных мужского и среднего рода были сходны.

Вместе с тем в «Толковом словаре» Д.И. Ушакова наряду с формой множественного числа *кры́лья* приводятся устаревшие формы *кры́ла* и *крыла́*. Следовательно, первоначально акцентная парадигма слова *крыло́* – *крыла́* – *кры́лы* – *крыл* соответствовала существовавшей системе склонений

существительных среднего рода с ударным окончанием в форме именительного падежа единственного числа: *окно́ – окна́ – о́кна – о́кон, плечо́ – плеча́ – плéчи – плеч*.

В современном русском языке градация между вариантами существительных на *-е* и *-я* исчезла. Формы единственного числа на *-ье, -ьё* стали обозначать как единичные предметы (*устье, платье, копьё*) без значения собирательности, так и совокупности неодушевлённых или одушевлённых предметов (*печенье, вороньё, зверьё, дубьё, тряпьё, старичьё, кулачьё, дурачьё*).

То же самое можно сказать и о формах на *-ья*. *Скамья́, ту́лья, кéлья, кутя́, горбу́нья* обозначают единичные предметы; *семья́* (от древнерусского сѣмѣа) – совокупность родственников, выраженную формой существительного единственного числа; *мужья́, князя́, бра́тья, ка́менья, корéнья, ли́стья, пéрья, угóлья, хлóнья, крýлья* – совокупность лиц или предметов, выраженную формой существительного множественного числа.

В конкретном (не собирательном) значении встречается не так много существительных среднего рода на *-ье/-ьё*: *ружьё, платье, устье, верхóвье, низóвье*. При ударном окончании именительного падежа единственного числа в родительном падеже множественного числа данные существительные имеют окончание *-ей*: *ру́жей*; в случае безударного окончания – *-ев* с возможным вариантом *-ий* для некоторых из них: *плáтьев, у́стьев/у́стий, верхóвьев/верхóвий, низóвьев/низóвий*.

По тому же принципу склоняются собирательные существительные с гипотетическими вариантами родительного падежа множественного числа: *комарьё – *комарéй, вороньё – *воронéй, офицерьё – *офицерéй, рваньё – *рванéй, бельё – *белéй, рваньё – *рванéй, гнильё – *гнилéй*. Исключением в этом ряду является существительное среднего рода *копьё*, которое, в отличие от существительного *ружьё*, в родительном падеже множественного числа имеет окончаний *-ий*. Этот вариант дает возможность развести формы родительного падежа множественного числа существительного среднего рода *копьё* и существительного женского рода *копь* ('рудник'). Ср.: *копьё – копя́ – ко́пя – ко́пий; копь – ко́пи – ко́пи – ко́пей*.

Из вариантов существительных с собирательным значением: *ли́стье/ли́стья, клóчье/клóчья, лохмо́тье/лохмо́тья, стру́чье/стру́чья, хлóнье/хлóнья*, в современном русском языке остались формы множественного числа на *-ья*. Формы единственного числа на *-ье* ушли в прошлое. В родительном падеже множественного числа (*ли́стьев, клóчьев, лохмо́тьев, стру́чьев, хлóньев*) они стали изменяться по типу существительных мужского и среднего рода: *бра́тья – бра́тьев, крýлья – крýльев, корéнья – корéньев*.

Тот факт, что в русском языке более широкое распространение получили падежные формы именительного падежа множественного числа со значением собирательности (*друзья́, сыновья́, бра́тья*), указывает

на особенность ментального восприятия действительности его носителями, которые в большей степени осознают себя частью некой коллективной общности.

К вариативным в древнерусском языке относятся и чередования **-ья/-ия**, **-ье/-ие** в существительных единственного числа женского и среднего рода: *госпóдья* – *госпóдия*, *кѣльья* – *кѣлиа*, *мóлнья* – *мóлния*, *свинья* – *свинѣа* – *свинѣа*; *проклятьѣ* – *проклятие*, *устѣ* – *оустѣ*, *сумнѣнѣ* – *сумнѣнѣе*, *участѣ* – *оучастѣ*, *счастѣ* – *счастѣе*, *дѣянѣ* – *дѣанѣ*, *отчаянѣ* – *ѡчаанѣ*. Варианты с **ь**, как правило, использовались для выражения собирательного значения у существительных множественного числа: *друзья* (собир.), *мужья* (собир.), *дядья* (собир.), или в отношении единичных предметов в бытовой сфере.

Для слов, которые в древнерусском языке имели особый смысл или сакральное значение, вариантов на **-ья** не было: *Бѣблѣя* (*Библѣа*, *Бѣблѣя*), *стихѣя*, *вѣтѣя* (*вѣтѣа*, *вѣтѣа*), *житие*. Показательным в этом отношении выступают существительные *житиѣ* и *житьѣ*. В отличие от существительного *житиѣ*, служащего для описания жизни человека, причисленного церковью к лику святых, *житьѣ* употребляется в языке для обозначения жизни обычного смертного (разг. *житьѣ-бытьѣ*). И наоборот: варианты на **-ие** не встречались у отглагольных существительных из разговорной сферы: *бѣтьѣ*, *челобѣтьѣ* ('поклон до земли с прикосновением лбом к земле'), *хлѡпанѣ*, *тѡпанѣ*, *штѡпанѣ*.

Чередование окончаний **-ие/-ье** дошло и до нашего времени. Из вариантов *расписанѣ* – *расписанѣе*, *дуновѣние* – *дуновѣнѣе*, *рвѣние* – *рвѣнѣе*, *пѣние* – *пѣнѣе* и др., которые встречаются в современной русской речи, предпочтение отдается более нейтральному варианту на **-ие**. Однако для утративших связь с глаголом существительных типа *зданѣ* (от глагола *здать*) вариант на **-ье** встречается только в поэтической речи: *Историческое зданѣ Над рекой стоит убого*; *Зданѣ знатно по преданью*, *Стариною зданѣ строго* (И. Северянин).

Таким образом, собирательные существительные в русском языке имеют давнюю историю и исторические закономерности образования и предпосылки для вариативности. Наличие в древнерусском языке форм на **-и/-ы**, **-ие**, **-ия(-ья)**, указывало на разные формы счетности и способа восприятия множеств: «множество индивидуальностей», «множества по принципу 'все в одном'» и «множества совокупностей». В современном русском языке данные варианты противопоставления сохранились, на них указывают морфемное строение существительных: *листы*, *тряпьѣ*, *листья*.

Существовавшие в древнерусском языке варианты представления множеств и выражения этого представления на уровне формы: через единственное/множественное число, одушевленность/неодушевленность, а также разные флексии. Для ряда лексем сохранились расчлененные формы множественного числа на **-и/-ы** собирательные формы множественного

числа на **-ья**: *листы – листья, други – друзья, сыны – сыновья*. И даже сохранившееся в русском языке чередование форм на **-ья/-ия, -ье/-ие** в существительных единственного числа женского и среднего рода имеет причины, восходящие к древнерусской лексике. Следовательно, они не случайны и требуют особого подхода к исследованию.

Список литературы

1. Шарандин А.Л. Способы представления субстанции как формообразовательная категория существительного // Среди нехоженных путей. Воронеж: Наука-Юнипресс, 2012. С. 240–249.
2. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов и понятий. Изд. 6-е, испр. и доп. Назрань: Пилигрим, 2016.
3. Ерофеева И.В. Производные образования с суффиксом **-ьство** в номинации явлений средневековой действительности // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2010. № 4 (1). С. 341–348.
4. Ярцева В.Н. Собираемости категория // Лингвистический энциклопедический словарь (ЛЭС) / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 473.
5. Русская грамматика. Т. 1. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
6. Горшкова К.В., Хабургаев Г.А. Историческая грамматика русского языка. М.: Высшая школа, 1981.
7. Самсонов Н.Г. Древнерусский язык: Учеб. пособие для ист. фак. ун-тов. М.: «Высш. школа», 1973.
8. Богородский В.А. О флективном параллелизме **-и/-ие** в русском языке XVIII века // Ученые записки Казанского университета. Гуманитарные науки. 2011. Т. 153. Кн. 6. С. 50–56.
9. Черных П.Я. Историческая грамматика русского языка. М.: Учпедгиз, 1952.
10. Колесов В.В. Историческая грамматика русского языка. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2010.
11. Зализняк А.А. Закономерности акцентуации русских односложных существительных мужского рода / Зализняк А.А. Труды по акцентологии. Т. I. М.: Языки славянских культур, 2010. С. 464–512.

O.I. Glazunova

St. Petersburg University (St. Petersburg)

COLLECTIVE NOUNS IN THE OLD RUSSIAN LANGUAGE AND RUSSIAN

***Abstract.** The article considers the difference between discrete and collective plurality, which originates in the Old Russian language. Initially, collectivity*

as a way of morphogenesis was expressed by the singular forms of nouns with the meaning of plurality. At the same time, the idea of animate/inanimate collectivity varied: in monuments of ancient Russian writing the same nouns had forms of “-iya” and forms of “-ie”, which passed into the modern language. Unlike the plural forms, collective nouns have a relative multiplicity due to place, time, object of embodiment, etc. And the form of collective nouns correlated with their meaning. Thus, the collective lexeme “boyare” with “-e” corresponded to the meaning of “a set of homogeneous objects”, and the collective lexeme “knyazy” with “-ya” corresponded to “a set of cumulative meanings” (the head of the tribe, the highest representative of the feudal class, the leader of the army, etc.) The plural forms rooted in modern Russian with the meaning of collectivity: “synovia”, “muzhya”, “druzya”, are opposed to outdated and stylistically colored forms: “syny” “muzhi”, “drugi”. Thus, each form of representation of plurality available in the Russian grammatical system is responsible for the expression of stylistic or additional semantic meanings assigned to it.

Keywords: *category of collectivity, plural of nouns, Russian language, Old Russian language, accent paradigm, alternation of endings.*

Н.Д. Голев

Кемеровский государственный университет (Кемерово)

СИНТАГМАТИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ТЕНДЕНЦИИ К АНАЛИТИЗМУ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ: ОСЛАБЛЕНИЕ СОГЛАСОВАНИЯ И УПРАВЛЕНИЯ vs УСИЛЕНИЕ ПРИМЫКАНИЯ

Аннотация. Базой синтетического строя русского языка на его морфологическом уровне являются такие синтагматические категории, как согласование и управление, тогда как примыкание (соединение словоформ по смыслу) выступает в качестве основы тенденции к аналитизму на глубинном содержательном уровне. Данная тенденция трактуется в статье как содержательная, а раздельнооформленность грамматического и лексического значений и рост числа неизменяемых слов – как проявления внешней стороны аналитизации морфологии.

Ключевые слова: морфологическая система русского языка, тенденция к аналитизму, синтагматическое содержание, морфологизация, примыкающий номинатив.

В настоящей статье предлагается новая трактовка оппозиции тенденции к аналитизму, отмечаемой во многих работах по морфологии современного русского языка. Традиционная её трактовка связана с поверхностным уровнем и планом выражения морфологической системы: во-первых, с внутренней (структурной) формой словоформ и грамматических лексем – раздельнооформленностью грамматического и лексического значений, в отличие от синтетических словоформ и лексем, которые характеризуются цельнооформленностью, и, во-вторых, с внешней (материальной) формой – несклоняемостью именных лексем, трактуемой как отсутствие материальных показателей их изменения по падежам.

Наша трактовка направлена на выдвижение на первый план содержательного и глубинного плана функционирования и устройства морфологической системы.

Главным, глубинным, содержанием морфологических форм в рамках предлагаемой концепции является синтагматическое содержание.

Предлагаемая концепция является проявлением определённого подхода к моделированию морфологической системы. В основных чертах он представлен в статьях [1–3]. Его главные характеристики следующие.

1. Данный подход является подчёркнуто коммуникативным; в оппозиции когниция vs коммуникация [4] приоритет отдаётся коммуникативной функции морфологических единиц и их системы в целом.

2. В оппозиции отражательное – внутреннее (значение – значимость) приоритетным является внутреннее; соответственно, синтагматическое выступает как ведущая сторона содержания, а номинативное – как фоновое. В связи с последним считаем, что морфологические системы синтетического

типа развиваются по линии ослабления номинативного начала, а его усиление – одно из проявлений тенденции к аналитизму.

Таково, например, выражение семантики женскости в предикатах при подлежащем, выраженном существительными мужского или общего рода *врач пришла* [5], или множественности при подлежащем в единственном числе *пришли три врача* [5]. Скажем, сущность дательного падежа существительного в словосочетаниях *помощь другу* и *другу не спится* в формальном вопросе «кому/чему», а не в частных значениях объекта и субъекта. Морфологическая сущность предлога *до* (*до дома, до рассвета*) не в пространственной или временной семантике, а во внутреннем (родительном) падеже этого предлога, управляющего зависимым от предлога существительным. Влияние семантики на внутренний падеж возможно: *за дом заплатить*, или *за дом зайти* (винительный падеж), *жить за домом* (творительный падеж), но такое влияние скорее периферийное, чем сущностное.

3. Таким образом, привязка морфологии к синтагматике является внутренним признаком языков синтетического строя, в отличие от языков аналитического строя. Синтагматические связи формируют глубинный план содержания морфологических систем синтетического типа, а семантические разного типа (структурно-семантические, прагматические, контекстуальные) – поверхностные, опосредованные или периферийные.

Согласование/управление vs примыкание. Оппозицию тенденций к аналитизму и синтетизму мы связываем с синтагматическим содержанием, определяющим внутренние значимости единиц морфологической системы: грамматических лексем (в случае грамем в несловоизменяемых парадигмах) и словоформ. При таком подходе ядерной системообразующей оппозицией в морфологической системе русского языка как системы синтетического типа становится оппозиция согласования и управления (с одной стороны) и примыкания (с другой стороны). В этом плане тенденция к аналитизму означает усиление роли примыкания на фоне ослабления роли согласования и управления. Согласование и управление обеспечивают жёсткость (обязательность, регулярность, стандартность) морфологических систем синтетического типа. Полагаем, что в аспекте лингводетерминистки можно утверждать, что синтагматика определяет структуру морфологической системы русского языка: управление детерминирует сам факт наличия и устройства категории падежа, а согласование – категории рода, числа, одушевленности. Иными словами, категория рода в языках синтетического типа существует лишь потому, что существует согласование. Утрата необходимости согласования по роду и числу адъективных лексем с числительными приводит к утрате числительными грамем рода и числа, ср. разное синтагматическое «поведение» лексем, скажем, *дюжина* и *двенадцать*: *первая дюжина, вторая дюжина, чертова дюжина, все дюжины*, но не **перв(ая, ое, ый, ые) двенадцать*. Разный характер управления различает частеречную сущность числительных и существительных.

Существительное *множество* (*множество книг*) и числительные *несколько* и *много* (*несколько книг*, *много книг*) различаются синтагматически: существительное управляет родительным падежом множественного числа во всех своих падежных и числовых формах, числительное управляет только в прямых падежах, в непрямах – согласуется с существительным по падежу, при отсутствии согласования по числу (за отсутствием у числительных числовой парадигмы). В этом смысле вызывает сомнения трактовка склонения лексемы *много* в «Русской грамматике» (см. об этом далее).

«Жесткость» морфологических систем синтетического типа. Управление и согласование объединяет общий принцип «жесткого» детерминационного устройства синтагматических «цепок»: главное слово или словоформа (Д-1) содержит в себе определённую внутреннюю детерминирующую сему, а зависимое слово «жестко» ставится в соответствующую форму. Так, глагол *удивляться* имеет внутренний дательный падеж, *восторгаться* – творительный, предлог *до* – родительный падеж, *при* – предложный, словоформа сравнительной степени прилагательных и наречий требует родительного падежа (*выше дома*); лексема *береза* имеет внутренний женский род, требующий постановки зависимых прилагательных и глаголов в соответствующей словоформе; *березу* требует согласования не только по роду, но и по числу и падежу, а в винительном падеже множественного числа – и по признаку неодушевлённости. И согласование, и примыкание в рамках данной концепции трактуются в расширительном смысле; к примеру, лексема *он* является зависимой по типу согласования по роду и числу от существительного, которое она заменяет, но является независимой в своей падежной форме. Лексема *много* – числительное, *многий* – адъектив. Объединение их в одной падежной парадигме [6. С. 579] вызывает сомнения: *много* и *многие* различаются не только типом склонения и синтагматикой, но и лексическим значением.

Управление и согласование создают жесткость морфологическим системам синтетического типа, тогда как примыкание олицетворяет слабость и мягкость связей. С этим тезисом коррелирует идея противопоставления двух грамматик текста, высказанная Л.В. Сахарным: левополушарной, жесткой, подчиненной логическим процедурам, и правополушарной, мягкой, подчинённой подсознанию и интуиции [7. С. 13]. Обязательность при этом часто меняется на невозможность выбора, а выбор в свою очередь естественным образом сопровождается стилистической дифференциацией. Стилистические оппозиции принципиально противопоставлены грамматическим, их появление знаменует разрушения грамматик синтетического типа. Таковы, например, оппозиция прилагательных (в отличие от причастий¹) по полноте/краткости, собирательных и количественных числительных.

¹ Краткие причастия заняли жесткую позицию в системе залоговых форм, они составляют грамму переходных глаголов совершенного вида в позиции сказуемого в страдательных конструкциях (*Работа выполнена хорошо*).

Конкретные проявления тенденции к аналитизму, трактуемой в синтагматическом смысле. Приведем примеры «смягчения» жёсткой синтагматики:

- *Меня зовут Сашей* (управление) – *Меня зовут Саша / Мое имя (есть) Саша* (примыкание).
- *Выше дома* (управление) – *Выше, чем дом* (примыкание).
- *К трем прибавить два равняется пяти; Три плюс два равно пяти* (управление) – *Три плюс два равно пять; Три плюс два равняется (есть) пять* (примыкание); ср. *Дважды два четыре* (абсолютный аналитизм).
- *Это не есть хорошо* (примыкание) – *Это не есть хорошее* (согласование).
- *Чтение книг приятно* (согласование) – *Читать книги – (это) приятно* (согласование).
- Связка *есть* в данном плане в большей степени деморфологизирована, чем связка *нет*, сохранившая управление.

Слабое согласование на грани примыкания. *Поэт была седая и худая; Наша врач пришла* – считаем подобного рода фразы и словосочетания примерами с отсутствием согласования, как и фразы *я шла, ты красивая*, т.к. род глагола не зависит от рода лексемы *я*, так же как и во фразах с существительными т. наз. общего рода *обжора съел, обжора съела* идет согласование не по форме, а по смыслу [2]. Такое согласование, на наш взгляд, является разновидностью примыкания, при сохранении возможности трактовать его как ослабленное согласование. Вопрос о границах данных форм синтагматической связи (согласования по смыслу и примыкания) остаётся для нас открытым.

Квантитативное согласование по смыслу. Независимость употребления родовых форм прилагательных и глаголов (то, что выше было обозначено термином «примыкание» в широком смысле) характерна для русского языка:

- *Шла Маша с Петей* (наличие формального согласования) – *Маша и Петя пришли; Три белых коня мчались по полю; Княгиня Вера приказали* (отсутствие формального согласования).
- Неформальное согласование по смыслу: *Тысяча человек пришла / Пришла тысяча человек* (формальное согласование) – *Пришло тысяча человек. Оба друга пришли / Много друзей пришло* (согласование по смыслу) – *Двадцать один друг пришел* (формальное согласование с неоднозначной детерминацией: выбор формы единственного числа существительного *друг* обусловлено лексемой *один*).

Имплицитное согласование. См.:

- *Красивая и смелая дорогу перешла; Не родись красивой, а родись счастливой; Молодым везде у нас дорога* (согласование по роду и числу – исключительно смысловое; причем смысловое определяемое не называется

вообще, оно остаётся на уровне пресуппозиции; по сути, в схеме С.Д. Кацнельсона [8] его формирование находится на досинтаксическом этапе).

- Полагаем, что неопределённо-личные сказуемые, таким образом, согласуются в числе по смыслу (*Цыплят по осени считают; там нас хорошо кормили*).

- Так же могут быть интерпретированы безличные конструкции, в которых появление числовой формы и родовой (в прошедшем времени) не связано напрямую ни синтагматикой, ни с семантикой (смыслом). *Вечерет; Из окна дуло; Ему не спится*. В таких конструкциях произошла морфологизация имплицитруемого субъекта (*Ветер дует; Из окна дует*). Возникает позиционно-синтаксическая детерминация формы рода и числа глаголов – следствие нейтрализованных оппозиций по роду и числу.

- Близки к имплицитному согласованию случаи родовых определенных неизменяемых наименований с подразумеваемым определяемым словом типа *наша Чили* (страна), *наше Чили* (государство), *наш Борнео* (остров), *такой ЦСКА, эти США*.

Отдалённое согласование. В некоторых случаях «смягчение» жёстких связей может наблюдаться внутри одного предложения, ср: *Я восхищаюсь хищниками, например, такими, как лев, тигр, пума*. Творительный падеж существительного *хищниками* и местоимения-адъектива *такими* жёстко синтагматичен, именительный падеж словоформ *лев, тигр, пума* является независимым, возможно, примыкающим. Другие случаи отдаления примыкающего слова рассматривает С.И. Красса [9. С. 299].

В предлагаемой нами концепции ослабленное управление и согласование находятся на периферии поля примыкания, например, во фразе *Артур бежал быстрее, чем Ян* именительный падеж имени *Ян* теряет прямую детерминационную связь с именительным падежом имени *Артур* и функционирует как синтагматически независимый.

Примыкание – так же как согласование и управление – понимается в предлагаемой нами трактовке в расширительном значении: как связь по смыслу вне условно-формальной детерминации синтагматикой.

Синтагматика частей речи. Синтагматика является конституирующим признаком и для выделения частей речи и морфологических разрядов внутри них, многие из них характеризуются специфическим набором синтагматических признаков. О таковых для существительных, числительных, прилагательных было сказано ранее. Этот ряд легко продолжить. Предлоги *вроде, наподобие*, в отличие от близких по значению союзов *как, словно, будто*, управляют определёнными падежными формами существительных – это их конституирующее свойство. Этим свойством предлоги отличаются от наречий (*Она прошла мимо / Она прошла мимо меня*). На сугубо синтагматических основаниях слова категории состояния имеют основания быть выделенными в самостоятельную часть речи, отличную от наречий,

т.к. управляют, причём определённым – дательным, падежом существительных (*Ему нельзя; Мне стыдно*). В этом смысле они сближаются с безличными конструкциями типа *Ему не спится*. Возможно, есть основания говорить о функционально-семантической категории [10] безличности, которая постепенно морфологизируется, в том числе синтагматически (имплицитное согласование, управление творительным падежом.) В этом аспекте безличность противостоит «пассивности (страдательности)», синтагматика которой связана с творительным падежом существительных и зависимостью от эксплицитного подлежащего – существительного в именительном падеже. *И снится чудный сон Татьяне* – промежуточный феномен.

Синтагматические лексемы. Тезис о конституирующей роли синтагматики в морфологической системе проецируется и на отдельную словоформу, ср. у А.А. Зализняка: «Словоформы (абстрактные и конкретные) мы будем называть иначе *синтагматическими словами* (абстрактными и конкретными)» [11. С. 20]. С синтагматической точки зрения словоформы (лексемы?) *быть/есть/нет* не тождественны в плане их частеречной принадлежности: *быть/был* и *нет* в большей мере остаются глаголами, т.к. сохраняют внутренний падеж: творительный (*быть другом*) и родительный (*нет друга*). Связка *есть* «анализировалась» в большей степени, что закрепляет системное нулевое выражение связочной позиции в настоящем времени (*Это не хорошо; Он мне друг*).

Тенденция к аналитизму и неизменяемость. Отдельно рассмотрим фактор неизменяемости имен (типа *живу в Кемерово, а не в Кемерове*), которым часто иллюстрируется тенденция к аналитизму. Данное обстоятельство – несомненно, важная составляющая тенденции к аналитизму в плане выражения. Усиление позиций неизменяемости в русском языке лишь сопровождает усиление примыкания. По большому счёту оно вторично. Скажем, словоформы имён собственных во фразах *Мы сидели в кафе «Весна»* и *Мы сидели в кафе «Рандеву»* с точки зрения функционально-морфологической идентичны, хотя существительные *весна* и *рандеву* контрастны по признаку материальной изменяемости. В обоих случаях мы имеем дело с **примыкающим номинативом** [12], который и является внутренним проявлением тенденции к аналитизму, и суть в приведённых примерах не в номинативе, **а в примыкании**. Имеем ли мы дело с примыканием в случаях типа *подъезжаю к Кемерово*? Предлог управляет дательным падежом, и функционально зависимое существительное стоит именно в дательном падеже. Полагаем, что речь должна идти о разной степени «примыкаемости» и аналитичности. Шкалу и способы измерения таковой степени теоретикам морфологии ещё предстоит разработать. Остаётся не до конца квалифицированным как само понятие несклоняемости, так и средство его выражения; здесь наблюдается разноречивой терминологии: несклоняемые слова или слова, склоняемые по особому (нулевому) типу

склонения, слова с нулевыми окончаниями во всех падежных формах или слова без окончаний.

Грамматика vs стилистика. Отдельного обсуждения в проблеме морфологической синтагматики заслуживает вопрос о взаимодействии грамматики и стилистики. Стилистика предполагает возможность выбора говорящим формы (*Он был красив/красивый/красивым*) и тем самым противостоит жёсткой грамматике, базирующейся на принципах обязательности, регулярности, стандартности. Стилистика и «жёсткая» грамматика – конфронтационные феномены. Стилистика – главный энтропийный фактор для языков синтетического типа. Возможность выбора *красив/красивый; Пришли пять студентов / пятеро студентов* говорит о функциональной деградации полноты/краткости и собирательности как грамматических категорий. Собирательные числительные сохраняют свою синтагматическую жёсткость лишь в весьма ограниченной зоне – в сочетании с существительными *Pluralia Tantum*: *четверо ножиц* (не *четыре ножиц*).

Две грамматики русского языка. Хорошими объяснительными возможностями по отношению к аналитизму и синтетизму обладает идея Л.В. Сахарного о двух грамматиках: жёсткой (левополушарной) и мягкой (правополушарной): «...Левое полушарие обрабатывает информацию с помощью жёстких формально-логических операций <...>; правое же полушарие обрабатывает информацию с опорой на подсознание. Отсюда – “мягкость” операций, континуальность структуры “единиц”, иные принципы организации “уровней” и тому подобные феномены, непривычные для “строгих” традиционных грамматик» [7. С. 13]. Стилистика в «жёсткой» морфологической системе синтетического типа – проявление «смягчения» такой системы, формирование в ней элементов континуальности – вариативности, возможности выбора вариантов (*Он был красив/красивым/красивый*), вследствие чего возникает необходимость регулирования выбора нормативными механизмами, кодификацией «сверху». Морфологические нормы в такой ситуации можно трактовать как компенсацию утраты естественной синтагматической жёсткости с помощью жёсткости искусственной.

Некоторые теоретические следствия синтагматической концепции морфологической системы русского языка. Предложенная концепция позволяет интерпретировать многие явления русской морфологии иначе, чем это делается в традиционных учебниках, научных работах, академических грамматиках. Некоторые из таких явлений относятся к числу неоднозначных, спорных, открытых для разных оценок. Проиллюстрируем некоторые из них.

Так, существительные т. наз. общего рода часто трактуются как изменяющие свой род в зависимости от контекста и ситуации (к таким существительным нередко относят и существительные типа *врач, судья, ваше высочество*).

«Застывшие» словоформы. Слова типа *вечером, зимой* в позиции обстоятельства чаще трактуются как адвербиализованные существительные. Отход от существительных в них имеет синтагматические проявления, форма творительного падежа не управляется (нельзя задать вопроса *чем?*), однако они не теряют способности детерминировать согласование (*поздним вечером, поздними летними вечерами, прошлогодней весной*). Очевидно, что мы имеем здесь дело лишь с частичной адвербиализацией. Утверждать, что *-ом, -ой* и т.п. в них не окончания, а словообразовательные суффиксы, возможно, преждевременно.

Притяжательные «прилагательные» *его, её, их*. В «Русской грамматике» местоимения *он, она, они* в родительном падеже со значением принадлежности (*ее дом, их дом*) [б. С. 556] квалифицированы как прилагательные нулевого склонения (в одном ряду с *беж, бемоль, модерн* и др.). Семантическая и синтаксическая логика такой квалификации понятна. Но морфологический отрыв от местоимения *он* слабо мотивирован. Замены существительных в разных падежах, например *письмо дяде* и *письмо дяди* на *письмо ему* и *письмо его*, ничем не отличаются. Личное местоимение *он* во всех подобных случаях дублирует род, число и падеж существительного. Сохраняется и синтагматика: *письмо «кому?»* и *письмо «кого?»*. Хотя «жесткость» вопроса во втором случае (кого?) несколько ослаблена. Ослаблена и способность местоимения *он* быть определяемым словом: *письмо нашего дяди*, но не **письмо нашего его*. Такое ослабление не абсолютно, ср.: *Я люблю его, такого милого и красивого*. Заметим, что в позициях винительного падежа местоимение *он* сохраняет принадлежность к одушевленным лексемам, независимо от обозначения местоимением *он* живого или неживого существа. Исключительную сложность синтагматического и морфологического поведения обнаруживает близкая по семантике к *они* лексема *оба* [13].

Составные лексемы. Одна из важных, но не решенных проблем морфологии русского языка – морфологическая квалификация составных единиц, выделяемых в разных частях речи. Таковы существительные типа «*Мертвые души*», «*Дама с собачкой*», «*Города и годы*» [б. С. 461], числительные типа *восемьсот тридцать восемь, тысяча девятьсот тридцать шесть* [б. С. 574], *пять целых три десятых*, предлоги [б. С. 710–712] *в зависимости от, похоже на, совместно с, в сопровождении* [б. С. 707–708], наречия фразеологического типа *по белу свету, изо всей силы, союзы прежде чем, для того чтобы, без того чтобы не, до тех пор пока не* [б. С. 716]. Семантические и функциональные (синтаксические) причины рассмотрения таких единиц как отдельных лексем, в том числе морфологического типа, понятны. Но такие причины не поддерживаются в достаточной мере формально-грамматическими и синтагматическими причинами, многие из них остаются словосочетаниями и не утрачивают внутренних

связей зависимости по типу управления, согласования, примыкания и, соответственно, тех форм, которые из них вытекают. Аналогия. Причастные обороты выполняют в целом функцию определения, а деепричастные обороты – обстоятельства. Это не делает их отдельные компоненты прилагательными и наречиями. Точно так же в предложении «*Как закалялась сталь*» Н. Островского взволновало умы и сердца молодежи 30-х годов синтагма *как закалялась сталь*, выполняя функцию подлежащего, не меняет морфологических характеристик его компонентов (в том числе их частеречной принадлежности) и синтагматических отношений между ними. Ещё пример: *У Яши денег куры не клюют, а у Вани денег кот заплакал* – формальные подлежащие *куры* и *кот*, а предикаты – устойчивые словосочетания. Факт их фразеологической связанности относится не к грамматике, а к лексической семантике.

Семантикоцентризм традиционной морфологии. Продолжая эту линию, считаем возможным отметить предрасположенность традиционной морфологии к семантико-центрическому или синтактико-центрическому описанию. Так, даже в морфологоцентрической «Русской грамматике» значительное место занимает описание семантических разрядов, подразрядов, грамем, словоформ и частных случаев их употребления, например имён собственных, собирательных числительных, наречий, предлогов, частиц. Выделение многих из них, на наш взгляд, имеет опосредованное отношение к собственно морфологической сущности таких разрядов и подразрядов.

Морфологическая система русского языка – хорошо развитая и активная подсистема в структуре русского языка, которая выполняет связующую роль между лексической и синтаксической подсистемами. В содержательном (в первую очередь – функциональном) плане её функционирование и устройство определяет коммуникативная функция, последовательно (обязательно, регулярно и стандартно) проявляющаяся в синтагматике, которую в формате управления и согласования обслуживает морфология. Этот факт определяет отнесенность русского языка к языкам синтетического типа. Морфология русского языка является его жёсткой подсистемой, т.к. управление требует определённой (обязательной) падежной формы, жёсткость обуславливает управление (недопустимо **для березу*), а согласование – обязательной родовой и числовой формы от согласуемых слов (недопустимо **белое березы*). Русский язык является языком синтетического типа, т.к. его морфологическая система является преимущественно именно таковой. Внутренним проявлением аналитизма считаем ослабление жёсткой синтагматики. Тенденция к аналитизму выкристаллизовывается как борьба противоречий в антинормии согласования и управления с одной стороны и примыкания – с другой.

Список литературы

1. Голев Н.Д. Антиномии русской морфологии: коммуникативное vs когнитивное; синтагматическое vs номинативное // СибСкрипт. 2024. Т. 26. № 1 (101). С. 94–107. DOI: 10.21603/sibscript-2024-26-1-94-107.
2. Голев Н.Д. «Общий род» и гендерная семантика русских имен существительных: бигендерность или агендерность? // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2013. № 6 (26). С. 14–28.
3. Голев Н.Д. «Русская грамматика 4.0» с позиции активного пользователя // Русский язык за рубежом. 2016. № 3 (256). С. 56–60.
4. «Ризоморфный клубок»: когниция vs коммуникация / А.В. Колмогорова, Е.В. Чистова, К.В. Мартынюк и др. Красноярск: Сибирский федеральный университет, 2017.
5. Голев Н.Д., Шпильная Н.Н. Обыденная медицинская коммуникация (виды дискурсивных практик) // Вестник Кемеровского государственного университета. 2012. № 1 (49). С. 128–137.
6. Русская грамматика: в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Редкол.: Н.Ю. Шведова (гл. ред.) и др. М.: Наука, 1980.
7. Сахарный Л.В. Человек и текст: две грамматики текста // Человек – текст – культура: Кол. монография. Екатеринбург: Институт развития регионального образования, 1994. С. 7–59.
8. Кацнельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. М.: Наука, 2002.
9. Красса С.И. Примыкание к сочинительной конструкции в русском языке // Язык. Текст. Дискурс. 2016. № 14. С. 299–305.
10. Бондарко А.В. Теория морфологических категорий. М.: Языки славянских культур, 2005.
11. Зализняк А.А. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.
12. Селезнева Л.Б. Примыкающий номинатив в системе географических собственных имен русского языка: (на материале газет): Дис. ... канд. филол. наук. Иркутск, 1972.
13. Иорданская Л.Н., Мельчук И.А. Оба – уникальное слово русского языка // Вопросы языкознания. 2021. № 1. С. 57–69. DOI: 10.31857/0373-658X.2021.1.57–69.

N.D. Golev

Kemerovo State University (Kemerovo)

**SYNTAGMATIC FOUNDATIONS OF THE TREND TO ANALYTISM
IN THE RUSSIAN LANGUAGE: WEAKENING OF CONCORD
AND GOVERNMENT vs. STRENGTHENING OF PARATACTIC**

***Abstract.** The synthetic structure of the Russian language at its morphological level is supported by such syntagmatic categories as concord and government, while adjacency (the connection of words and word forms in meaning) acts as the basis of the trend towards analyticism. This tendency is interpreted in the article as a tendency of the content plan, and the separateness of grammatical and lexical meanings is interpreted as the external side of this trend.*

***Keywords:** morphological system of the Russian language, tendency to analyticism, analytization of morphology, syntagmatic invariant of morphological content of the word form.*

В.К. Голубева

Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)

ПРЕДИКАТИВЫ И СЕНТЕНЦИАЛЬНЫЕ НАРЕЧИЯ: ОБЛАСТЬ ФУНКЦИОНАЛЬНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

Аннотация. Рассматриваются наречия с плавающей сферой действия, которые могут употребляться как в предикативной, так и в сентенциальной функциях. Утверждается, что в области выражения эмоциональных реакций и физических состояний распространителями всей пропозиции выступают в основном предикативы; сентенциальные употребления возможны только у отдельных лексем с такой семантикой («досадно», «обидно») или в особых типах конструкций. Общие оценки не передаются сентенциальными наречиями, а ментальные – выражаются избирательно. Вместе с тем предикативы более ограниченно употребляются при необходимости оценивания пропозиции с этической и рационалистической точки зрения.

Ключевые слова: предикатив, наречие, сентенциальное наречие, сфера действия, наречие с плавающей сферой действия.

С семантической точки зрения наречия делятся на две большие группы – наречия с фиксированной и плавающей сферой действия [1]. Первые выступают в основном глагольными модификаторами (*негромко попросил, аккуратно склеил, кратко описал*), вторые могут выполнять разные семантико-синтаксические функции: *Потрясающе, что он пытается разговаривать по-испански* (предикатив); *Команда потрясающе выступила на соревнованиях* (глагольный модификатор); *В эфире прозвучала потрясающе красивая песня* (модификатор прилагательного); – *Я достал два билета на бал. – Потрясающе!* (ответная реплика). Или: *Символично, что мы познакомились 14 февраля* (предикатив); *Мы символично познакомились 14 февраля* (сентенциальное наречие); *Корабль назвали символично – «Миротворец»* (глагольный модификатор). Поскольку наречия в функциях сентенциального и глагольного распространителя формально совпадают, то для их разграничения используются «то, что»- и «то, как»-трансформации [1. С. 13], а также перифраза «Р. И это есть Q», где Q обозначается наречие [2. С. 114]:

(1) *Директор пронциательно посмотрел на первоклассника. – То, как директор посмотрел на первоклассника, было пронциательно.* Невозможна перифраза **Директор посмотрел на первоклассника. И это было пронциательно.* Следовательно, это модификатор глагола.

(2) *Директор пронциательно указал на второго слева ученика. – То, что директор указал на второго слева ученика, было пронциательно (не то, как).* Возможна перифраза *Директор указал на второго слева ученика. И это было пронциательно.* Следовательно, это модификатор предложения.

Как отмечает М.В. Филипенко, только предикативного или сентенциального употребления достаточно для причисления наречия к группе лексем с плавающей сферой действия [1. С. 85]. Однако одни наречные лексемы имеют лишь предикативные употребления, другие – только сентенциальные, третьи получают возможность употребляться и в той и в другой функции. В данной статье мы рассмотрим группы наречий с плавающей сферой действия и их возможности употребления в функции распространителей предложения.

Из числа проанализированных нами наречных лексем (около 500) в принципе не употребляются в предикативной функции ряд единиц не на *-о* (*-е*): *ненароком*, *наудачу*, *вправду* (*Учительница **ненароком** коснулась меня локтем; **Наудачу** протянул я руку к левой коробочке; Он и **вправду** оказался дилетантом* – сентенциальные употребления); не выступают предикативами и наречия на *-ски* (*рабски*, *варварски*, *альтруистически*). Среди наречий на *-о* (*-е*) также выделяются семантические группы лексем, которые не имеют предикативных употреблений (например, наречия с модальными, причинно-целевыми оттенками значения и др.): *нарочно*, *доподлинно*, *непредвиденно*, *непрерывно* и др. Таким образом сузив круг единиц, выступающих предметом рассмотрения в данной работе, остановимся на некоторых группах наречий со значением оценки и состояния, которые при необходимости распространить пропозицию обнаруживают склонность к предикативному или сентенциальному употреблению, а иногда допускают обе функции (кратко с иллюстративным материалом это отражено в *табл.*).

Общие оценки (базовые единицы *хорошо*, *плохо*, а также их экспрессивные синонимы *скверно*, *погано*, *паршиво*, *великолепно*, *превосходно*) не выступают в сентенциальной функции. Оценка матричной пропозиции выражается предикативами: *Хорошо отбросить все проблемы и отправиться на дачу.* – **Матвеевна хорошо отбросила все проблемы и отправилась на дачу;* *Скверно, что в доме ни оказалось ни конфетки.* – **В доме скверно не оказалось ни конфетки.*

Оба типа модификаторов предложения (с возможным преобладанием одного или другого) реализуются в семантической области ментальных, этических, рационалистических и некоторых других оценок, а также эмоциональных и физических/физиологических состояний.

Далеко не у всех предикативов, выражающих **ментальные** оценки, имеется соответствующее сентенциальное наречие (иллюстрации, демонстрирующие возможности и ограничения наречного употребления в этой области, представлены в *табл.*; некоторые соображения по этому поводу мы изложили также в [2]).

Этические и рационалистические оценки – это зона, где довольно часто допускаются и предикативное, и сентенциальное употребления наречия. Основная группа сентенциальных наречий – обозначение ситуативных качеств человека, проявляющихся в контролируемых им действиях. Поскольку ответственность за эти действия лежит на самом субъекте, закономерно, что эти действия целесообразно оценивать с этической и рационалистической

точек зрения (ср. странно **Она благородно* родилась в семье учителя vs *Она благородно* посвятила себя обучению детей; **Этот ученый достойно* относился к числу самых авторитетных vs *Он достойно* воздержался от критики почившего коллеги).

Хотя для выражения данных оценок языком предусмотрены оба типа употреблений (*Пересказывать стихи нелепо* vs *Студент нелепо пересказывал стихи*; *Уклоняться от встречи с таким человеком малодушно и неразумно* vs *Он малодушно и неразумно уклонялся от встречи с таким человеком*), у многих сентенциальных наречий нет соответствующего предикатива: *Непоследовательно* отстранил от должности недавнего фаворита. – **Отстранять от должности бывшего фаворита (с его стороны было) непоследовательно*; *Первыми за стол он культурно* усадил дам. – **Усаживать за стол дам первыми культурно*. (Между прочим отметим, что, как пишет Г.И. Кустова, наблюдается постепенное расширение употребительности предикативов, поэтому отмеченные звездочками единицы уже могут встречаться в языке интернет-коммуникации, однако они еще не освоены литературным языком [3. С. 127].) Обратный случай, когда этическую или рационалистическую оценку выражает только предикатив, встречается реже: *Для мусульман предосудительно* было посылать к нам хороших людей. – **Мусульмане предосудительно* посылали к нам хороших людей.

Оценка пропозиции путем указания на то, какую эмоцию она вызвала или какое физическое/физиологическое состояние стимулировала, – это центральная функция именно предикативов: *сладко, страшно, (не)весело, (не)приятно, (не)радостно, (не)спокойно, тягостно, тяжело, тяжело, безрадостно, беспокойно, горько, грустно, неловко, холодно, уютно* и др. Например: *Весело* жить во всей этой кутерьме; *Трудно*, когда уезжаешь в другую страну без семьи; *Учиться на правовом факультете поэту грустно*; *Бабушке тягостно* лежать в этой палате.

Сентенциальные наречия редко функционируют в этой семантической области. Попытка преобразования приведенных конструкций показывает, что вместо предикатива реализуется не сентенциальный, а глагольный модификатор: *Ребята весело* жили во всей этой кутерьме. В других случаях высказывание с предикативом состояния при трансформации оказывается неграмматичным: **Панов трудно* уезжал в другую страну без семьи; **Поэт грустно* учился на правовом факультете; **Моя бабушка тягостно* лежала в этой палате.

Довольно редкие случаи сентенциальных употреблений наречий представлены на уровне а) или отдельных лексем, б) или особых конструкций, в которых наречие указанной семантики может прочитываться как модификатор всей пропозиции.

а) К таким лексемам относятся *досадно* и *обидно*: *День был знойный, и работать обливаясь потом, который досадно* заливал очки, было не легко (Б.И. Вронский. Дневник. 1954). – *Досадно* было, что пот заливал очки (контексты с паспортизацией даны по [4]); *Как на угольях ерзала, а после*

того, как Макар с Варей **обидно** прошли мимо, <...> уткнулась в книгу (Ольга Новикова. Мне страшно, или Третий роман // Звезда. 2003). – **Обидно**, что Макар с Варей прошли мимо.

Вместе с тем по сравнению с предикативами сентенциальные *досадно* и *обидно* имеют больше ограничений разного характера (коммуникативного, позиционного и др.). Ср. исходное высказывание и его трансформированные варианты с сентенциальным наречием:

(3а) Немножко **досадно** было, что папа не его [Федю] обнимает одной рукой, не с ним смеется, но так было, пожалуйста, лучше (И. Грекова. Фазан. 1984);

(3б) Папа **досадно** не его [Федю] обнимает одной рукой, не с ним смеется... ;

(3в) Папа **досадно** обнимает одной рукой не его [Федю], смеется не с ним... .

Высказывание (3в) более приемлемо, чем (3б), поскольку в нормальном случае сентенциальное наречие находится в непосредственной препозиции по отношению к предикату [5. С. 123], т.е. встраивание сентенциального наречия требует коммуникативной перестройки исходного высказывания. Так, информативно выделенный компонент *не его* (а именно он предопределяет сентенциальную характеристику *досадно*), находящийся не в позиции ремы, но требующий контрастного ударения, должен быть помещен в рему.

б) В качестве модификатора пропозиции могут выступать некоторые наречия внутреннего состояния в особых конструкциях. Ср.: **Отрадно** пахнуло весной (но ?**Отрадно** наступила весна); **Радостно** загораются огни; **Уютно** горел камин; **Это созерцание собственного миража приятно** усыпляло ее [девочку] – *наверное, от измождения она еще сильнее хотела лечь и уснуть* (Олег Павлов. Карагандинские девятины, или Повесть последних дней // Октябрь. 2001). В целом такие употребления больше свойственны художественному тексту, в котором нередко наблюдаются разного рода синтаксические сдвиги и снимаются некоторые ограничения на сентенциальное употребление наречий.

В то же время с предикатами контролируемых действий наречия состояния сентенциально, как правило, не употребляются: **Страшно** ехать по этой дороге ночью. – *Он **страшно** (по)ехал по этой дороге ночью; **Неловко** расхваливать собственные картины (о чувстве неудобства, смущения) ≠ Художник **неловко** расхваливал собственные картины (не сентенциальный, а глагольный модификатор ‘неумело, не находя точных слов’); **Мне приятно**, что девочки устроили вокруг меня суету. – *Девочки **приятно** устроили вокруг меня суету.

Отдельного описания требуют наречия на *-тельно*, которые могут обозначать не собственно состояние субъекта, а каузацию состояния. У таких наречий не исключены сентенциальные употребления: Он **успокоительно** садится у изголовья кровати, открывает книгу. Ср. наречие *спокойно*,

обозначающее эмоциональное состояние агенса, в данном высказывании выполняло бы роль глагольного модификатора: *Он **спокойно** садится у изголовья кровати, открывает книгу.*

Таблица 1¹

Возможности употребления предикативов и сентенциальных наречий при обозначении оценок и состояний

Обобщенная семантика распространителя предложения	Возможность употребления разных типов распространителей предложения	
	предикатив	сентенциальное наречие
Общая оценка	+ <i>Хорошо</i> забросить уроки и пойти купаться на речку.	– <i>*Школьники хорошо забросили уроки и пошли купаться на речку.</i>
Ментальная оценка	+ <i>Странно, что эта книга понравилась ребенку. Удивительно найти боровик в этом лесу. Поразительно, что эти двое подошли друг другу.</i>	– (+) <i>*Книга странно понравилась ребенку. *Мы удивительно нашли боровик в этом лесу. Эти двое поразительно подошли друг другу. (наречие в исходной сентенциальной функции тяготеет к интенсификаторам)</i>
Этическая и рационалистическая оценка	– (+) <i>*Встать на защиту сына было с его стороны расчётливо. Похвально поступить в медицинститут без репетиторов.</i>	+ (–) <i>Расчётливо встал на защиту сына. *Ее внук похвально поступил в медицинститут без репетиторов.</i>
Эмоциональное, физическое, физиологическое состояние	+ <i>Стало весело, когда на коленях приютилось маленькое существо. Дочке тяжело было донести 20 килограмм от магазина до дома. Мерзко отказываться от своего ребенка. Обидно, что ребята пренебрегают мной. Досадно, что я был разбужен среди ночи мотором.</i>	– (+) <i>?На коленях весело приютилось маленькое существо. (при поддержке такого употребления прагматическим контекстом наречие будет квалифицироваться как глагольный модификатор) *Дочка тяжело донесла 20 килограмм от магазина до дома. ?Он мерзко отказался от своего ребенка. Ребята обидно пренебрегают мной. Я был досадно разбужен среди ночи мотором.</i>

¹ Знаком «– (+)» / «+ (–)» обозначена область ограничений, которые определяют невозможность преобразования конструкции с предикативом в конструкцию с сентенциальным наречием и наоборот.

Таким образом, и у предикативов, и у сентенциальных наречий есть свои области, в которых они количественно и функционально преобладают. Активные грамматические процессы могут смещать эту норму и расширять область синонимического взаимодействия конструкций с предикативами и сентенциальными наречиями. Поскольку и предикативы, и сентенциальные наречия являются распространителями предложения, в перспективе интересно выявить семантические и коммуникативные особенности разных типов употреблений одних и тех же наречных лексем.

Список литературы

1. Филипенко М.В. Семантика наречий и адвербиальных выражений. М.: Азбуковник, 2003.
2. Голубева В.К. О возможностях сентенциального употребления наречий образа действия. Электронный ресурс: https://ruslang.ru/sites/default/files/2024-06/tezisy_gram2024_final.pdf.
3. Кустова Г.И. Прагматические факторы в семантике конструкций с предикативами // Проблемы лингвистической прагматики. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2021. С. 123–133.
4. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru>.
5. Рудницкая Е.Л. Некоторые классы сентенциальных наречий в русском языке. Семантика. Синтаксис. Лексикография // Вопросы языкознания. 1994. № 1. С. 114–125.

V.K. Golubeva

Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

PREDICATIVES AND SENTENTIAL ADVERBS: AREA OF FUNCTIONAL INTERACTION

***Abstract.** The article discusses adverbs with a floating scope, which can be used in both predicative and sentential functions. It is argued that in the field of expressing emotional reactions and physical states, the modifiers of the entire proposition are mainly predicates; sentential uses are possible only for individual lexemes with such semantics (“dosadno” ‘annoying’, “obidno” ‘offensive’) or in special types of constructions. General evaluations are not conveyed by sentential adverbs, but mental evaluations are expressed selectively. At the same time, predicatives are used more limitedly when it is necessary to evaluate a proposition from an ethical and rational point of view.*

***Keywords:** predicative, adverb, sentential adverb, scope, adverb with floating scope.*

Л.И. Горбунова

Иркутский государственный университет (Иркутск)

КОГНИТИВНЫЕ И СИСТЕМНО-ЯЗЫКОВЫЕ МЕХАНИЗМЫ ФОРМИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ЯЗЫКОВЫХ ВЫРАЖЕНИЙ

Аннотация. В статье рассмотрено взаимодействие когнитивных и системно-языковых механизмов при формировании производных значений приставочно-суффиксальных локативных прилагательных русского языка. Доказано, что элементы пространственной конфигурации и отношения между ними, номинированные производящей основой и префиксом прилагательного, могут быть определенным образом концептуализированы, что влечет за собой возникновение новых лексических значений прилагательного. Регулярность локативных ситуаций и явный и очевидный онтологический характер концептуальных смыслов, связываемых с локативными значениями, предопределяют закрепленность указанных концептуальных смыслов за некоторым набором языковых значений и моделей, а сам процесс определенной концептуализации ориентира играет роль когнитивного шаблона, по которому интерпретируются подобные локативные ситуации. При этом исходные локативные значения могут нейтрализоваться, что приводит к выстраиванию новых внутрисистемных связей между единицами языка. Эти процессы также характеризуются чрезвычайно высокой степенью регулярности, и поэтому новые значения приобретают статус конвенциональных.

Ключевые слова: когнитивная грамматика, значение, концептуализация, локативное прилагательное, словообразовательная модель.

Одним из центральных вопросов лингвистики был и остается вопрос о природе значения языковой единицы и механизмах его формирования. Доминирующей в современном языкознании является мысль о том, что значение создается в результате сложного взаимодействия между использованием уже готовых языковых единиц и структур в конвенциональном значении (с опорой на лингвистический опыт, на языковую компетенцию) и конструированием значений непосредственно в процессе коммуникации.

Особый вклад в формирование такого понимания природы значения языкового выражения внес Рональд Лангакер, разработавший концепцию пространственной, или когнитивной, грамматики (*space grammar*) [1; 2]. Принципиальным положением, объясняющим использование языка его носителем, является то, что значения языковых форм являются результатом использования многогранного человеческого опыта, как лингвистического, так и когнитивного, ментального. Особую роль в выборе способа отражения действительности в высказывании играет концептуализация – «осознание человеком физического, социального и лингвистического контекста речевых событий» [3. Р. 361]. «Говорящий в процессе построения речевых

структур руководствуется не только языковой конвенцией, но и пониманием контекста, коммуникативными целями, фоновыми знаниями и т.д.» [4. С. 150]. В результате языковое выражение не просто номинирует нечто, но также включает его интерпретацию и реализует коммуникативные цели.

Так, например, в русском языке представлена группа зафиксированных в словарях суффиксально-префиксальных прилагательных с производным значением ‘невидимый, тайный’ – *подспудный, подпольный, подводный, подземный, закулисный, застинный, заочный, заглазный, междустрочный*. С одной стороны, они являются стилистически нейтральными, частотными единицами русского языка, прямое и производное значение которых известно большинству носителей. Эти характеристики обуславливают то, что даже в производных значениях эти единицы используются автоматически, безо всяких затруднений, с опорой на знание базовой лексики, к которой следует отнести и данные прилагательные.

Однако само формирование и системное сосуществование в языке этих ставших уже конвенциональными значений имеет когнитивную основу.

Исходное значение этих прилагательных локативное, производящее существительное в них называет объект, выступающий ориентиром при локализации другого объекта: ‘**Х** находится под (за, между) **У**’.

При формировании производного значения существительные *вода, земля, пол, спуд* и др. выступают в качестве названия границы видимого и невидимого, с тыльной от наблюдателя стороны которой находится нечто. Такие смыслы, «как бы они ни были на первый взгляд элементарны и очевидны, не существуют в готовом виде, а извлекаются, выводятся из определенного “денотативного материала” – или хотя бы замечаются, акцентируются, попадают в фокус» [5. С. 81]. Для извлечения такого рода информации необходим опыт нахождения в определенных локативных ситуациях, их освоение и аналитическая работа, после которой данная информация попадает в фокус. При использовании конвенциональных локативных единиц в значении ‘невидимый’ акцент переносится с пространственного аспекта восприятия ситуации на концептуальный, с ‘**Х** расположен под, за **У**’ на ‘**Х** не виден’.

Процесс концептуализации ситуации ‘находиться где-л. по отношению к **У**’ как ‘**Х** невидим’ по своей природе антропоцентричен, поскольку смысл ‘невидимый’ возникает на основе переосмысления пространственных моделей, фиксирующих положение наблюдателя, который находится с одной стороны ориентира, а локализуемый объект – с другой.

На следующем этапе концептуализации из опыта извлекается причинно-следственная связь между смыслами ‘невидимый’ и ‘тайный’, ‘скрываемый’ и под.

Любая модель, в которой именно так концептуализируется расположение **Х**, **У** и наблюдателя, может быть осмыслена в таком ключе. И это можно интерпретировать как когнитивный шаблон (*cognitive routine*),

по Р. Лангакеру, – некую в совершенстве освоенную структуру, т.к. она частотна и, кроме того, закреплена в языке чрезвычайно частотными словообразовательными моделями. Этот шаблон становится основой для творческой, концептуализирующей деятельности говорящего. Поэтому в речи любое существительное, называющее предмет, который в определенной пространственной конфигурации может выступать как преграда для визуального восприятия, способно стать производящим для прилагательного со значением ‘тайный, скрытый’. Нами обнаружены прилагательные в значении ‘тайный’, вообще не указанные в словарях или такие, у которых данное значение словарями не отмечается:

(1) *Особенно они не одобряли его **забойных** дел* (www.literlib.ru/.../text_0120.shtml);

(2) *Давайте смотреть на этот процесс не как на теневой, не как на **подковерный** или **заиторный**, давайте наоборот покажем, что Конституция...* (for-ua.com/ukraine/2007/03/27/140353.html);

(3) *Чудо, говоришь, адвокатишка **подпольный, заиторный**, я бы так определила – это не то слово* (weblog.rc-mir.com/weblog.1515908.1354.html).

Концептуализация объекта, названного производящим, как преграды для свободной перцепции поддерживается конвенциональной словообразовательной моделью, т.к. объекты – кожа, ковер, земля, кулисы, обои, экран, вода – осознаются как преграда только в определенных пространственных конфигурациях: невидимо то, что находится ниже поверхности воды и снега, по другую сторону кулис, с тыльной, внутренней стороны кожи, штор, обоев и т.п.

Связь нового смысла ‘тайный’ с пространственной ситуацией, его производность от локализации явно наблюдается и даже подчеркивается в некоторых контекстах, где указывается, что тайники действительно находятся за стенами и под полом и только потому являются тайниками (пример 4), а казни являются тайными именно потому, что производятся за стенами (пример 5), некоторые факты биографии не демонстрируются на экране и потому являются тайной (пример 6):

(4) *Демьян по комнатенке своей убогой заметался, тайники **подпольные да застенные** пораскрывал* (www.schastye.ru/bozhe-nakazanie2);

(5) *Рассказывал я и о казнях, которые в отличие от **тайных, застенных** бродингнежских, были у нас публичными, гораздо более изоциренными и всегда являлись праздником для народа* (lib.rus.ec/b/133135/read);

(6) *«**Заэкранныя**» жизнь популярного телеведущего пока остается для аудитории ПБК тайной. Сегодня откроем один секрет* (www.dpils.lv/view_article.php?article=17235).

В рассмотренных высказываниях обнаруживается, что прилагательные, образованные от несинонимичных существительных, являются синонимами, что обусловлено двумя факторами. Во-первых, тем, что они мотивированы существительными, каждое из которых называет объект,

концептуализированный как граница видимого и невидимого. Во-вторых, тем, что они имеют однотипную словообразовательную структуру: префикс с базовым локативным значением + производящее – основа существительного конкретно-предметной семантики + суффикс относительного прилагательного. Кроме того, несмотря на то что слова рассмотренной группы образованы по трем разным словообразовательным моделям, дейк-тичность формантов при наличии производящих, одинаково концептуализирующих ориентиры, обуславливает синонимичность самих моделей.

Необходимо при этом отметить, что нейтрализация значений производящих и словообразовательных моделей – взаимодействующие факторы: производящие актуализируют общий смысл ‘невидимый’ только в определенном словообразовательном контексте, а словообразовательные модели становятся синонимичными, только когда в качестве производящих в них выступают существительные определенной семантики. В основе всех этих процессов лежит концептуальная информация.

Синонимия прилагательных, образованных по разным словообразовательным моделям от несинонимичных производящих, возникает на базе одинаковой концептуальной информации, связываемой с разными с перцептуальной точки зрения ситуациями. Акцентирование именно данной концептуальной информации сопровождается нейтрализацией всех локативных различий.

На основе описанных когнитивных процессов границы синонимических рядов могут существенно расширяться:

(7) *Давайте разом все и дружно покажем друг другу пример поведения без наездов и туманных намеков друг на друга вместе с **подпольной, подшкафной** и прочими **тайными** войнами* (megaman-world.ru/forum/.../page__st__20);

(8) *И что самое смешное: те же великие и ужасные гарвардские профессора, закончив чтение лопухам-студентам лекций «про стратегии» берут в руки калькуляторы и подсчитывают деньги, получаемые ими за членство в советах директоров реальных компаний ... со всеми их «**теневыми**» и «**затеневыми**» операциями* (www.forum.cfin.ru/showpost);

(9) *А те, кому было выгодно (за **занавесочкой**, да на отдыхе), вполне объявили это путчем (откуда такое бездействие Горби? Вполне м.б., что он играл на лапу с **ззанавесочными**, они ж там друг друга без слов, **под ковром** понимают. По понятиям, т.с.)* (forum-msk.org/.../society/1350335.html?pf=).

На базе концептуализации пространственного ориентира как преграды для свободной перцепции и знания о причинно-следственных связях основана способность этой группы прилагательных чрезвычайно широко варьировать значение. Значение ‘тайный’ может развиваться в ‘нелегальный’ (пример 10), ‘несанкционированный’ (пример 11) или в ‘неофициальный’ (пример 12):

(10) Ты неоднократно указывал – и в разговорах, и в текстах – на некое («конспиративное») **закартинное** пространство, на границе которого ты работаешь (read.bookam.net/.../page8/drugoe_iskusstvo.html).

(11) Он был бездипломный адвокат и сидел за **подпольную** адвокатскую деятельность (Ф. Искандер);

(12) Нет, никакая **закулисная, частная** встреча с ним мне была не нужна (А. Солженицын).

Смысл ‘невидимый’ онтологически связан со смыслом ‘чужой’. В примере (13) прилагательное **затуманный** номинирует ситуацию, в которой туман концептуализирован как граница видимого и невидимого. В сочетании с концептуализацией области за чем-либо как чужой, неосвоенной причинно-следственная связь невидимого и чужого становится особенно очевидной:

(13) Вот стукнуло Спире двадцать годочков, сгинул батюшка его в **далях затуманных, чужеземных** (www.penza-online.ru/stories.155.htm).

Более того, подобные значения способны приобретать не только семантические, но и экспрессивные и даже стилистические наращения:

(14) Ваганов ведет непонятную и, видимо, **нечистую закулисную возню** (В. Липатов);

(15) **Закулисные сговоры** (название статьи В. Карпова).

Эти наращения в языке, как и в мифологической и художественной картине мира, базируются на концептуальном сближении смыслов ‘невидимый’ – ‘опасный’ – ‘чужой’ – ‘плохой’.

Регулярная метафоризация ситуаций с участием объекта, концептуализированного как граница видимой и невидимой зон, может при определенных условиях расширять сферу явлений, подвергающихся концептуальному осмыслению. Например, если все невидимое концептуализируется как скрытое, то наличие языковых словообразовательных моделей, антонимичных тем, с участием которых выражается смысл ‘скрытый’, позволяет интерпретировать видимое – доступное восприятию – как явное, открыто выражаемое. При этом следует отметить, что у прилагательных **надковерный, надземный** в языке не фиксируется таких конвенциональных значений, они возникают ситуативно за счет одновременного использования знаний о системных отношениях между языковыми единицами и когнитивной работы:

(16) После долгих и упорных **надковерных и подковёрных** сражений, перетягивания каната между Москвой и Якутском, между Россией и «Де Бирс» Бычкова сняли с работы (А. Бовин);

(17) Такова ясная логика **надземных** людей, противопоставляемая неопределенным стремлениям обитателей **подполья** (Л.И. Шестов).

Специфика нового значения прилагательного по сравнению с локативным проявляется в эксплуатации авторами его «качественной» природы, позволяющей сравнивать объекты не только по их локализации, но и по степени

интенсивности признака. Степень интенсивности проявления признака ‘тайный’ связана с осознаваемой говорящим степенью закрытости локативной зоны. Фрагмент пространства под полом более закрыт, чем место под лестницей, которое ограничено ориентиром не со всех сторон, поэтому *подлестничный* является менее скрытым, тайным, чем *подпольный*:

(18) *Толик с Тверье старше нас были, учились на пятом курсе, Темкин вообще юрист, т.е. правила ребята хорошо знали – что можно, чего нельзя. Никакая не подпольная – подлестничная! – да и не организация вовсе* (abursh.sytes.net/Marginaly/Kirshina.htm).

Таким образом, для использования прилагательного в новом значении оказывается непервостепенным, относительно какого объекта происходит локализация, каковы пространственные отношения между **X** и **У**. Главным является то, что извлечение нового смысла происходит с учетом информации, получаемой из локативной ситуации в той ее части, которая базируется на опыте обыденной жизни человека, где **У** концептуализируется определенным образом. Причиной языкового явления – синонимии и антонимии – оказывается не семантика языковых средств, а то, что ситуации, номинированные с использованием определенных языковых моделей и языковых единиц, являются ценностно подобными, имеющими примерно одинаковую значимость в практике.

В результате наблюдается, что концептуализации подвергается целиком вся локативная ситуация, включающая и участвующие в ней объекты, и отношения между ними. Лингвистическим следствием работы когнитивных механизмов в этих случаях являются употребление прилагательного в новом значении и выстраивание новых внутрисистемных связей языковых единиц.

Список литературы

1. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. 1: Theoretical Prerequisites. Stanford: Stanford University Press, 1987.
2. Langacker R.W. Foundations of Cognitive Grammar. Vol. II: Descriptive Application. Stanford: Stanford University Press, 1991.
3. Langacker R.W. Grammar and Conceptualization. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000.
4. Скребцова Т.Г. Когнитивная лингвистика: классические теории, новые подходы. М.: Издательский дом ЯСК, 2018.
5. Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М.: Языки славянской культуры, 2004.

L.I. Gorbunova
Irkutsk State University (Irkutsk)

**PARTICIPATION OF COGNITIVE AND SYSTEM-LANGUAGE
MECHANISMS IN THE FORMATION OF MEANINGS
OF LANGUAGE EXPRESSIONS**

***Abstract.** The article examines the interaction of cognitive and system-linguistic mechanisms in the formation of derived meanings of prefix-suffixal locative adjectives in the Russian language. It has been proven that the elements of spatial configuration and the relationships between them, which the generating stem and the prefix of the adjective nominate, can be conceptualized in a certain way. As a result, a new meaning develops for the adjective. The locative situations nominated by adjectives are regular, and the conceptual meanings associated with locative meanings are obvious and based on knowledge of the structure of the world. Therefore, these conceptual meanings are fixed in the conventional meanings of linguistic units and models. The fact that a native speaker regularly conceptualizes a spatial reference in a certain way plays the role of a cognitive template that is superimposed on other similar locative situations. In this case, the original locative meanings can be neutralized, which leads to the building of new intrasystem connections between language units. These processes are also characterized by an extremely high degree of regularity and therefore new meanings acquire the status of conventional ones.*

***Keywords:** cognitive grammar, meaning, conceptualization, locative adjective, word formation model.*

Е.Л. Григорьян

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ, СИНТАКСИЧЕСКАЯ ТИПОЛОГИЯ И РУССКИЙ СИНТАКСИС

***Аннотация.** Синтаксис может быть рассмотрен с точки зрения воплощаемых в нём общих семантических категорий, которые во многом определяют синтаксические правила, а синтаксические конструкции являются средством выражения таких значений. В синтаксической типологии отмечается целый ряд синтаксически релевантных семантических категорий, основополагающих для синтаксических систем многих языков и претендующих на статус универсалий: контролируемость, каузальность, агентивность, пациентивность. Категории этого типа («скрытые») могут выражаться различными способами и при этом нерегулярно, а формы их языковой реализации часто не являются специфическими именно для этих значений; они могут получать различные синтаксические воплощения в разных языках и в пределах одного языка, а их содержание может быть до некоторой степени лингвоспецифично. В статье исследуется реализация категорий контролируемости и пациентивности (*affectedness*) в русском синтаксисе.*

***Ключевые слова:** синтаксическая семантика, русский синтаксис, «скрытые» категории, контролируемость, пациентивность, безличные конструкции.*

В настоящее время может считаться общепризнанной идея обусловленности синтаксической структуры высказывания семантическими и прагматическими факторами, а синтаксис рассматривается как способ кодирования (*encoding*) семантических и прагматических категорий. Таким образом, синтаксис может быть рассмотрен с точки зрения воплощаемых в нём общих семантических категорий, которые во многих случаях определяют синтаксические правила, а синтаксические конструкции являются средством выражения таких значений.

Термин «семантическая категория» соотносится с термином «понятийная категория», но представляется нам предпочтительным, т.к. термин «понятийная категория» указывает на их ментальную природу, а «семантическая категория» – на принадлежность языку. Понятийные категории рассматриваются как универсальные и организующие языковые системы; таковы же рассматриваемые далее категории. Они выявляются из исследования языкового материала, а далее возможен путь от семантики к формам её выражения в языке, т.е. ономаσιологический подход.

В данной работе предметом рассмотрения являются семантические категории синтаксиса, относящиеся к т. наз. скрытым категориям – по крайней мере, они являются скрытыми для русского (и многих других).

Термин «скрытая категория» (*covert category*), или «криптотип», был введён Б.Л. Уорфом [1], см. также [2]. Скрытые категории не выражаются эксплицитно, не имеют специального морфологического показателя, могут проявляться различными способами и при этом нерегулярно, но существенны для синтаксиса и могут влиять на синтаксическую структуру высказывания и даже определять ее.

В синтаксической типологии отмечается целый ряд синтаксически релевантных семантических категорий, ключевых для синтаксических систем многих языков различного происхождения и разного строя и претендующих на статус универсалий. Они могут выражаться в разных языках различными способами (но, кстати, способы их реализации нередко совпадают). Из ключевых категорий этого рода следует отметить категории контролируемости (контроля), каузальности, агентивности (которая представляет собой комплекс различных факторов и имеет заметную семантическую специфику в разных языках) и категорию, которую мы будем называть пациентивностью (более удачно английское название *affect-edness*). Ниже будут рассмотрены две из них – контроль и пациентивность – применительно к некоторым аспектам русского синтаксиса.

Контролируемость может рассматриваться как семантический признак глагола, и есть основательные исследования в этом направлении [3–5 и др.], однако синтаксис может переигрывать семантику глагола, а значительная часть глаголов нейтральна в этом отношении и может обозначать как контролируемые, так и неконтролируемые действия. Значения неконтролируемости или ослабленного контроля имеют также синтаксические способы выражения. В русском языке для этого используются различные деагентивные конструкции, в которых агенс (или иной каузатор) «смещается» с позиции подлежащего: (1) *К концу дня, отяжелев от уроков, насыщенных разговорами и демонстрациями, мы задохнулись среди стружек и опилок, не умея перепилить доску. Пила завёртывалась, рубанок кривил, стамеска ударяла по пальцам: ничего не выходило* (Мандельштам); ср. *я ударял стамеской по пальцам*, возможное для описания той же ситуации; в данном же примере значение неконтролируемости передаётся ещё и синтаксическим способом; (2) *И вот, отчаявшись (рук не чувствую) – какую попало [картошку]: раздавленную, мороженую, оттаявшую ... Мешок уже не вмещает. Руки, окончательно окоченев, не завязывают* (М. Цветаева); ср. также *мешок не завязывается* (другая диатеза, но также деагентивная конструкция и с той же семантикой).

Подобное использование деагентивных конструкций этого типа отмечается также в других языках, в том числе в английском и французском [6], но, по всей видимости, и во многих других.

Значение неконтролируемости также выражается безличными конструкциями, часто (но не всегда) в более конкретном варианте – стихийности. Безличные конструкции – в тех языках, где они есть, – являются средством

обозначения стихийных природных явлений. Данное значение наглядно проявляется в контекстах, где одна и та же ситуация представлена двумя разными синтаксическими способами. Так, в материале газеты «Вечерняя Москва» одна и та же ситуация описывается дважды, безличной конструкцией и пассивом: (3) *Если бы Тунгусский метеорит опоздал в своё время на 4 часа, Питер стёрло бы с лица земли* (подзаголовок); (4) *...Город был бы стёрт с лица земли* (далее в тексте). В примере (4) в форме пассивной конструкции представлен результат без указания причины, вызвавшей данное состояние (результативное значение вообще свойственно причастному пассиву); в принципе, такое описание совместимо с ситуацией, когда уничтожение города является результатом действий людей, например штурм с последующим целенаправленным разрушением, тогда как в безличной конструкции ярко выступает семантика стихийности. Ср. также пример, приводимый в [7. Р. 363]: (5а) *Самолет накренился*; (5б) *Самолет накренило*. Из двух предложений только (5а) может относиться к манёвру пилота, тогда как (5б) «описывает движение самолёта как результат действия природных сил или механических факторов, не контролируемых пилотом (“beyond the pilot’s control”)» (перевод наш. – Е.Г.).

Однако русские безличные конструкции связаны не только с выражением семантики стихийности или – шире – неконтролируемости в общем. С безличными конструкциями связано значение пациентивности (*affectedness*), «затронутости действием», «страдательности», см. [8]. Ср. *он обжёгся* – результат действия, *его обожгло* – ощущение (или, возможно, серьёзный физический ущерб). Нагляден перечень значений для безличных конструкций этого типа, приводимый в работе [9. С. 983]: *damage, death, injury, discomfort, uncontrolled experience* (примечательно, что большинство примеров с такими безличными конструкциями в этой работе переведены на английский язык формами *get-passive*, также специализированными, помимо прочего, на выражении пациентивности). Характерно, что именно этот тип конструкций обычно используется для описания несчастных случаев. Этот аспект отражён в известной (и популярной) концепции А. Вежбицкой, оценивающей примеры типа *Его переехало трамваем* как указывающие на орудие неназванной стихийной силы, загадочной и непознаваемой. Однако мы позволим себе оспорить данную трактовку: безличные конструкции, описывающие подобные происшествия, вовсе не обязательно содержат элемент стихийности (действия сверхъестественных сил, «не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [10. С. 76]), ср. (6) *Как-то на вокзале я осматривал гурты, и в это время один барышник попал под локомотив, ему отрезало ногу* (Чехов); из новостей в интернете: (7) *Двум девочкам в Москве оторвало пальцы декоративными кольцами. Как стало известно, в Филатовскую больницу поступили две девочки 12 и 14 лет. У обеих были оторваны пальцы на руке. Причиной несчастных случаев стали обычные декоративные кольца. Первая*

девочка зацепилась украшением за металлическую перекладину забора, через который перелезала. Вторая поранилась о баскетбольный щит (АИФ. 29.10.24) – в последнем примере присутствует значение неконтролируемости, но не стихийности.

Этот тип ситуаций в работе [11] определяется как «происшествия», в отличие от действий; ср.: (8) *Столько убитых, столько раненых – и ни одного известного человека (только профессору Тарле поранило голову саблей – единственная знаменитость)* (Мандельштам) – сообщение о том, что профессор Тарле пострадал, а не о чьих-либо действиях, в результате которых это произошло, ср. ...*поранили голову...* Такие предложения описывают не «что сделал» соответствующий партиципий, а «что случилось» с ним, чему он подвергся, от чего пострадал.

Синтаксический способ выражения данного значения следует ряду универсальных тенденций. В безличных конструкциях, в отличие от личных, причина, действующая сила оказывается на заднем плане или вообще не упоминается, а в фокусе внимания – пациент, подвергшийся воздействию или претерпевающий изменение состояния. Отсутствие формально выраженного подлежащего ведет к фокусировке внимания на другом актанте, обычно на прямом дополнении, что согласуется с известной в синтаксической типологии иерархией актантов по коммуникативному весу: *подлежащее > прямое дополнение > прочие*. Стоит также заметить, что *affectedness* (пациентивность) является наиболее характерным, прототипическим значением прямого дополнения, а свойственные безличным предложениям т. наз. дативные и possessивные субъекты также типичны для описания перцептивных и иных аффективных ситуаций. При одушевленности соответствующего актанта, характерной для большинства безличных предложений, проявляется также известная иерархия одушевленности (иначе называемая *topicality hierarchy*): **человек > другие живые существа > силы природы > предметы**, что соответствует более низкому синтаксическому и коммуникативному рангу квазиагентивного дополнения в безличной конструкции (если оно присутствует) по отношению к пациентам и экспериенцерам.

Таким образом, в русских безличных предложениях, которые часто рассматриваются как явление исключительно своеобразное и даже этноспецифическое, тем не менее прослеживаются общие тенденции, отмечаемые в синтаксической типологии.

Рассмотренные синтаксические способы не являются непосредственным, однозначным и обязательным выражением указанных значений (не)контролируемости и пациентивности, которые могут быть выражены и иными – несинтаксическими – способами; кроме того, следует иметь в виду, что в формировании синтаксической структуры высказывания действует целый комплекс факторов – не только семантических, но также прагматических и формальных.

Список литературы

1. Уорф Б.Л. Грамматические и семантические категории и их связи // Принципы типологического анализа языков различного строя. М.: Наука, 1972. С. 5–72.
2. Булыгина Т.В., Крылов С.А. Скрытые категории // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1991. С. 457–458.
3. Булыгина Т.В. К построению теории предикатов русском языке // Семантические типы предикатов, М.: Наука, 1982. С. 7–85.
4. Зализняк А.А. Контролируемость ситуации в языке и в жизни // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 138–145.
5. Кустова Г.И. Некоторые проблемы анализа действия в терминах контроля // Логический анализ языка. Модели действия. М.: Наука, 1992. С. 145–149.
6. Григорьян Е.Л. Русский синтаксис на фоне английского и французского // I Congreso Internacional de Rusística “Lengua, Visión del Mundo y Texto”. Granada: Sección Departamental de Filología Eslava, Universidad de Granada, 2011. P. 818–823.
7. Babby L.H. Hybrid Causative Constructions: Benefactive Causative and Adversity Passive // Causatives and Transitivity. Amsterdam – Philadelphia: Benjamins, 1993.
8. Григорьян Е.Л. Семантическая категория пациентивности (affectedness) и её синтаксические реализации // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2014. Вып. 2. С. 28–35.
9. Janda L.A. Transitivity in Russian from the Cognitive Perspective // Динамические модели: Слово. Предложение. Текст. Сб. ст. в честь Е.В. Падучевой. М.: Языки славянских культур, 2008. С. 970–988.
10. Вежбицкая А. Русский язык // Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание. М.: Русские словари, 1996. С. 33–88.
11. Розина Р.И. От происшествий к действиям (Семантическая деривация как способ пополнения общего жаргона) // Русский язык сегодня. Вып. 1. М.: Азбуковник, 2000. С. 418–432.

E.L. Grigorian

Southern Federal University (Rostov-on-Don)

SEMANTIC CATEGORIES, SYNTACTIC TYPOLOGY AND RUSSIAN SYNTAX

Abstract. *Syntax can be considered from the point of view of general semantic categories determining syntactic rules and conveyed by syntactic structures. Syntactic typology registers a number of syntactically relevant semantic categories across languages, probably universal, like agentivity, cause, control, affectedness, etc., which are so-called covert categories, i.e. irregularly represented by various forms usually not specific for the purpose. The paper deals with manifestations of control and affectedness in Russian syntax.*

Keywords: *syntactic semantics, Russian syntax, covert categories, control, affectedness, impersonal constructions.*

Е.А. Гришечкина

Гомельский государственный колледж строителей
(Гомель, Республика Беларусь)

ГРУППОВАЯ ФОРМА РАБОТЫ С ПРИМЕНЕНИЕМ АКТИВНЫХ МЕТОДОВ И ПРИЁМОВ ОБУЧЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО РУССКОЙ ГРАММАТИКЕ

***Аннотация.** В статье излагается идея лично-ориентированного подхода в образовании, описана групповая форма работы с учащимися. Даны активные методы и приёмы обучения учащихся на занятиях по русской грамматике. Особое внимание уделяется кейс-методу. Раскрываются результаты использования активных методов и приёмов обучения на учебных занятиях по русской грамматике.*

***Ключевые слова:** лично-ориентированный подход, групповая форма, активные методы, кейс-метод, толстые и тонкие вопросы, приём «кластер».*

Современный процесс обучения основан на концепции лично-ориентированного образования. Личностный подход требует от преподавателя создания в учебном процессе следующих педагогических условий:

- видеть в каждом обучающемся уникальную личность, уважать её, понимать, принимать, верить в неё;
- создавать для ученика ситуации успеха, поддержки, с тем чтобы учебная деятельность приносила учащемуся радость;
- изучать причины незнания и устранять их, не нанося ущерба достоинству обучающихся;
- помогать обучающимся реализовать себя в учебной деятельности.

Личностно ориентированный подход реализуется через групповую работу. Наиболее эффективно групповая работа проходит по методу кейса.

Кейс-метод выступает как технология формирования образа мышления, которая позволяет креативно думать и действовать, развивать творческий потенциал. Метод направлен не столько на освоение конкретных знаний или умений, сколько на развитие общего интеллектуального и коммуникативного потенциала учащегося и преподавателя.

Хороший кейс учит искать новые подходы, поскольку имеет не единственное правильное решение. Решений может быть несколько. Кроме того, кейс способствует выработке независимого мышления, а значит, развивает навык креативного поиска [1. С. 77]. Суть метода состоит в том, что учащиеся получают пакет (кейс) заданий, не имеющих точного решения. Соответственно требуется разобраться в запутанной ситуации: либо выявить проблему и обнаружить пути ее решения, либо выработать варианты выхода из положения, когда проблема обозначена. Кейсы отличаются от обычных образовательных задач (задачи имеют, как правило, одно решение

и один правильный путь, приводящий к этому решению, кейсы имеют несколько решений и множество альтернативных путей, приводящих к ним).

Приведём примеры кейсов на уроках русского языка:

1. Причастие – форма глагола или самостоятельная часть речи?

2. Наименования типа *вагон-ресторан*, *стенд-витрина*, *школа-интернат*, в которых изменяются обе части (*в вагоне-ресторане*, *у стенда-витрины*, *в школе-интернате*), одни учёные относят к сложным словам, другие называют особыми словосочетаниями. Попробуйте доказать ту точку зрения, которую принимаете вы.

Кейс-технологии – это не повторение за учителем, не пересказ параграфа или статьи, не ответ на вопрос преподавателя, это анализ конкретной ситуации, который заставляет поднять пласт полученных знаний и применить их на практике.

Активные методы обучения побуждают учащихся к самостоятельной мыслительной и практической деятельности в процессе овладения учебным материалом [2]. Так, для организации взаимопроса применяется приём «толстые и тонкие вопросы», который позволяет формировать умения формулировать вопросы, соотносить понятия, слушать одноклассников. Тонкий вопрос предполагает однозначный краткий ответ. Толстый вопрос предполагает ответ развёрнутый. После изучения темы учащимся предлагается сформулировать по три «тонких» и три «толстых» вопроса, связанных с пройденным материалом. Затем они спрашивают друг друга, используя таблицы «толстых» и «тонких» вопросов. После составления таблицы учащиеся работают в группах, задавая вопросы друг другу [3. С. 27]. Покажем это на примере изучения темы «Части речи»:

• «Толстые вопросы»:

– Какие части речи относятся к самостоятельным?

– Какие части речи относятся к служебным?

– В чем различие между самостоятельными и служебными частями речи?

• «Тонкие вопросы»:

– На какой вопрос отвечает имя существительное?

– На какой вопрос отвечает глагол?

– На какой вопрос отвечает имя прилагательное?

При проведении учебных занятий рекомендуется использовать работу в малых группах. При знакомстве с новым материалом одна группа изучает определённую его часть с последующей презентацией. Например, при изучении темы «Изменение слова (части речи)» материал разбивается на следующие части:

• первая группа изучает понятие о частях речи (записывает в тетрадь и на лист ватмана для презентации);

• вторая группа изучает грамматические категории самостоятельных частей речи (записывает в тетрадь и на лист ватмана для презентации);

- третья группа изучает грамматические категории служебных частей речи (записывает в тетрадь и на лист ватмана для презентации);
- четвёртая группа изучает междометие, звукоподражательные слова.

Во время презентации остальные учащиеся записывают в тетрадь опорные тезисы с листа ватмана.

Разные по уровню подготовленности группы решают разной сложности задачи. Сильные учащиеся могут выполнять индивидуальные задания, а слабые лучше себя чувствуют в группе.

Метод «Кластер» представляет собой графическую систематизацию учебного материала – расположение текста в определённом порядке. Приём позволяет охватить большое количество информации, сформировать целостное представление изучаемой темы, увидеть взаимосвязи отдельных смысловых единиц. Например, каждой группе (5 групп) даны карточки, на которых записаны определение части речи, морфологические категории, синтаксическая роль в предложении. Необходимо отобрать те категории, которые относятся к заданной части речи.

Приём «Лови ошибку» активизирует внимание учащихся, формирует умение анализировать информацию, применять знания в нестандартной ситуации, критически оценивать полученную информацию. Вот пример задания, иллюстрирующего этот приём: Найдите и исправьте грамматические ошибки. Сформулируйте правило, на которое допущена ошибка: *бухгалтер – бухгалтера* (правильный вариант: *бухгалтеры*), *торт – торта* (правильный вариант: *торты*), *погоны – погонов* (правильный вариант: *погон*), *болгары – болгаров* (правильный вариант: *болгар*), *няни – няней* (правильный вариант: *нянь*), *партизаны – партизанов* (правильный вариант: *партизан*).

Таким образом, приведенные примеры – это малая часть известных в педагогической практике активных методов и приёмов обучения. Разнообразие приёмов и методов на учебном занятии по русской грамматике обеспечивает более полное усвоение материала учащимися.

Список литературы

1. Педагогические технологии: вопросы теории и практики внедрения. Справочник для студентов / Авт.-сост. А.В. Винеvская; под ред. И.А. Стеценко. Ростов-на-Дону: Феникс, 2014.
2. Зарукина Е.В. Активные методы обучения: рекомендации по разработке и применению. СПб.: СПбГИЭУ, 2010.
3. Богачёва И.Н. Эффективные приёмы изучения русского языка на повышенном уровне // Русский язык и литература. 2022. № 5. С. 19–28.

E.A. Grishechkina

Gomel State College of Builders (Gomel, Republic of Belarus)

**GROUP FORM OF WORK USING ACTIVE METHODS
AND TEACHING TECHNIQUES FOR STUDENTS
IN RUSSIAN GRAMMAR CLASSES**

***Abstract.** The article talks about a person-oriented approach and describes a group form of working with students. Active methods and techniques for teaching students in Russian grammar classes are given. Particular attention is paid to the case method. The results of using active teaching methods and techniques in Russian grammar classes are revealed.*

***Keywords:** person-centered approach, group form, active methods, techniques, case method, thick and thin questions, reception cluster.*

Л.Н. Дони́на

Институт лингвистических исследований РАН,
Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

АКТУАЛИЗАЦИЯ МОРФЕМНОГО ЧЛЕНЕНИЯ ГЛАГОЛОВ С ПРИСТАВКОЙ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

***Аннотация.** В статье обобщается опыт анализа стихотворения М. Цветаевой «Рас-стояние: вёрсты, мили...» в иноязычной аудитории. Демонстрируются возможности «формального» (морфемного и словообразовательного) анализа как одного из ключей к пониманию смыслов поэтического текста. Исследование «от формы к смыслу» выявляет ключевую позицию многократного морфемного (префиксального) повтора: в тексте употреблено 14 глаголов с приставкой «раз-/рас-». Активно используется прием актуализации морфемного членения, создающийся постановкой тире между приставкой и корнем («остранение»). Нарастание экспрессии от строфы к строфе удалось объяснить, «дополнив» все глаголы с приставкой «раз-/ рас-» сравнениями или именами предполагаемых объектов названных глаголами действий. Анализ существительных, которыми могут управлять глаголы с приставкой «раз-/рас-», объясняет отношение к героям со стороны внешней силы как к несамостоятельным объектам воздействия. Семасиологический анализ эффективен для понимания смысла целостного поэтического произведения.*

***Ключевые слова:** морфемика, словообразование, морфемный повтор, префикс, творчество М. Цветаевой, иностранная аудитория.*

Мысль об обращении к поэтическому тексту как материалу для изучения в иностранной аудитории возникла у меня, когда я разрабатывала спецкурс, призванный показать, как «смысл оформляется» (выражение проф. В.В. Колесова) средствами словообразования. Спецкурс адресован магистрантам-иностранцам, изучающим русский язык как иностранный, поэтому нужен был короткий текст, который принадлежал бы к лучшим образцам русской поэзии, известным и хорошо изученным, и одновременно был бы акцентирован на форме, причем выразительность текста должна была достигаться формальными словообразовательными средствами. В результате долгого отбора и некоторого количества «проб» я остановилась на стихотворении Марины Цветаевой «Рас-стояние: вёрсты, мили...» [1. С. 518].

Поэтический текст Марины Цветаевой отвечает критерию изученности: имеется большое количество доступных студентам трудов, авторы которых обращаются к различным аспектам творчества поэта. Моей целью была демонстрация «формального» (морфемного и словообразовательного) анализа как одного из ключей к пониманию смыслов поэтического текста [2. С. 134; 3. С. 9–10]. Е.В. Урядникова в диссертационном исследовании

2023 г. о морфемном повторе в русской поэтической речи XX века в некоторых фрагментах обращается к стихам М. Цветаевой [4]. Диссертация А.М. Надежкина целиком посвящена художественной речи М. Цветаевой, но описывает только корневые повторы [5]. Корень концентрирует в себе «первосмысл», как показал проф. В.В. Колесов, первоначальный смысл скрыт в концептуме, таящемся в невидимых глубинах корня, как зерно, из которого во времени разворачиваются смыслы таких содержательных форм концепта, как образ, понятие, символ [6]. Как представляется из текста диссертации, М. Цветаева повтором корней выводит читателя к этому первосмыслу, концепту, который разворачивает из себя стих. Но на занятиях по словообразованию мы должны были произвести исследование «от формы к смыслу». В этом стихотворении ключевая роль принадлежит многократному морфемному (префиксальному) повтору, поэтому студентам, в зависимости от уровня подготовленности, предлагалось определить роль приставки *раз-/рас-* в образной системе стиха, или на примере текста доказать, что приставка является значимой частью слова, или решить подобные, но более частные задачи. Применение «формального метода» анализа, акцентированного на словообразовании, «подсказано» написанием слова *рас-стояние* и ряда последующих приставочных глаголов с графическим разрывом. Прием актуализации морфемного членения активно используется не только в языке художественной литературы (ср. «со-знание», «познание» [6]).

Какие пути решения поставленной задачи находят обучающиеся? Китайские учащиеся традиционно изучают историю текста, общественную ситуацию, в которой находился автор. Другие подсчитывают, сколько раз употреблены слова с приставкой, высчитывают процент таких слов – 14 глаголов с приставкой *раз-/рас-* на менее чем 70 слов стихотворения, учитывая служебные слова. Квантитативный подход не бесплоден: повтор глаголов одной модели убеждает в том, что он должен быть осмыслен как особый художественный прием. Приветствуется обращение к разным типам словарей и справочников – студенты выписывают из толковых и двуязычных словарей значение всех глаголов и устанавливают, какая часть их семантики обусловлена приставкой, сравнивая их с бесприставочными формами, либо выписывают из Академической грамматики значения приставки *раз-/рас-* и распределяют все употребленные глаголы по этим значениям (как предлагает М.А. Кронгауз [3. С. 9–10]).

Первое слово *рас-стояние* иногда тоже включают в число слов с приставкой *раз-/рас-*, хотя, в соответствии с данными словообразовательных словарей (например [7]), в нем произошло опрощение. Постановка знака, таким образом, отсылает к историческому облику слова, если понимать знак как дефис, освежает его этимологическую форму и, как минимум, делает его облик «незнакомым», к его форме и смыслу приковывается внимание читателя (остановиться и удивиться – «остранение» – термин 1916 г.

ровесника М. Цветаевой Виктора Шкловского: «Я лично считаю, что остранение есть почти везде, где есть образ» [8. С. 61]). Действенность приема семантизации морфемы за счет графического и, соответственно, звукового разделения приставки *раз-/рас-* и корня усиливается приемом морфемного повтора – практически в каждой строке есть глаголы с этой приставкой, которая в ряде глаголов отделена от корня. Если трактовать знак как тире, то тире не только «удлиняет» слово и вместе с тем – расстояние, но и вынуждает делать паузу внутри слова (так читает текст А.Б. Фрейндлих и многие другие исполнители – прослушивание художественного чтения всегда предваряет анализ текста на занятии), и это приведет к звуковому «остранению», обновлению звучания знакомого слова. Деление слова на составляющие элементы особенно хорошо понимают и объясняют пользователи иероглифического письма.

Синтаксический параллелизм (*Рас-стояние: вёрсты, мили...*; *Рас-стояние: вёрсты, дали...*; *Заговорщиков: версты, дали...*) укрепляет решение разбирать каждую строку и каждое слово с заданной приставкой последовательно. Читая при подготовке к занятию текст, иностранцы подробно выясняют разницу между верстами и милями: студенты из Европы и Америки склоняются к тому, что мили – морские, поэтому считают, что для поэта расстояние складывается из пространства суши и моря; азиатские студенты ограничиваются тем, что М. Цветаева приводит меры русские и иностранные и героев разделяют пространства разных стран. Носители русского языка объясняют еще, что замена миль на дали в рефрене переводит измеримые пространства в неизмеримые и непреодолимые. Неизменность слова *версты* в трех повторах не привлекла внимания моих учеников (моя интуиция подсказывает, что это может быть «тайным» словом для двоих, которым Марина Цветаева напоминает Борису Пастернаку о начальных временах их романа в письмах, ведь впервые он написал ей о своем восхищении сборником «Версты», и что это может быть «та самая вечная пушкинская верста, верста “Бесов”, верста “Зимней дороги”, верста всей пушкинской жизни и наших детских хрестоматий, полосатая и торчащая, непонятная и принятая», описанная в эссе «Мой Пушкин»).

Так мы двигаемся от слова к слову, иногда пропуская трудные для понимания места, иногда «спотыкаясь» при разнице культурных кодов. Пример – *стена да ров*. Американский студент из последней «допандемийной» группы уверенно рассказывал о замке, обнесенном каменной стеной и окруженном рвом, в котором прекрасная принцесса дожидается возлюбленного, который ее спасет. Китайские студенты, которые в последние годы составляют большинство аудитории, соглашались друг с другом, что вводятся понятия высоты – глубины и как-то выходят на инь и янь, обсуждают китайскую пословицу «Расстояние производит красоту». Я же думаю, что речь идет о тюрьме, потому что ритмический обрыв этой строки на слове *орлы-* с переносом *Заговорщики* в начало следующей строфы дает,

на мой взгляд, мощный «отсыл» к пушкинскому «Сижу за решеткой в темнице сырой. Вскормленный в неволе орел молодой...», но я об этом давно перестала говорить, т.к. мало кто ощущает эту аллюзию.

Трудный вопрос, на который мы годами не могли найти ответ даже методом «мозгового штурма», связан с явным нарастанием экспрессии от строфы к строфе. М. Цветаева завершила последний вариант стихотворения строфой о «марте», в котором встреча опять не произошла, введя в пространственную композицию разъединения временную составляющую (страдание от длительности разлуки, неоднократности, повторности «мартов» и «невстреч»), и знаками – восклицательным и вопросительным, что при чтении передается отчаянным «почти криком». Градация есть, но мы не могли установить, как это «сделано». Однажды я не успела прервать студента, который обратился к малочисленным средствам лексической выразительности, среди которых были названы цветаевские сравнения при глаголах с приставкой *рас-*. Их три: *Расселили нас, как орлов-Заговорщиков; Рассовали нас, как сирот; Разбили нас – как колоду карт*. Неожиданно возникла идея, которая оказалась продуктивной: «дополнить» все 14 глаголов сравнениями или именами предполагаемых объектов названных глаголами действий. Кем считают героев некие «они», когда *Нас рас-ставили, рас-садили, Чтобы тихо себя вели?* Все соглашаются, что расшалившимися детьми, школьниками. *Расклеили* – как бумагу, например, это возможно сделать с более или менее терпимыми повреждениями частей, а вот уже *распаяли* более трагично, «сплав» нельзя разделить, не разрушив, тем более если это *сплав Вдохновений и сухожилий*. Между *распаяли* и *сплав* вставлена загадочная своей краткостью строка *В две руки развели, распяв*, которую обучающиеся понимают как «крестное страдание», и я считаю этот комментарий достаточным в нашей ориентированной на разные конфессии и мало просвещенной в теологии аудитории. Близким по смыслу «неразлучности соединенного» является управление глагола *расслоили*, ср. письмо М. Цветаевой Б. Пастернаку ок. 14 февраля 1925 г.: «Ты мне насквозь родной, такой же жутко, страшно родной, как я сама, без всякого уюта, как горы. (Это не объяснение в любви, а объяснение в судьбе.)».

Фрагмент *Не рассóрили – рассорíли* (после разбора трудностей типа наложения и потери третьей буквы *-с-*) своей парностью показывает два уровня давления – духовный и материальный. Невозможность внутреннего (между «нами») разъединения (ссоры) не спасает от внешнего воздействия. Страдающие герои для этой разделяющей силы – просто «сор», который рассыпают, роняя, не задумываясь, в разных местах.

Граница третьей и четвертой строфы – *Расселили нас, как орлов-Заговорщиков* – пока остается нами не до конца понятой. Символика орла в разных культурах имеет общий компонент «мощь» и много различающихся аспектов. Как их *расселили* хозяева, почему (если пренебречь связью с пушкинским узником) они *заговорщики*? Понятно только, что внутренняя

сила, как и внутреннее единство (*не рассóрили*), не защитила от беды. Пожалуй, размышление о художественном образе М. Цветаевой в многонациональной аудитории, знающей русский язык, – лучшее свидетельство истинной неоднородности поэтического знака.

Далее «небрежение», которое проявляют «они», неуклонно нарастает: «растеряли» как ненужное, *рассовали нас как сирот*, бесправных, беспомощных, незащищенных. Опять детей – происходит как будто бы возврат к *рас-ставили, рас-садили* начала стихотворения, но эти жалкие дети-сироты непоправимо несчастны, они уже не те, которых мы воображали себе по своему школьному опыту, соответственно, они находятся уже не по *разным* (с *раз-* как частью корня, с которым исторически связана приставка *раз-/рас-*) *концам земли*, а по одинаковым *трущобам земных широт*). «Нас», судя по сочетаемости разговорного глагола *рас-совали*, уже не двое – так судьба двух влюбленных все плотнее вплетается в общую историю как минимум поколения.

В последней строке – горькое понимание того, что «они» вообще не видят «нас», «мы» – не орлы, не сор, не обделенные сироты, а просто бес-субъектные фигуры для какой-то игры, в которую играют «они». Анализ существительных, которыми могут управлять глаголы с приставкой *раз-/рас-*, объясняет отчаяние безысходности, звучащее в последней строке стихотворения, которое и до того было наполнено сплошной болью разлуки.

Семасиологический подход к анализу стихотворения М. Цветаевой многократно апробирован в группах магистрантов, изучающих русский язык как иностранный. Постепенно я расширила аудиторию по уровню обучения (как мастер-классы для преподавателей РКИ, так и занятия с обучающимися бакалавриата, колледжа), по родному языку (как для русских учащихся, так и для смешанных и чисто китайских групп). Анализ аудиторных занятий, а также десятков эссе, написанных обучающимися, свидетельствует об эффективности построения морфемного и словообразовательного разбора глаголов с приставкой для понимания репрезентации концепта РАЗЛУКА, а также для восприятия смысла целостного поэтического произведения. Наблюдать, как «смысл оформляется» – не скучное занятие само по себе, но все-таки – как дополнение к уже понятому и прочувствованному – мы рассматриваем скульптурные изображения поэтов, созданные З. Церетели и установленные в Сен-Жиль-Круа де Ви и в Москве; слушаем стихотворение, положенное на музыку (многие подпевают, невольно выучив стихотворение наизусть во время анализа); совместно посещаем выставки, например экспозицию «Цветаева–Пастернак. Роман в письмах. 1922–1936» к 130-летию М. Цветаевой и 100-летию начала переписки двух поэтов в Санкт-Петербурге, на которой была представлена часть писем (другая часть не будет опубликована до середины века по воле дочери М. Цветаевой Ариадны), фотографии и другие материалы.

Список литературы

1. Цветаева М.И. Полное собрание поэзии, прозы, драматургии в одном томе. М.: Альфа-книга, 2008.
2. Николина Н.А. Современный русский язык. Морфемика: Учеб. пособие / Н.А. Николина, Л.В. Рацбургская. М.: ФЛИНТА: Наука, 2013.
3. Кронгауз М.А. Семантика: задачи, задания, тесты: Учеб. пособие для студ. лингв. фак. высш. учеб. заведений. М.: Академия, 2006.
4. Урядникова Е.В. Типы и функции морфемного повтора в русской поэтической речи XX века. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МПГУ, 2023.
5. Надежкин А.М. Корневой повтор в художественной речи М.И. Цветаевой. Дис. ... канд. филол. наук. Нижний Новгород, 2015.
6. Колесов В.В. Философия русского слова. СПб.: ЮНА, 2002.
7. Тихонов А.Н. Новый словообразовательный словарь русского языка для всех, кто хочет быть грамотным. М.: АСТ, 2014.
8. Шкловский В.Б. Гамбургский счёт: Статьи – воспоминания – эссе (1914–1933). М.: Советский писатель, 1990.

L.N. Donina

Institute for Linguistic Studies of the Russian Academy of Sciences,
St. Petersburg University (St. Petersburg)

THE ACTUALIZATION OF MORPHEMIC DIVISION OF VERBS WITH A PREFIX IN A POETIC TEXT

Abstract. *The article summarizes the experience of analyzing M. Tsvetaeva's poem "Ras-stojanie: versty, mili..." ("The State: Miles, Miles...") in a foreign-language audience. The possibilities of "formal" analysis (morphemic and word formation) as one of the keys to understanding the meaning of poetic texts are demonstrated. The study "From Form to Meaning" reveals the key position of multiple morphemic (prefixal) repetition. 14 verbs with the prefix "raz-/ras-" are used in the text. The technique of updating the morphemic division is actively used. It is created by inserting a dash between the prefix and the root ("ostraneniye"). The increase in expression from stanza to stanza was explained by "supplementing" all verbs with comparisons or the names of the objects of actions named by those verbs. The analysis of nouns that can be controlled by verbs with the prefix "raz-/ras-" explains the attitude towards heroes as non-independent objects of external influence. Semasiological analysis is effective in understanding the meaning of a poetic work as a whole.*

Keywords: *morphemics, word formation, morphemic repetition, prefix, creativity of M. Tsvetaeva, foreign students.*

А.В. Зеленин

независимый исследователь (Финляндия)

НОВЫЕ ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНЫЕ ДИСКУРСИВНЫЕ МАРКЕРЫ: КАЛЬКИ *AND YEAH, AND NO* В ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Цель статьи – изучение английских прототипических конструкций «*and yes/yeah*», «*and no*» и их переводов в некоторых европейских языках для подтверждения гипотезы об их калькировании и признании калек в языках-реципиентах как интернационализмов. Материал исследования – тексты, собранные в интернет-источниках (сайты, блоги, социальные сети), электронном медиабанке «Интегрум», электронных корпусах (*Scetch Engine*, «Национальный корпус русского языка»), но отсутствующие, не зафиксированные в толковых или специальных словарях. Методы исследования – верификация калькированных дискурсивных маркеров в некоторых языках с помощью лингвистического эксперимента и опроса экспертного сообщества, носителей изучаемых языков, с целью проверки степени узуальности данных конструкций в конкретных языках. Проведенный анализ доказал калькированный характер эквивалентов и необходимость сбора языкового материала для проведения исследований как в рамках конкретных языков, так и в сопоставительном аспекте.

Ключевые слова: дискурсивный маркер, калькирование, *and yes/and yeah, and no*, лингвистический эксперимент, верификация, экспертное сообщество.

В 2020 г. немецкий публицист Ф. Шандль (F. Schandl) в разгар коронавирусной пандемии и бесконечных пресс-конференций чиновников написал статью, озаглавленную *Und ja, – warum sagen das jetzt alle? (И да – почему это сейчас все говорят? (Здесь и далее перевод наш. – А.З.))* [1], в которой возмущался необоснованным и немотивированным, по его мнению, вхождением в немецкий язык фразы *und ja* и предъявлял претензии лингвистике: *Sprachwissenschaft (soweit ich es übersehe), bisher von dieser seltsamen Kombi-nage nicht einmal Notiz genommen hat* «Языкознание (насколько я вижу) до сих пор даже не обратило внимания на эту странную комбинацию». Отчасти Шандль прав: эта «странная комбинация» действительно еще не стала объектом описания в лингвистике (нам неизвестны такие научные работы), однако лингвисты могут ответить на заданный публицистом вопрос о ее квалификации: это выражение – дискурсивный элемент, обеспечивающий связность дискурса и передающий интенции и эмоции говорящего, обусловленные ориентацией на потенциального или реального реципиента [2]. В настоящей статье речь пойдет о феномене калькирования английских прототипических конструкций *and yes/yeah, and no* в некоторых европейских языках, в том числе русском.

Заимствование не только лексических, но и других структурных и, в частности, дискурсивных элементов из английского языка в другие языки – распространенное явление. Это связано с развитием технологий, распространением интернета, усилением культурного обмена, активными миграционными потоками. Медиа играет важную роль в этом процессе, поскольку они являются основным каналом распространения информации и культуры в самых разных ее проявлениях. Это особенно актуально для дистрибуции англоамериканских терминов и выражений, которые часто используются в международных новостях, кино, музыке, литературе, социальных сетях.

Что касается заимствования и калькирования дискурсивных маркеров (ДМ), то их опознание в языке-реципиенте сопряжено с еще более сложными задачами, поскольку ДМ часто адаптируются и изменяются в процессе интеграции в новый язык и зачастую не осознаются ни рядовыми носителями языка (вопрос Шандля подтверждает это), ни даже экспертами. «Кальки менее заметны, чем заимствования. Это, так сказать, тайный передетый враг, а не явный грабитель, который ломится в дом» [3. С. 116]. Как правило, заимствования или кальки инкорпорируются в принимающий язык не во всем спектре значений и употреблений в языке-доноре, а в ограниченном диапазоне (расширение/сужение значения). Изучая заимствованные английские ДМ в немецком языке, активно пополнившие разговорный дискурс с конца 1990-х годов (напр., *well, yeah, yo, hey, hi, bye*), Й. Андрутсопулос справедливо отметил, что ДМ британского происхождения в немецком языке отражают лишь часть коммуникативных и дискурсивных целей, которым они служат в английском [4. S. 534; 5].

Академические словари национальных языков с опаской, сомнением или даже неохотно фиксируют ДМ (вследствие их полифункциональности, размытости или контекстуальной/конситуативной обусловленности значений, тесной привязки к внеречевому контексту), оставляя это право любительским словарям или обсуждению в социальных сетях. Анализируемых ДМ *and yes/and yeah* и их калек (с вариациями) в других языках в словарях нам не встретилось.

Активное использование ДМ в интернет-пространстве заставляет исследователя двигаться дальше, вглубь, экстенсивно расширяя поле поиска и верификации исследуемых ДМ. С этой целью была предпринята экспериментально-полевая проверка (по Л.В. Щербе, лингвистический эксперимент) узуальности употребления ДМ, опознания их носителями английского, немецкого, испанского, итальянского, французского, финского, шведского языков (все эксперты – специалисты с высшим филологическим образованием), чтобы доказать гипотезу калькирования английских прототипов в языках-реципиентах; см. сводную таблицу (*табл.*) эквивалентов английских прототипов с последующими комментариями.

Эквиваленты английских прототипов

АНГЛ.	РУС.	НЕМ.	ФР.	ИСП.	ФИН.	ШВЕД.
<i>and yes/and yeah</i>	<i>и да</i>	<i>und ja</i>	<i>et oui, et ouais</i>	<i>y sí</i>	<i>ja joo, jajoo</i>	<i>och ja</i>
<i>and no</i>	<i>и нет</i>	<i>und nein</i>	<i>et non (et...non)</i>	<i>y no</i>	<i>ja ei</i>	<i>och nej</i>

Слово *yes* квалифицируют в английской грамматике (в ответной функции) либо как сентенциальное слово (*sentence word*), либо как слово-предложение (*word sentence*), либо как pro-предложение (предложение с нулевым субъектом) [6. Р. 200]; *yes* – официальная, стандартная форма подтверждения, которая использовалась в английском языке на протяжении веков, тогда как *yeah* – более поздняя итерация, появившаяся как разговорный, неформальный вариант *yes*, первая фиксация – 1863 г. [7] Комментарии информантов: «Слово *yeah* часто используется в непринужденных разговорах, текстах и неформальной обстановке. Оно часто звучит более дружелюбно и может выражать согласие-одобрение без формальностей; *yeah* иногда может восприниматься как проявление меньшего энтузиазма или меньшей приверженности, чем *yes*. Последнее является более формальным и часто используется в профессиональном или официальном контексте. Оно передает ощущение твердого согласия или подтверждения. *Yes* – это напористое и прямое утверждение, которое не оставляет места для двусмысленности или небрежности».

Примечательно, что, согласно данным корпуса английских текстов в *Sketch Engine* (подкорпус English Web 20121 (enTenNen21)), частотность ДМ *and yeah* заметно выше, чем *and yes*: *and yes* – 504 947 вхождений, *and yeah* – 750 000 вхождений [8].

В разговорном английском существует сеть вариаций *yes*: *yeah/yea/yaу/уер/уес/уур*, имеющих специфические социолингвистические характеристики. Усложненные формы *and yes*, *and yeah* словари английского языка, как уже говорилось, не фиксируют, тем не менее и слово-предложение *yes*, и его разговорно-речевые варианты, указанные выше, в дискурс-анализе относят к категории «обратных каналов» (*backchannels*, *listener responses*): слова или фразы, которые обеспечивают обратную (контролирующую) связь с доминирующим говорящим, указывая на то, что недоминирующий говорящий все еще вовлечен в разговор (хотя в данный момент и не принимает активного участия) [7; 9]. Информанты подтвердили, что все речевые вариации так же свободно употребляются в разговорном английском, как и *and yes/and yeah*.

Примечательно, что при калькировании все эти разговорные вариации (используемые также в письменном неформальном общении) в других

языках никак не отражаются: доминирует прежде всего семантика и прагматика нового для языков-реципиентов дискурсива.

Новым является также и ДМ *and no*. Этот ДМ передает смысл 'противоречие ожиданиям, допущениям, пресуппозициям читателей/слушателей' [10; 11]. Комментарии информантов, касающиеся узуальности использования ДМ в разговорном английском и их прагматических (коммуникативных) функций, таковы: «ДМ часто используются для представления неожиданной информации, противоречия предыдущему утверждению или оспаривания предположения, он эффективен в создании чувства удивления или обманутых ожиданий, поскольку часто сигнализируют о том, что следующая информация каким-то образом бросит вызов или вступит в противоречие с тем, что было представлено ранее».

Таким образом, рассматриваемые прототипические конструкции при отсутствии их фиксации в авторитетных источниках всё-таки активно используются во многих сферах как письменного, так и разговорного английского (вне зависимости от национально-территориальных вариаций). А что в немецком?

Немецкие словари кальки *und ja*, *und nein* не фиксируют, однако и в интернет-пространстве, и в разговорном немецком (по мнению экспертов) эти фразы присутствуют. Вот несколько смоделированных информантами примеров:

UND JA: *Ich habe deine Nachricht gelesen, und ja, ich stimme dir zu* «Я прочитал/а твое сообщение, и да, я согласен/согласна с тобой».

UND NEIN: *Ich habe das Angebot geprüft, und nein, es entspricht nicht meinen Erwartungen* «Я рассмотрел/а предложение, и нет, оно не соответствует моим ожиданиям».

ДМ встречаются в немецком языке и в художественной литературе, и даже в заголовках книг (Idel T.-S. ...*und ja, die wesentlichen Impulse kamen ja immer aus der Schule*“. *Rekonstruktionen einer Waldorfschulbiografie* («...и да, основные импульсы всегда исходили из школы. Реконструкции биографии вальдорфской школы») [1]; проникли также в публичную речь немецких политиков – см. фрагмент выступления известного немецкого политика Сары Вагенкнехт (*Sahra Wagenknecht*): *Schon die Regierung Scholz hat eine rote Linie nach der anderen überschritten. Inzwischen sind wir so weit, dass deutsche Luftwaffenoffiziere in aller Seelenruhe darüber debattieren, wie man mit deutschen Marschflugkörpern russische Ziele zerstören kann. Und nein, der Skandal besteht nicht darin, dass sie sich dabei belauschen lassen, der Skandal besteht darin, dass es mittlerweile normal zu sein scheint, solche Debatten zu führen* (<https://www.sahra-wagenknecht.de/de/article/3329.haben-sie-denn-alle-den-verstand-verloren.html>) «Правительство Шольца уже перешагивало одну красную черту за другой. Между тем мы дошли до того, что немецкие офицеры Люфтваффе спокойно обсуждают, как уничтожить российские цели с помощью немецких крылатых ракет. И нет, скандал не в том, что

их подслушивают, скандал в том, что сейчас кажется нормальным вести такие дебаты».

В финском языке кальками англ. *and yes/and yeah* являются *ja joo, jajoo*, часто используемые для выражения одобрения или понимания в не-официальной, непринужденной обстановке: *Ja joo, ymmärrän nyt mitä tarkoitat* «И да, теперь я понимаю, что ты имеешь в виду»; *Jajoo, näen sen nyt* «И да, теперь я вижу это». Ср. в соцсетях: *Tässä vielä pari mekkoa päällä ja joo oli hauskaa* «Здесь еще пара платьев на мне, и да, было весело» (<https://www.facebook.com/sirjus.fi/posts/t%C3%A4ss%C3%A4-viel%C3%A4-pari-mekkoa-p%C3%A4ll%C3%A4-ja-joo-oli-hauskaa/915729480350071>). Характерно, что эквивалент английского ДМ *and no* встречается в финском пока крайне редко, причем только в социальных сетях (что свидетельствует о неузуральности данного ДМ): *Ja ei, en pitänyt sitä mitenkään romanttisena* «И нет, я ни в коей мере не считал/а это романтичным» (<http://kontturi.blogspot.com/2018/01/the-last-jedi-ja-miksi-se-toimi.html>).

Калькирование английских ДМ характерно и для **шведского языка**: *and yes/and yeah – och ja: Vi såg som sagt solnedgången därifrån och ja, de var fantastiskt* «Мы, как сказано, видели закат оттуда, и да, это было потрясающе». Калька ДМ *and no* в шведском – *och nej: Och nej, jag anser inte att det har något att göra med att jag själv blev en mobbare* «И нет, я не думаю, что это как-то связано с тем, что я сам стал хулиганом» (<https://yle.fi/a/7-791046>).

Французскими эквивалентами-кальками английских прототипов выступают *et oui, et ouais, et non: Et ouais, il n'y a plus que nous!* «И да, остались только мы!» (https://prse-paca.fr/IMG/pdf/rapport_final_projet_scientifique_piscine_propre_v5.pdf); *Je repars, toujours à faible vitesse, et... non, ce n'est pas vrai!* «Я ухожу, все еще на малой скорости, и... нет, это неправда!» (<http://svtarcachon.free.fr/5ePB4.html>; https://www.instagram.com/teaspoon.art/p/C5OSutdqFuf/?locale=en_us).

В испанском языке кальки английских ДМ – *у sí, у no*, см.: *Esta semana celebre mi primer quinquenio y SI [sic!], ahora entiendo el porqué y comparto solo algunas de las razones* «На этой неделе я отпраздновала свое первое пятилетие, и ДА, теперь я понимаю, почему, и делюсь лишь некоторыми из причин» (https://es.linkedin.com/posts/dianamarcelacamargoleguizamo_orgullocompensar-bienestarintegralcompensar-activity-6999750520164753408-9qhc); *Y no, no fue el gato quien me las robó* «И нет, это не кошка украдала их у меня» (<https://www.tiktok.com/@liiza.baez/video/7035483573381614854>).

В русском языке, судя по данным «Интегрума», калька *и да* впервые отмечается в журнале «Огонек» (1990. № 42) в статье о пребывании автора материала в США: *И да, я стала, наверно, то, что здесь называется уездная американская жена, которая, правда, ни о чем не жалеет*. Такое использование *и да* очевидно отражает инкорпорацию английской фразы

в русскую речь и является конситуативно, лингвокультурно обусловленным. В 1990-е гг. и в других русских газетах и журналах («Знамя», «Коммерсант-Daily») происходит постепенная активизация употребления *и да*. Особую активность ДМ *и да* приобретает начиная с 2015 г. [2].

Калька *и нет* в «Интегруме» впервые фиксируется в 2014 г.: *Распространенная техника, позволяющая научиться думать на иностранном языке: смотреть на объект и описывать его для себя на новом языке. <...> И нет, не нужно искать новые слова, просто произнесите (мысленно) те, что вы уже знаете* (МВА Consult (blog.mbaconsult.ru). 03.06.2021; автор перевода Вячеслав Давиденко, основатель компании МВА Consult) – информация о том, что текст переводной, позволяет предположить заимствованную (калькированную) природу данного выражения.

В современной русской речевой практике ДМ *и да*, *и нет* используются широко в разных сферах коммуникации: социальные сети (блоги, влоги, соцсети и мессенджеры); художественная литература (для передачи речевой манеры персонажей, для стилизации и т.п.); публицистика (в экспрессивной, эмфатической, риторической функциях); в публичной устной речи (политические дебаты, ток-шоу); в профессиональных (в частности, в компьютерном, медийном) сленгах (последнее, возможно, является первоначальным ресурсом проникновения данных ДМ в русский язык).

Сравнительные пропорции ДМ *и да*, *и нет* (на материале русского языка) пока установить довольно затруднительно, однако уже сейчас ясно многократное доминирование ДМ *и да* – на материале наших двухлетних ручных записей из интернета (например, текстов и комментариев в дзен-канале), видеороликов, социальных сетей и т.д. В частности, сошлёмся на месячный анализ российских социальных сетей: в качестве поискового запроса в «Интегруме» (подкорпус «Социальные сети») послужили оба ДМ (за период с 03.05.2024 по 2.06.2024). За этот период сочетание «и да» имело 529 вхождений (без снятой омонимии), причем в функции ДМ оно встретилось 229 раз, например: *Захотите масштабироваться (увеличить размеры бизнеса. – А.З.), то я вас тоже научу! И да :))*) я официально плачу налоги и отчисления! (https://vk.com/wall50266226_5120). Фраза *и нет* – 293 вхождения (без снятой омонимии) и только 6 употреблений как ДМ: *Да, в старости я соберу своих кошек с улицы и уеду с ними в Индию. Но какое вам дело до этого? И нет, это не забота о ближнем, а скорее желание убедить другого человека, что он живёт неправильно* (https://vk.com/wall-193190749_21378).

Разумеется, эти предварительные цифры могут отражать лишь формирующиеся тенденции в дистрибуции указанных ДМ; полноценное количественно-качественное описание и интерпретация (с учетом пунктуационной и графической вариативности) возможны только при создании сбалансированного электронного корпуса [12]. Исследователи ДМ также

неоднократно подчеркивали трудоемкость сбора устного речевого материала [13] для проведения таких работ.

Это исследование может стать стимулом для дальнейших изысканий в области калькированных ДМ в разных языках. Продуктивной идеей является изучение их функций в различных жанрах письменной и разговорной речи (формальных и неформальных), а также в академических выступлениях, в дискурсе политических дебатов и т.д., с тем чтобы глубоко и всесторонне проанализировать использование этих маркеров, дать квалификацию их дискурсивных функций в двух разных типах общения, выявить гибридный характер текстов с участием ДМ (процессы языковой гибридизации универсальны для многих языков). Несомненно, социолингвистический анализ (в его разных ответвлениях: гендерный, профессиональный, территориальный, возрастной аспекты и т.д.) может стать еще одной интересной, перспективной областью исследований. Создание сбалансированных корпусов (письменные, устные источники) – первейший и необходимый шаг для обеспечения надежности исследований ДМ.

Список литературы

1. Schandl F. “Und ja,” – warum sagen das jetzt alle? Электронный ресурс: <https://www.derstandard.de/story/2000119223682/und-ja-warum-sagen-das-jetzt-alle>.
2. Маринова Е.В., Зеленин А.В. Дискурсивный комплекс И ДА как диалоговый актуализатор // Русская речь. 2024. № 5. С. 7–33. DOI: 10.31857/S013161170004467-2.
3. Земская Е.А. Язык русского зарубежья: итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114–131.
4. Androutsopoulos J. Deutsche Jugendsprache. Untersuchungen zu ihren Strukturen und Funktionen. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998.
5. Androutsopoulos J.K. Switching From National Language to English in Media Discourse: Some Findings from German Youth-Cultural Media. 2003. Электронный ресурс: www.idsmannheim.de/fileadmin/sprachvariation/tp/tp7/Oxford-draft.pdf.
6. Clark H.H. Using language. Cambridge, NY: Cambridge University Press, 1996.
7. Oxford english dictionary. Электронный ресурс: https://www.oed.com/dictionary/yeah_adv?tab=meaning_and_use#13735035...
8. Sketch Engine. Электронный ресурс: https://app.sketchengine.eu/#concordance?corpname=preloaded%2Fentente21_tt31&tab=advanced&keyword=and%20yes&attrs=word&viewmode=kwic&attr_allpos=all&refs_up=0&shorten_refs=1&glue=1&gdexcnt=300&show_gdex_scores=0&itemsPerPage=20&structs=s%2Cg&refs=%3Ddoc.website&default_attr=lemma&showresults=1&showTBL=0&tbl_template=&gdexconf=&f_tab=basic&f_showrelfrq=1&f_showperc=0&f_showreldens=0&f_showreltt=0&c_custo

mrange=0&t_attr=&t_absfrq=0&t_trimempty=1&t_threshold=5&operations=%5B%7B%22name%22%3A%22query%22%2C%22arg%22%3A%22and%20yes%22%2C%22query%22%3A%7B%22queryselector%22%3A%22queryrow%22%2C%22query%22%3A%22and%20yes%22%7D%2C%22id%22%3A9292%7D%5D.

9. Chapetón C., Claudia M. The Use and Functions of Discourse Markers in EFL Classroom // Interaction Profile Issues in Teachers' Professional Development. Universidad Nacional de Colombia Bogotá, Colombia. 2009. №. 11. P. 57–77.

10. Iza Erviti A. From Discourse Markers to Construction Grammar(s) in Discourse // Discourse Constructions in English. Amsterdam: John Benjamins Publishing Company, 2021. P. 7–38.

11. Luntz F. Words That Work: It's Not What You Say, It's What People Hear. New York: Hyperion, 2007.

12. Mikhailov M., Cooper R. Corpus Linguistics for Translation and Contrastive Studies: A Guide for Research. Routledge, 2016.

13. Burnard L. Where Did We Go Wrong? A Retrospective Look at the British National Corpus // Teaching and Learning by Doing Corpus Analysis / B. Kettemann & G. Markus (Eds.). Rodopi. 2002. P. 51–71.

A.V. Zelenin

Independent Researcher (Finland)

NEW INTERNATIONAL DISCURSIVE MARKERS: CALQUES AND YEAH, AND NO IN EUROPEAN LANGUAGES

Abstract. *The goal of the article is to study the English prototypical constructions “and yes/yeah, and no” and their translations in some European languages, to confirm the hypothesis about their calquing and recognition of calques in recipient languages as internationalisms. The material for the study consists of texts collected from various internet sources (websites, blogs, social networks), electronic databases (Integrum), electronic corpora (Sketch Engine, Russian National Corpus), but absent, not recorded in explanatory or special dictionaries. Research methods are verification of calqued discourse markers in some languages using linguistic experiment and a survey of the expert community, native speakers of the studied languages, to check the degree of commonness/frequency of use of discourse markers in specific languages. Research conclusions: the analysis carried out proved the calqued nature of equivalents and the need to collect language material for conducting research both within specific languages and in a comparative aspect.*

Keywords: *terminology: discourse marker, calquing, and yes/and yeah, and no, linguistic experiment, verification, expert community.*

И.В. Зензерея

Новосибирский государственный педагогический университет,
Куйбышевский филиал (Куйбышев, Новосибирская обл.).

ФУНКЦИИ КАТЕГОРИИ ОБРАЩЁННОСТИ В ПОЭТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ

***Аннотация.** В статье представлена характеристика основных функций категории обращённости, которые встречаются в художественных произведениях. Прототипическая (апеллятивная) функция обращения в стихотворном языке если и проявляется, то достаточно редко, т.к. адресат, «лирический собеседник» автора, обычно воображаемый. Степень её проявления повышается в тех случаях, когда есть прямой диалог между героями, когда обращение сопрягается с вопросом, маркируется местоимением ты/вы, императивом. «Фиктивное» же обращение можно условно определить как звательное восклицание, которое не может иметь контактоустанавливающей функции. Оно наполнено эмоциональным интонированием, проявляющимся не явно (как, например, в вокативе), а косвенно, что подсказывается контекстным окружением. Преобладающей функцией обращений в поэзии является экспрессивная, связанная с функциями характеристики, эмотивной, образной.*

***Ключевые слова:** категория обращённости, обращение, адресация, адресат, поэтический текст.*

Изучение функционирования категории обращённости в поэтическом тексте приобретает особый интерес, если рассматривать его в связи с проблемой лирического диалога, т.к. поэтический текст предполагает совершенно особые условия коммуникации, в частности самоадресации лирического героя. Особый интерес в свете коммуникативно-прагматического подхода к тексту вызывает функциональная сторона категории обращённости.

Исходя из разных целей и задач своих исследований, лингвисты выделяют апеллятивную, характеризующую и этикетную функции.

Главная, первичная функция обращения – призывная, собственно-звательная, когда зовут, называют адресата речи, чтобы привлечь внимание, вызвать его реакцию. В призывной функции используются прежде всего собственные имена в различных формах и сочетаниях, которые в чистом виде выполняют назывную функцию, а также термины родства, наименование по роду занятий.

К такому пониманию прототипической функции обращения близка точка зрения А.Ф. Прияткиной, которая, расширяя функциональные возможности обращения, считает, что обращение – это, условно говоря, второе лицо. Первое и второе лицо – два участника речевого акта, и их взаимосвязь является условием естественной коммуникации. Таким образом, первичная функция обращения «ограничивается ролью в организации

коммуникативного акта» [1. С. 128]. Обращение в своей первичной функции, по мнению А.Ф. Прияткиной, произносится не только с целью мобилизации внимания, но и с целью установления речевого контакта, побуждения к действию, что можно встретить в поэзии Б. Пастернака: (1) *Володя, ты покрыт испариной. / Ты стонешь. У тебя удушье? / – Во сне мне новое подарено, / И это к лучшему, Катюша.* В данном примере контактоустанавливающая роль обращений является в диалоге основной.

Фатическую функцию мы не рассматриваем отдельно, поскольку она не специфична для стихотворного языка. Как отмечает Л.Г. Волкова (1998) в диссертации «Фатическая функция и синтаксические средства её реализации: формальный, семантический и коммуникативно-прагматический аспект», под фатическими обращениями следует понимать такие обращения, «у которых, в отличие от апеллятивных, т. наз. адресатное значение нейтрализовано следующими условиями коммуникации: во-первых, фазой общения (в середине речевого акта уточнение адресата является бессмысленным), во-вторых, самим фактом единственности адресата, поэтому обращения не выполняют функции идентификации адресата» [2. С. 4].

В поэзии Б. Пастернака можно выделить единичные случаи употребления обращений к лицам в фатической функции. Это происходит в тот момент, когда между лирическими героями возникает диалог: (2) *Но что за притча! Пред его дверьми / Слезает с санок дама с чемоданом. / И эта дама – «Стой же, чёрт возьми! / Наташа, ты?.. Негаданно, нежданно?..»*

Таким образом, при употреблении фатических обращений говорящий пытается расположить к себе собеседника, тем самым максимально достичь речевого контакта с адресатом, что для стихотворного языка обычно не характерно, т.к. лирический герой и его адресат явно не контактируют друг с другом. В приведённых отрывках из поэтических произведений Б. Пастернака имитируется естественная разговорная ситуация при помощи обращения, поэтому можно наблюдать этикетную функцию обращения.

Этикетная функция даёт возможность выразить тип отношений между коммуникантами. Обращение в такой функции служит для обозначения социальных ролей общающихся.

Достаточно часто этикетные обращения указывают на общепринятые названия лиц в обществе, например *господа, граждане, товарищи* и др. В поэтических произведениях Б. Пастернака, посвящённых революции, встречаются обращения такого типа: (3) *Сограждане, кто это, / И кем на терзаны / Распущены по ветру / Полотнища зданий?*

В поэтических произведениях употребление обращений такого типа связано с определёнными историческими событиями, т.е. они стилизуют время, а некоторые из них воспринимаются современным читателем как идеологически окрашенные. Таким образом, в поэтическом языке они выполняют не этикетную функцию, а функцию стилизации определённого времени, определённой исторической ситуации. Л.Ю. Максимов называл их «коррекционно-звательными».

В стихотворении «Шекспир» Б. Пастернак использует вежливо-почтительные обращения, направленные к лицу привилегированного класса в Англии – *сэр, милорд*, при этом подчёркивая почтительное отношение к Шекспиру обращением *отец мой*. Поэт играет этикетными обращениями, стилизуя представление о старой Англии: (4) *Простите, отец мой, за мой скептицизм / Сыновний, но, сэр, но, милорд, мы – в трактире*.

Мы рассмотрели в основном проявление в поэтическом языке Б. Пастернака функции типичных с грамматической точки зрения обращений – к лицам (ядро категории обращённости), но в поэтических текстах, как мы уже говорили, преобладает использование обращений не к лицам. Функция звательности, призывности в них обычно нейтрализуется; фатическая и этикетная функции в них отсутствуют. Это фиктивно-звательные обращения, нередко проявляющие функцию характеристики. Основная их роль в тексте – представление предмета лирического дискурса, поэтому в их рассмотрении на первый план, наряду с функцией характеристики, выходит текстообразующая функция.

Список литературы

1. Прияткина А.Ф. Синтаксис осложнённого предложения. М.: Высшая школа, 1990.
2. Волкова Л.Г. Фатическая функция и синтаксические средства ее реализации: формальный, семантический, коммуникативно-прагматический аспекты: Автореф. дис. ... канд. филол. наук, 10.02.01. Томск, 1998.

I.V. Zenzerya

Novosibirsk State Pedagogical University, Kuibyshev branch
(Kuibyshev, Novosibirsk region)

FUNCTIONS OF THE CATEGORY OF ADDRESS IN A POETIC TEXT

Abstract. *The article presents a description of the main functions of the category of address, which are found in works of art. The prototypical (appellative) function of address in poetic language, if manifested, is quite rare, since the addressee, the author's "lyrical interlocutor," is usually imaginary. The degree of its manifestation increases in cases where there is a direct dialogue between the characters, when the address is coupled with a question, marked with the pronoun you/you, the imperative. A "fictitious" address can be conditionally defined as a vocative exclamation, which cannot have a contact-establishing function. It is filled with emotional intonation, which does not manifest itself explicitly (as, for example, in the vocative), but indirectly, which is suggested by the contextual environment. The predominant function of appeals in poetry is expressive, associated with the functions of characterization, emotive, and figurative.*

Keywords: *category of address, appeal, addressing, addressee, poetic text.*

Л.В. Зубова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

АКТИВИЗАЦИЯ ПРЕДЛОГОВ В СОВРЕМЕННОЙ ПОЭЗИИ

Аннотация. Рассматриваются особенности функционирования предлогов в русской поэзии начиная со второй половины XX в.: их актуализация повторами, сюжетообразующей концентрацией, стиховым переносом, синтаксически и семантически неузвальным употреблением. При настойчивых повторях предлоги становятся структурной и семантической доминантой текста. Происходит преобразование предлога перед существительным в послелог глагола, предлоги употребляются автономно, помещаются в рифменную позицию на границе строк. Дистантное расположение предлогов с управляемыми словами акцентирует нормативно безударные предлоги. Аномалии глагольных валентностей объясняются влиянием синонимичных предлогов, компрессией высказываний, архаическими элементами синтаксиса. Лексикализация предложно-надежных сочетаний расширяет состав номинативных единиц языка, образующих собственные парадигмы.

Ключевые слова: грамматика, синтаксис, предлоги, послелоги, лексикализация.

В художественной литературе XX в. наблюдается повышенная смысловая нагрузка на служебные части речи, что отмечено многими филологами. По словам И.В. Фоменко, «на уровне содержания они играют служебную роль, оформляя связь слов в предложении или предложений друг с другом. Но на уровне смысла они становятся словами не служебными, а структурными, маркирующими отношения между фрагментами бытия, человеком и бытием, которые лежат в основе авторского мироощущения» [1. С. 80]. И.В. Фоменко рассматривает служебные слова как основу смысловой вариативности, экспрессии, структурообразования и как смысловые доминанты [1. С. 66–78]. В.А. Плунгян пишет: «предлоги (а возможно, и другие служебные слова), несмотря на свою кажущуюся незаметность, могут служить голосом “авторского подсознания”, возникая в качестве выразителей любимых идей того или иного автора» [2. С. 331]. Концептуализацию предлогов в философских и поэтических текстах анализирует Н.М. Азарова [3. С. 57–116].

Внимание к служебным словам отражается и в языковой рефлексии поэтов, например: *Люблю основу всех основ – / поэзию служебных слов. / Я слышу, языком потрогав, / восторг союзов и предлогов* (М. Яснов. Служебные слова).

Рассмотрим различные явления, связанные с активизацией предлогов в современной поэзии.

1. Множественные повторы. Один из самых показательных примеров – стихотворение В. Павловой, которое приводится полностью: *по течению, по ветру, в ногу, по моде, по шерсти, / по труду, по щеке, по достоинству, по расписанью, / по партнеру, по паре, по вере, по рюмке, по слуху, / яко по суху по морю, морем, волною морскою*. Продолжение предложно-падежных сочетаний творительным падежом (через синтаксическую синонимию *по морю, морем*) явно противопоставлено сочетаниям с предлогом *по*. Всё, что перечислено с предлогом, предстает как внешнее (ср. фразеологизм *плыть по течению* – ‘действовать, подчиняясь обстоятельствам’), а то, что обозначено творительным падежом, оказывается сущностным. Причина этого видится в том, что множественная полисемия творительного падежа сообщает тексту второй смысл: *морем, волною морскою* – это не только обозначение среды передвижения, но и обозначение метаморфозы. Субъект высказывания превращается в морскую волну. Обратим внимание на композиционное кольцо начала и конца стихотворения: *по течению <...> волною морскою*.

2. Антитезы. Выразительный пример противопоставления предлогов в современной поэзии – фрагмент из стихотворения П. Барсковой «От жажды умираю над ручьем...»: *Чтоб жажду утолить, придется оторвать / От берега и тело, и довесок / С деепричастным именем «душа». / Чтоб над ручьем не мучиться от жажды, / Я, задохнувшись, сдохну под ручьем. От жажды умираю над ручьем* – цитата из стихотворения Ф. Вийона в переводе И. Эренбурга, она в первой строке напечатана курсивом. Предлоги *над* и *под* выделены разрядкой, что делает их ударными.

В.А. Плунгян пишет, что для всех значений предлогов *над* и *под*, даже пространственных, значима функциональная доминанта: для предлога *над* это «отсутствие контакта (и, следовательно, слабая связь) между объектом и ориентиром и положение ориентира выше объекта (функционально интерпретируемое как доминация) <...> предлог *над* описывает в основном статичный мир, части которого, будучи изначально слабо связанными друг с другом, находятся в отношении своеобразного притяжения, приводящего к их функциональной “поляризации” <...> Число локативно-функциональных употреблений предлога *под* очень велико: в качестве ориентиров в этом случае чаще всего выступают падающие, давящие или режущие объекты, приспособления или инструменты, которые тем или иным способом воздействуют на объект (ограничивая его функционирование, деформируя, изменяя или уничтожая его и т.п.)» [2. С. 320–325]. Вероятно, лингвистическая интуиция П. Барсковой, поэта-филолога, определила такой сюжет: *придется оторвать / От берега... – сдохну*. И этот экспрессив явно противопоставлен фразеологизированной гиперболе *от жажды умираю* из перевода стихотворения Вийона.

Сюжетообразующая концентрация антонимичных предлогов наглядно представлена в стихотворении М. Яснова под заглавием «Предлоги»:

Сидел прохожий **на** скамье, / Держал в руках кулек. / А **над** скамьей сидел скворец, / А **под** – лежал бульдог. // И тот, **в** траве, сидящий **под**, / И тот, что **над**, **в** листве, / Глядели на того, кто **на**, – / Верней на то, что **в**. // Тогда прохожий взял кулек / И вынул пирожок. / Часть бросил **над**, / Часть кинул **под**, / А остальное – **в** рот. // И каждый принялся жевать, / Верней, один – клевать. / Пришлось для этого ему / Слететь и прыгать **у**. // Так теплый, мягкий пирожок / Был съеден **от** и **до**, / А смятый маленький кулек / Попал **в** карман пальто. // И полетел один **по-над**, / Другой полез **из-под** / И рядом с третьим побежал / **За, перед** – / И **вперед!** Заглавие стихотворения ясно указывает на то, что именно предлоги являются главными персонажами текста.

3. Автономное употребление. В предыдущем примере – стихотворении М. Яснова – значимы не только антитезы предлогов, но и эллипсис предложно-падежных сочетаний, в результате которого большинство предлогов употребляются автономно. Рассмотрим другой текст – без указания на существительные, которым могли бы предшествовать предлоги: *Мы построим скоро сказочный дом / с расписными потолками внутри / И, возможно, доживем – до.* / Только вряд ли будем жить – **при**. // И, конечно же, не вдруг и не к нам / в закрома посылет манна с небес. / Только мне ведь наплевать – **на**. / Я прекрасно обойдусь – **без**. // Погашу свои сухие глаза / и пойму, как безнадежно я жив, / и как глупо умирать – **за**, / если даже состоишь – **в**... // И пока в руке не дрогнет перо, / и пока не дрогнет сердце во мне, / буду петь я и писать – **про**, / чтоб остаться навсегда – **вне**. // Поднимаешься и падаешь вниз, / как последний на земле снегопад... / Но опять поют восставшие **из**. / И горит моя звезда – **над!** (Г. Григорьев. Этюд с предлогами). Н.М. Азарова комментирует фрагмент этого стихотворения так: «...несмотря на концептуальное заглавие, в тексте стихотворения любимые предлоги *над, из, про* употребляются весьма традиционно, образуя эллиптические конструкции» [3. С. 69]. Однако традиционный эллипсис предполагает вполне определенное имплицитное продолжение высказывания, здесь же определенности нет. Здесь и во многих других текстах автономное употребление предлогов задает принципиальную открытость для замещения позиции каким-либо словом: *Точное море! В колечках миллиона мензурок. / Скала – неотъемлема от. Вода – обязательна для.* / Через пылинку случайную, намертво их связуя, / надобность их пылала, но... не было корабля! (А. Парщиков. Минус-корабль); *Пешиходов ветром сдуло, / и мы остались в городе вдвоем / под зонтом, / под дождем, / переходящим в* (Н. Галкина. Сперва, затем, потом и наконец); *В кармане Святогора – лес / И камни – крошки хлеба, / И неба маленький отрез, / А больше и не треба, / Чтоб вытереть себе глаза / От ветра небольшого / И снова зырнуть, зырнуть за, / И утираться снова* (И. Булатовский. Азбука червяков).

Очевидна изобразительная функция автономного употребления предлога в таком тексте: *То ли остров не тот, то ли впрямь, залив / синевой зрачок, стал твой глаз брезглив: / от куска земли горизонт волна / не забудет, видать, набегая на* (И. Бродский. Итака). *Набегая на* – заключительные слова стихотворения. И омонимия существительного *залив* с деепричастием в позиции переноса, и запутанный синтаксис последних двух строк, и незавершенность финала указывают на самое мучительное для Бродского – потерю части речи, поскольку все творчество Бродского – утверждение, что язык – последнее прибежище и спасение поэта. Сочетание *набегая на* можно было бы продолжить словами *горизонт, землю, глаза, меня* и т.д. Возможно, пропуск указания на объект табуирует воспоминания о прежней жизни. И вместе с тем незавершенность фразы образно соотнесена с разрушительным действием воды – времени (а это один из главных мотивов поэзии Бродского). В стихотворении «Итака» показано, что воздействию деструктивных сил подвергается и последний оплот бытия – язык, руинами которого предстает последняя строфа.

Н.М. Азарова пишет, что «Самостоятельное значение может придаваться и однобуквенным предлогам, не составляющим слово (*к, в, с*), которые в случае автономного употребления получают либо дополнительную огласовку (*к*): *очищенные // до конца // монеты // приравнивались // к // фальшивым* (А. Сен-Сеньков), <...> либо длительность (*в, с*) <...>: *шкафчики зёрен кофе // заполнены // горькими платьями // с // чёрными бразильскими кружевами* (А. Сен-Сеньков); *и // мессы // с // коленями // поз* (В. Соснора)» [3. С. 68]. Обратим внимание на то, что каждый из однобуквенных предлогов у Сен-Сенькова занимает отдельную строфу.

Встречаются тексты с контактными скоплениями автономных предлогов: *Какой-то прохожий шагнул в / пространство / и рухнул замертво сквозь столетья / Я вышел к себе **через-навстречу-от** / и ушел **под** / вздвигая **над** / Двое нас – это очень много* (К. Кедров. Бесконечная); *Куда тебе, гляделец лиц!.. Младое / навстречу смотрит: **из-**, и **сквозь**, и **чрез** / сиреневых, как у Лилит, ладоней / и этих ярких, медленных очес* (Д. Бобышев. Облики).

Н.А. Николина, рассматривая связь позиции предлога и его семантики, пишет, что «сокращение элементов синтаксической структуры приводит к расширению и усложнению семантики слов, маркирующих позицию, остающуюся незамещенной. В современной поэзии такими сигналами-маркерами все чаще выступают служебные слова, прежде всего предлоги. Неслучайно они выносятся в сильную позицию текста – позицию конца строки (строфы), всего стихотворения. Ср.: *И все вымерло, как будто уже не перед, // А после, потому что страх все же съедает душу* (М. Гейде)» [4. С. 140–141].

4. Употребление в рифменной позиции на границах строк (*enjambement*). И. Бродский, помещая предлоги в позицию стихового переноса,

часто создавал составные рифмы: *Что-то вправду от леса имеется в атмосфере / этого города. Это – красивый город, / где в известном возрасте просто отводишь взор от / человека и поднимаешь ворот. <...> твой подъезд в двух минутах от Синьории / намекает глухо, спустя века, на / причину изгнания: вблизи вулкана <...> Солнечный луч, разбившийся о дворец, о / купол собора, в котором лежит Лоренцо, / проникает сквозь штопру и согревает вены / грязного мрамора, кадку с цветком вербены* (И. Бродский. Декабрь во Флоренции). В противоречии ритма и синтаксиса перераспределяются границы синтагм: ритм отделяет предлоги от нормативно управляемых существительных, и эти предлоги составляют единство с предшествующими, а не последующими словами.

В стихотворении Б. Лихтенфельда нормативно безударные предлоги (проклитики) получают в позиции *enjambement* ударение – не просто слоговое, но и логическое: *Душа, вперяя очи во / тьму будущую светочем, / не замечает ничего / вокруг себя – и незачем! // Все повороты мысли со / слепорождённным замыслом / сцепив, как с осью колесо, / поверит ли глазам своим? // Влекума к невидали, ко / всех взоров средоточию, / свои отводит далеко / от зримого воочию* (Б. Лихтенфельд. Душа, вперяя очи во...).

Некоторые предлоги на границе строк адвербиализируются в ритмическом единстве строки: *Кормленья чаек на корме – сплошной хичкок: / пикируют как бы не птицы / но души умерших беснуются вокруг / флажготка белого, ребенка из столицы* (В. Кривулин. Мимо Кинешмы); *«Икарус» на развилке, как мутант, / раздвинув двери, высадил десант, / стремительным гуськом прошедший мимо / заснеженных деревьев, где из дыма, / из выхлопных морозных облаков, / как призраки иных материков, // за тенью тень поплыли, задрожали* (М. Яснов. Святые горы).

5. Актуализация омонимии предлогов с другими частями речи.
У П. Беспрозванной предлог *о* в конце строки отзывается междометием: *Умирай поскорей, чтобы больше не думать о / нестерпимой свободе жить без тебя на свете, / где весь день в унисон распевают тоска и ветер – / о-о-о* (П. Беспрозванная. Умирай поскорей...). При этом получается, что тоска и ветер распевают именно предлог *о*.

Нередко поэты актуализируют связь производных предлогов с производящими частями речи: *Под свитерком его не спрячешь, / мой первый лифчик номер первый, / когда, гуляя по двору, / его ношу, и каждый смотрит, / и каждый видит, несмотря / на то, что складываю плечи / и что крест-накрест руки* (В. Павлова. Под свитерком его не спрячешь...); *Осень вступает в силу свою в силу / того, что просто время её настало* (В. Строчков. Осень вступает в силу свою, в слабость...); – *Ну, как у нас по линии генлинии? / – Все то же направление – в лоб! / – Ну, как у нас по части спецчасти? / – Все то же управление – стоп!* (Ю. Ким. Разговор скептиков и циников).

6. Акцентирование предлогов вставными элементами текстов.

Примеры: *Моя муза всеядна, ей все, что попало – сойдет <...> У нее на уме ничего, кроме – только – всего* (Н. Делаланд. *Моя муза всеядна...*); *И скорее всего, что сейчас / ты беременна. Круглый живот / в девятнадцатый, видимо, раз / твой возлюбленный слушает: от, // допускаю, толчка посильней / у него шевельнется чуть-чуть / не улыбка, а кожа на ней / прежде, чем он успеет уснуть...* (В. Кальпиди. Это страх одиночества не...). Предлог *от* находится здесь в позиции строфического переноса.

Акцентируются даже предлоги, состоящие из одного согласного звука: *Уже уехал. С, как ее, любовью. / Ну, да. Она красна моею кровью* (О. Охупкин. *Посох*); *А тут-то грудью и в-, не знаю что, – кишлак, / в полуподвал, в подслеповатость Рая, / она выматывает пук светящихся кишок, / себя о сорный воздух раздирая* (Д. Бобышев. *Комета*).

7. Преобразование предлогов в послелогов. При инверсии элементов высказывания предлоги нередко перемещаются в постпозицию существительного: *Подо мною конь кипит / Бьет искрой копыт из-под / А мне б искру из-под копыт / Да засунуть под капот* (А. Богатов. *Подо мною конь кипит...*); *Тайно песни мои слагаю. / Мало кто слышит, как слез мигаю / Завесы незрячей сквозь, бо плачу / О том, что вряд ли переиначу* (О. Охупкин. *Из глубины*); первообразных послелогов: *пред образом сим образиной стоя / припав окладу ко вспалёнными устами / бесстыдно глаз в грудь твою уставя / сих кайфу приобщиться недостоин* (К. Кузьминский. *Томление о тямпе или прощание из в никуда*); *бежит туда, безумный муж, / где в муках мается Параша. / Дитя, сокрытое в ней уж / иных от, не спасенье ль наше?* (А. Миронов. *Нечетно раз бежит Евгений...*); *а я люблю коленки / на женские смотреть* (О. Волошин. *не тлеет плащаница*¹).

Нормативный послелог *ради* (*чего ради?*), видимо, повлиял и на разговорное постпозитивное употребление предлога *для*. Это отражается и в поэзии: *Да, бывало, пивали и гуливали, / Но не только стаканчиков для / Забегали, сидели, покуривали, / Вечерок до рассвету продля* (Ю. Ким. *Московские кухни*); *Кларнет / украв у Карла, как-то смеху для, / Она его тотчас куда-то дела* (Л. Лосев. *Новые сведения о Карле и Кларе*).

Н.М. Азарова так пишет о пространственных послелогов: «можно утверждать, что при превращении предлога в послелог ослабляется направленность на объект, предлог как бы отдаляется, отрезается от объекта и уже в роли послелого указывает не на пространственные отношения (не только на пространственные отношения), но и на концептуализацию отношений человека и мира, а также на экзистенциальную ситуацию» [3. С. 194]. Это наблюдение можно отнести и к предлогам с другой семантикой.

¹ Здесь и далее в названии стихотворений сохраняется авторская орфография. – Ред.

8. Аномалии предложного управления. Самой распространенной речевой ошибкой глагольного управления является экспансия предлога *о* с формами предложного падежа, свойственная почти всем разновидностям современной русской речи [5]. В поэзии эта аномалия встречается и в таких конструкциях, которые для практической речи не характерны, например: – ***О чем ты бежишь, утренний бегун в парке? / О чем неслышно рушишь воздушные арки, / врата света, встающие перед тобой незримо? / О чем возвращаешься, падающие листья целуя, / о чем волочит стопу, припадая слегка на цезуре, / бегущий рядом ризенинауцер-сучка по имени Рифма?*** (Г. Каневский. *О чем ты бежишь, утренний бегун в парке?..*). Если в нормативных высказываниях типа *о чем ты думаешь, когда бежишь...* ментальные глаголы представлены как бы крупным планом, а глаголы в придаточных предложениях являются фоновыми, то в приведенном контексте ситуация оказывается противоположной: глаголы действия или состояния выдвигаются на первый план, при этом они функционируют как ментальные².

Многие аномалии управления с участием или без участия предлогов объясняются влиянием синонимических средств выражения. Так, вероятно, под влиянием предлога *около* пропускается второй элемент составных предлогов *близко от, недалеко от, рядом с*: ***Морковка близко ананаса / Ему дарит морковный смак*** (А. Волохонский. *Фома*); ***Недалеко морских ворот Фонтанки / Есть серый дом, Ахматовой воспетый*** (Т. Животовский. *Музей-квартира*); ***Видишь? По комнате девица мечется, / Будто бы в ней распознали разведчицу. / Вдруг остановится, дверью задетая. / Думает, думает: «Что-то я? Где-то я?» / То вдруг опомнится рядом окна, / Словно кто кликнул ей: «Ты влюблена!»*** (А. Туркин. *Видишь? По комнате девица мечется...*). В следующем тексте аномальное управление основано на метонимии *зима* → *снег*: ***Или лучше – город, где / тополя кленовые / еле-еле ель / съели прямо по весне, / что лежит, как новая, / под зимой теперь?*** (В. Кальпиди. *Пыль висит на волосах...*).

Встречается также интертекстуальное влияние на аномальное употребление предлога: ***Кажется, умру при виде: / Свет, как в аварийный выход. / Никого, куда ни выйди. / Не к кому молчать ли, выкать*** (М. Степанова. *Кажется, умру при виде...*). Управление глагола *молчать* дательным падежом с предлогом *к* является очевидной отсылкой к письму Татьяны из романа А.С. Пушкина «Евгений Онегин» со словами *Я к вам пишу*.

9. Компрессия сочетаний с предлогами. Иногда предлоги управляют не существительными, а придаточными предложениями без союзов: ***И – юнь юнейшая; а я – на убыль, / ее июля чтец и лицегляд, – / и нет, и да: я ей***

² Ср. у А. Блока: *Иду, и холодеют росы, / И серебрятся о тебе, / Всё о тебе, расплетившей косы / Для друга тайного, в избе* (Ищу огней – огней попутных...). Большое количество ненормативных сочетаний с предлогом *о* в современной поэзии см. в кн.: [6. С. 447–456].

не для прелюбы... / **Для: образ от безлюбья исцелять** (Д. Бобышев. Облики); *И покой нисходит к жизни проходящей, / Ничего не жалко, кроме – не случится / свет зажечь озябшим, в темноту смотрящим, / над кроваткой беспокойною склониться.* (Т. Царькова. К ночи хочется укрыться и согреться...).

10. Контактное расположение нескольких предлогов. В современной поэзии встречается немало контекстов с такой особенностью, например: *С на голове попугаем / И с в кармане ужом / Давай детей напугаем, / Игрушки их заберем...* (О. Григорьев. Игрушки); *То может быть степь. Там цветет недотрога / и суслики прячут за щеку слова: / о для по низинам бродившего Бога / шумевшейся песне забыла трава* (И. Сид. Виктору Куллэ); *Вот шагает мальчик с папкой <...> А за с папкой – мальчик с кубком / А за с кубком – мальчик в шапке <...> А за в шапке – мальчик с ручкой <...> / А за с ручкой – мальчик с ранцем <...> А за с ранцем – мальчик с рыбкой <...> А за с рыбкой – мальчик с птичкой* (А. Левин. Шествие, или перечисление мальчиков, идущих на урок начальной военной подготовки, в порядке возрастания и прохождения). Последний из этих примеров показывает тот механизм, в соответствии с которым предложно-падежное сочетание оказывается способным к лексикализации. Косвенные падежи существительных, соединяясь с предлогами, образуют понятия и выполняют в тексте номинативную функцию. Поэтому оказывается возможным присоединение предлога *за* уже к каждому из сочетаний как к цельным словам. Сочетания *с папкой, с ручкой, с кубком, в шапке, с ранцем, с рыбкой, без птички* становятся метонимическими обозначениями лица. Омонимическая игра порождает в этом изображении не вполне приличные сочетания (*с ручкой, за с ранцем*), что типично для подросткового речевого озорства.

11. Лексикализация предложно-падежных сочетаний расширяет состав номинативных единиц языка, образующих собственные парадигмы, и преобразует смысловые связи предлогов с существительными, как например, в нормативных словах с приставками *заграница, подмышка, подкорка*: *В что за духовке, в какой под-воде, / В ворохе чьих покрывал / Прочие части, искомые где, / Прятать куда захова?* (М. Степанова. Так над конфоркою синий кружок...); *в россии маленькой двойной / летящей на волне сверкальной / мы были сном и довойной / и завойной зеркальной <...> да были сон и довойна / и завойна за воем / машин ночных и оба дна / под заводным заводом* (О. Юрьев. в россии маленькой двойной...).

12. Синтаксические архаизмы с предложным и беспредложным управлением. В современной поэзии нередко встречаются архаические явления синтаксиса, связанные с употреблением и неупотреблением предлогов. И в стилизациях, и вне стилизаций воспроизводятся архаические предложно-падежные сочетания, особенно существительные в форме

род. падежа множ. числа с предлогами *сквозь* и *между*, *меж*³: *Когда **сквозь синих туч** на воды упадает / косо́й последний луч в озерной тишине, / и льется по волне, и долго остывает, – / не страшно ли тебе? не стыдно ли тебе?* (Т. Кибиров. Вместо эпиграфа); *Ангел мой, глаза закрою. / Ночь проходит **сквозь ресниц**, / поднимает рой за роем / у невидимых границ* (М. Айзенберг. Ангел мой, глаза закрою...); *Солнце несется по небу **сквозь звезд**, обнимая могучей рукою / Нас среди картошки, цветов, помидоров, укропа* (В. Кучерявкин. Бьется и бьется в стекло неугомонная муха...).

Возможно, именно архаическое сочетание «сквозь + род. падеж множ. числа» повлияло на такое употребление предлога *через*: *Die Seele fliegt*, как *Wolkchen*⁴ **через туч**. / *Скульптурицею полны палисады. / Повыше виноградник полосатый, / Как бы матрас, повесившийся с круч* (М. Степанова. 20 сонетов к М)⁵.

Примеры с предлогами *между* и *меж*: *...**Между ставен** в окне / слепкий блик. И над плёсткой волною / чутко в белом кашне / задремал бородач с сединою* (Ю. Кублановский. Венеция. Начинает смеркаться); ***Между слов** промежутки пустые – / из них и составлен язык, / самый древний язык, / что понятен любому поэту* (Н. Абельская. Между слов промежутки пустые...); *ладони зажаты в коленях / подбородок – **между ключиц** / и лежишь себе как запятая / в документе каком-то // на письме симпатическом тайном / совершенно секретном* (В. Кривулин. В позе плода); *Ловко носилась луна **меж прозрачных серебряных тучек*** (В. Кучерявкин. Вот был день...); *Что это было? Шепот бересклета? / Или шурило **меж еловых лап** / индейское, вернее бабье, лето?* (Л. Лосев. На кладбище, где мы с тобой валялись...).

Архаическое употребление предлога *о* встречается в таких текстах: *Что делилось на два, / то разделится вдруг на три. / От сейчас до утра – / лишь пустая ночь **об одном ветре*** (И. Машинская. Конек-горбунок); *Большая медведиха шла **о реку** / сама с собой **о руку**, / там пахнет пламенем, тут – плаваньем <...> – в реке горе мыть, / отпускать, ловить, перепрыгивать* (Е. Боярских. Большая медведиха). Реликтовое значение предлога *о* в современном языке встречается во фразеологии, например в пословице *конь о четырех ногах, а спотыкается*, выражении *бок о бок*.

Изоморфизм приставок и предлогов, более свойственный древнерусскому языку, чем современному, становится импульсом авторского словообразования – парадоксальным образом, синтаксические архаизмы способствуют появлению неологизмов – и собственно лексических, и семантических: ***В дверь виуришит** газету почтальон* (В. Гандельсман. Кожаный диван, обои...); *увидеть под синим копытом Стрельца / в одной*

³ Ср. современные нормативные фразеологизированные сочетания *между строк*, *между двух огней*, *между (промеж) глаз*.

⁴ В переводе с немецкого *Die Seele fliegt* – «душа летит», *Wolkchen* – «облачко».

⁵ Впрочем, в макароническом фрагменте текста форму *туч* можно понимать и как форму мужского рода ед. числа.

из неведомых северных ям / и также глаза **изронить из лица** / в одной из неведомых северных ям (К. Кравцов. Лайка по имени Чат); **Пока скользила по стене рука, / я словно прорывался сквозь века, / чтоб в комнату вомчаться на пределе / и вынырнуть на уровне панели** (М. Яснов. Прощание с Коломной); **На меня или меня ты нашел**, / ужли вправду я достойна твоих / умножённых, как великих княжон, / слов, ходящих на своих на двоих? (Н. Горбаневская. На меня или меня ты нашел...).

К синтаксической архаике относится паратаксис (грамматический параллелизм) с повторением предлогов, который предшествовал предложно-падежным сочетаниям с управлением: *Мне / женщины были? / Я женщина был?* / **Из вервя из лестниц – лифт!** – / любовь ли? (В. Соснора. Дон Жуан); *И вывели слона. В столбах и в силе.* / **Из пасти бас из хобота из кобра!** (В. Соснора. Дидактическая поэма).

Архаическое беспредложное управление часто связано с глаголом *бежать*: *Нечетно раз бежит Евгений / младенцев новых наводнений* (А. Миронов. Нечетно раз бежит Евгений...); *Не доверяйте акушерам, / Они завидуют в душе вам. / Когда ж придет пора рожать, / Услуг их следует бежать* (И. Иргеньев. Не доливайте водку в пиво...). Но и другие глаголы управляют существительными без предлогов вопреки современной норме: *хрипит собака поколений, прольются пепси, холодны, / вставая каменных коленей, бредут больные валуны* (Д. Паташинский. поговорка); **Уставши холопства и барства, / наивный, как мартовский снег, / на поиск Опоньского царства / ушёл пожилой человек** (М. Дидусенко. Уставши холопства и барства).

Итак, анализ предлогов в современной поэзии показывает, что в цитированных контекстах они становятся структурной, семантической и сюжетообразующей доминантой стихотворений, например, при их множественных повторах, антитезах, автономном употреблении, при употреблении на границах строк, при актуализации омонимии предлогов с другими частями речи, при архаических элементах синтаксиса.

Список литературы

1. Фоменко И.В. Введение в практическую поэтику. Тверь: Твер. гос. ун-т, 2003.
2. Плунгян В.А. Предлоги как ключ к поэтическому миру: *над* и *под* у Ахматовой // Сокровенные смыслы: Слово. Текст. Культура. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 319–332.
3. Азарова Н.М. Язык философии и язык поэзии – движение навстречу (грамматика, лексика, текст). М.: Логос / Гнозис, 2010.
4. Николина Н.А. Активные процессы в языке современной русской художественной литературы. М.: Гнозис, 2009.

5. Гловинская М.Я. Активные процессы в грамматике (на материале инноваций и массовых языковых ошибок) // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки славянской культуры, 1996. С. 252–262.

6. Зубова Л.В. Грамматические вольности современной поэзии. 1950–2020. М.: Новое литературное обозрение, 2021.

L.V. Zubova

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

ACTIVATION OF PREPOSITIONS IN CONTEMPORARY POETRY

***Abstract.** The article examines the peculiarities of the functioning of prepositions in Russian poetry since the second half of the 20th century: their actualization by repetitions, plot-forming concentration, verse transfer, syntactically and semantically non-usual use. With persistent repetitions, prepositions become the structural and semantic dominant of the text. The transformation of the preposition before the noun into a postposition of the verb occurs, prepositions are used autonomously, placed in a rhyme position at the line boundary. The distant arrangement of prepositions with controlled words emphasizes the normatively unstressed prepositions. Anomalies of verbal valences are explained by the influence of synonymous prepositions, compression of statements, by archaic elements of syntax. Lexicalization of prepositional-case combinations expands the composition of nominative units of the language, forming their own paradigms.*

***Keywords:** grammar, syntax, prepositions, postpositions, lexicalization.*

А.К. Казкенова¹, Е.В. Рахилина²

¹ Университет Нархоз (Алматы, Республика Казахстан),

² Школа лингвистики Национального исследовательского университета
«Высшая школа экономики» (Москва)

ЧЕРЕЗ В ТЕКСТАХ КАЗАХСКО-РУССКИХ БИЛИНГВОВ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ ИНСТРУМЕНТА

***Аннотация.** Рассматриваются примеры нестандартного употребления «через» в инструментальном значении, регулярно встречающиеся в казахском подкорпусе Русского учебного корпуса (Russian Learner Corpus / RLC). Как показывает анализ, отступления от нормы могут быть вызваны влиянием родного языка авторов, в частности, неполным соответствием русского предлога «через» и казахского послелога «арқылы». Если билингвы склонны к генерализации использования «через» в своей русской речи, то в самом русском языке «через», являясь лишь одним из средств выражения инструментальности, довольно ограничен в своем употреблении. Тем не менее семантическая зона инструментальности в русском языке динамична, и в контексте происходящих изменений у предлога «через» также намечается тенденция к расширению набора инструментальных контекстов.*

***Ключевые слова:** инструментальная семантика, казахско-русский билингвизм, предлог, концепт, Русский учебный корпус.*

Цель исследования – проанализировать нестандартное употребление предлога *через* казахско-русскими билингвами при выражении инструментальной семантики¹, определить причины подобных отступлений, а также описать динамику изменения самой русской нормы.

В качестве источника материала мы используем Русский учебный корпус / *Russian Learner Corpus / RLC* [2] – ресурс, созданный в Лаборатории по корпусным исследованиям Школы лингвистики НИУ ВШЭ (Москва). В нем собраны тексты изучающих русский как неродной или иностранный, а также эритажных говорящих. Корпус снабжен особой лингвистической разметкой, которая позволяет отслеживать разнообразные отклонения в текстах. Авторы текстов являются носителями около 50 различных доминантных языков: английского, финского, японского, французского и др. Объем казахского подкорпуса *RLC* на текущий момент составляет более 170 тыс. словоупотреблений. Авторы текстов этого подкорпуса – студенты вузов г. Алматы, владеющие казахским как доминантным и русским как вторым языком.

¹ Надо отметить, что такими примерами не исчерпывается нестандартное использование *через*. См. [1] о временном *через*.

Прототипически инструмент – участник ситуации, который используется агенсом для достижения цели, – в русском языке обозначается формой творительного падежа (*резать ножом, рубить топором*). Тем не менее, кроме этого способа, используются и другие: *шить на швейной машинке, разговаривать по телефону, поливать цветы из лейки, застегнуть куртку на пуговицы* и т.д. Кроме того, допускается вариативность: *смотреть через бинокль / в бинокль, ловить рыбу на удочку / удочкой*. Безусловно, такое варьирование способов выражения одной семантической роли в русском языке существенно осложняет с точки зрения не-носителя языка выбор правильной падежной формы / предложно-падежной группы.

Как можно судить по этой серии примеров, предлог *через* в русском языке также может участвовать в выражении инструментальной семантики, но это значение для него, скорее, периферийное, чем центральное. *Через* накладывает определенные ограничения на то, какой инструмент описывается с его помощью. Например, он должен иметь отверстия (*пропустить через мясорубку*), реже может представлять собой сплошной объект (*рассматривать через лупу*), с его помощью осуществляется физическое или перцептивное движение [3. С. 275].

Примеры нестандартного инструментального *через*, обнаруженные в нашем материале, можно распределить по следующим трем категориям:

1. *Через* вместо *по*:

(1) *А раньше люди не могли связаться так быстро, просто, они обязательно отправляли письмо через почту (= по почте / почтой), или же специально ходили.*

(2) *Вместо того чтобы читать такие жанры, люди идут в кинотеатр, смотрят через телевидение (= по телевидению).*

(3) *Ведь при общении через скайп (= по скайпу) мы, как в реальной жизни, можем передать свои чувства эмоции и т.д.*

Через вместо *по* появляется в результате трансфера конструкции родного языка: *связаться по телефону – телефон арқылы байланысу*. Примечательна концептуальная разница между русским предлогом и казахским послелогом в одном и том же контексте. Предлог *по* относится к предлогам со значением пути: *По+DAT refers to a Path along or over the Surface of a Landmark* [4. P. 267]. Это исходное значение отчасти сохраняется и при обозначении «инструмента-трассы»: «Инструмент, по которому или внутри которого прокладывается путь (в прямом или переносном смысле); по этому пути и осуществляется действие» [5. С. 82]. Казахский послелог *арқылы* относится к отыменным послелогам, и его образование описывается следующим образом: «каз. *arqılı* ... ‘через, при помощи, посредством’ < *arqa* ‘опора, поддержка < спина’» [6. С. 494]. Этимология послелога и контексты употребления позволяют описать его концепт как «связующее звено». Ср. замечание о том, что русский предлог *через* выражает концепт

«промежуточный этап», воспринимающийся часто как препятствие², в то время как, например, английский *over* – «охват» [3. С. 284–287].

Тем не менее семантическая близость *по* и *через* прослеживается также в русском языке. Так, не только *по*, но и *через* рассматривается как предлог пути [4], в инструментальном значении оба выражают «инструменты-трассы» [5]. Кроме того, еще одной внутренней предпосылкой для использования инструментального *через* является его использование для описания посредничества тем или иным лицом (*договориться через знакомых*) – именно это значение очень близко к идее связующего звена, выражаемой *арқылы*.

2. *Через* вместо *с помощью / при помощи / посредством*:

(4) *Так как мы учимся через программу (= при помощи программы), некоторые сложные темы мы можем поискать в интернете, или же переводить.*

(5) *Всё это можешь контролировать через телефон (= посредством телефона), так же через виртуальных ассистентов (= с помощью виртуальных помощников).*

Через вместо *с помощью / при помощи / посредством* также появляется под влиянием родного языка авторов, но здесь наблюдается несколько иная ситуация. Если *арқылы* можно назвать основным послелогом, оформляющим концептуализацию «технологического» инструмента, то в русском языке близкими по универсальности способами выражения значения инструмента, «независимо от его использования», являются *с помощью / при помощи / посредством* [5. С. 83]. Получается, что «расширение» сферы использования *через* авторами-билингвами обусловлено переносом функциональных особенностей его неполного казахского эквивалента в русскую речь.

Кроме того, выбор предложно-падежной группы варьируется в зависимости от выражаемой семантики. Так, *через* может использоваться, если речь идет об инструменте информационного влияния, например: *распространять информацию через СМИ / социальные сети.*

3. *Через* вместо *в / на*:

(6) *Сейчас среди молодежи очень популярно общаться через социальные сети (= в социальных сетях).*

(7) *Нужно просто через пульт управления (= на пульте управления) нажать определенную кнопку.*

(8) *Можно поговорить, общаться и даже видеть через экран (= на экране).*

Через вместо *на / в* в текстах билингвов подчеркивает ограниченную сферу употребления *через* в русском языке, в частности, его невозможность

² Заметим, что *арқылы* не используется в контекстах, описывающих преодоление преграды.

описывать «инструменты-места» (*взбить сливки в миксере*) или «инструменты – конечные точки действий» (*закрывать дверь на замок*), см. [5. С. 82].

Надо заметить, что система средств выражения инструментальности далеко не статична (как и сама технологическая среда), о чем можно, в частности, судить по новым конструкциям русского языка, в которых используется предлог *через* [7]:

(9) *Сразу почувствуете разницу в удобстве – и по сравнению с обычными выключателями, и по сравнению с управлением **через телефон*** (Полгода с умным домом Z-Wave: отзыв и лайфхаки от обычного пользователя! 2019);

(10) – *На самом деле, опять-таки, читать-то можно и **через компьютер** в том числе...* (Владислав Крапивин, Дмитрий Струев. Дорога негаснущей надежды. 2015).

Если наблюдать за данными НКРЯ за период 2001–2023 гг. (по состоянию на май 2024 года) [7], то его подкорпуса, отражающие наиболее динамично развивающиеся сферы употребления русского языка, фиксируют тенденцию к закреплению инструментального *через*, см. табл.:

Таблица

**Через телефон / компьютер / И/интернет
в подкорпусах НКРЯ (2001–2023 гг.).**

Примеры	Основной корпус (89 720 617 слов)		Газетный корпус: центральные СМИ (723 370 832 слова)		Социальные сети (157 899 671 слово)	
<i>через телефон</i>	10	0,111457102	70	0,967691769	117	0,7409768447
<i>через компьютер</i>	12	0,1337485229	143	0,197685604	32	0,202660334
<i>через И/интернет</i>	463	5,1605	9357	12,9352741168	1117	7,0741122697

Кроме того, *через телефон* встречается в самом начале истории употребления этого слова в русском языке (согласно основному корпусу НКРЯ, первое употребление этого слова относится к 1868 году). Вероятно, это был этап установления нормы:

(11) *Теперь стоит только человеку, стоящему в Петербурге у телефона, чихнуть, как в ту же минуту он может от своего московского собеседника получить **через телефон** же обычное приветствие: «Будьте здоровы»* (А.М. Достоевский. Воспоминания. 1896).

Таким образом, нестандартное употребление предлога *через* казахско-русскими билингвами при выражения инструментальной семантики обусловлено разными причинами: с одной стороны, влиянием родного языка и наличием в нем неполного эквивалента – послелого *арқылы*,

а с другой – варьированием средств выражения инструментальной семантики и динамикой их изменения в русском языке.

Список литературы

1. Рахилина Е.В., Казкенова А.К., Ахапкина Я.Э. *После, через, спустя* во временных контекстах: из наблюдений над текстами казахско-русских билингов // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2021. № 73. С. 93–113.
2. RLC: Русский учебный корпус. Электронный ресурс: <http://www.web-corpora.net/RLC>.
3. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008. .
4. Kalyuga M. *Russian Prepositional Phrases: A Cognitive Linguistic Approach*. Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2020.
5. Белашапкина В.А., Муравенко Е.В. Способы выражения инструментального значения в русском языке // Русский язык за рубежом. 1985. № 6. С. 78–83.
6. Левитская Л.С. Послелогии // Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Морфология / Отв. ред. Э.Р. Тенишев. М.: Наука, 1988. С. 491–503.
7. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru>.

А.К. Kazkenova¹, Е.В. Rakhilina²

¹ Narxoz University (Almaty, Republic of Kazakhstan),

² School of Linguistics at HSE University (Moscow)

ČEREZ IN TEXTS OF KAZAKH-RUSSIAN BILINGUALS: CONCEPTUALIZATION OF AN INSTRUMENT

Abstract. *The report examines examples of non-standard use of the preposition “čerez” in an instrumental meaning, regularly found in the Kazakh sub-corpus of the Russian Learner Corpus / RLC. As the analysis shows, deviations from the norm may be caused by the influence of the authors’ native language, in particular, by the incomplete correspondence of the Russian preposition “čerez” and the Kazakh postposition “arkyly”. If bilinguals tend to generalize the use of čerez in their Russian speech, then in Russian, “čerez,” being only one of the means of expressing instrumentality, is rather limited in its use. Nevertheless, the semantic zone of instrumentality in Russian is dynamic, and in the context of ongoing changes, the preposition “čerez” also has a tendency to expand the set of instrumental contexts.*

Keywords: *instrumental semantics, Kazakh-Russian bilingualism, preposition, concept, Russian Learner Corpus.*

Е.Е. Кальцавара
школа № 2054 (Москва)

СЕМАНТИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВЫ ПРЕДЛОЖЕНИЯ

Аннотация. Функциональная перспектива предложения в значительной степени определяется семантикой входящих в него компонентов, что и обуславливает степень коммуникативного динамизма компонентов и их роль в актуальном членении предложения. В семантике определенных групп компонентов отражается степень их потенциальной известности или новизны для получателя текста и, соответственно, тяготение каждого из таких компонентов к теме или реме высказывания. Анализ и систематизация семантических факторов, определяющих функциональную перспективу предложения, позволяет приписать каждой семантической разновидности компонентов предложения условный цифровой показатель степени коммуникативного динамизма. Анализ распределения этих показателей позволяет с достаточной степенью объективности определить функциональную перспективу предложения и его актуальное членение. Метод оценки и сопоставления степеней коммуникативного динамизма позволяет анализировать полипропозитивные высказывания с многоярусной тема-рематической организацией и высказывания с инверсией. Семантический метод анализа актуального членения предложения дополняет вопросно-ответный и метод диагностического контекста, а также позволяет уточнить понятие «исходного члена коммуникативной парадигмы высказываний»: исходный член коммуникативной парадигмы высказываний – это такой член коммуникативной парадигмы, в котором компоненты высказывания располагаются по мере последовательного возрастания показателей степеней коммуникативного динамизма.

Ключевые слова: функциональная перспектива предложения, степень коммуникативного динамизма, актуальное членение предложения.

Тема статьи связана с проблемой объективного анализа актуального членения предложения, а именно такого аспекта общего круга проблем, возникающих при изучении коммуникативной устроенности предложения, как **функционирование разных семантико-грамматических структур в разных контекстах.**

Этот аспект рассматривается в рамках двух взаимодополняющих теорий: теории актуального членения и теории функциональной перспективы предложения, которую разрабатывали, в частности, Я. Фирбас [1] и К. Пала [2], М.Ю. Федосюк [3]. Принципиальное различие теорий актуального членения и функциональной перспективы предложения заключается в том, что если в рамках теории актуального членения основное направление исследований коммуникативной организации предложения было ориентировано

на изучение соотношения компонентов темы и ремы и их линейного представления в том или ином порядке слов, то теория функциональной перспективы предложения анализирует потенциальную способность компонента языка войти в коммуникативную динамическую структуру речи.

Традиционно дихотомическое противопоставление темы и ремы высказывания наиболее глубоко изучается в рамках теории актуального членения, в то время как подробный анализ коммуникативной роли каждого компонента высказывания проводится в рамках теории функциональной перспективы предложения.

Актуальность освещаемого в статье исследования связана с тем обстоятельством, что закономерности функциональной перспективы предложения в современном русском языке до настоящего времени изучались главным образом в связи с порядком слов. При этом недостаточно внимания уделялось семантическому фактору, важному для читателя, воспринимающего письменный текст, который может включать высказывания с инверсией, где тема-рематическая организация высказывания не выражена ни порядком слов, ни интонацией.

Итак, какие же семантические факторы определяют тематическую или рематическую роль компонентов в тема-рематической организации высказывания?

На сегодняшний день наиболее распространенным является вопросно-ответный способ определения тема-рематической организации высказывания, отмеченный в работах Ш. Балли [4].

Для определения темы и ремы предложения данным способом служит вопрос, поставленный к рассматриваемому высказыванию. Та часть заключенной в высказывании информации, которая содержится в вопросе, относится к теме высказывания, а часть информации, содержащая непосредственно ответ на вопрос, относится к реме. Например, высказывание *Осень мы хотим провести/в Москве* предполагает вопрос «Где мы хотим провести осень?». В вопросе содержится та часть высказывания, которую мы отнесем к теме; на вопрос отвечает рема – «в Москве».

Однако этот и другие аналогичные способы определения темы и ремы не являются в достаточной степени удобными, т.к. формализуют субъективное понимание исследователем актуального членения высказывания.

Отсутствие разработанного формального аппарата анализа актуального членения предложения объясняется, на наш взгляд, тем, что в большинстве случаев исследователей интересовали прежде всего закономерности порядка слов. Высказывания анализировались с точки зрения отправителя информации: говорящего или пишущего. По этой причине рассматривались такие высказывания, в которых актуальное членение предполагалось уже известным, и классификация закономерностей слово-расположения в предложении в современном русском языке составлялась

на основании уже заранее проведенного анализа актуального членения предложения: от смысла к тексту.

Отметим, что исследования в области изучения порядка слов позволили, с одной стороны, собрать, изучить и систематизировать обширный материал в области средств выражения тема-рематической организации высказывания, а с другой стороны – открыть закономерности в изменении «свободного» порядка слов в русском языке, что важно, в частности, при изучении русского языка как иностранного.

Однако порядок слов не всегда является показателем тема-рематических отношений. Рассмотрим высказывание *И слово какое-то нес на устах своих* (Л. Андреев. Иуда Искариот). Очевидно, что при произнесении этого высказывания интонация должна маркировать рему *и слово какое-то*, которая располагается отнюдь не в конечной позиции, как при прямом порядке слов. Возникает вопрос, каким образом определяется актуальное членение высказывания, если оно выражается не с помощью интонации (письменная речь) и не с помощью порядка слов, как в предложениях с инверсией.

Очевидно, что при анализе высказываний с инверсией мы обращаемся к более «медленному» способу прочтения, предполагающему оценку и сопоставление информативной значимости всех компонентов, или, по определению Я. Фирбаса, оценку и сопоставление степеней коммуникативного динамизма компонентов, которые показывают, в какой мере компонент способствует разворачиванию функциональной перспективы предложения. Это позволяет выявить менее информативные компоненты, способные выступать в теме высказывания, и более информативные компоненты, способные входить в состав ремы высказывания.

В связи с вышесказанным необходим не только анализ **семантических факторов**, влияющих на функциональную перспективу предложения, но и разработка метода анализа коммуникативной организации высказывания через семантику его компонентов, что в свою очередь требует:

- выявить параметры, определяющие тематическую или рематическую роль компонента;
- систематизировать и обобщить факторы влияния контекста на коммуникативные роли компонентов предложения;
- классифицировать лексико-семантические факторы с помощью шкалы степеней коммуникативного динамизма компонентов предложения.

Известно, что влияние контекста распространяется на характер коммуникативной организации всего предложения и отдельных его компонентов. В зависимости от **степени влияния контекста на семантику** всего предложения выделяются предложения трех типов, функциональная перспектива которых различна: 1) высказывания максимальной степени зависимости от контекста, которые оформляют одну пропозицию, развивая уже обозначенные в предтексте смыслы. Актуальное членение таких высказываний

можно определить, не рассматривая высказывание в контексте, например [Это произошло] Т [1 января 1988 года] Р (Т – тема; Р – рема); 2) высказывания минимальной степени зависимости от контекста составляют смысловую основу текста, в них сообщаются основные элементы информационного содержания всего текста. Актуальное членение таких высказываний часто можно определить, также не обращаясь к контексту, т.к. коммуникативные роли компонентов практически совпадают с их конструктивно-синтаксическим амплуа. Анализ данных высказываний требует обращения к конструктивно-синтаксическим факторам. Определяя семантический тип предиката, связанную с ним минимальную конструктивно-синтаксическую схему, характер распределения позиций, можно выявить и функциональную перспективу предложений в тексте, например: [Дети] Т [странный народ...] Р (Ф.М. Достоевский. Мальчик у Христа на елке); [Из-за куста] Т [вдруг совсем неожиданно выскочил взъерошенный молодой человек в синих очках] Р (Ф.М. Достоевский. Вечный муж); 3) высказывания промежуточного типа имеют такую конструктивно-синтаксическую организацию, в которой синтаксические роли компонентов не всегда маркированы. Таковыми являются высказывания с актантами типа *Богатство разрушает искусство*. Кроме того, разные компоненты высказывания в таком случае могут иметь одинаковую степень коммуникативного динамизма, например: *В 1898 году И.И. Шишкин написал свою последнюю картину «Корабельная роца»*. Локализатор *В 1898 году* и первый актант *свою последнюю картину «Корабельная роца»* одинаково обозначают известное. Функциональная перспектива таких высказываний может быть определена только в контексте.

Что касается отдельных компонентов, то наибольшее влияние контекста испытывают именные группы, которые в зависимости от степени этого влияния могут обозначать данное, известное или новое.

Анализируя факторы, определяющие степень коммуникативного динамизма именных групп, предикатов, локализаторов и словосочетаний, подчеркнем, что для этих компонентов наиболее существенным является фактор зависимости компонента от контекста. Однако степень влияния контекста может быть маркирована лексически. Так, например, анафорическое местоимение *его* в словосочетании *в его жизнь* маркирует компонент, обозначающий данное, то есть такие объекты, которые известны адресату из предшествующего текста; имя собственное, употребленное не в автономном смысле, *Москва* обозначает известное, то есть объекты, которые известны адресату из предшествующего опыта; определение *замечательная* в словосочетании *замечательная пора* маркирует неопределенный термовый смысл словосочетания.

Считаем, что распределение степени коммуникативного динамизма (СКД) между компонентами высказывания может быть описано с помощью условных цифровых показателей. Эти показатели носят условный

характер, заменяя описательные характеристики коммуникативного динамизма того или иного компонента по сравнению с другими: *Компонент X в большей степени способствует развертыванию функциональной перспективы высказывания, чем компонент Y, но в меньшей степени, чем компонент Z.* Показатели СКД демонстрируют соотношение между компонентами функциональной перспективы предложения только в рамках рассматриваемого высказывания. Показатели компонентов, входящих в разные высказывания, не соотносимы, т.к. каждый из них играет специфическую роль в тема-рематической организации конкретного высказывания.

Распределение СКД между именованными компонентами таково: компоненты **данного** имеют минимальный в высказывании показатель в 10 условных единиц; компоненты, обозначающие **известное**, имеют сравнительно больший показатель в 30 условных единиц, максимальный показатель среди данных компонентов имеют компоненты **нового** – 40 условных единиц. Например: *Произошло что-то неожиданное. Москва³⁰ вторглась в его жизнь¹⁰. Замечательная пора⁴⁰ наступила в его жизни¹⁰.* Анализ функциональной перспективы подчеркнутых высказываний возможен только на основании оценки семантики входящих в высказывание компонентов без учета контекста и порядка слов.

СКД предиката и его место в тема-рематической организации высказывания во многом обусловлены семантическим типом высказывания в целом, а также семантикой актантов и сирконстантов предиката. Поскольку предикат характеризует тот компонент, который известен адресату или из предтекста, или из предшествующего жизненного опыта и, следовательно, имеет меньший показатель СКД, показатель предиката определяется по формуле $X+5$, где X – показатель того актанта или сирконстанта, который имеет наименьшую СКД в предложении, например, *В его жизни¹⁰ наступила¹⁵ замечательная пора⁴⁰.*

Особо следует отметить случаи обозначения предикатами **данного**. В определенном контексте, как мы указывали выше, предикат может обозначать конституативно известное, или данное, например: *Мы услышали чей-то смех. [Смеялся] Т [мальчишка] Р. [Смеялся он] Т [громко] Р.* В подобных высказываниях предикат приобретает термовый смысл, что позволяет нам рассматривать такие предикаты как частный случай противопоставления компонентов по параметру данного – известного – нового. В приведенных высказываниях предикат как компонент, являющийся синонимической заменой компонента предтекста, имеет минимальный в высказывании показатель степени коммуникативного динамизма в 10 условных единиц и входит в тему высказывания: *Мы услышали чей-то смех. [Смеялся¹⁰] Т [мальчишка] Р. [Смеялся он¹⁰] Т [громко] Р.*

Таким образом, анализ распределения цифровых показателей СКД позволяет с достаточной степенью объективности определить функциональную перспективу предложения и его актуальное членение.

Список литературы

1. Firbas J. On Defining the Theme in Functional Sentence Analysis // Travaux Linguistiques de Prague. 1966. V. 1. P. 267–280.
2. Пала К.О некоторых проблемах актуального членения // Prague Studies in Mathematical Linguistics. 1966. № 1. С. 81–92.
3. Федосюк М.Ю. Семантика компонентов высказывания и его коммуникативная парадигма // Типы языковых парадигм: Тезисы докладов и сообщений конференции кафедр русского языка вузов Урала. М.: Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН, 1987.
4. Балли Ш. Общая лингвистика и вопросы французского языка. М.: Прогресс, 1955.

E.E. Calzavara

School № 2054 (Moscow)

SEMANTIC FACTORS OF FUNCTIONAL SENTENCE PERSPECTIVE

***Abstract.** The functional sentence perspective is largely determined by the semantics of its components, which determines the degree of communicative dynamism of the components and their role in the actual division of the sentence. The semantics of certain groups of components reflects the degree of their potential fame or novelty for the recipient of the text and, accordingly, the attraction of each of these components to the topic or rheme of the utterance. Analysis and systematization of semantic factors that determine the functional sentence perspective makes it possible to assign a conditional digital indicator of the degree of communicative dynamism to each semantic variety of sentence components. Analysis of the distribution of these indicators allows us to determine with a sufficient degree of objectivity the functional perspective of the proposal and their actual division. The method of assessing and comparing the degrees of communicative dynamism makes it possible to analyze polypropositiv statements with a multi-tiered theme-rhematic organization and statements with inversion. The semantic method of analyzing the actual division of a sentence complements the question-and-answer method and the method of diagnostic context, and also allows us to clarify the concept of “initial member of the communicative paradigm of statements”: the initial member of the communicative paradigm of statements is such a member of the communicative paradigm in which the components of the statement are located as the indicators gradually increase degrees of communicative dynamism.*

***Keywords:** functional sentence perspective, actual division of the sentence.*

Т.Л. Колосовская

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

ПОХОЖИ, НО ТАК ДАЛЕКИ: КОНСТРУКЦИИ С ГЛАГОЛОМ *НЕ ГОДИТСЯ* В РУССКОЙ РЕЧИ

Аннотация. Статья посвящена сравнительно-оценочным конструкциям, бытующим в русской речи и включающим глагольную форму «не годится». В разных коммуникативных ситуациях эта форма образует устойчивые конструкции, обозначающие отрицательную оценку объекта. Все компоненты конструкции способны варьироваться в той или иной степени. На основе проведенного анализа, в работе строится шкала развития сравнительно-оценочного значения у глагольных форм «годится» (соответствие стандарту) – «не годится» (несоответствие стандарту): $\langle X + Adv/Pron + не + *годится \rangle - \langle P \text{ в подмётки } *не \text{ годится } Q \rangle$.

Ключевые слова: грамматика конструкций, коллоквиалистика, семантика, оценка, объект сравнения.

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Цель настоящей работы – описать функционирование в русской повседневной речи конструкции с глагольной формой *не годится*.

Под конструкцией понимается «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [1. С. 19]. Наряду с этим термином в работе используются как синонимы такие понятия, как неоднословная устойчивая единица (УНЕ) и сравнительно-оценочная конструкция.

Пользовательский подкорпус (ПП), на базе которого производился анализ материала, включает контексты из устного, газетного и подкорпуса социальных сетей «Национального корпуса русского языка» (НКРЯ) [2], а также разделов комментариев из социальных сетей «ВКонтакте» и «Живой журнал», включенных в Генеральный интернет-корпус русского языка (ГИКРЯ) [3].

Анализ словарей отражает разную наполняемость словарной статьи для глагола *годиться*, что связано с вопросом выделения различных конструкций, включающих рассматриваемую единицу. Полнее всего толкование данного глагола приводится в «Большом универсальном словаре русского языка» В.В. Морковкина [4].

Анализ ПП позволяет проследить развитие сравнительно-оценочного значения у данного глагола, появление оценки при сравнении двух объектов.

По лемме *годиться* в устном и газетном подкорпусах НКРЯ было обнаружено соответственно 277 и 4623 примера использования этого глагола

в разных формах. Первые 100 контекстов иллюстрируют практически одинаковое распределение форм глагола с отрицательной частицей и без нее: в устном – 31 пример без *не*, в газетном – 33.

Таким образом, форма *не годится* с семантикой несоответствия объекта каким-либо требованиям оказывается более употребительной среди носителей русского языка, ср.:

(1) *А в танкисты не годятся призывники выше 175 см* (Парламентская газета. 2021. НКРЯ).

Значение глагола начинает расширяться, когда он приобретает оценочную отрицательную семантику в составе конструкции <X + Adv/Pron + *не* + **годится*>, которая подразумевает, что объект очень плох по своим качествам. В словарях эта конструкция представлена устойчивой фразой *никуда не годится*:

(2) *Уничтожение социалистического школьного образования началось при горбачёвской перестройке лживыми разговорами о том, что образование (X) **никуда не годится**. Государственное. И что нужны школы частные* (ГИКРЯ. 2015).

И хотя бóльшая часть контекстов III действительно включает в состав УНЕ наречие *никуда*, тесно примыкающее к глаголу и стоящее обычно в препозиции, нельзя утверждать, что список возможных компонентов этим ограничивается. Такие слова, как *просто*, *вовсе*, *вообще*, *ничто*, *ни к чёрту*, *совершенно*, *никак*, также могут быть использованы, являясь контекстуальными синонимами наречия *никуда* и передавая, вместе с другими элементами конструкции, единое значение, ср.:

(3) *Ваша **развалюха** (X), которую какой-то идиот окрестил замком, не годится ни на что. Кухня разрушена, бальная зала сойдет разве что под конюшню, а часовня...* (ГИКРЯ. 2014);

(4) *Но уже нельзя поспорить с тем, что **КМК** (X) **никак не годится**... хотя у девушек КГУ они выиграли* (ГИКРЯ. 2015);

(5) *Уже 10 лет **правительство города** (X) **ни к чёрту не годится**. А последнее еще и окончательно обнаглело* (ГИКРЯ. 2015).

Наличие наречий при глаголе не гарантирует обязательного появления УНЕ с закрепленными компонентами. Нередко подобные элементы нужны для выражения определенной степени качества действия, передаваемого глаголом в прямом значении. В таких случаях необходимо, чтобы в близком контексте присутствовала некая конкретизация, где или для чего *не годится* объект, ср.:

(6) *... для фотографирования, к примеру, трайбла **не годится совсем**. Да и освещение в клубе от ламп и неона* (ГИКРЯ. 2015);

(7) *...не ставить на место ведущей эту самолюбивую **Пудар** (X), которая **совершенно не годится на эту роль**, она пытается из себя что-то выдать* (ГИКРЯ. 2014);

(8) *Таким образом, получается высококалорийный напиток. Само собой такой кофе (X) совершенно не годится. Он придает большое количество энергии, но...* (ГИКРЯ. 2015).

Замена на *никуда* в примерах (6) и (7) невозможна, что свидетельствует о прямом значении глагола, чего не скажешь о контексте 8.

Запрос с точной формой *не годится* в ГИКРЯ сгенерировал около 25 тысяч примеров. Рассмотренные 600 показали следующие результаты: 136 примеров (22,6%) составляют сочетания <X + Adv/Pron + *не* + **годится*>, способные или выражать прямое значение *не годится*, или выступать в роли конструкции с оценочной семантикой, а 86 примеров (14,4%) – конструкцию <P в подмётки **не годится* Q>. Таким образом, треть рассмотренных контекстов с анализируемым глаголом имеет сравнительно-оценочную семантику, что свидетельствует о высокой частоте употребления УНЕ с отрицательной оценкой в речи носителей русского языка.

В качестве УНЕ активно функционирует конструкция <P в подмётки **не годится* Q>, где P – один объект сравнения (некий предмет, признак или ситуация), а Q – другой объект или стандарт сравнения, с которым сравнивается P. Описание одного из объектов происходит не само по себе, а в отношении к некоторому предмету, признаку или ситуации [5]. Для выяснения, какие существительные способны в сочетании с глаголом образовывать УНЕ, в НКРЯ был осуществлен поиск по леммам комбинации <в + S + *не* + *годиться*>. Было найдено 259 контекстов.

Чаще всего рассматриваемый глагол встречается с существительными *подмётки* и *музыканты*, которые образуют соответствующие конструкции, ср.:

(9) *Сбербанк является одним из самых эффективных банков/ ну самым эффективным банком России уж точно / и частные банки (P) ему (Q) в подмётки не годятся / приношу извинения* (Программа «Правда на ОТР». 2016 НКРЯ);

(10) *«А вы, друзья, как не садитесь – все в музыканты не годитесь» – эта цитата наиболее точно характеризует ситуацию, от которой устали абсолютно все граждане Украины (X) (Новый регион. 2008. НКРЯ).*

Примечательно, что словари опускают материал с фразой И.А. Крылова из басни «Квартет», которая, тем не менее, носит оценочный характер в речи и описывает с отрицательной стороны не объект, а целую ситуацию.

Другие существительные, стоящие рядом с глаголом *не годится*, не образуют с ним УНЕ с оценочным или сравнительно-оценочным значением. Часто глагол употребляется в прямом значении, как в примере (11). Распределение всех существительных (см. *рис.*).

(11) ...10 % – дополнительно ее обрабатывают, а потом все равно съедают, и примерно 2% отдают нуждающимся то, что им самим **в пищу не годится** (Новый регион 2. 2009. НКРРЯ).

Кроме того, в ГИКРЯ нашлись немногочисленные контексты, в которых на месте существительного *подмётки* использовалось существительное *сравнение*, образуя все ту же оценочно-сравнительную конструкцию с несколькими объектами, ср.:

(12) *Один в мире!!!! После него (Q) никакой цирк дюсолей (P) в сравнение не годится* (ГИКРЯ. 2015);

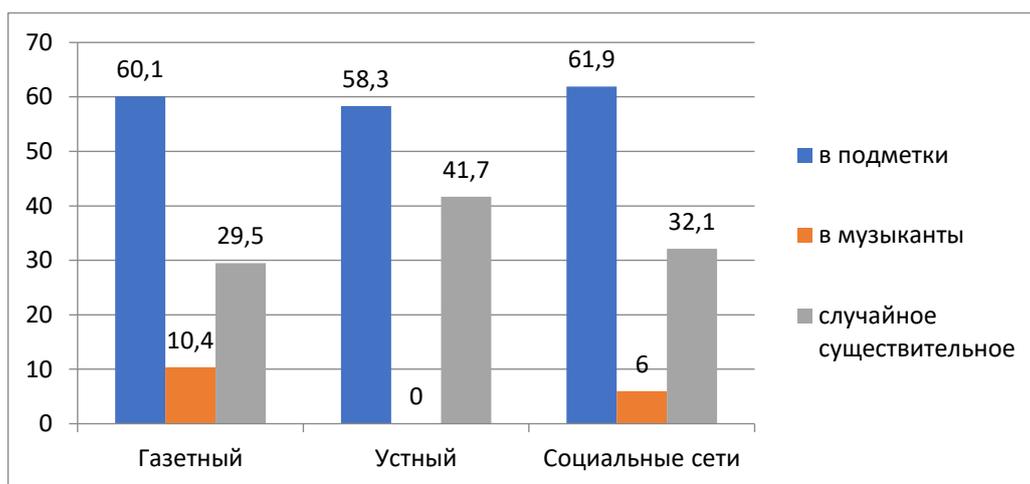

Рис. Распределение частоты встречаемости существительных с глаголом НЕ ГОДИТСЯ в Национальном корпусе русского языка

(13) *Все плюсы! Музыка ВКонтакте (P) пасётся в углу, даже в сравнение не годится, короче всем рекомендую ЯМ (Яндекс Музыка) (Q)!!!* (ГИКРЯ. 2015).

Следовательно, в конструкции $\langle P \text{ в подмётки } *не \text{ годится } Q \rangle$ возможна вариативность слотов, в том числе и части с глаголом, который может не только употребляться в разных формах, но и быть заменен на другие единицы [6].

Что касается НКРЯ, то вариативность данного слота была замечена лишь в газетном подкорпусе, где представлены немногочисленные примеры с глаголом *валяться* в позиции глагола *не годится*, ср.:

(14) *Единственная загвоздка в том, что американец Рик Риордан (P) в подметках не валялся у Джоан Ролинг (Q), написавшей «Гарри Поттера», и даже в Штатах (тем более в России, где цикл романов о Перси Джексоне тоже переведен) тиражи книжек не превосходят ожидания читателей и издателей* (Vesti.ru. 2010. НКРЯ).

Кажется, что варьирующиеся элементы могут и должны быть отмечены толковыми словарями, тем более что подобная попытка уже предпринята, например, у В.В. Морковкина, где в квадратных скобках возле конструкции

в подмётки не годится» стоит усилительная частица *и*, которая, очевидно, часто встречается в примерах, хотя не является единственно частотной. Например, частица *даже* ничуть не уступает ей в функции усиления (примеры 15 и 16), но это тема для другого исследования.

(15) *Да, ей (Q) никто из остальных участников «АВВА» (P) даже в подметки не годится! Не зря ее считали одной из самых красивых женщин Швеции (ГИКРЯ. 2008);*

(16) *...выдумывала на ходу, а нынешняя история (P) даже в подметки той (Q) не годится, но все равно не плохо (ГИКРЯ. 2015).*

В результате проведенного анализа можно утверждать, что постепенное развитие семантики рассматриваемого глагола привело к появлению распространенных и употребительных конструкций в русской речи, которые могут пополнить базу «Русского конструктикона», а также должны фиксироваться или классическими толковыми словарями, или специальными словарями, иллюстрирующими подобные тонкости русского языка. Кроме того, можно построить шкалу развития сравнительно-оценочного значения, появившегося у глагола: *годится* (как соответствие стандарту) – *не годится* (как несоответствие стандарту) – $\langle X + Adv/Pron + не + *годится \rangle$ – $\langle P в подмётки *не годится Q \rangle$. Полученные результаты не только могут быть использованы в практике вузовского преподавания, но и важны для лексикографической работы, в практике перевода и преподавания русского языка как иностранного.

Список литературы

1. Рахилина Е.В., Кузнецова Ю.Л. Грамматика конструкций: теория, сторонники, близкие идеи // Лингвистика конструкций / Ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010. С. 18–79.
2. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/new>.
3. Генеральный интернет-корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://www.webcorpora.ru>.
4. Морковкин В.В., Богачёва Г.Ф., Луцкая Н.М. Большой универсальный словарь русского языка. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka#>.
5. Князев Ю.П. Грамматическая семантика. Русский язык в типологической перспективе. М.: Языки славянских культур, 2007.
6. Колосовская Т.Л. Синтаксическая конструкция $\langle P в подмётки (не) *годится N_3 \rangle$ в современной русской речи // Вестник РГГУ. Сер. Литературоведение. Языкознание. Культурология. 2024. № 8.

T.L. Kolosovskaya
St. Petersburg University (St. Petersburg)

**SIMILAR BUT SO FAR AWAY: CONSTRUCTIONS
WITH THE VERB *NE GODITSYA* IN RUSSIAN SPEECH**

***Abstract.** The article is devoted to comparative-evaluative constructions in Russian speech that include the verb form is “ne goditsya”. In different communicative situations, this form forms stable constructions, denoting a negative evaluation of the object. All components of the construction are capable of varying to a greater or lesser extent. On the basis of this analysis, the paper builds a scale of development of comparative-evaluative meaning in the verb: “goditsya” (as conformity to the standard) – “ne goditsya” (as nonconformity to the standard) – <X + Adv/Pron + ne + *goditsya> – <P v podmyotki *ne goditsya Q>.*

***Keywords:** grammar of constructions, colloquialistics, semantics, evaluation, objects of comparison.*

О.Н. Колышева

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы (Москва)

ГРАММАТИКА НАРРАТИВА: ВРЕМЯ ГЛАГОЛА КАК СПОСОБ ТЕМПОРАЛЬНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАРРАТИВА

***Аннотация.** Рассматривается грамматическая категория времени глагола как один из способов создания темпоральной организации нарратива. Материалом исследования стали нарративы о Великой Отечественной войне (1941–1945), представляющие собой воспоминания о событиях военного времени. Временная удаленность нарратора от описываемых событий и, как следствие, вербализация в форме отсроченного воспоминания позволяют зафиксировать в нарративе результат рефлексии и оценки событий прошлого. На грамматическом уровне такая рефлексия находит выражение в смешении глагольных времен в рамках одного предложения или тематического фрагмента. Кроме того, используемые глаголы в форме настоящего и прошедшего времен могут служить подтверждением сохранности воспоминаний в памяти нарратора и их вербализации в момент наррации в виде мнемических ситуаций.*

***Ключевые слова:** грамматика нарратива, время глагола, темпоральная организация нарратива, мнемический текст, мнемическая ситуация, вербализация воспоминания.*

Рассмотрение нарративов как текстов, порожденных памятью через вербализацию мнемических процессов, представляет интерес для современных интегральных гуманитарных исследований [1–3 и др.], направленных на изучение «человека говорящего» и «человека вспоминающего». Особенное направление занимают нарративы, в которых речь идет о важных с исторической точки зрения событиях (см, например, 1; 2; 4 и др.). В таком случае через личную историю (или другими словами – альтернативную, неофициальную историю) преломляется история официальная.

Нарратив можно считать разновидностью мнемического текста [5] – речевого произведения, построенного автором путем вербальной реконструкции своего прошлого. Л.М. Ньюбина дает красивую метафору этому процессу: «бродить по музеям своей памяти» – «облачать их в словесные одежды» [6]. Речь идет об арсенале средств, позволяющих вербализовать прошлый опыт. Как пишут У. Лабов и Д. Валецки, нарратив – это способ репрезентации прошлого опыта при помощи последовательности упорядоченных предложений, отражающей временную последовательность событий [7]. Так, одной из универсальных характеристик нарратива является темпоральная отсроченность воспоминаний и их особая временная организация в нарративе [2], то есть совмещение времени создания нарратива и внутреннего времени рассказа. В момент наррации происходит вербализация

двух временных пластов: прошлого и настоящего. Вербализованный результат наррации исследователи называют темпоральной организацией нарратива (*the temporal organization of narrative*) [7; 8], реже – темпоральной структурой нарратива [9].

Темпоральная организация нарратива создается лингвистическими средствами разных языковых уровней. По К. Риссман, структурный анализ нарратива направлен на то, как именно ведется повествование, какие повторяющиеся текстовые и языковые элементы определяют характер повествования и как они создают нарратив как единое целое [10]. Так, проведенный ранее анализ темпоральной структуры нарративов показал, что наиболее частотным грамматическим способом создания темпоральной структуры нарратива является смещение глагольных времен, а именно – использование прошедшего и настоящего времени в рамках одного предложения или тематического фрагмента [9].

Целью данной статьи является рассмотрение категории времени глагола как способа вербализации мнемических процессов и создания темпоральной организации нарратива.

Материалом исследования выступают нарративы о Великой Отечественной войне, представляющие собой отсроченные воспоминания о событиях военного времени. Такие нарративы интересны нам с позиции временной удаленности нарратора от описываемых событий. Временная удаленность нарратора и, как следствие, вербализация в форме нарратива отсроченного воспоминания позволяют зафиксировать в нарративе результат рефлексии и оценки событий прошлого. Согласно описанной У. Лабовым структуре нарратива, оценка представляет собой эксплицитное высказывание рассказчика о своем отношении к ситуации [7; 8]. На грамматическом уровне оценка находит выражение в одновременном употреблении форм прошедшего и настоящего времени глагола в одном предложении или тематическом фрагменте.

Грамматические значения глаголов (одновременности, предшествования и следования), присущие формам времени в морфологической системе языка, конкретизируются и модифицируются именно в контексте [11]. Рассмотрим далее примеры из нарративов о войне для иллюстрации данного тезиса.

(1) *Из воспоминаний многих бойцов (я тоже это могу подтвердить) известно, что уже в начале мая отряды фактически выполняли все указания и распоряжения Сабурова.*

В данном примере использование глагола в прошедшем времени (*выполняли*) для реконструкции событий из далекого прошлого и использование вставной конструкции с глаголом настоящего времени (*могу подтвердить*) для актуализации высказывания во времени позволяют зафиксировать темпоральную отсроченность воспоминаний: взгляд на произошедшие события с позиции момента создания нарратива.

(2) *Его стиль и способ изложения сейчас кажется странным, но я оставила его неприкосновенным, как своеобразный документ ушедшего времени.*

Факт осуществленного в прошлом события вербализуется с помощью глагола прошедшего времени совершенного вида (*оставила*) в перфектном употреблении, характеризующем результат соотнесения предшествующего действия к настоящему. Для выражения оценочного суждения в момент наррации рассказчик использует глагол в настоящем актуальном времени, характеризующем действие, протекающее в момент речи (*кажется странным*). Глагол употребляется совместно с адвербиальным показателем с темпоральной семантикой (*сейчас*), которое семантически противопоставляется событиям прошлого (*документ ушедшего времени*).

(3) *Итак, мы потеряли отца, я даже не знаю, в каком месте лежат его кости.*

Семантическое противопоставление «тогда – сейчас» реализуется глаголами прошедшего времени в перфектном употреблении (*потеряли*), настоящего актуального (*не знаю*) и настоящего неактуального (*лежат*), позволяющими соотнести события прошлого и настоящего на шкале времени.

Как мы уже отметили, категориальные грамматические значения форм времени актуализируются во взаимодействии с контекстом и речевой ситуацией. Однако, как пишет В. Шмид, нарраториальная временная точка зрения предоставляет нарратору возможность свободного обращения со временем [12], в рамках которого происходит когнитивное взаимодействие прошлого и настоящего, что можно проследить на следующем примере.

(4) *Пришлось Сабурову давать справку Семье Земляновых о том, что отец был убит партизанами по ошибке. Эта справка до сих пор хранится у меня после смерти мамы. Это было после войны. Вернемся в 1942 год.*

Так, темпоральная организация нарратива складывается из нескольких временных пластов. Автор от прошедшего (*пришлось*) переключается к семантически «предпрошедшему» времени (*был убит*), далее к настоящему актуальному, обозначающему действие, протекающее в момент речи (*до сих пор хранится*), затем обратно к прошедшему (*было после войны*), а после этого возвращается к последующим событиям с помощью использования императива (*вернемся*). Глагол *вернемся* в данном случае становится кодой (термин У. Лабова) – функциональным приемом, позволяющим вернуть словесную перспективу к настоящему моменту [7].

В момент наррации важную роль играет точка зрения говорящего: определение и оценка говорящим объективно обусловленных реальных временных отношений [11]. Так, по мнению М. Фриша, чем дальше по времени устные свидетельства находятся от самих событий, тем больше хранят меняющееся соотношение самих воспоминаний и обобщений, рефлексии, суждений об историческом прошлом и конкретных данных,

связанных с личностью [13]. Приведем несколько примеров вербализации оценки с помощью глагольных времен.

(5) *Я думаю, что серьезность понимали все, потому что все-таки о том, что Германия завоевала всю Европу, знали все, поэтому у меня ощущение, что серьезность люди в общем понимали.*

(6) *Я не знаю, как это ей удавалось, она работала постоянно, старшие сестры ей помогали.*

В этих примерах мы можем увидеть не только извлечение из памяти информации о событиях прошлого, но и оценивание этой информации с позиции настоящего времени, когда нарратив создается. Примером связи прошлого с настоящим являются выражения *я думаю, я не знаю*, встроенные в предложения, описывающие события прошлого. Таким образом, на фоне произошедших событий (*Германия завоевала; люди понимали; она работала; ей помогали*) нарраторы выражают оценочные суждения с позиции темпоральной отсроченности воспоминаний.

Как личность коммуникативная, автор нарратива находится в постоянном диалоге со слушателем, что может выражаться в использовании глаголов настоящего времени во 2-м лице для передачи обращения к слушателю:

(7) *С одной стороны, **вы ожидаете** что-то, и тем не менее, когда это вот так вот бьёт, всё равно эффект неожиданности есть.*

(8) *Мы не представляли себе, что будет война, но об этом говорили. **Вы знаете**, взрослые говорили.*

Кроме того, глагольные времена могут являться не только способом создания темпоральной структуры нарратива, но и одновременно служить подтверждением сохранности воспоминаний в настоящем через разворачивание мнемической ситуации в памяти нарратора. Вслед за Р.Ф. Исхаковой под мнемической ситуацией мы понимаем «ситуацию внеязыковой действительности», в центре которой «находятся мнемические процессы, субъект и информационный актант – та информация, которая утрачивается или восстанавливается в памяти субъекта» [14]. Приведем несколько примеров.

(9) ***Хорошо помню** ту страшную осень – октябрь-ноябрь 1941 года.*

(10) *Там у причала стоял белый теплоход, двухъярусный, ой, двухпалубный и назывался он «Лев Толстой», **до сих пор помню**.*

(11) *Я, конечно, бросилась к ней, и она мне сказала: «Война, Симочка, война!» **Вот это я помню очень хорошо**.*

(12) *Одну **я особенно запомнила**. Звали ее Мира, было ей лет 29, может быть.*

Факт наличия информации в памяти вербализуется глаголами с семантикой памяти в формах настоящего времени (*помню*) и прошедшего перфектного (*запомнила*). Такие глаголы употребляются вместе с оценочными наречиями (*хорошо, отлично, отчетливо, четко* и др.), а также с наречиями, являющимися индикаторами потока времени, определяющими

принадлежность того или иного воспоминания к временному периоду (*до сих пор, до этого, уже, еще, в конце этого дня* и др.).

Таким образом, приведенные примеры позволяют говорить о наблюдении за процессами памяти, выраженными вербализацией мнемических процессов. В рамках вербализации мнемических процессов мы можем говорить об особой темпоральной организации нарратива. На грамматическом уровне одним из способов темпоральной организации нарратива служит использование настоящего и прошедшего времен глагола. Кроме того, глагольные времена могут служить вербализаторами для подтверждения сохранности воспоминаний в настоящем, а также для выражения оценочных суждений.

Список литературы

1. Рождественская Е.Ю. ИНТЕР-энциклопедия: нарративное интервью // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2020. Т. 12. № 4. С. 114–127.
2. Нуркова В.В. Сверхенное продолжается: Психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
3. Тивьяева И.В. Фиксация и трансляция индивидуальной памяти средствами естественного языка: Монография. М.: Флинта: Наука, 2018.
4. Чистикова Е.С. Мнемонические тексты дневников и мемуаров: временная удаленность как типологический критерий // Вестник Ленинградского государственного университета имени А.С. Пушкина. 2015. Т. 1. № 3. С. 134–140.
5. Колышева О.Н. Нарратив как мнемонический текст (на материале нарративов «детей войны») // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер.: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2020. Т. 11. № 2. С. 398–411.
6. Нюбина Л.М. Воспоминание и текст: Монография. Смоленск: СПТУ, 2000.
7. Labov W., Waletzky J. Oral Versions of Personal Experience: Three Decades of Narrative Analysis // Special Volume of a Journal of Narrative and Life History. 1997. Vol. 7. P. 3–38.
8. Labov W. Some Further Steps in Narrative Analysis // Special issue of The Journal of Narrative and Life History. 1997. P. 395–415.
9. Колышева О.Н., Чулкина Н.Л. «Два потока реки военного времени»: темпоральная структура нарратива о войне // Вопросы когнитивной лингвистики. 2020. № 1. С. 122–129.
10. Riessman C.K. Narrative methods for the human sciences. Los Angeles: Sage Publications, 2008.
11. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.
12. Шмид В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003.

13. Фриш М. Устная история и книга Стадса Теркеля «Тяжелые времена» // Хрестоматия по устной истории. СПб.: изд-во Европейского университета, 2003. С. 52–65.

14. Исхакова Р.Ф. Роль памяти в формировании языковой картины мира (на материале английского языка) // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология. Востоковедение. Журналистика. 2009. № 3. С. 196–201.

O.N. Kolysheva

Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(Moscow)

GRAMMAR OF NARRATIVE: VERB TENSE AS A MEANS OF CREATING TEMPORAL ORGANIZATION OF A NARRATIVE

***Abstract.** The article focuses on the grammatical category of verb tense as one of the means of creating temporal organization of a narrative. The material of the study is narratives about the Great Patriotic War (1941–1945), which represent memories of the wartime events. The temporal distance of the narrator from the described events and, as a consequence, the verbalization of delayed reminiscence in the form of a narrative, allows us to fix in the narrative the result of reflection and evaluation of the past events. At the grammatical level, such reflection is expressed in the mixing of verb tenses within a single sentence or thematic fragment. In addition, the verbs used by the narrator in the form of the present tense can confirm the preservation of memories in the narrator's memory and their verbalization at the moment of narration in the form of a mnemonic situation of information storage.*

***Keywords:** narrative grammar, verb tense, temporal organization of narrative, mnemonic text, mnemonic situation, verbalization of memory.*

А.Д. Комышкова

Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина, Нижегородский государственный
лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

ГРАММАТИЧЕСКАЯ СТИЛИЗАЦИЯ СВЯЩЕННОГО ТЕКСТА КАК СРЕДСТВО РЕПРЕЗЕНТАЦИИ ХРИСТИАНСКОЙ МЕТАФОРЫ В ИТ-ДИСКУРСЕ

***Аннотация.** Концептуальная метафора, характерная для определенного типа дискурса, является средством трансляции ценностных смыслов. Когнитивное исследование дискурса ИТ позволяет реконструировать ценностное отношение к главному предмету – информационным технологиям. Именно такое значение имеет христианская метафора, последовательно реализующаяся в этом типе дискурса на разных концептуальных и языковых уровнях. В статье рассматриваются грамматические особенности текстов, входящих в дискурс ИТ, стилизующих священный текст и таким образом обнаруживающих христианскую прецедентность. Подражание на уровне синтаксиса и морфологии, поддержанное соотносительностью со священными текстами на других уровнях языка, устанавливают метафорическую связь между тематической сферой информационных технологий и христианской религией.*

***Ключевые слова:** концептуальная метафора, стилизация, прецедентность, грамматические средства стилизации.*

Дискурсивный подход к лингвистическому исследованию коммуникации в сфере информационных технологий (ИТ) позволяет объединить в качестве объекта исследования формальное и неформальное общение в пределах одной профессиональной сферы, а в части языковой специфики этого феномена нивелировать границу между специальными (термины, профессионализмы) и «ненормативными» языковыми единицами (профессиональные жаргонизмы). Когнитивные исследования дискурса ИТ (например англоязычного) показывают, что этот феномен играет важнейшую роль в создании «образа информационных технологий, общего понимания того, что собой представляют технологии хранения, обработки и распространения данных»: «то, как и что говорят о технологиях, оказывает влияние на способы интерпретации ИТ обществом» [1. С. 64]. Одним из средств реализации важных смыслов, в том числе ценностей, является концептуальная метафора.

В этом исследовании мы опираемся на одно из определений дискурса – «текст, погружённый в ситуацию общения, в жизнь, либо как социальный или идеологически ограниченный тип высказываний, либо как “язык в языке”, но представленный в виде особой социальной данности, имеющей

свои тексты» [2. С. 33]. В качестве материала исследования нами было использовано сетевое IT-сообщество Хабр (<https://habr.com>), которое объединяет профессионально-деловые тексты, журналистские работы, форумы и комментарии, субъектно, адресно или тематически связанные с профессиональной деятельностью представителей профессиональной сферы IT – программистов, веб-разработчиков, менеджеров IT-компаний, специалистов по продвижению технологий и цифровых продуктов и т.д. Исследование этого материала в его целостности открывает возможности реконструкции не только языковой подсистемы, связанной с определенной сферой общения, но и концептуальных основ коммуникации в этой сфере.

Мы остановим наше внимание на одной из концептуальных метафор, реализующихся в исследуемом дискурсе. Ранее мы наблюдали, как христианская (и шире – религиозная) метафора реализуется в IT-дискурсе на уровне лексики [3–5]. Как правило, использование христианской лексики для репрезентации тематической сферы информационных технологий связано с прецедентностью, оказывающей влияние на стилистические и оценочные компоненты вторичных значений.

Один из когнитивных компонентов исследуемой метафоры (пользуясь структурой, описанной А.П. Чудиновым [6]) – фрейм «священный текст». Средством реализации этого фрейма является лексика (*библия, завет, заповедь, скрижаль*), а также языковые приемы стилизации [7], которые также связаны с явлениями аллюзии и реминисценции. Согласно «Словарю лингвистических терминов», стилизация – «подражание манере повествования, стилю речи и т.п., типичным для какого-л. жанра, социальной среды, эпохи и т.п.» [8. С. 445]. В случае реализации метафоры священного текста в русскоязычном IT дискурсе это подражание тексту Библии, христианских молитв.

Русская культурная традиция теснее всего связана с православием и церковнославянскими текстами, которые, в свою очередь, весьма специфичны в языковом отношении. Русская православная церковь использует церковнославянские тексты в богослужении – это основной источник прецедентных явлений (в том числе библеизмов – слов, сочетаний, выражений). Также «официальный статус» имеют некоторые русские переводы священных текстов, которые рекомендуются для самостоятельного домашнего чтения и в образовательных целях, самый известный из которых – синодальный перевод Библии. Вместе с тем специалистами отмечается, что эти переводы «далеки от языка и стиля русской литературы – как современной, так и классической» [9]. В стилистическом отношении это значит, что как церковнославянский, так и русский текст Библии может быть объектом стилизации, в том числе пародийной.

Рассмотрим приемы такой стилизации на уровне грамматики. Наибольшей спецификой обладает синтаксис священного текста – объекта

стилизации, поскольку даже русский перевод повторяет структуры церковнославянского языка, заметно отличающиеся от грамматической нормы современного русского литературного языка.

1. Инвертированные конструкции:

1.1. Инверсия согласованного определения: *часть первая; день первый; день второй; день третий; день четвертый; день пятый* [10].

1.2. Инверсия сказуемого: **Восстал Каин на Авеля; И увидел программист...**

Примеры взяты из статьи с характерным названием – «Библия проектирования. Часть первая. Создание мира» [10]. Исходя из актуализированной прецедентной ситуации, объектом стилизации в приведенных примерах можно считать первые стихи книги Бытия: *И назвал Бог твердь небом. [И увидел Бог, что это хорошо.] И был вечер, и было утро: день второй* (Быт. 1: 8).

1.3. Инверсия дополнения: **Программистам в муках обеспечивать 100% покрытие кода юнит тестами.**

Здесь объектом стилизации, исходя из актуализации образа «в муках» стала, очевидно, также книга Бытия: *Жене сказал: умножая умножу скорбь твою в беременности твоей; в болезни будешь рождать детей; и к мужу твоему влечение твое, и он будет господствовать над тобою* (Быт. 3: 16). Заметим, однако, что в исходном тексте данный вид инверсии отсутствует.

2. Многосоюзие: «нанизывание» предикативных единиц с начальным союзом *и*.

И вот она долгожданная пятница (в инициальном предложении) [10].

И увидел программист...; И увидел архитектор [11].

Объектом стилизации выступает та же книга Бытия:

И увидел Бог свет, что он хорош, и отделил Бог свет от тьмы (Быт. 1: 4). *И назвал Бог твердь небом* (Быт. 1: 8). *И произвела земля зелень, траву, сеющую семя по роду [и по подобию] ее, и дерево [плодовитое], приносящее плод, в котором семя его по роду его [на земле]. И увидел Бог, что это хорошо* (Быт. 1: 12).

3. Побудительные предложения с простыми глагольными сказуемыми, выраженными императивами:

Не пытайся засесть за написание спецификаций. **Посвяти** этот день борьбе с похмельем. **Поговори** с заказчиком, поговори с пользователями, **выслушай** скептиков, **выпей** алкозельцер, **съешь** вкусный обед. **Напиши**, что действительно важно.

В контексте библейской реминисценции объектом подражания здесь следует считать заповеди – императивную часть священного текста. Ср.:

Не делай себе кумира [...]; **не поклоняйся** им и **не служи** им [...], **Не произноси** имени Господа, Бога твоего, напрасно [...]. **Помни** день субботний, чтобы святить его; **шесть дней работай** и **делай** [в них] всякие

дела твои, *Почитай отца твоего и мать твою* [...]. *Не убивай. Не прелюбодействуй. Не кради. Не произноси ложного свидетельства на ближнего твоего* (Исх. 20: 4-5, 7-9, 12-16).

Стилизация синтаксической структуры предложения поддерживается другими средствами выражения прецедентности, например лексикой. Рассмотрим пример: *И увидел программист, что костыль хорош для сохранения нервов, и что один раз – не страшно*. Помимо уже указанных инверсии и начального сочинительного союза, средством стилизации является структура сложноподчиненного предложения с изъяснительным придаточным, включающая «опорные» слова: глагол *увидел*, союз *что* и прилагательное *хорош*. Объектом подражания здесь является известный рефрен из книги Бытия, использующийся при описании сотворения мира: *И увидел Бог, что это хорошо* (Быт. 1: 8), (Быт. 1: 12), (Быт. 1: 18). Примечательно, что первый раз подобная структура встречается в Бытии в несколько ином виде: *И увидел Бог свет, что он хорош...* (Быт. 1: 4). Такое построение предложения больше соответствует объекту подражания, однако в рассматриваемом тексте автор не стал прибегать к конструкции, нарушающей норму современной русской грамматики (**И увидел программист костыль, что он хорош*).

Другой пример: *Был Авель, он писал модели, а Каин проектировал интерфейсы... Восстал Каин на Авеля...* Помимо инверсии, аллюзия создается за счет сохранения лексического состава: *И был Авель пастырь овец* (Быт. 4: 2). *И сказал Каин Авелю, брату своему: [пойдем в поле]. И когда они были в поле, восстал Каин на Авеля, брата своего, и убил его.* (Быт. 4: 8).

Кроме синтаксической стилизации, можно отметить в тексте случаи стилизованных грамматических форм, которые имеют библейскую прецедентность, обеспеченную именно ненормативным с точки зрения русского языка формообразованием: *И увидел архитектор, что велико количество требований **человеков** на земле и что все мысли и помышления сердца их были изменчивы во всякое время.*

Родительный падеж множественного числа *человеков* здесь отсылает к прецедентному выражению *ловцы человеков* – так в тексте Евангелия Христос назвал своих будущих учеников. Ср.: *Проходя же близ моря Галилейского, Он увидел двух братьев: Симона, называемого Петром, и Андрея, брата его, закидывающих сети в море, ибо они были рыболовы, и говорит им: идите за Мною, и Я сделаю вас **ловцами человеков*** (Мф. 4: 18-19). Интересно, что Синодальный перевод Библии сохраняет здесь церковнославянский грамматический архаизм, который не является исконным. Окончание *-ов* в этой форме отражает исторический процесс смешения и унификации древних типов склонения, которые еще были последовательно представлены в древнейших старославянских переводах. Очевидно, что такое

намеренное сохранение необычной формы свидетельствует о фразеологизации выражения, а за отдельной формой *человеков* закрепляется устойчивая ассоциативная связь с текстом источника.

В приведенном фрагменте есть еще некоторые элементы стилизации, представляющие собой аллюзии на священный текст: *что все мысли и помышления сердца их были изменчивы во всякое время* [11]. *Помышления сердца их* – сочетание, отличающееся не только ненормативной для современного русского литературного языка лексической сочетаемостью (*помышления сердца*), но и употреблением формы единственного числа в собирательном значении (*сердце их*). Это аллюзия на стих Евангелия: *рассеял надменных помышлениями сердца их* (Лк. 1: 51). *Во всякое время* – аллюзия на: *Благословлю Господа во всякое время; хвала Ему непрестанно в устах моих* (Пс. 33: 2). Отметим, что в церковнославянском предложная форма построена иначе: *Благословлю Господа на всякое время выну хвала Его во устех моих*.

Приведем еще пример фразеологизированного сочетания: *Будет ли это набор use-case'ов или несколько экранов для настройки всего и вся?* Это устойчивое выражение имеет в русском языке церковнославянское происхождение, поэтому тоже может рассматриваться как элемент стилистического подражания. Объект стилизации здесь: *и всех и вся* – часть молитвенного прошения на богослужении. Форма *вся* – грамматический церковнославянизм: определительное местоимение в среднем роде множественном числе – стала частью устойчивого выражения, имеющего религиозную прецедентность.

Рассмотренные нами примеры стилизации священного текста с помощью грамматических средств являются намеренной реализацией приема пародии, однако подражание именно тексту Библии в тематической сфере программирования и информационных технологий вообще, на наш взгляд, неслучайно. Такое подражание является одним из средств реализации концептуальной метафоры «IT – это религия»¹, выражающей значимую часть аксиологической системы соответствующего дискурса.

Список литературы

1. Багиян А.Ю., Аракелова А.Р. Концептуальное воплощение ценностей и антиценностей в научно-популярном дискурсе сферы информационных технологий как способ актуализации профессиональной аксиологической картины мира // Научный диалог. 2019. № 10. С. 61–78.
2. Хурматуллин А.К. Понятие дискурса в современной лингвистике // Ученые записки Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 6. Гуманитарные науки. С. 31–37.

¹ О метафоре религии в художественном осмыслении образа интернета пишет Е.В. Маринова в [12. С. 172], отмечая её, в частности, в творчестве Алексея Иванова; см.: *...Интернет – спасение души; Царствие небесное и виртуальная реальность – это одно и то же* (А. Иванов. Комьюнити. 2012).

3. Комышкова А.Д. Христианская лексика в IT дискурсе: функциональный и когнитивный аспекты // Преподаватель XXI век. 2021. № 4-2. С. 363–378.
4. Комышкова А.Д. Христианская метафора в IT дискурсе: лингвистический аспект // Modern Humanities Success / Успехи гуманитарных наук. 2021. № 10. С.173–180.
5. Лексика религиозного культа как источник метафоризации в дискурсе IT // Язык-текст-дискурс в новых условиях коммуникации (к 60-летию профессора Т.Б. Радбиля). Сборник статей по материалам Международной научной конференции. Нижний Новгород: ННГУ, 2023. С. 210–214.
6. Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000): Монография. Екатеринбург: Урал. гос. пед. ун-т, 2001.
7. Библия как источник стилистической репрезентации религиозной метафоры в дискурсе IT // Агапова М.А., Белоусова В.В., Большаков А.Д. и др. Актуальные проблемы славянской филологии, культуры и журналистики: Кол. монография памяти профессора Н.Д. Русинова. Нижний Новгород: ННГУ, 2024. С. 58–63.
8. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: УРСС, 2004.
9. Современная библеистика и Предание Церкви: сборник материалов VII Международной богословской конференции Русской Православной Церкви «Современная библеистика и Предание Церкви» (Москва, 26–28 ноября 2013 года). Электронный ресурс: https://azbyka.ru/otechnik/Biblia/sovremennaja-bibleistika-i-predanie-tserkvi/#0_1.
10. Библия проектирования. Часть первая. Создание мира (8 ноября 2011 в 20:35). Электронный ресурс: <https://habr.com/ru>.
11. Библия проектирования. Часть вторая. Костыли, изгнание из рая, Каин, Авель, и снова с чистого листа (9 ноября 2011 в 20:35). Электронный ресурс: <https://habr.com/ru>.
12. Маринова Е.В. Язык Рунета в Сети и за её пределами. От вербализации ключевых идей интернет-пространства до обновления художественного дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2022.

A.D. Komyschkova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University,
Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizhny Novgorod)

GRAMMATICAL STYLIZATION OF THE SACRED TEXT IN REPRESENTING CHRISTIAN METAPHOR IN IT DISCOURSE

***Abstract.** A conceptual metaphor characteristic of a certain type of discourse is a means of translating value meanings. Cognitive research of the IT*

discourse allows us to reconstruct the value attitude towards the main subject – information technology. This is precisely the meaning of the Christian metaphor, which is consistently implemented in this type of discourse at different conceptual and linguistic levels. The article examines the grammatical features of the texts included in the IT discourse, stylizing the sacred text and thus revealing the Christian precedent. Imitation at the level of syntax and morphology, supported by correlation with sacred texts at other levels of language, establish a metaphorical connection between the thematic sphere of information technology and the Christian religion.

Keywords: *conceptual metaphor, stylization, precedent, grammatical means of stylization.*

М.И. Конюшкевич

независимый исследователь (Гродно, Республика Беларусь)

ДЕЙКСИС И РЕЛЯЦИИ НА СЛУЖБЕ КАТЕГОРИЗАЦИИ ЯЗЫКА

***Аннотация.** Анализируется теория Н.Ю. Шведовой о смысловом пространстве местоимений и потенциале смысловых категорий, на основе и в развитие которой ставится проблема означивания смыслов тех категорий, для которых в языке однословный дейксис отсутствует. Показывается, что для языковой материализации смысловых обобщений возникли и используются аналитические сочетания исходного местоимения «какой» с субстантивами, достигшими абстрагирования значения до степени служебного слова – предлога («каким образом», «в какой степени», «в какую сторону» и др.). Функционирование сочетаний местоимения «какой» с реляционными словами в вопросительной функции является сигналом формирования новых аналитических дейктических средств в русском языке, причем образование и идиоматизация дейксисных сочетаний обусловлены когнитивно, системно и коммуникативно, что свидетельствует о все более дифференцированной категоризации мира и языка.*

***Ключевые слова:** местоимение, дейксис, предлог, союз, категоризация.*

Предусловием к изложению содержания данной статьи необходимо обратиться к основным положениям монографии Н.Ю. Шведовой «Местоимение и смысл», в которой местоимения рассматриваются как особый класс дейктических слов, означающих смыслы, «восходящие к глобальным понятиям материального и духовного мира», а также углубляющих, дифференцирующих, сопоставляющих и сочленяющих эти смыслы [1. С. 7]. В названной книге, к извлечениям из которой будем обращаться не раз, местоимения представлены как абстрагированная иерархизированная система слов, организующих аксиоматическое разветвленное смысловое пространство с вертикальным и горизонтальным уровнями. Вершинный уровень в списке Н.Ю. Шведовой составляют «исходные» местоимения: *кто, что, чей, какой, каков, когда, где, куда, откуда, отколе, докуда, доколе, поколе, сколько, сколь, насколько, который, как, зачем, почему, отчего, каково* – всего 22 единицы. Каждый исход однозначен, его смысл «углублен и “разъят” “по вертикали” посредством троичной сегментации» [1. С. 23], исход организует свою микросистему, в которой местоимения представляют «арсенал смысловых абстракций, заключенных в языке в целом» [1. С. 8], а его смысловой потенциал охватывает самые общие понятия, получающие свои наименования в лексике и языковых категориях.

В рамках задач нашей статьи важными представляются определения Н.Ю. Шведовой языковых смысловых категорий – общей и частной. Общая смысловая категория – это «абстракция, представленная

дейктическим означением исходного понятия и его обобщенным смысловым именовани­ем», а частная смысловая категория – это «абстракция, представленная одним из под­вершинных членений общей категории (одним из ее составляющих) и тем языковым множеством, которое обращено к этому составляющему и его материализует» [1. С. 33]. Например, общая смысловая категория *кто* – существо одушевленное, а частные – лицо (и олицетворяемое существо) и животное.

Общая смысловая категория представлена исходным вопросительным местоимением, ориентирующим на познание бытия, она «возглавляет собою ею самой образуемое смысловое пространство; это пространство открыто для семантически связанных разноуровневых языковых средств, с участием которых образуются частные смысловые категории» [1. С. 33–34]. Эти «частные смысловые категории выделяются на первом шаге членения общей категории и способны далее расчлени­ться на свои более узкие и определенные составляющие; однако такие модификации возможны лишь **тогда, когда в языке есть определенные наборы средств, способные предстать как некое обобщение**» (выделено нами. – М.К.) [1. С. 34].

Зададимся вопросом: о каких средствах, «способных предстать как некое обобщение», идет речь? Конечно о дейксисе. Причем об однословном дейксисе. Но эра готового слова местоименного типа уже закончилась. Последние категории, означенные местоименным словом, – это две категории обусловленности – цели (*зачем*) и причины (*почему, отчего, устар. пошто*). Но для означивания следующих двух смыслов обусловленности понадобилось уже сочетание слов: для условия – «исходное местоимение *какой* + предложно-падежная словоформа имени, называющего категориальный смысл»: *при каком условии / при каких условиях / на каких условиях / с каким условием*. Для категории уступительности в русском языке используется сочетание «вторичный предлог *несмотря на* + исходное местоимение *что*»: *несмотря на что, невзирая на что*.

Характеризуя особенности смыслового пространства, Н.Ю. Шведова отмечает, что «в обозримые периоды истории определенного языка сами смыслы не меняются, их строй стабилен; могут меняться лишь (постепенно, вяло) словесные обозначения смыслов; это или архаизация слов... (*сей – тот*), или уход в отдельные языковые сферы... (*отселе*), или образование **фразеологизмов, равнозначных слову (*зачем – с какой целью, почему – по какой причине, докуда – до каких пор*)**» (выделено нами. – М.К.) [1. С. 50].

Думается, что приведенные фразеологизмы, равнозначные слову, потому и возникли, что стали предтечей следующих смысловых обобщений, требующих языковой материализации, но возможных только

в сочетании с уже исходным местоимением, ибо иных, глобального уровня, исходов нет, т.к. они представляют закрытый класс.

Какая же лексика настолько обросла смысловыми приращениями, что абстрагировалась до такой степени обобщения, что способна в сочетании с исходом *какой* образовать дейктический фразеологизм (вопрос о степени фразеологизации таких сочетаний требует отдельного рассмотрения)? В приведенных выше примерах это субстантивы, материализующие исходы, – *цель, причина, условие, пора*. Список категорий и называющих их субстантивов можно продолжить: образа действия (*каким образом?*), способа действия (*каким способом?*), меры и степени (*в какой мере?*; *в какой степени?*), метода (*каким методом?*), принципа (*по какому принципу?*) и др.

Возникает вопрос: какая в целом лексика способна в сочетании с местоимением образовать сочетания, расчленяющие подвершинные смысловые категории на более дифференцированные? Морфосинтаксические исследования грамматики предлога и союза последних лет, например [2; 3], свидетельствуют, что это те существительные, которые приобрели высокий уровень абстракции, т.е. десемантизировались до уровня реляции – предлога, союза (возможно, и другой строевой лексики – экспликатора, классификатора, релятора, связки, но это надо исследовать).

Использование реляций в роли дейксиса вызвано неустанным процессом познания действительности и потребностями коммуникации, когда требуется уточнить, дифференцировать смысл того или иного компонента высказывания. Не случайно в речи регулярно используются высказывания с синтагмами из двух однородных вопросов, причем второй вопрос является уточняющим первый. Например: (1) *Теперь уж точно не помню – когда и при каких обстоятельствах я впервые встретился с книгами Ю. Бондарева* (В. Коробов); (2) *Два дня она металась на заимке, не зная, как, каким способом излить свою яркую ненависть* (Г. Марков); (3) *Заглянуть в Тогур к Ефиму Власову, расспросить того, куда, в какую сторону Нарымского края понесут его в ближайшее будущее неугомонные осенние ветры* (Г. Марков).

Большинство существительных в сочетаниях с *какой* в вопросах обладают общим значением: *каким путем?*; *в какую сторону?*; *при каких обстоятельствах?*; *в каких обстоятельствах?*; *в каких пределах?*; *до каких пределов?*; *в каких случаях?*; *в каком случае?*; *какой ценой?*; *по какому праву?*; *на каком основании?* и т.д.

Примечательно, что почти все существительные в приведенных сочетаниях способны в некоторых своих словоформах выполнять функцию предлога или его аналога, причем существует корреляция вопросительного сочетания и предлога в ответной синтаксеме: *идти в какую сторону?* – *идти в сторону леса*; *проверить каким путем?* – *путьем подсчетов*; *проехать в какую сторону?* – *в сторону рынка*; *потери в каких*

пределах? – *в пределах* допустимого; *требовать по какому праву?* – *по праву* матери и др.

Степень идиоматизации подобных дейксистых сочетаний различна – от идиомы (*каким образом?* / *по какому принципу?*) до свободного сочетания, в котором субстантив выполняет роль индивидуализации вопроса: (4) *Сведения о том, где и в каких войсках служил Федор, удалось заполучить всего лишь час назад у одного завидовца* (М. Алексеев).

В речевой практике употребление дифференцирующего дейксисто-релятивного сочетания обусловлено не только информативно, как в примерах выше, но дискурсивно, с учетом жанра и условий коммуникативной ситуации, с контаминацией смыслов, маркирующих состояние и степень незнания говорящего, с редупликацией дейксиса: (5) *Люди небезразличны к тому, кто, как и в какой последовательности их приветствует* (А. Крон); (6) *И снова пошли разговоры о том, где и как, в каких условиях, до каких пределов сила может быть использована для защиты перестройки и за какими пределами она станет для нее похоронным звоном* (Известия. 20.01.90); (7) *Непонятно, зачем и с какой целью надо брать на стол этого больного* (Ю. Крелин).

Кстати, редупликация в дейксисе – довольно частое явление, равно как и в системе предлога: (8) *Знать хотя бы, зачем и для чего она жила, топтала эту землю?* (В. Распутин); (9) *Посередине столовой торчала деревянная арка, похожая на ворота – для чего, почему, с какой целью поставленная, неизвестно* (В. Липатов). М.В. Всеволодова отмечала, что редупликация – «это механизм не только категории предложных единиц. Скорее всего это некоторая специфика русского языка (а возможно, и других славянских языков) – максимальная экспликация и даже удвоение смыслов...» [2. С. 56].

Корреляция предлога с союзом способствует образованию многих союзных сочетаний, представляющих более сложный механизм категоризации на уровне полипропозициональных структур и текста, например: *путем того, что; в сторону того, что; в пределах того, что; на том основании, что; по праву того, что; в вопросе того, что* и др. Открывается широкая перспектива для тотальной инвентаризации и описания подобных средств [4].

Использование сочетаний местоимения *какой* с реляционными словами в вопросительной функции является сигналом формирования новых аналитических дейктических средств в русском языке, причем образование и идиоматизация дейксистых сочетаний обусловлены когнитивно, системно и коммуникативно, что свидетельствует о все более дифференцированной категоризации мира и языка.

Список литературы

1. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.
2. Всеволодова М.В., Кукушкина О.В., Поликарпов А.А. Русские предлоги и средства предложного типа: материалы к функционально-грамматическому описанию реального употребления. Книга 1. Введение в объективную грамматику и лексикографию русских предложных единиц. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2014.
3. Lachur Cz. Polskie przyimki wtórne i jednostki o funkcji przyimkowej w użyciu realnym. Materiały do słownika (w zestawieniu z językiem rosyjskim). Tom 1: *a conto – oprócz*. Кęра, 2019; Tom 2: *pamięci – w kleszczach*. Кęра, 2021; Tom 3: *w klimacie – zwyczajem*. Кęра, 2021; Tom 4: *Tak zwane przyimki parametryczne Supplement do tomów 1–3*. Кęра, 2022.
4. Конюшкевич М.И. Моделирование как способ инвентаризации скреп русского языка // Профессорский журнал. Сер.: Русский язык и литература. 2023. № 1. С. 8–21.

M.I. Konyushkevich

Independent Researcher (Grodno, Republic of Belarus)

DEIXIS AND RELATIONS SERVING CATEGORIZATION OF THE LANGUAGE

Abstract. *The analysis of the theory on the semantic space of pronouns and the potential of semantic categories by N.Y. Shvedova, stating the problem of signifying the meanings of no one-word deixis language categories on its basis and further development. Showing that for the purpose of the linguistic materialization of semantic generalizations, analytical combinations of the initial pronoun “kakoy” (which) with the substantives that have reached the abstraction of meaning to the degree of a service word – preposition (“kakim obrazom”, “v kakoy stepeni”, “v kakuyu storonu”, etc.) – have arisen and are used. Functioning of the pronoun “какой” with relational words combinations in the interrogative function could be seen as a new analytical deictic tools generation in the Russian language, whereby the formation and idiomatization of deictic combinations are cognitively, systematically and communicatively conditioned, which indicates an increasingly differentiated categorization of the world and the language itself.*

Keywords: *pronoun, deixis, preposition, conjunction, categorization.*

И.А. Кузнецов

Российский химико-технологический университет им. Д.И. Менделеева
(Москва)

ГРАММАТИКА И ПРАГМАТИКА ДИАЛОГА В ФАТИЧЕСКОЙ КОММУНИКАЦИИ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

***Аннотация.** Цель исследования – продемонстрировать значительную роль типизированных грамматических формул, прежде всего перформативных конструкций, в функционировании фатических диалогических вопросно-ответных единств. Исследование основано на методике когнитивно-дискурсивного анализа. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка. Вопросно-ответные единства в диалогической коммуникации на русском языке, вопреки своей самоочевидной коммуникативной установке на обмен информацией, имеют и значительный фатический потенциал. Показано, что переход от регистра информатики в регистр фатики для вопросно-ответных единств может быть обусловлен употреблением участниками сообщения типизированных синтаксических формул, в частности «перформативных конструкций». Делается вывод о том, что в этих случаях отвечающий, по тем или иным причинам, вместо того чтобы предоставить инициатору диалога требуемую информацию, избыточно эксплицирует саму иллокутивную силу своей реплики, что переводит беседу на метауровень обсуждения интенций, но не обмена информацией.*

***Ключевые слова:** грамматика диалога, вопросно-ответные единства, фатическая коммуникация, русская диалогическая речь, перформативные конструкции, экспликация иллокутивной силы реплики.*

В работе продолжается предпринятое нами исследование особенностей прагматической, семантической и структурной организации русскоязычных фатических диалогических вопросно-ответных единств. Цель исследования – продемонстрировать значительную роль типизированных грамматических формул, прежде всего перформативных конструкций, в функционировании фатических диалогических вопросно-ответных единств. Исследование основано на методике когнитивно-дискурсивного анализа, предложенной в работах [1; 2]. Материалом исследования являются контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [3].

Одной из важнейших классификаций разновидностей диалогического взаимодействия, основанной на характере взаимоотношений коммуникантов, на общей направленности их интеракций в процессе диалогической деятельности и пр., является деление на информативную и фатическую диалогическую коммуникацию. Фатическая и информационная стороны в диалоге противопоставлены посредством того, делается

ли акцент на самом факте установления контакта между участниками диалога или на обмене информацией.

Внимание к фатике как к важной стороне дискурсивных практик привлек Р.О. Якобсон, который, в частности, указывал: «Существуют сообщения, основное назначение которых – установить, продолжить или прервать коммуникацию, проверить, работает ли канал связи (“Алло, вы меня слышите?”), привлечь внимание собеседника или убедиться, что он слушает внимательно (“Ты слушаешь?” или, говоря словами Шекспира, “Предоставь мне свои уши!”), а на другом конце провода: “Да-да!”). Эта направленность на *контакт*, или <...> *фатическая* функция, осуществляется посредством обмена ритуальными формулами или даже целыми диалогами, единственная цель которых – поддержание коммуникации» [4. С. 194]. В отечественном лингвистическом диалоговедении о разграничении фатики и информатики пишет Т.Г. Винокур, которая определяет, что фатическая речь выступает как «средство установления определенных отношений между говорящим и слушающим» [5. С. 15].

Непосредственным предметом нашего исследования является такой вид фатической диалогической коммуникации, как вопросно-ответное речевое взаимодействие, минимальной единицей которого выступает т. наз. «вопросно-ответное диалогическое единство», где «основной функцией стимулирующей реплики является запрос информации, а реагирующей реплики – выполнение ответа» [6. С. 230]. Вопросно-ответное единство характеризуется прагматической, семантической и структурной связанностью образующих его реплик, а также относительной коммуникативной завершенностью. Исследователи характеризуют подобный тип отношений как «иллокутивную вынужденность», когда «тип реакции в большей или меньшей степени задается самим речевым стимулом, программируется им» [7. С. 45].

В наших предыдущих исследованиях мы показали, что вопросно-ответные единства в диалогической коммуникации на русском языке, вопреки своей самоочевидной коммуникативной установке на обмен информацией, имеют и значительный фатический потенциал [8]. В настоящей работе мы покажем, что во многом **переход от регистра информатики в регистр фатики** для вопросно-ответных единств может быть обусловлен употреблением участниками сообщения типизированных синтаксических формул, в частности т. наз. перформативных конструкций. Внимание к особому статусу подобных конструкций привлек один из основателей теории речевых актов Дж.Л. Остин, который показал, что ряд глаголов, употребленных в 1-м л. ед. ч., перестают выполнять дескриптивную функцию, т.е. описывать ситуацию, а вместо этого самим фактом их произнесения именно в этой форме говорящий совершает указанное в них действие – типа *я заявляю, я требую, я предлагаю, я прошу, я обещаю* и пр. [9]

Особая роль перформативных конструкций в организации именно фатического вопросно-ответного речевого взаимодействия состоит в том, что отвечающий, по тем или иным причинам, вместо того чтобы предоставить инициатору диалога требуемую информацию, избыточно эксплицирует саму иллокутивную силу (коммуникативное намерение) своей реплики, что переводит беседу на метауровень обсуждения интенций, но не обмена информацией. Собственно, это и делает такое вопросно-ответное единство фатическим, например: (1) *Я стараюсь оттянуть завязку кошмара и ме-каю неуверенно: – Ну, вижу. И что? – Это я тебя спрашиваю, Пунцов, что ты видишь? Смелее, смелее. Ну?* (Сергей Бурлаченко. Сорвиголова // Дальний Восток. 2019).

Такие употребления могут иметь разные функции. Например, экспликация ответного перформатива *отвечу/отвечаю* может быть связана с метаязыковой функцией организации отвечающим собственного дискурса: (2) – *Как выглядит ваша работа, кто генератор идей? – Сначала отвечаю на последний вопрос* (Светоносная архитектура // Мир & Дом. City. 2004.06.15); (3) – *И сколько тебе лет? – О, профессиональный вопрос сочинительницы любовных историй... Отвечаю по порядку* (Татьяна Тронина. Русалка для интимных встреч. 2004), в том числе с разного рода уточнениями в рамках коммуникативного сотрудничества. См.: (4) – *Снимай ватник, Валера, – сказал Марвич. – В шахматы играешь? – Я тебя спрашиваю: хочешь отличиться?* (Василий Аксенов. Пора, мой друг, пора. 1963); (5) – *Какая водка, ты что? Ты не узнаешь меня? – Стой, кажется, узнала, ведь это ты у меня на прошлой неделе пузырь в долг взял, так? Так, я тебя спрашиваю?* (Анна Дубчак. Ираидин пансион. 2005).

Иногда использование перформативной конструкции в ответной реплике может служить добавочным средством привлечения внимания собеседника, например: (6) «– *А зачем такую пьесу взял? – спросил на правах старшего Тимур Саламович. – Внук, я тебя спрашиваю?*» Егор хотел ответить, но Максим поднял руку (Алексей Слаповский. Большая Книга Перемен // Волга. 2010); (7) – *Ну, один. Вовик. Это что, его вынесли?! – Вот я тебя и спрашиваю, ты за своим Вовиком ничего подозрительного не замечал?* (В.А. Ярмолинец. Свинцовый дирижабль «Иерихон 86-89» // Волга. 2008).

Надо отметить, что употребления подобных перформативных конструкций в фатических вопросно-ответных единствах имеют и определенный вербально-агрессивный потенциал в области порождения речевой тактики «выяснения отношений», например: (8) – *Это ты мне поставила кабачковую икру? – Уличающий жест в сторону жены. – Начинается, – проронила она. – Мне, я тебя спрашиваю? Я что – за свою жизнь не заработал себе на черную? – Чем плоха кабачковая? – А чем она хороша? – Все ж едят* (Ирина Полянская. Твой Чижик. 1996); (9) – *Ты кто?.. Где ты был, когда он у нас родился? Когда свинкой болел, когда его в жару трясло и мы*

его кутали?.. Ты его кутал? Я тебя спрашиваю, ты его кутал? – Перестаньте. – Ты с ним буквы и слоги разучивал? Ты его рыбу ловить учил? – Хватит вам! – срывается на крик Снетков (Андрей Дмитриев. Поворот реки. 1995).

Интересна коммуникативно-прагматическая роль перформативных конструкций в организации такой разновидности фатических вопросно-ответных единств, как «псевдотавтологические единства», описанные нами в работе [8]. Под псевдотавтологическими единствами, которые по определению могут быть только фатическими, понимаются единства, в которых ответная реплика на внешнем, языковом уровне либо повторяет (полностью или частично) какой-либо словесный фрагмент предыдущей реплики, либо отражает какой-либо иной вид языковой избыточности, но при этом на уровне импликатур дискурса выводится нетривиальная информация.

В этих случаях использование эксплицирующей перформативной конструкции усиливает, акцентирует подлинное расхождение между интенциями участников диалога при формальном совпадении словесного наполнения их реплик, например: (10) – *Ну? – с неохотой произнес Сараев, уже понимая, куда Прохор клонит. – Так это я тебя спрашиваю: ну? И что случилось?* (Сергей Шикера. Выбор природы // Волга. 2014); (11) – *Громобой пропал. А вместо него другого петуха принесли. – Кто? – Это я тебя спрашиваю – кто? – Никто не мог, – сказала Серафима. – Никто из наших не мог* (Кир Булычев. Петух кричит с опозданием. 2002); (12) – *Когда ты протирал? – Я протирал, – повторил тот. – Когда ты проти-рал, я тебя спрашиваю?!!* (Андрей Геласимов. Год обмана. 2003).

Таким образом, проанализированный материал свидетельствует о значительном потенциале перформативных конструкций в организации именно фатической стороны речевого взаимодействия, причем не обязательно кооперативного, контактоустанавливающего типа. Установка говорящего на вербализацию иллюкутивной силы собственной реплики может породить и вербально-агрессивную, конфликтную коммуникацию в режиме речевых тактик «выяснения отношений».

Список литературы

1. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
2. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.
3. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru>.

4. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: Сборник статей / Пер. с англ., франц., нем., чеш., польск. и болг. яз., сост. М.Я. Поляков; под ред. Е.Я. Басина и М.Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 190–230.
5. Винокур Т.Г. Говорящий и слушающий. Варианты речевого поведения. М.: Наука, 1993.
6. Масленников С.В. Диалогические единства в исторических хрониках А.Н. Островского: структура – семантика – функционирование // Вестник Костромского государственного университета. 2017. № 4. С. 230–233.
7. Арутюнова Н.Д. Некоторые типы диалогических реакций и «почему»-реплики в русском языке // Филологические науки. 1970. № 3. С. 44–58.
8. Кузнецов И.А. Псевдотавтологические вопросно-ответные единства в русской диалогической речи: к проблеме национальной обусловленности моделей фатической коммуникации // Научный диалог. 2020. № 5. С. 78–96. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-5-78-96.
9. Остин Дж.Л. Слово как действие // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XVII: Теория речевых актов. М.: Прогресс, 1986. С. 22–129.

I.A. Kuznetsov

Russian Chemical-Technological University named after D.I. Mendeleev
(Moscow)

GRAMMAR AND PRAGMATICS OF DIALOGUE IN THE RUSSIAN PHATIC COMMUNICATION

***Abstract.** The purpose of the study is to demonstrate the significant role of typified grammatical formulas, primarily performative constructions, in the functioning of phatic dialogic question-answer adjacency pairs. The study is based on the methodology of cognitive-discourse analysis. The research material is contexts extracted from the Russian National Corpus. Question-answer adjacency pairs in dialogic communication in Russian, contrary to their self-evident communicative orientation towards the exchange of information, also have significant phatic potential. It is shown that the transition from the register of informatics to the register of phatics for question-answer adjacency pairs can be caused by the use of typified syntactic formulas by the participants in the message, in particular “performative constructions”. It is concluded that in these cases the responder, for one reason or another, instead of providing the initiator of the dialogue with the required information, excessively explicates the very illocutionary force of his remark, which transfers the conversation to the meta-level of discussion of intentions, but not exchange of information.*

***Keywords:** grammar of dialogue, question-answer adjacency pairs, phatic communication, Russian dialogical speech, performative constructions, explication of the illocutionary force of the replica.*

Е.В. Купчик

Тюменский государственный университет (Тюмень)

**КОМПАРАТИВНЫЕ КОНСТРУКЦИИ
В РЕАЛИЗАЦИЯХ МЕТАФОРИЧЕСКОЙ МОДЕЛИ «ВНЕШНИЙ
ЧЕЛОВЕК – ОРУЖИЕ» (НА МАТЕРИАЛЕ СЛОВАРЯ ОБРАЗОВ)**

***Аннотация.** Рассматриваются компаративные тропы, реализующие метафорическую модель «внешний человек – оружие» в текстах русской литературы на материале «Словаря поэтических образов» Н.В. Павлович. Определяются разновидности компаративных тропов, особенности их грамматического выражения, семантики. Характеризуется состав сферы цели метафорической модели (человек в целом, части тела, органы) и сферы источника (виды оружия, боеприпасы). Выявляются преобладающие предметы сопоставления, к которым относятся главным образом лицо и глаза человека, образы сопоставления, относящиеся к разным видам оружия. Характеризуются признаки сопоставления: уподобление по форме, остроте, быстроте, поражающему действию. Выявляются наиболее традиционные и устойчивые образные соответствия внешнего человека и оружия. Указывается, что посредством компаративных тропов образ внешнего человека как оружия получает в русских художественных текстах развернутое и многоплановое воплощение.*

***Ключевые слова:** метафорическая модель, компаративная конструкция, метафора, сравнение, словарь образов.*

Метафорические модели, определяемые представителями когнитивной лингвистики как устойчивые, закрепленные в языке и культуре «соответствия между областью источника и областью цели» [1. С. 11], играющие важную роль в формировании языковой картины мира, репрезентируются в компаративных конструкциях, уточняющих и конкретизирующих представления человека как об окружающем мире, так и о самом себе. Образ человека в лингвистическом описании представлен как объект, обладающий самой высокой параметризацией. Как отмечает Н.Ю. Шведова, в современной лексической системе главное место принадлежит классам лексики, включающим именованная человека в аспектах его телесной природы, сферы чувств и интеллекта, способностей, действий и т.д. [2. С. 23]

Внешний человек, представляя собой самостоятельную концептуальную область, противопоставлен человеку внутреннему и в то же время тесно связан с ним – как и с целостным человеком [3. С. 143]. Важным средством характеристики человека являются предметные – в том числе артефактные – метафоры и сравнения, активно используемые авторами художественных текстов [4. С. 77].

«Словарь поэтических образов» Н.В. Павлович (СПО) [5], представляющий собой лексикографический источник тезаурусного типа, содержит

обширный материал, относящийся к характеристике человека (том 1) и мира (том 2). Материалы словаря – фрагменты текстов русской литературы разных эпох – дают возможность выявить средства реализации метафорических моделей, определить наиболее значимые субъекты и объекты образных соответствий, признаки их сопоставления, степень распространенности тех или иных образов и т.д.

Представленные в СПО метафоры и сравнения, отражающие сопоставления внешнего человека с оружием (свыше 200 единиц), отличаются разнообразием с точки зрения как грамматического устройства, так и семантики.

Широко распространенными являются субстантивные метафоры, эксплицитно передающие сходство относящихся к разным семантическим классам реалий, например: (1) *Твоя геройска грудь – твой щит* (Г. Державин), (2) *Сердца – динамит* (С. Третьяков), (3) *Солдатская глотка – жерло пушечье* (А. Веселый). Активно используются генитивные метафоры, включающие обозначения предмета сравнения в родительном падеже: *стрелы ресниц* (разные авторы), *ятаганы бровей* (И. Сельвинский), *ядра грудей* (П. Васильев), *луки скул* (А. Мариенгоф), *тетива мышцы* (О. Николаева) и др. Метафоры такого рода позволяют авторам лаконично (что особенно важно для поэтического текста) и выразительно характеризовать внешнего человека, части его тела, внутренние органы, а также передавать общее впечатление о нем, например: (4) *Брови – лук, а взгляд под бровью – стрелы* <...> *Стан – копье, кинжал блестящий – зубы* (М. Кузмин); (5) *Кудри – буря, меч – уста* (Н. Клюев). Глагольные метафоры передают относящиеся к человеку действия, характерные для оружия разных видов. Например, *глаза колют, пронзают, режут, стреляют, ранят* и т.д.; *морщины полосуют, разрезают* и др. Представление об оружии отражается в адъективных метафорах типа *кинжальная борода* (М. Булгаков), *курковые зубы* (М. Зенкевич), *саблевидная улыбка* (А. Кушнер) и др.

Сопоставления внешнего человека с оружием передаются разными типами сравнений, вводимых посредством следующих слов: *как, будто, словно, точно, что; похожий, похож, подобный, подобен; напоминать* и т.д. Приведем некоторые примеры. (6) *Лик ваш серебряный, как алебарда* (А. Вознесенский); (7) *Точно шашкой, взлетевшей из ножен, профессор, подпрыгнувший носом, рубнул в потолок* (А. Белый); (8) *Лоб, с тараном схожий* (Д. Андреев); (9) *Его чрезмерно узкое лицо // Подобно шпаге* (М. Цветаева); (10) *Голен, напоминающие ятаган или бумеранг* (А. Голов); (11) *Ведь завтра спрячешь свой язык, что саблю, в черные ножны* (И. Сельвинский). Для обозначения образа сравнения в компаративных конструкциях используется форма существительного в творительном падеже: (12) *Усы палашами торчат* (Э. Багрицкий); (13) *Снова ядрами кулаки* (Б. Корнилов) и др. В целях стилизации используются отрицательные

сравнения, например: (14) *То не меч с мечом, // Не клинок с клинком – // То пресветлый взор // С заревым лучом – взор державный с лучом державным // В поединке схватились славном* (М. Цветаева).

В компаративных конструкциях в качестве основания сравнения используются главным образом глаголы, а также прилагательные, посредством которых мотивируется смысловое сходство сопоставляемых объектов: (15) *Ты смотришь по-прежнему лютю, // Как дула, нацелив зрачки* (В. Корнилов); (16) *Бровь вскинулась, как лук, метнувший стрелу* (Л. Леонов); (17) *Тело обтекаемое, как торпеда* (А. Терц); (18) *И смертельной картечи эти линии рта...* (Б. Пастернак).

Представляя собой самостоятельные языковые явления, имеющие различия в логическом, семантическом и структурном аспектах [6], метафоры и сравнения объединены их ролью в репрезентации метафорических моделей, отражающих представления человека о тех или иных фрагментах картины мира.

Сфера цели анализируемой метафорической модели сопоставления представлена обозначениями следующих реалий, являющихся предметами сопоставления в соответствующих компаративных тропах.

Тело и его части: тело; стан, позвоночник, грудь, живот; шея, горло, кадык.

Голова и ее составляющие: голова, лицо, лоб, скулы, глаза, брови, ресницы, веки, нос, губы, зубы, язык, волосы, усы, борода, уши, морщины.

Конечности: рука, ладонь, кулак, палец, нога.

Внутренние органы: сердце, мозг, желудок, мышца, сухожилие.

Наибольшее количество компаративных конструкций относится к характеристике лица как особо значимого элемента характеристики человека, что обусловлено его способностью отображать «ипостаси внутреннего человека», а особенно глаз как «семиотического центра лица» [3. С. 148].

Сфера источника (образ сравнения) представлена обозначениями оружия разного облика и устройства, имеющего – в зависимости от его вида – специфические особенности воздействия на человека и характер наносимых им ран. В качестве образа сравнения выступают следующие разновидности оружия и его частей.

Колющее: кинжал, копье, пика, шпага и др.

Режущее и рубящее: меч, алебарда, сабля, клинок и др.

Метательное: лук, стрела, тетива.

Огнестрельное: автомат, пистолет, пулемет; дуло, ствол, прицел и др.

Артиллерийское: пушка, мортира, зенитное орудие; жерло и др.

Осадное: таран, осадная машина.

Снаряды и боеприпасы: бомба, граната, динамит, картечь, пуля, ядро и др.

К преобладающим объектам данной области относятся прежде всего стрелы, с которыми сопоставляется и человек в целом, и части его тела, а также меч, кинжал, нож и др.

Сопоставление внешнего человека с оружием базируется на нескольких основаниях: **форма** (голова – ядро, ресницы – стрелы, рот – дуло), **острота** (усы – штыки, глаза – кинжалы), **быстрота** (перемещение человека – полет стрелы, взгляды – пулеметная очередь), а также цвет, блеск (кожи, глаз, волос и др.). Главным же признаком сопоставления внешнего человека с оружием является **поражающее действие** оружия, способность ранить и убивать – например, стрелами, кинжалами, копьями, выстрелами взглядов.

К наиболее традиционным, устойчивым образным сопоставлениям внешнего человека и оружия относятся сопоставления лица с холодным оружием, ресниц со стрелами, губ и бровей с луками, зубов с кинжалами и др. Главное место в системе моделей, отражающих уподобления внешнего человека оружию, занимает сопоставление «глаза – оружие». Метафорические модели с областью цели «глаза» относятся к числу наиболее важных в метафорической характеристике человека – представленных значительным количеством реализаций, имеющих в качестве образных соответствий обозначения разнообразных реалий [7]. Сфера источника данной модели включает практически все виды оружия, упоминаемого в русских художественных текстах в целях характеристики человека, и все признаки сопоставления, отмеченные в реализациях данных моделей. Воздействие глаз (взгляда) одного человека на другого аналогично действию оружия разного вида: глаза колют, вонзаются, пронзают, расстреливают и др. Сопоставление идет по признакам внешнего облика – формы, цвета, блеска (холодное оружие, ядра), остроты (стрелы, копья, кинжалы и др.), быстроты (взмах меча, полет стрелы, пулеметная очередь). Приведем некоторые примеры компаративных тропов разного вида, относящиеся к характеристике глаз, из текстов авторов, творивших в разные периоды русской литературы: (19) *Но взоры Царь на них как стрелы обратил* (М. Херасков); (20) *Ее вас очи милостивы // Стрелами пагубы пронзят* (Е. Костров); (21) *Твоих очес пылающие стрелы* (В. Жуковский); (22) *Но он тебе, как меч, как яд, опасен* (М. Лермонтов – о взоре); (23) *Взглядывал, точно хватаясь за шпагу* (А. Белый); (24) *Как склады пороха – зрачки* (В. Хлебников); (25) *Глаз раскосый, как туркменская сабля* (Вс. Иванов); (26) *Остро и пламенно ранит // Взор твой – блестящий клинок* (В. Брюсов); (27) *И прыгает черными ядрами // Очей шоколадных картечь* (Л. Мартынов); (28) *Два незримых алмазных копья* (А. Тарковский).

Таким образом, метафорическая модель «внешний человек – оружие» посредством компаративных тропов получает в русских художественных текстах развернутое и многоплановое воплощение.

Список литературы

1. Лакофф Дж., Джонсон М. Метафоры, которыми мы живем. М.: Едиториал УРСС, 2024.

2. Русский идеографический словарь. Мир человека и человек в окружающем мире: Проспект / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН, 2004.

3. Коротун О.В. Семиосфера внешнего человека в русской языковой картине мира // Мир человека и мир языка. Сер.: Концептуальные исследования. Вып. 2 / Отв. ред. М.В. Пименова. Кемерово: ИПК «Графика», 2003. С. 142–149.

4. Николина Н.А., Петрова З.Ю. Функционирование предметных метафор и сравнений в текстах современной русской прозы // Русская речь. 2022. № 4. С. 75–86.

5. Павлович Н.В. Словарь поэтических образов: На материале русской художественной литературы. В 2-х т. Т. 1. М.: Эдиториал УРСС, 1999.

6. Склярская Г.Н. Метафора и сравнение: логические, семантические и структурные различия // Мир русского слова. 2017. № 4. С. 9–17.

7. Купчик Е.В. Метафорические модели с субъектом «глаза» в поэтическом дискурсе (на материале словарей поэтических образов) // Новейшая филология: динамика речевых и текстовых форм. Сборник научных статей. Омск: Издательство Омского государственного университета, 2022. С. 171–177.

E.V. Kupchik

University of Tyumen (Tyumen)

**COMPARATIVE CONSTRUCTIONS IN THE IMPLEMENTATIONS
OF THE METAPHORICAL MODEL “AN EXTERNAL MAN
IS A WEAPON” (BASED ON THE MATERIAL OF THE DICTIONARY
OF IMAGES)**

***Abstract.** The article considers comparative tropes that implement the metaphorical model of "external man – weapon" in the texts of Russian literature based on the material of the "Dictionary of Poetic Images" by N.V. Pavlovich. The types of comparative tropes, the peculiarities of their grammatical expression, and semantics are determined. The composition of the target sphere of the metaphorical model (the person as a whole, body parts, organs) and the source sphere (types of weapons, ammunition) is characterized. The predominant objects of comparison (human face and eyes), images of comparison, (types of weapons) are revealed. The signs of comparison are characterized: similarity in form, sharpness, speed, and striking effect. The most traditional and stable figurative correspondences of an external person and a weapon are revealed. It is indicated that through comparative tropes, the image of an external person as a weapon receives a detailed and multifaceted embodiment in Russian literary texts.*

***Keywords:** metaphorical model, comparative construction, metaphor, comparison, dictionary of images.*

Г.И. Кустова

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

НОМИНАТИВНЫЙ РЕСУРС ИЛИ ГРАММАТИЧЕСКИЙ МЕХАНИЗМ? (МОРФОЛОГИЧЕСКИЕ И СИНТАКСИЧЕСКИЕ СВОЙСТВА СУБСТАНТИВАТОВ)

Аннотация. Рассматриваются грамматические и семантические свойства причастных и адъективных субстантиватов. Субстантиваты сохраняют валентности глагола, но обычно не сохраняют глагольную сочетаемость с наречиями. Прослеживается аналогия субстантиватов с функциональными, результативными и актуальными существительными. Рассматриваются также механизмы встраивания субстантиватов в текст. Эти механизмы связаны с компрессией и предполагают извлечение пресуппозиций и импликаций.

Ключевые слова: субстантивация, субстантивированные прилагательные, субстантивированные причастия, синтаксический процесс.

Субстантиваты являются ресурсом номинации. Однако образование субстантиватов – это прежде всего процесс. И разные единицы находятся на разных стадиях этого процесса. Если стадии (фазы) этого процесса представить в виде шкалы, то на одном полюсе будут находиться словарные субстантиваты, которые полностью превратились в существительные (ср. *гостиная, мостовая, горничная*), а на другом – актуально «образуемые» в тексте единицы: (1) *Вчера на предприятии прошла проверка. Проверяющие* начали с отдела кадров.

Две основные группы субстантивируемых слов – прилагательные (в том числе местоименные, ср. *наши*) и причастия ((2) *Задержанный* потребовал адвоката; (3) *Опоздавшие* толпились у входа), см. [1–3].

Два основных типа – субстантиваты среднего рода и личные субстантиваты. Оба типа внутри себя неоднородны.

Субстантиваты среднего рода, обозначающие материальные предметы и вещества (*соленое, жареное, купленное, украденное*), близки к настоящим существительным (особенно – к собирательным). Субстантиваты, обозначающие абстрактные понятия (ср. *истинное, необходимое*), актуально создаются в тексте. Существуют определенные синтаксические модели, механизмы, которые помогают субстантивировать самые разные прилагательные, – например, соединение в одном предложении антонимичных или контекстно противопоставленных единиц: (4) *Тайное* когда-нибудь *станет явным*; (5) *Фиолетовое* плохо сочетается с *зеленым*; (6) *Не удивительно, что люди предпочитают новое подержанному*.

Далее мы будем рассматривать только личные субстантиваты (т.е. обозначающие лицо) – причастные и адъективные (последние, впрочем, тоже, как правило, обнаруживают отчетливую предикатную семантику).

Субстантиваты – это один из способов обозначить лицо по участию в некоторой ситуации: *X виновен в P* → *виновный в P*; *X-а пригласили на P* → *приглашенный на P*.

Поскольку в языке существует механизм номинации актантов (участников ситуации) по предикату ситуации, то теоретически любого участника можно обозначить, например, отглагольным существительным: *строить*: агенс – *строитель*, пациенс – *строение, постройка*, материал – *стройматериалы*. Однако реально далеко не все актанты имеют словарные номинации по предикату, ср. *лечить*: средство – *лекарство*, но агенс – *врач (лекарь)* существует, но неупотребительно). Номинативные лакуны в системе существительных (когда соответствующее отпредикатное существительное отсутствует) могут заполняться «регулярными» субстантиватами, особенно причастными.

Естественно, что личные субстантиваты ближе к существительным, содержащим внутренние (семантические) предикаты (редкие исключения типа *взрослый*, которые аналогичны демографическим существительным, не меняют общей картины). При этом внутренние предикаты существительных могут иметь разный аспектуальный статус, в силу чего сами существительные могут относиться к разным семантическим типам. Принято выделять функциональные существительные (*учитель*), результативные (*автор*) и актуальные (*пассажир*), см., например, [4. С. 205–227].

Личные субстантиваты (не только причастные, но и адъективные, ср. *виновный*) в целом аналогичны этим классам существительных.

К функциональным существительным близки названия:

– постоянных функций (профессий, должностей): *вестовой, взводный, военнотружущий, военный, командующий, кормчий, крепостной, лесничий, нарочный, ответственный, подчиненный, пожарный, полицейский, портной, посыльный, ротный, рулевой, тружущий, учащийся, ученый*;

– официальных статусов (как временных, так и постоянных): *безработный, подданный, присяжный, тружущий, ссыльный*;

– постоянных свойств: *верующий, пьющий, курящий*.

Но для нас наибольший интерес представляют субстантиваты, которые связаны с единичными и/или актуальными ситуациями. Такие субстантиваты похожи на актуальные и результативные существительные.

Более простой случай – субстантиваты, обозначающие участников актуальной ситуации (типа *пассажир, прохожий*): *встречающие, гуляющие, дежурный, дозорный, загорающие, митингующие, наблюдающие, ожидающие, отдыхающие, отступающие, присутствующие, провожающие, протестующие, слушающий, сопровождающий, танцующие, участвующий, часовой*.

Эти номинации применимы к лицу только на интервале соответствующей ситуации: *пассажир* – пока едет, *танцующий* – пока танцует.

Более сложный случай – результативные имена. Прототипическими результативными существительными являются имена типа *автор* или *убийца* (каузаторы). Однако эти имена связаны с необратимыми ситуациями: если X убил Y-а или создал произведение Y, он останется *убийцей* Y-а или *автором* Y-а до конца жизни и после смерти. С именами типа *похититель* или *нарушитель*, которые тоже относят к результативным, ситуация другая – эти характеристики не необратимы, во всяком случае, они могут утрачиваться. Например, *нарушитель* обычно временная характеристика. Если нарушитель заплатил штраф, то его статус нарушителя аннулируется. Аналогичным образом устроены субстантиваты типа *госпитализированный, демобилизованный, заболевший, зараженный, зачисленный, инфицированный, командированный, мобилизованный, назначенный, нанятый, обвиненный, оправданный, опрошенный, освобожденный, отчисленный, похищенный, призванный, прооперированный, раненый, уволенный*, которые обозначают временные занятия или временные состояния, а также временные статусы, которые могут прекращаться или утрачивать актуальность: *арестованный, задержанный, заключенный, обвиняемый, осужденный, пленный, подзащитный, поднадзорный, подозреваемый, подсудимый, пострадавший, потерпевший*.

И совсем далеко отстоят от результативных номинаций типа *автор* субстантиваты типа *вошедший, опоздавший* или *приглашенный*. Такие субстантиваты обозначают актуальное состояние, наступившее в результате некоторого действия или события, и их правильнее называть перфектными.

Показательно, что большинство перфектных субстантиватов – от пассивных причастий. Именно для пациенса свойственно сохранять состояние, приобретенное в результате воздействия. Агнс после окончания действия, как правило, не сохраняет его «следов». Тем не менее агентивные перфектные субстантиваты тоже встречаются: *прибывший, приехавший, собравшиеся*.

Наиболее многочисленная группа субстантиватов обозначает субъектов глагольной ситуации – как агентивных, ср. *проверяющий, митингующий*, так и неагентивных, ср. *выздоравливающий, голодающий, спящий, умирающий, утопающий*. Однако благодаря наличию формальной категории залога у глагольных форм субстантиват может обозначать и объект: *допрашиваемый, испытываемый, преследуемый, тестируемый, экзаменуемый, эксплуатируемый*.

Хотя у отглагольных существительных иногда усматривают «остаточную» семантику глагольных категорий – вида (*приход – пришел*) или залога, – она часто размыта и неоднозначна (*спасение – спасает и спас; подъем – поднимать и подниматься; вращение – вращать и вращаться*). Причастные субстантиваты – в силу связи с глагольными формами – сохраняют более отчетливую связь с глагольными категориями:

– противопоставление по залогу: *охраняющий* – *охраняемый*; (существительное, если оно есть, обычно соответствует одной роли, например агентства, ср. *охранник*); *сопровожающий* – *сопровожаемый*;

– противопоставление по виду: *входящие* vs *вошедшие*; *прибывающие* vs *прибывшие*;

– противопоставление по времени: *сопровожающий* – *сопровожававший*; *наблюдающие* – *наблюдавшие*.

Сочетаемость субстантиватов по каким-то параметрам отличается как от сочетаемости исходных глаголов, так и от сочетаемости отпредикатных существительных.

Субстантиваты сочетаются с числительными (*двое опоздавших*), неопределенно-количественными словами (*много спасенных*; (7) *На въезде в гольф-клуб американского лидера приветствовали несколько протестующих с плакатами* (Vesti.ru. 08.11.2020)), с местоименными прилагательными (*любой пострадавший*; *некоторые приглашенные*), но неохотно сочетаются с «обычными» прилагательными (ср.: (8) *Хмурые ожидающие сидели уже третий час*; (9) *Недовольные протестующие двинулись к мэрии*).

С другой стороны, субстантиваты сохраняют (некоторые) валентности глагола, ср.: *доказавший эту теорему*, *наблюдавшие за ралли*, *обреченные на нищету*, *избежавшие наказания*, *привлеченные к ответственности*, *приглашенные на встречу*, но сочетаемость с наречиями, характерная для глаголов и прилагательных, для субстантиватов часто затруднена: (10) *Через неделю его снова арестовали* – ?*Привели снова арестованного*; (11) *Сотрудники были явно недовольны предложением начальства* – *Явно недовольные предложением начальства составили петицию*; (12) *Почему Розетти не комментировал такую ситуацию* – *это мы и хотели выяснить у итальянца, который любезно пригласил нас на интервью, несмотря на критику в свой адрес* (Советский спорт. 03.04.2013) – *Любезно приглашенные на интервью хотели кое-что выяснить у итальянца*.

Интересно, что иногда возможности субстантивата шире, чем у однокоренного существительного. Если *виновный в аварии* и *виновник аварии* одинаково допустимы, то *виновный в неуплате* в корпусе встретилось, а *виновник неуплаты* – нет.

Субстантиваты являются удобным и экономным средством обозначить лицо через его связь с упомянутой в тексте ситуацией: (13) *В дежурной части раздался звонок. Звонивший сообщил о дорожном происшествии. При этом сообщивший о происшествии отказался назвать свою фамилию*. Однако связь с упомянутой ситуацией не обязательно выражается в механическом повторении предиката. Чаще введение в текст субстантиватов основано на импликациях и способствует информационному уплотнению текста и актуализации неявных связей:

(14) *Пропал котенок. Нашедшего просим позвонить по телефону ...* ('если кто-нибудь найдет') – человек, увидевший на улице котенка, еще

не является нашедшим. Нашедшим его можно назвать лишь в том случае, если он знает, что котенок пропал и его ищут. Таким образом, между *пропал* и *нашедший* выстраивается менее тривиальная, более сложная цепочка пропозиций, чем в случае *звонок* – *звонивший*.

(15) *Контрабандисты* получили по заслугам, а вот выловить и вернуть на родину все *похищенное* ими оказалось не так-то просто (Труд-7. 20.09.2001) – из обозначения *похищенное* следует, что контрабандисты были не просто незаконными перевозчиками, но и похитителями. Между тем номинация *контрабандисты* такого смысла не содержит. За счет возникающей связи происходит информационное уплотнение текста (в данном случае в этом механизме задействован не личный субстантиват, а субстантиват среднего рода. Таким образом, механизм отсылки распространяется на все виды субстантиватов).

(16) *А Сарсания после матча отвечает на просьбы фанатов и подходит к ним пообщаться. Довольно смелый поступок, поскольку с трибун неслись мат и оскорбления. Самое приятное из услышанного Сарсанией: совет вернуться в «Зенит» ...* (Советский спорт. 19.09.2009) – здесь субстантиват является своего рода конверсивом: *сказанное болельщиками* – *услышанное Сарсанией*.

Итак, субстантиваты могут быть не только словарными единицами, но и актуально создаваемыми элементами текста, своего рода «оказиональными образованиями». Синтаксические процессы, порождающие такие актуальные единицы, подчиняются определенным правилам и ограничениям, которые требуют дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Билалова Х.А. К вопросу о субстантивации причастий в разносистемных языках (на материале лезгинского и английского языков) // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1 (1). Электронный ресурс: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=17188>.
2. Гайнутдинова А.Ф. О разновидностях перехода причастий в имена существительные // Мир науки, культуры, образования. 2010. № 4. С. 65–68.
3. Замятина И.В., Сызранова Г.Ю. Адъективация и субстантивация причастный форм: проблемы процесса и вопросы терминологии // Филологический класс. 2017. № 3 (49). С. 23–28.
4. Шмелев А.Д. Русский язык и внеязыковая действительность. М.: Языки славянской культуры, 2002.

G.I. Kustova

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

**NOMINATIVE RESOURCE OR GRAMMATICAL MECHANISM?
(MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC PROPERTIES
OF SUBSTANTIVES)**

***Abstract.** The paper discusses the grammatical and semantic properties of substantivized adjectives and participles (substantivates). Substantivates preserve the valency of the verb, but do not preserve verbal compatibility with adverbs. The analogy of substantives with functional, causative and actual nouns is analyzed. The modes of using substantivates in texts are also discussed. These modes involve compression and require the extraction of presuppositions and implications.*

***Keywords:** substantivization, substantivized adjectives, substantivized participles, syntactic process.*

Е.М. Лазуткина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

ИСТОРИЧЕСКИЕ ИЗМЕНЕНИЯ В СТРУКТУРЕ ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ (XVIII–XXI вв.)

***Аннотация.** Статья посвящена исследованию исторических изменений в строении простого предложения. Работа выполнена в рамках структурно-функционального подхода. В статье рассматриваются модели предложений как интерпретативные структуры, показывается, что коммуникативные предпочтения говорящих обуславливают действие механизмов лингвистической прагматики, которые влияют на строение предложений, что диатезные корреляции исторически изменчивы. Автор исходит из того, что коммуникативная интенция говорящих определяет тему высказывания, структурную роль частей модели предложения, обуславливает особую значимость категории семантического субъекта. Автор считает, что условием закрепления в системе языка синтаксического образца в качестве модели предложения является его регулярное воспроизведение в речи с нейтральным порядком слов. В статье показываются примеры структурных изменений в составе предиката вследствие изменения значения падежных форм имен существительных в системе языка.*

***Ключевые слова:** теория языка, функциональная лингвистика, синтаксическая семантика, синтагматика, исторические изменения.*

В XXI веке правомерно ставить вопрос об использовании языка как упорядоченной системы возможных речевых образований в соответствии с тем, в каком виде существует языковая система в человеческой памяти, а также о принципах описания синтаксической системы языка в грамматике и словарях. Нюансы коммуникативных ситуаций, в том числе разные курсы, планы, аспекты реальных и воображаемых событий и фактов накопили в языке огромный арсенал разноуровневых средств и их сочетаний, формирующих языковую компетентность носителей языка. Характеристики моделей предложений рисуют картину современных употреблений, выявляют современные черты языкового сознания человека.

Модели предложений как интерпретативные структуры. Со времен «Российской грамматики» М.В. Ломоносова исследование синтаксиса в отечественной науке сложилось как исследование смысловых структур. Синтаксическая модель рассматривается как интерпретативная структура, как прием оперирования знаниями в речи и как сложный семиотический комплекс, который дает слушателю или читателю сигнал ее однозначного толкования. Коммуникативный замысел говорящего вместе с палитрой его ценностных шкал и оценок обуславливает действие механизмов лингвистической прагматики, которые участвуют в линейной организации предложения. Регулярность воспроизведения в устной и в письменной практике

данного речевого образца для выражения определенного смысла является показателем принадлежности его к системным синтаксическим единицам. Мы учитываем главный фактор закрепления модели предложения в системе: принимается как данное нейтральный для этой модели порядок слов в дискурсе, типичное актуальное членение, которое обусловило исторически ее существование.

Каждая синтаксическая модель своим сигнификативным значением показывает одну возможность представления реальности, поэтому ее следует рассматривать как способ обозначения говорящими на данном языке мыслительного конструкта реальной ситуации, а не как ярлык этой ситуации.

Исследование грамматических норм – это постоянный процесс объяснения существующих в настоящее время речевых явлений и прогнозирования изменений системных образцов. Исследователь имеет возможность судить о коммуникативных предпочтениях говорящих в прошлые века по семантике синтаксических конструкций, по роли морфологических форм в составе предложения. В отличие от изменений единиц на других уровнях языка, исторические изменения на синтаксическом уровне происходят медленно. Возникновение новой модели предложения в разговорной речи всегда свидетельствует о психологии носителей языка, об особенностях их восприятия реальности, о причинах выбора той или иной темы высказывания, той или иной синтаксической структуры.

О методе исследования. В работе продемонстрирован функциональный подход. Функция понимается нами как предназначение определенной единицы системы языка на разных уровнях ее употребления. Коммуникативная функция предложения в дискурсе определяет структурную роль частей модели предложения, обуславливая особую значимость субъектной словоформы в абсолютном начале предложения, которая является индикатором интенции говорящего. От этого выбора зависит строение предикатного ядра и морфологические характеристики и семантика других элементов. Именно при функциональном подходе становятся очевидными структурные связи языковых единиц и закономерности их взаимодействия. Следовательно, для выявления роли формы слова в предложении и единиц лексического уровня мы обращаемся к семантике единиц более высокого уровня: к семантике предложения, к выявленным на уровне дискурса его деривационным отношениям.

Естественно, что слово в синтаксическом образце проходит опосредствование своей денотативной отнесенности через свою структурную значимость в этом образце. Однако важно учитывать, что семантика форм слов обусловлена не только их синтаксической значимостью, но и значениями морфологических форм, закрепленными в языковой системе.

Изменение предикатного ядра в предложениях, организованных глаголами локально направленного действия. Характерной чертой современных двусоставных моделей предложений, обозначающих какие-то

процессы, в которых участвует человек, или связанных с описанием человека, является такая структурная организация, которая свидетельствует о том, что именно человек находится в фокусе интереса говорящих. Так, например, в XIX веке считалась естественной следующая фраза: **Усы и борода обросли нижнюю часть лица Пьера* (Л.Н. Толстой). Семантика этой модели – «неконтролируемое действие (движение) стихийного субъекта-каузатора, имеющее своим следствием полноту охвата объекта (места)». Сильная синтаксическая связь глагола с объектом в вин. пад. не обеспечила долгое существование модели, поскольку *усы* и *борода* – предметные существительные, слабые каузаторы названного глаголом действия-движения. Носители языка вполне оправданно отказали им в роли каузатора 1-го ранга в синтаксической позиции субъекта действия. Понижение статуса субъекта – это перевод предметного существительного из ядра предложения на периферию, в позицию, в наименьшей степени зависимую от предиката. Они становятся менее обязательными.

Это изменение структуры предложения показывает, что современные носители языка отдают приоритет обозначению процесса, происходящего с человеком, и имя определенного человека становится темой высказывания, ему предоставляется позиция субъекта в начале предложения; например: *Пьер оброс усами и бородой*. Эта модель встречается с обобщенным членом, поскольку семантика его очевидна, его значение аккумулировало глагольное слово, например: *Пьер оброс*.

Язык использовал межмодельную синтаксическую деривацию, взяв за основу диатезу, организованную глаголом *обрасти* – глаголом локально направленного действия, имеющего своим следствием полноту покрытия объекта (семантического субъекта предложения). Ср. другие речевые образцы этой диатезы: *Пруд зарос ряской; Трава покрылась изморозью*. Слабый каузатор может быть включен в состав предиката: *Хлеб заплесневел; Труба заржавела*.

Замена безличной конструкции на модель двусоставного предложения. В XIX веке употреблялись конструкции, в которых подчеркивалась стихийность, бесконтрольность каких-то состояний человека, процессов в его внутреннем мире, вызванных влиянием внешних сил. Ср.: *Стало быть, вам бы невозможно было с ним расстаться* (И.С. Тургенев). В качестве коммуникативного синонима в современном русском языке, как правило, употребляется двусоставное глагольное предложение: личная форма модального глагола обеспечивает такую характеристику предложения, как высокая степень активности субъекта (позиция предназначена для одушевленного существительного) и ослабление интенсивности лексического значения предиката: *Стало быть, Вы не смогли бы с ним расстаться*.

Новая модель двусоставного предложения с формальной активностью субъекта. В синтаксисе XXI века возникла активная конструкция

с акциональным постфиксальным глаголом совершенного (СВ) или несовершенного вида (НСВ), с семантикой схемы «изменение состояния, статуса субъекта, являющегося объектом действия»; например: *Я сдам зачет и допущусь к экзаменам.*

В фокусе интереса говорящих определенное лицо или лица, которые не могут влиять на процесс, а результат процесса или оценка успешности усилий лица зависят от других людей или обстоятельств. Тем не менее носители языка повышают значимость пассивного участника до статуса преципируемого компонента. Предикат оформляется как акциональный глагол общевозвратного значения или автокаузатив с постфиксом *-ся*. При этом лексическое значение мотивирующего глагола диссоциирует со значением деривата: оно указывает на то, что лицо, названное подлежащим, является объектом действия. Таким образом, линейная организация модели предложения обусловлена социально важными смысловыми акцентами.

Собственно-возвратные конструкции, неоднородные по степени активности, с событийными глаголами СВ и НСВ, обозначают изменение состояния определенного лица или группы лиц. В глаголе отсутствует сема преднамеренности действия и актуализируется значение оптативности, подчеркивается стремление субъекта достичь результата, изменить свой статус; например: *Команда в этом сезоне не отобралась на соревнования (из записей телевизионной речи); Я в тот год удачно прослушался и уехал на гастроли (тж.).*

Косвенно-возвратные конструкции нуждаются в развернутой трактовке: *Группа обсудится в следующем месяце (объектом обсуждения будет работа этой группы); Аспирант утвердился в январе (объектом рассмотрения была тема диссертации этого аспиранта).*

В общевозвратных конструкциях сильное субъектное значение, хотя отсутствует сема преднамеренности действия, например: *Ты мне сегодня больше не звони: я сейчас прокапаюсь и пойду на процедуры; Я капаюсь утром.* Возникновению этой конструкции предшествовал период развития семантической структуры предложения с глаголом *капать*, приспособления этого глагола с помощью форманта *-ся* к функции предиката при субъекте, являющемся объектом действия. См. деривационные шаги в диахронии: *Капать лекарство больному / Прокапать лекарство больному. – Капать больного (лечить больного, колоть больного) / Прокапать больного (пролечить больного, проколоть). – Капаться (о больном) / Прокапаться.*

Изменение объектных и обстоятельственных связей в составе предиката может быть проиллюстрировано следующим образом:

а) В XVIII–XIX веках словоформа в творит. пад. существительного пропозитивной семантики с предлогом *под* имела широкое обстоятельственное значение; например: *Зрел ли ты, невец Тииский, // Как в лугу весной бычка // **Пляшут** девушки российски // **Под свирелью пастушка,** // Как, склонясь главами, ходят, // Башмаками в лад стучат, // Тихо руки,*

взор поводят // И плечами говорят? (Г. Державин. 1799). В современном русском языке употребляется форма вин. пад.: *под свирель*. Форма в творит. пад. с предлогом «под» сейчас используется для выражения пространственных отношений; ср.: *Бежал под дождём, под пулями*.

б) Стал малопродуктивным обстоятельственный компонент с временным значением в творит. п. с предлогом *с*; ср. стихотворение К.Н. Батюшкова 1803 года: *Увы, но с юностью исчезнут и мечтанья, Исчезнут граций лобызанья*.

в) В составе предиката *начальствовать* в XIX веке был объектный распространитель в творит. пад.: *В 1734–1735 годах начальствовали ими [судами «Экспедицион» и «Обь»] лейтенанты Муравьев и Павлов* (К. Случевский). Этот глагол в настоящее время используется в абсолютном употреблении – для обозначения рода занятий, деятельности; ср.: *Он начальствует (концертирует, гастролирует)*.

г) Способ выражения причинных отношений при помощи отвлеченного имени существительного с предлогом *с*, принятый в XVIII–XIX веках, сейчас сохранился только в диалектной речи или в редких просторечных выражениях; ср.: *Погиб с печали разум мой* (Г. Державин); *С чего ты радуешься?*

В современном русском литературном языке преобладает форма с предлогом *от*: *погиб от печали*.

д) Сложно объяснить потерю сильноуправляемого компонента в составе предиката *следить*. Ср. текст К.С. Аксакова 1875 года: *Это мышление самого языка должна следить грамматика*. В современном языке у глагола предложное управление, которое, возможно, возникло под влиянием синтаксических связей близкого по значению глагола *смотреть* (за кем/чем.); см., например: *следить за соблюдением графика эксперимента*.

В заключение ещё раз подчеркнём, что исторические изменения в синтаксисе происходят медленно. Устаревание или даже исчезновение какой-либо модели предложения и возникновение новой всегда свидетельствует об изменениях в восприятии реальности коллективным говорящим, об изменениях в языковой концептуализации мира.

Е.М. Lazutkina

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

HISTORICAL CHANGES IN THE STRUCTURE A SIMPLE SENTENCE (18th–21st centuries)

Abstract. The article is devoted to the study of historical changes in the structure of a simple sentence. The work was carried out within the framework

of a structural and functional approach. The article considers sentence models as interpretative structures, shows that the communicative preferences of speakers determine the action of linguistic pragmatics mechanisms that affect the structure of sentences, and that diathesis correlations are historically variable. The author proceeds from the fact that the communicative intention of the speakers determines the topic of the utterance, the structural role of the parts of the sentence model, determines the special importance of the category of semantic subject. The author believes that the condition for fixing a syntactic sample in the language system as a sentence model is its regular reproduction in speech with a neutral word order. The article shows examples of structural changes in the predicate composition due to changes in the meaning of case forms of nouns in the language system.

Keywords: *language theory, functional linguistics, syntactic semantics, syntagmatics, historical changes.*

Н.А. Лаптева

Благовещенский государственный педагогический университет
(Благовещенск)

О СРЕДСТВАХ ВЫРАЖЕНИЯ И ФУНКЦИЯХ СРАВНЕНИЯ В ОЧЕРКАХ Ф.И. ЧУДАКОВА

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению сравнения в очерках Ф.И. Чудакова о жизни на Амуре. Целью работы стало выявление средств выражения компаративности и определение функций сравнения. В ходе исследования проанализированы очерки, в которых рисуется образ природы – красивого и дикого, трудного для освоения сурового края дальневосточной тайги. Установлено, что именно сравнение помогает изобразить неоднозначность этого топоса. Используя структурные разновидности сравнения, автор выражает собственную точку зрения, часто проникнутую иронией.

Ключевые слова: Ф.И. Чудаков, очерк, образ природы, сравнение, экспрессивная оценка.

В научной парадигме установилось два понимания термина «сравнение»: во-первых, это логическая операция, состоящая в сопоставлении двух объектов на основе общности какого-либо признака или свойства; во-вторых, это один из древнейших тропов – уподобление одного предмета другому, выстроенное на индивидуально-авторской ассоциации. Как языковое явление такое отождествление выполняет ряд функций: когнитивную – «всё познаётся в сравнении»; изобразительную, экспрессивную. Это делает сравнение «популярной литературной техникой» [1. С. 10], которая помогает не только создать «осязаемый» для читателя образ, но и выразить авторское отношение к описываемому предмету, явлению, событию.

Сравнение можно считать языковой единицей, имеющей не только план содержания, но и план выражения. Идея компаративности в русском языке воплощается различными способами: 1) лексический: использование слов разных частей речи со значением подобия (*похож, подобен, напоминает, кажется, смахивает*); 2) словообразовательный: морфемная модель наречий, образованных от прилагательных префиксально-суффиксальным способом: *по-...-ему*; наличие суффиксоида *-образный, -подобный*; 3) морфологический: формы сравнения прилагательных и наречий (чаще в синтагматических отношениях с формой существительного в род. пад.), существительные с особой семантикой (животное, неодушевлённый предмет) в форме творит. пад.; 4) синтаксический: словоформы с производными предлогами, имеющими значение подобия (*наподобие, вроде, в виде*); сравнения в виде СИС или приложения; сравнительные обороты и придаточные сравнения (с союзами *как, словно, будто, точно*).

Классическое сравнение состоит из трёх структурных элементов: субъект и объект сравнения, основание для сравнения. «Иногда также выделяется четвёртый компонент – показатель сравнения или, другими словами, референт. Им выступают служебные слова» [1. С. 13]. Наличие всех основных элементов сравнения свидетельствует о его эксплицитности, отсутствие же основания и/или референта делает сравнение имплицитным. Разграничение «скрытых» сравнений и метафор остаётся актуальным вопросом лингвистики. Мы же в статье касаемся сравнения с явной расчлennой структурой.

В качестве средства художественной выразительности сравнение выступает наиболее частотным тропом, когда нужно максимально точно обозначить характеристику того или иного предмета. Некое новое, неизвестное свойство таким образом «приближается» к читателю через сопоставление со свойством уже известным, доступным пониманию. Художники слова нередко используют сравнение в описательных жанрах.

Одним из таких тонких стилистов можно назвать Фёдора Ивановича Чудакова (1888–1918) – талантливого автора, волею судьбы попавшего в Приамурье. Учёба, сопряжённая с революционной деятельностью (в родном Чембаре и в Пензе), арест, пересыльная тюрьма Красноярска, ссылка в глухую тайгу с поселением в Червянке Енисейской губернии, побег по подложному паспорту в дышащий свободой Благовещенск, где снова арест и тюрьма, – вот некоторые штрихи его драматической судьбы [2; 3].

Накопленные наблюдения и впечатления, богатейший жизненный опыт позволили раскрыть талант Ф. Чудакова как писателя, поэта – тонкого лирика и язвительного, безжалостного сатирика, публициста. Под разными псевдонимами (*Амурец, Босьяк, Гусляр, Язва* и др.) Ф. Чудаков печатался в амурской периодике – излюбленными жанрами были стихотворный фельетон, небольшой автобиографический рассказ и очерк. Так сложилось, что при жизни автора были изданы и немедленно изъяты властями из обращения всего две книжки: лирический сборник «Пережитое» (1909) и сборник фельетонов и сатирических стихотворений «Шпильки» (1909). После трагического ухода Ф. Чудакова из жизни из-за неприятия новой власти [4] о нём как об авторе, чьё творчество могло бы иметь общероссийское значение, не вспоминали в силу идеологических причин почти полвека, не переиздавали – практически столетие [5; 6].

То, как имя и обширное, многоплановое литературное наследие *Амульца* возвращалось из небытия, в рамках данной статьи осветить не можем, укажем лишь некоторые ссылки [7; 8]. Отметим также, что вопрос о самобытности и особенностях идиостиля Ф. Чудакова ждёт своего исследователя, а данное научное изыскание – попытка привлечь внимание к автору и небольшой вклад в изучение лингвостилистики прозы *Амульца*.

Как было отмечено выше, одним из излюбленных прозаических жанров Ф. Чудакова был очерк. Известно, что эта жанровая форма имеет синтетический характер: сочетает образность художественной литературы

и документальность публицистики. При отсутствии динамичного сюжета очерк становится формой авторского созерцания быта и бытия героев – это картины нравов, поданные под ярко выраженной точкой зрения автора. «Чаще, чем авторы других жанров, он вовлечён в ход событий от первого лица. Это даёт ему возможность многократно сравнивать и анализировать изображаемые явления» [9. С. 23].

Расширяя границы жанровой модели, Ф. Чудаков создаёт собственные разновидности очерка, которые во всей полноте через небольшой кадр-зарисовку смогли бы обрисовать панораму жизни целиком. Такие жанровые пометы автор обычно выносит в подзаголовки: «Редакционное собрание. *Из тюремных очерков*» (1911); «Навстречу тучам. *Очерки подневольного путешествия к чёрту на куличках*» (1909); «Четвёртая камера. *Штрихи из жизни каталажки*» (1910).

Рассмотрим, как функционирует сравнение в произведениях Ф. Чудакова о жизни на Амуре.

Очерк «У перевоза» (1911) представляет собой театрализованную зарисовку ожидания незадачливыми охотниками переправы через реку Зею. Ожидание «паршивого пароходика» и «не менее паршивой баржонки» затягивается до утра, на берегу в одной очереди возы с сеном и свиньями, работники-корейцы, казаки, охотник с собакой. Обстановка совершенно неуютная, дискомфорт подчёркивается сравнениями, компоненты которых напоминают домашнюю атмосферу, создавая контрастные ощущения: (1) *Сылет, как из сита, мелкий-мелкий, холодный-прехолодный... Мой дождевик давно уже отказался от своей роли и пропускает сквозь себя воду не хуже старой рогожи* [6. С. 134]. Напоминанием о тепле и уюте служит походный чайник, но он не спасает, по поводу чего иронизирует рассказчик: (2) *чайник пуст, как касса Красного Креста* [6. С. 136]. Через это сравнение Чудаков отсылает к скандалу, произошедшему в Благовещенске: за границу, похитив казённые деньги, в том числе и из кассы Красного Креста, сбежал инженер Алексинский, что хорошо было известно читающей публике тех лет. Как видим, «в характере отбора реалий для сравнения проявляются этнические, временные и исторические особенности языковой картины мира» [10. С. 120].

На фоне этой сумятицы, шума, ругани и возни, создаваемых людьми, разительно выделяется спокойствие Зеи и тишина ночи, переходящей в утро. Эта гармония создаётся, как ни парадоксально, через сравнение с человеком: (3) *восток как-то застенчиво краснеет, розовеет, вот-вот закроется передничком и убежит, как деревенская девушка* [6. С. 136].

Описание рыбалки на Зее – центр очерка «Под утёсом» (1914). До клёвого места – утёса – добраться сложно, поэтому повествователь, выражая свои негативные эмоции, сравнивает его с самым страшным: (4) *скверный как смертный грех, нелепый каменный сумбур, обросший разной сосновой дрянью* [6. С. 154]. Усиливают негодование вечные спутники

рыбаков – комары, которые тоже удостаиваются нелестных сравнений; одно гиперболизированное: (5) *словно стадо рычащих крокодилов, грызут они моё брненное тело* [б. С. 156]; второе вполне земное, основанное на реалиях жизни приграничного региона: (6) *комары бегут, как спиртоносы от таможенника* [б. С. 156].

Наградой за все мучения выступает открывающаяся только здесь, вдали от цивилизации, потрясающая амурская природа. Ключевыми составляющими вновь становятся река и ночь – своеобразные доминанты, наполненные жизнью, одухотворённые, что подчёркивается сравнениями с использованием «человеческого» компонента в качестве объекта сопоставления: (7) *напоённая солнцем, в рамке зелёных берегов несёт она* [Зея. – Н.Л.] *свои голубые воды тихо и величаво, словно атласный шлейф королевы* [б. С. 153]; (8) *Ночь спускается мягкая и нежная, как страница тургеневского романа. <...> А Зея – как очарованная: ни вдоха, ни звука* [б. С. 155]. И меркнет рыболовная неудача, о которой с юмором говорит повествователь, потому что главное в этом походе – почувствовать себя частью огромного и невероятно прекрасного мира.

Красота природы хороша для созерцания и любования, но есть и обратная сторона: амурский край суров, дик и не обжит полностью. Тяжело приходится тем, кто решил поселиться здесь и вступить в неравную борьбу с дальневосточной тайгой. Испытания и лишения, выпавшие на долю переселенцев, – повествовательный центр «Таёжных очерков» (1916). Ф. Чудаков использует сравнения разных типов, чтобы объёмнее нарисовать противоречивый образ тайги – огромного живого мира, в котором жизнь – борьба. Найденные автором сравнения создают базу для более сложного средства выразительности – олицетворения, которое основано на уподоблении неживого живому: (9) *Мохнатые лиственницы хмуро отряхивали с ветвей крупные светлые капли и, казалось, желчно и сердито фыркали, как фыркает ошеломлённый прохожий, на которого из окна сверху выплеснули ведро воды* [б. С. 158]. Виновницей такого настроения природы становится *разбойница-туча*, хотя наутро, по старинной таёжной примете, будет ведренная погода, как пророчит *звонкое и отчётливое постукиванье невидимой птицы-кузнеца* [б. С. 159]. Развёрнутое до придаточной части сравнение создаёт в восприятии читателя ещё одну параллельную картину, вызывающую вполне понятные ощущения промокшего человека. Свёрнутые же до нераспространённого приложения сравнения, наоборот, оставляют широкое поле для ассоциаций, точным штрихом обозначая объект сопоставления.

Ежегодно в тайге свирепствуют палы, которые не позволяют дремучему лесу обзавестись естественным украшением – цветами: (10) *В таком бору почти нет цветов. Кажется, он раз и навсегда тщательно подметён чьей-то гигантской рукой для какого-то торжественного праздника* [б. С. 162]. Сложно считать этот пример чистым сравнением, скорее, он тяготеет

к сравнению-метафоре, однако здесь явно вычленяются субъект сравнения, основание и референт (вводное слово). Отсутствие цветов «компенсируется» великим многообразием, разнообразием кустарников, а вот отсутствие здесь пригодной для езды дороги – большая проблема, также выделяемая автором посредством сравнения: (11) *Уже одно то, что проходила она [дорога. – Н.Л.], не придерживаясь сухих мест, хребтов, как ведётся в тайге обычная просёлочная дорога, говорило о том, что строили её люди, которым этой дорогой пользоваться не придётся* [6. С. 163].

Добраться до поселения переселенцев крайне затруднительно, но и жить в деревне под многообещающим названием Золотой Ключ тоже не легко. Те, кто проектировал место поселения, опять же не учли его особенностей: дома стоят в низине и просто утопают в глубокой и вязкой грязи. (12) *Всё по мосткам, везде всё плитувары, как в городе* [6. С. 166], – сетует крестьянин, местный житель, понимая, что такое сравнение не говорит о достоинстве места жительства. Но самым большим препятствием для комфортной жизни является гнус, который не даёт ни пахать, ни косить, ни пасти скот: (13) *мошка висела над дворами густою сеткой* [6. С. 165]. Действительно, местные переселенцы находятся как будто бы в сетях у обстоятельств, выпутаться из которых они не в силах.

Подведём некоторые итоги. Рассмотренные очерки Ф. Чудакова колоритно изображают жизнь на Амуре; особое внимание автор уделяет сопоставлению мира природы и мира людей, сравнивая одно через другое, показывая непростые, иногда противоречивые взаимоотношения человека и окружающего его мира. Выразительным инструментом для этого сопоставления становится сравнение, часто выраженное сравнительным оборотом (реже творительным сравнения, сложноподчинёнными предложениями с придаточным сравнения, приложением). Выстраиваемые автором параллели позволяют максимально индивидуализировать изображение предмета, детализировать его, а также воплотить то или иное отношение. Чем необычнее объект или основание сравнения, тем удивительнее эффект, производимый созданным образом.

Список литературы

1. Миронова Н.Д. Сущность понятия «сравнение» в интерпретации отечественных и зарубежных исследователей и способы его образования // StudNet. 2020. № 7. С. 9–16.

2. Лаптева Н.А. Фёдор Чудаков, Амурец. Давайте знакомиться! // Литературная Россия. 2022. № 27 (3038). Электронный ресурс: <https://litrussia.su/2022/07/21/fjodor-chudakov-amurec-davajte-znakomitsya/>.

3. Урманов А.В. «Мы твёрдо стали на Амуре...»: История литературы Приамурья в лицах, судьбах, творческих исканиях: Монография. Благовещенск: Изд-во БГПУ, 2019.

4. Лю Ин, Урманов А.В. «Жертва вечерняя»: жизнь и смерть Фёдора Чудакова в контексте революционной эпохи // Религиоведение. 2022. № 1. С. 134–147.

5. Чудаков Ф.И. «Чаша страдания допита до дна!..» Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., предисл., подг. текста, ком. А.В. Урманова. Владивосток: Тихоокеанское изд. «Рубеж», 2016.

6. Чудаков Ф.И. Избранное: Из творческого наследия выдающегося сатирика начала XX века / Сост., подг. текста, вступ. ст., ком. А.В. Урманова. В 2 т. Т. 2. М.: Викмо-М: Русский путь, 2019.

7. Лосев А.В. Об одном забытом поэте (Фёдор Иванович Чудаков) / Лосев А.В. Избранные труды по литературному краеведению Приамурья. Благовещенск: БГПУ, 2011. С. 144–158.

8. Урманов А.В. «Ну, который теперь мне год? Черт его знает, который!..»: история о том, как Фёдор Чудаков обрёл, наконец, день рождения // Лосевские чтения – 2017: Материалы рег. науч.-пр. конф. Благовещенск: Изд. БГПУ, 2017. С. 4–14.

9. Репонь А. Очерк как прозаический жанр // CCS&ES. 2021. № 1. С. 22–31. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/ocherk-kak-prozaicheskiy-zhanr>.

10. Горобец А.Ф. Сравнение: динамика и образные потенции // Культурная жизнь Юга России. 2008. №2. С. 119–120. Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/sravnenie-dinamika-i-obraznye-potentsii>.

N.A. Lapteva

Blagoveshchensk State Pedagogical University (Blagoveshchensk)

ON MEANS OF EXPRESSION AND FUNCTIONS OF COMPARISON IN THE ESSAYS OF F.I. CHUDAKOV

***Abstract.** The article is devoted to the consideration of comparison in F.I. Chudakov's essays about life on the Amur River. The aim of the work was to identify the means of expressing comparativeness and determine the functions of comparison. The study analyzes the essays that depict the image of nature – the Far Eastern taiga, a harsh land, beautiful and wild, difficult to master. It is established that it is the comparison that helps to portray the ambiguity of this topos. Using structural varieties of comparison, the author expresses his own point of view, often imbued with irony.*

***Keywords:** F.I. Chudakov, essay, nature image, comparison, expressive evaluation.*

Е.А. Лютикова¹, А.А. Герасимова², Ф.В. Байков³, Д.Д. Белова⁴,
Т.И. Давидюк⁵, Л.И. Паско⁶, К.А. Студеникина⁷

¹⁻⁷ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

РУССКОЕ ВАРИАТИВНОЕ СОГЛАСОВАНИЕ В СВЕТЕ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫХ ДАННЫХ

***Аннотация.** В статье обсуждаются результаты экспериментального исследования вариативности при предикативном согласовании с сочиненным подлежащим. При использовании интроспективного и корпусного методов сбора данных о вариативности собственно выбор конкретных вариантов в зависимости от значения согласовательных параметров в русском языке не моделируется. В статье будет показано, что контролировать языковой материал с точки зрения варьирования отдельных параметров языковых выражений возможно с помощью экспериментального метода, который может дать принципиально новые результаты в работе с вариативным языковым материалом. Рассматриваются три грамматических параметра предикативного согласования с сочиненным подлежащим. Экспериментальные данные опровергают интроспективные суждения исследователей о том, что симметричность предиката блокирует согласование с сочиненным подлежащим по единственному числу. Эксперимент выявляет допустимость в русском языке согласования по 3-му лицу множественного числа при сочинении именных групп 1–2-го лица, что не было замечено ранее в грамматиках. Получены экспериментальные свидетельства того, что в русском языке приемлемо лично-числовое согласование с ближайшим (первым) конъюнктом при порядке VS, что невозможно определить по данным корпуса. Таким образом, метод эксперимента решает проблему недостаточного эмпирического материала в задаче исследования согласовательной вариативности в русском языке.*

***Ключевые слова:** согласование, вариативность, сочинение, экспериментальный синтаксис, русский язык.*

Исследование выполнено в рамках проекта РНФ № 22-18-00037 «Параметрическая модель согласования в свете экспериментальных данных», реализуемого в МГУ имени М.В. Ломоносова, <https://rscf.ru/project/22-18-00037/>.

Вариативное согласование постулируется тогда, когда наблюдается неоднозначное вычисление согласовательных признаков мишени. В русском языке вариативность наблюдается в случае нестандартных или множественных контролеров и сложных мишеней согласования (см. примеры 1 и 2 соответственно):

- (1) а. ...ряд исследователей опровергает эти данные...
б. ...ряд исследователей считают, что этот монастырь был основан в 1400 г. ...
- (2) а. ...арбитражные и Конституционный суд...
б. ...высокий, средний и низкий уровни развития... [1].

Распределение вариантов может зависеть от различных факторов, связанных с внешним синтаксисом или лексическими характеристиками компонентов согласовательной синтагмы, например определяться удаленностью сказуемого от подлежащего, активностью или пассивностью субъекта действия, стилем речи [2].

Формальные модели согласования предполагают однозначное соответствие признаков мишени и контролера, поэтому рассматривают вариативность как нестандартный вариант, противопоставленный общему случаю [3; 4]. Корпусные подходы к дистрибуции стратегий согласования показывают свою эффективность в исчислении вариативности (см., например, [2; 5; 6]), но описывают отдельные грамматические сюжеты. Не учитывается возможное влияние на выбор согласовательной модели одних и тех же факторов в контексте разных непрототипических контролеров. Также не оценивается, как разные (разнонаправленные) факторы могут взаимодействовать при согласовании с непрототипическим контролером одного типа. В результате для русского языка исчисляются контексты вариативного согласования, а собственно выбор конкретных вариантов в зависимости от значения согласовательных параметров не моделируется.

В статье мы представим результаты проекта по экспериментальному исследованию вариативности при предикативном согласовании с сочиненным подлежащим. Мы покажем, что экспериментальные методы могут дать принципиально новые результаты в работе с языковым материалом, характеризующимся вариативностью. Действительно, интроспекция не учитывает возможное варьирование в грамматиках носителей языка. Недостаток корпусного материала связан с тем, что в нем заведомо отсутствует отрицательный языковой материал, который крайне важен для построения эмпирических обобщений о границе между возможными и невозможными языковыми выражениями. Кроме того, огромный материал, представленный в корпусе, невозможно контролировать с точки зрения варьирования отдельных параметров языковых выражений. Эти недостатки преодолимы, если использовать экспериментальные методы получения данных.

Результаты трех наших экспериментальных исследований, которые были посвящены различным параметрам предложений с сочиненным подлежащим, показывают, что эксперимент может выявить закономерности, которые упускаются при интроспективных суждениях или корпусных исследованиях: идентифицировать изменения приемлемости позволяет повышенное внимание к структуре экспериментального предложения.

Экспериментальные исследования предикативного согласования с сочиненным подлежащим. В данном разделе мы рассмотрим три грамматических параметра предикативного согласования с сочиненным подлежащим. Во-первых, мы обратимся к семантическим характеристикам предиката и продемонстрируем, как экспериментальный метод может опровергнуть наблюдения, которые формулируются исследователями

в формате предположений. Во-вторых, мы рассмотрим, как эксперимент может разрешить противоречия между интроспективными суждениями исследователей и эмпирическим материалом корпуса. Наконец, мы покажем возможности эксперимента по получению данных о приемлемости контекстов, которые в корпусе обнаружить нельзя.

Частичное согласование симметричных предикатов. Экспериментальные методы позволяют проверить теоретические обобщения, основанные только на интроспекции исследователей. Так, многие авторы утверждают, что предикативное согласование по единственному числу с сочиненным подлежащим невозможно, если предикат симметричный, т.е. требует множественного подлежащего (см. [5; 7; 8] и др.). Тем не менее в Национальном корпусе русского языка (НКРЯ) встречаются примеры такого «невозможного» согласования (3b).

(3) а. *смешался день и ночь [8. Р. 519].

б. Как в современном человеке, в художнике совмещается жалость и расчетливость [1].

Для разрешения этого противоречия мы провели синтаксический эксперимент, в котором приняли участие 75 носителей русского языка. В дизайн эксперимента вошли переменные: симметричность (сим./несим.), число предиката (ед.ч./мн.ч.) и порядок слов (SV/VS)¹. Экспериментальный лист содержал 32 предложения (по 4 лексикализации для каждого из 8 условий) и 32 филлера. Для распределения материала по листам использовался метод латинского квадрата.

Согласно результатам (см. рис. 1), фактор симметричности оказался незначим ($\beta = -0,06$, $SE = 0,04$, $df = 233,13$, $t.ratio = -1,52$, $p.value = 0,131$), в отличие от фактора числа ($\beta = -0,58$, $SE = 0,07$, $df = 177,74$, $t.ratio = -8,04$, $p.value < 0,0001$) и взаимодействия факторов числа и порядка слов ($\beta = 0,36$, $SE = 0,08$, $df = 233,15$, $t.ratio = 4,65$, $p.value < 0,0001$).

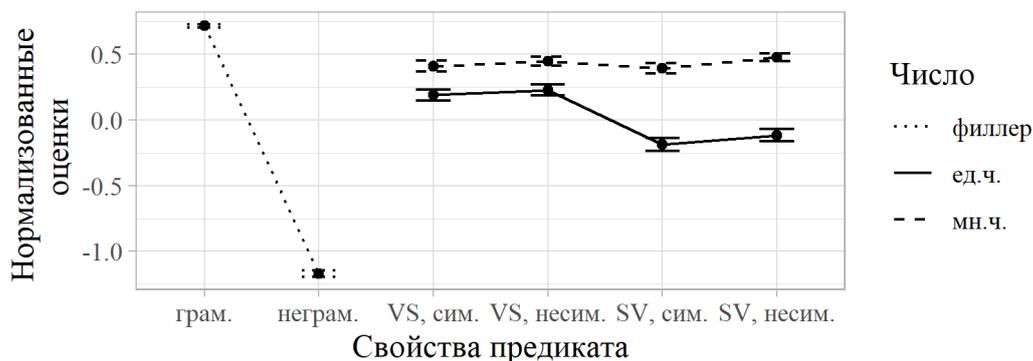

Рис. 1. Средние нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов: симметричность, число предиката и порядок слов в сравнении с филлерами

¹ В эксперименте дополнительно проверялась гипотеза о влиянии позиции предиката на доступность частичного согласования, ср. раздел «Частичное предикативное согласование с сочиненным подлежащим при порядке VS» данной статьи.

Таким образом, эксперимент показал, что симметричность предиката не только не блокирует согласование с сочиненным подлежащим по единственному числу, но и даже не влияет на его приемлемость. В этом случае данные, полученные с привлечением большого числа носителей, противоречат интроспективным оценкам отдельных исследователей.

Лично-числовое согласование с сочинённым подлежащим. Экспериментальные методы также позволяют получить новые эмпирические данные, не обнаруженные ранее исследователями.

К примеру, для сочинённых подлежащих, не совпадающих по лицу, нормативные грамматики и справочники предписывают согласование по правилам разрешения [7. С. 243–244; 9. С. 272]: для глагола выбирается множественное число, а признак лица – в соответствии с иерархией лиц $1 > 2 > 3$. Однако в некоторых языках при помощи экспериментальных методов зафиксировано нарушение этой иерархии в сторону согласования по 3-му лицу множественного числа [10], и подобные примеры можно обнаружить и в НКРЯ (4). Кроме того, конструкции с разными союзами могут демонстрировать разные стратегии согласования [11].

(4) – *Ни я, ни Влас Михайлович услуг не забывают* [1].

Нами был проведён синтаксический эксперимент на оценку приемлемости с участием 157 человек. Дизайн эксперимента 2×4 включал переменные: тип союза (*и ... и / ни ... ни*) и форма глагола (1 л. ед.ч. / 1 л. мн.ч. / 3 л. ед.ч. / 3 л. мн.ч.). Экспериментальный лист содержал 32 предложения и 32 филлера (16 грамматичных, 16 неграмматичных). Предложения были распределены по правилу латинского квадрата.

Результаты эксперимента показаны на *рис. 2*. Несмотря на то что фактор типа союза является значимым ($\beta = 0,15$, $SE = 0,03688$, $df = 233$, $t.ratio = 4,068$, $p.value < 0,0001$), приемлемые стратегии для обоих типов союзов совпадают и включают, помимо согласования по правилам разрешения, согласование по 3-му лицу множественного числа (*t*-тест: для конструкций с *и ... и* и неграмматичных филлеров: $t.ratio = 4,531$, $df = 373,55$, $p.value < 0,0001$; для конструкций с *ни ... ни* и неграмматичных филлеров: $t.ratio = 5.7387$, $df = 357.2$, $p.value < 0,0001$).

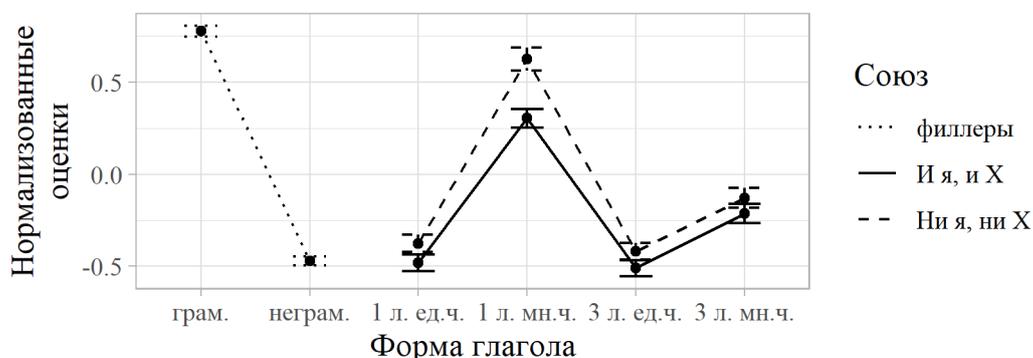

Рис. 2. Средние нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов: тип союза и форма глагола в сравнении с филлерами

Таким образом, эксперимент выявил стратегию согласования по 3-му лицу множественного числа, ранее не замеченную.

Частичное предикативное согласование с сочиненным подлежащим при порядке VS. Ключевое преимущество экспериментальной методики заключается в возможности получить надежные данные о сочетаниях языковых факторов, которые редко или вообще не встречаются в корпусах – например, из-за нетипичных прагматических условий успешности высказывания.

Корпусные исследования выявляют значимость фактора порядка слов для выбора стратегии глагольного согласования по числу с сочиненным подлежащим: порядок VS повышает вероятность частичного согласования, то есть согласования только с одним конъюнктом вместо всей сочиненной группы [5; 12]. Однако исследовать таким же образом не только числовое, но и личное согласование, например, с подлежащим вида «я и ты», невозможно: в НКРЯ вхождения нужных условий единичны.

Дизайн эксперимента 2*4 включал переменные: порядок конъюнктов («я и ты» / «ты и я») и форма глагола (1 л. мн.ч. / 1 л. ед.ч. / 2 л. ед.ч. / 3 л. мн.ч.). Один лист включал 32 предложения (см. пример лексикализации в (5)), 16 грамматичных и 16 неграмматичных филлеров. В эксперименте приняли участие 126 респондентов.

(5) *Крепость из снега строим/строю/строишь/строят я и ты.*

Наиболее интересным результатом оказывается «крестообразное» статистически значимое взаимодействие порядка конъюнктов с формами 1ед ($\beta = -0,22$, $SE = 0,06$, $df = 231,12$, $t.ratio = -3,54$, $p.value < 0,001$) и 2ед ($\beta = 0,01$, $SE = 0,06$, $df = 233,5$, $t.ratio = 5,01$, $p.value < 0,001$), но не 1мн и 3мн.

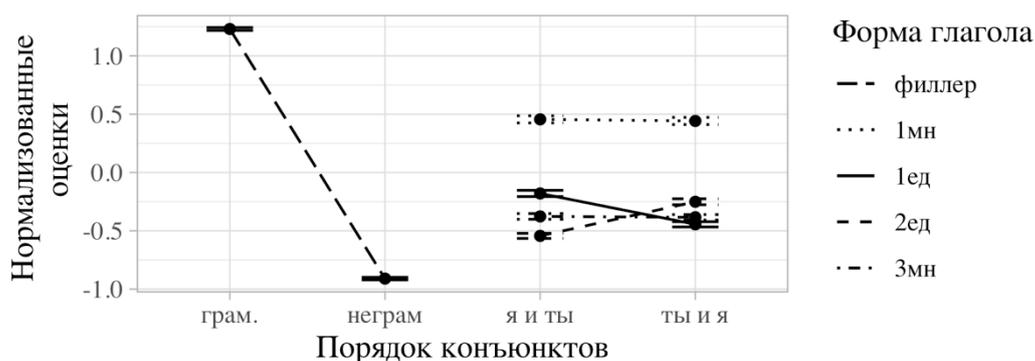

Рис. 3. Средние нормализованные оценки приемлемости на графике взаимодействия факторов: порядок конъюнктов и форма глагола в сравнении с филлерами

Результаты показывают, что частичное лично-числовое согласование с ближайшим (первым) конъюнктом при порядке VS оценивается как приемлемое. Подобные эффекты описывались для других славянских языков, например чешского [13. Р. 663], но для русского языка зафиксированы впервые.

Итак, мы показали, что использование методологического аппарата экспериментального синтаксиса может стать одним из возможных решений задачи по включению ситуаций варьирования в эмпирический базис теории грамматики. Количественный подход к измерениям вариативности обеспечивает надежность и последовательность данных, на основании которых формулируются обобщения, что дает возможность построить модель, адекватно описывающую языковую реальность.

Список литературы

1. Савчук С.О., Архангельский Т.А., Бонч-Осмоловская А.А., Дони-на О.В., Кузнецова Ю.Н., Ляшевская О.Н., Орехов Б.В., Подрядчикова М.В. Национальный корпус русского языка 2.0: новые возможности и перспективы развития // Вопросы языкознания. 2024. № 2. С. 7–34.
2. Граудина Л.К., Ицкович В.А., Катлинская Л.П. Грамматическая правильность русской речи: опыт частотно-стилистического словаря вариантов. Москва: Наука, 1976.
3. Кибрик А.Е. О соотношении понятия синтаксического подчинения с понятиями согласования, управления и примыкания // Проблемы теоретической и прикладной лингвистики. 1977. № 8. С. 161–179.
4. Иомдин Л.Л. Автоматическая обработка текста на естественном языке: модель согласования. Москва: Наука, 1990.
5. Пекелис О.Е. Сочинение. Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики. На правах рукописи. М., 2013. Электронный ресурс: <http://rusgram.ru/new/chapter/syntvar/coordination>.
6. Кувшинская Ю.М. Предикативное согласование со словами «ряд», «половина», «часть», «множество» в современном русском языке // Сибирский филологический журнал. 2019. № 2. С. 189–215.
7. Русская грамматика: в 2 т. / Под ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 2. Москва: Наука, 1980.
8. Krejci V. Syntactic and Semantic Perspectives on First Conjunct Agreement in Russian: PhD thesis. Stanford University, 2020.
9. Розенталь Д.Э., Джанджакова Е.В., Кабанова Н.П. Справочник по правописанию, произношению, литературному редактированию. Москва: Московская международная школа переводчиков, 1994.
10. Timmermans M., Schriefers H., Dijkstra T., Haverkort M. Disagreement on Agreement: Person Agreement Between Coordinated Subjects and Verbs in Dutch and German // Linguistics. 2004. № 42. P. 905–929.
11. Пекелис О.Е. «Частичное согласование» в конструкции с повторяющимся союзом: корпусное исследование основных закономерностей // Вопросы языкознания. 2013. № 4. С. 55–86.

12. Corbett G. Hierarchies, Targets and Controllers: Agreement Patterns in Slavic. London: Croom Helm, 1983.
13. Johannessen J.B. Coordination. New York: Oxford University Press, 1998.

**E.A. Lyutikova¹, A.A. Gerasimova², F.V. Baykov³, D.D. Belova⁴,
T.I. Davidyuk⁵, L.I. Pasko⁶, K.A. Studenikina⁷**
¹⁻⁷ Lomonosov Moscow State University (Moscow)

RUSSIAN AGREEMENT VARIATION IN THE LIGHT OF EXPERIMENTAL DATA

***Abstract.** The paper discusses the results of the experimental research of variation in the predicate agreement with a coordinated subject in Russian. Both introspective and corpus methods of collecting empirical data do not allow us to model the choice of a specific variant of agreement based on the relevant parameter setting. We demonstrate that the experimental method enables the researcher to control linguistic data with respect to a desired set of parameters and in this way contributes to innovative results. We support this thesis by discussing three grammatical parameters of the predicate agreement with a coordinated subject. First, the experimental data refute the introspection-based conjecture that the symmetricity of the predicate blocks singular agreement with the coordinated subject. Second, the experimental method detects a previously unnoticed pattern of the 3rd person plural agreement with the 1st-2nd person conjuncts. Finally, the series of experimental studies reveals the availability of the closest conjunct agreement in VS clauses for various combinations of person and number features. Therefore, the experimental method allows us to overcome the issue of insufficient empirical data in modeling agreement variation in Russian.*

***Keywords:** agreement, variation, coordination, experimental syntax, Russian.*

Ю.А. Мареева

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

**ДОСТИЖЕНИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ЛИНГВИСТИКИ
В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ПРИМЕНЕНИИ:
НА МАТЕРИАЛЕ РАБОТЫ С РУССКИМИ НАРЕЧИЯМИ
В ИНОСТРАННОЙ АУДИТОРИИ**

***Аннотация.** Использование лингвистических результатов в педагогической работе позволяет верифицировать научные достижения на практике. Русистикой накоплены ценные и разносторонние сведения о семантике и грамматике адвербиальных лексем. В статье описан опыт работы с русскими темпоральными наречиями на уроках русского языка как иностранного. Курс был составлен с учётом теоретических положений и толкований лексических единиц, отражённых в трудах по семантике и сочетаемым свойствам наречий. Представленная система упражнений и заданий рассчитана на учащихся продвинутого этапа обучения (уровень B2 и выше). Обоснованность и достоверность результатов работы доказаны положительными результатами проведённого обучения. Количество ошибок и вызывающих затруднения контекстов значительно снизилось. Предложенные принципы лингвометодического описания могут быть применены при работе с разными семантическими разрядами адвербиальных лексем.*

***Ключевые слова:** адвербиальные лексемы, русский язык как иностранный, методика, лингводидактика, система упражнений и заданий.*

Теоретическими аспектами изучения наречий занимались многие отечественные и зарубежные лингвисты. Опыт выявления значений и особенностей функционирования различных семантических групп адвербиальных лексем, анализ их аспектуальной значимости, системных семантических связей, фразовых функций, роли в актуализации особенностей мировидения человека представлен в трудах Н.Д. Арутюновой, М.В. Всеволодовой, Т.В. Булыгиной, И.А. Мельчука, Е.В. Падучевой, А.Б. Пеньковского, В.А. Плунгяна, М.В. Филипенко, Е.С. Яковлевой, Т.Е. Янко и др.

Результаты, накопленные в русистике, были преобразованы и развиты в системе упражнений и заданий, ориентированной на иностранных обучающихся, владеющих русским языком в объёме второго сертификационного уровня (B2). Мы распространяем зону исследовательского интереса на наречия вообще с акцентом на проблематике времени. Образцы

толкований, представленные в исследованиях по семантике и синтагматическим свойствам темпоральных адвербиальных лексем, обладают большой объяснительной силой, в частности, при анализе сочетаемости наречий с видовременными формами глагола и различными классами предикатов в русском языке (см. [1. С. 224; 2. С. 80]).

Фрагменты системы упражнений и заданий на употребление отдельных адвербиальных лексем разных семантических разрядов представлены в учебных пособиях Э.И. Амиантовой, Г.А. Битехтиной, А.Л. Горбачик, И.В. Казнышкиной, Л.Т. Калининой, Н.А. Лобановой, И.П. Слесаревой, Л.В. Степановой, С.А. Хаврониной и др.

Из-за неполноты описания особенностей функционирования темпоральных адвербиальных лексем и лишь фрагментарной представленности в учебных пособиях по русскому языку как иностранному в речи учащихся появляются разного рода ошибки: **ещё долго не встречается* вместо *ещё долго не встретится*; **Вчера интернет всегда отключался* вместо *всё время отключался* и т.п.

Анализ «отрицательного» языкового материала и наблюдение за речевым поведением учащихся показали, что адвербиальные лексемы *всегда, вечно, бесконечно, постоянно, непрерывно, беспрерывно*, полифункциональная единица *всё*, именная темпоральная группа *всё время*, а также ряд наречий *давно, долго, подолгу* вызывают значительные сложности у иностранцев при освоении и употреблении. Мы поставили цель провести функционально-коммуникативный анализ этих адвербиальных единиц и на основе полученных лингвистических и лингводидактических данных создать модель обучения инофонов корректному использованию русской адвербиальной лексики.

Для этого была проанализирована семантическая структура каждого из наречий, выявлены их лексико-семантические варианты.

Материалом исследования послужили данные словарей, справочников, учебников и пособий, Национального корпуса русского языка, ошибки иностранцев в устной и письменной речи на русском языке.

Для наречий *всегда* и *бесконечно* было выделено по четыре лексико-семантических варианта, для наречия *постоянно* – три, для *вечно, всё время, непрерывно, беспрерывно, всё* – по два (табл.). Полифункциональная лексема *всё* в роли темпорального наречия реализует два лексико-семантических варианта: ‘всё время’: *Он всё в разъездах* и ‘до сих пор’: *Уже ночь, а его всё нет* [3].

Лексико-семантические варианты темпоральных адverbиальных лексем

всегда	<i>всегда</i> ₁ 'всю жизнь' <i>всегда</i> ₂ 'не прекращаясь', ср. синоним: <i>бесконечно</i> ₁ <i>всегда</i> ₃ 'очень часто' <i>всегда</i> ₄ 'в любой момент'
бесконечно	<i>бесконечно</i> ₁ 'не прекращаясь' <i>бесконечно</i> ₂ 'очень долго' <i>бесконечно</i> ₃ 'часто', ср. синонимы: <i>постоянно</i> , <i>непрерывно</i> , <i>беспрестанно</i> , <i>то и дело</i> , <i>всё время</i> <i>бесконечно</i> ₄ 'очень'
вечно	<i>вечно</i> ₁ 'не прекращаясь', ср. синоним: <i>всегда</i> ₂ <i>вечно</i> ₂ 'часто', ср. синонимы: <i>непрерывно</i> , <i>постоянно</i> , <i>беспрестанно</i> ' (о повторении чего-л., часто негативного)
постоянно	<i>вечно</i> ₁ 'не прекращаясь', ср. синоним: <i>всегда</i> ₂ <i>вечно</i> ₂ 'часто', ср. синонимы: <i>непрерывно</i> , <i>постоянно</i> , <i>беспрестанно</i> ' (о повторении чего-л., часто негативного)
всё время	<i>всё время</i> ₁ 'не прекращаясь' <i>всё время</i> ₂ 'часто', 'каждый раз'
непрерывно	<i>непрерывно</i> ₁ 'без перерывов', 'без промежутков' <i>непрерывно</i> ₂ 'не прекращаясь'; ср. <i>постоянно</i> (<i>непрерывно</i> <i>меняться</i> , <i>непрерывно</i> <i>двигаться</i>)
беспрерывно	<i>беспрерывно</i> ₁ 'без перерывов', 'без промежутков' <i>беспрерывно</i> ₂ 'не прекращаясь'
всё	<i>всё</i> ₁ – 'всё время': <i>Он всё в разъездах; Не всё коту масленица; Всё по-французски вслух читает, запершись</i> (А. Грибоедов), ср. <i>постоянно</i> , <i>всегда</i> , <i>вечно</i> <i>всё</i> ₂ – 'до сих пор': <i>Уже ночь, а его всё нет; Он мне всё ещё чужой</i> , ср. <i>по-прежнему</i> , <i>всё ещё</i>

При разработке лингвометодического описания и создании системы упражнений и заданий требовалось учитывать многие особенности употребления рассматриваемых единиц, как например:

1. Наречие *всегда*, как правило, не сочетается с предикатами изменения признака или ситуации типа *улучшаться*, *ухудшаться*.

2. Лексико-семантический вариант *вечно*₂ частотен в сочетаниях со стилистически сниженными глаголами, содержащими субъективную отрицательную оценку: *бубнит*, *брюзжит*.

3. Именная темпоральная группа *всё время* обычно указывает на сравнительно небольшой отрезок времени, а характеризующее действие связано с конкретной ситуацией. Наречие *всегда* чаще всего характеризует действие, границы которого или очень широки, или не обозначены конкретно.

4. Употребление наречия *непрерывно*, в отличие от наречия *беспрерывно*, предпочтительно в случаях, когда контекст подчёркнуто нейтрален,

излагается объективная, свободная от эмоциональных оценок информация и др.

На основе проведённого функционально-коммуникативного анализа был создан обучающий комплекс, включающий систему упражнений и заданий, а также функциональный словарь. В ходе обучения большую эффективность продемонстрировали комплексные упражнения и задания, позволяющие соединить ознакомление с языковым материалом и его применение в условиях коммуникации. Они направлены на формирование и развитие рецептивных, репродуктивных и продуктивных навыков и умений. Упражнениям на наблюдение предшествуют систематизирующие таблицы, примечания и поясняющие комментарии. Большинство заданий снабжены ключами для самопроверки, указаны возможные варианты ответов.

В качестве примера приведём фрагмент системы упражнений и заданий на употребление адвербиальной лексемы *долго* с видовременными формами глагола.

Наречие *долго* может употребляться при глаголах совершенного вида (с отрицанием и без) с приставками *про-*, *за-*, а также с темпорально валентными глаголами в прошедшем и будущем времени: *Мы долго засиделись после обеда, увлекшись беседой; Я поеду в Москву через месяц, но долго там не останусь.* В отрицательной модификации высказывания адвербиальная лексема *долго* употребляется при глаголах в форме будущего времени как несовершенного, так и совершенного вида: *Он ещё долго не будет нам звонить; Он ещё долго нам не позвонит.*

Вначале учащимся предлагается задание на наблюдение и анализ.

(А) Прочитайте предложения. Подчеркните глаголы, к которым примыкает наречие *долго*. Определите вид и время этих глаголов.

Образец: +Боюсь, что Антон не выдержит *долго* в таких условиях. – Боюсь, что Антон не выдержит (СВ, буд. вр.) *долго* в таких условиях.

1. Мысль о том, что я *долго* не увижу её, казалась мне грустной и тяжёлой (М. Арцыбашев). 2. Я тебя ещё *долго* не забуду.

Затем необходимо выполнить языковое упражнение.

(Б) Дополните предложения глаголами в нужной форме. Используйте слова для справок.

1. Их сотрудничество долго не 2. Мы ещё долго не ... результатов этого экзамена. 3. Он был абсолютно уверен, что новая власть долго не

Слова для справок: продержаться, узнать, продлиться.

Далее с опорой на образец учащиеся выполняют условно-речевое задание.

(В) Скажите, что кому-то в течение длительного времени не удастся что-то сделать: *выучить английский язык, признаться в любви, защитить диссертацию* и т.п. Объясните почему.

Образец: Наташа ещё долго не выучит английский язык. Она бросила курсы, не занимается самостоятельно и утверждает, что у неё нет способностей.

Во всех заданиях, наряду с учебными, содержатся отрывки аутентичных текстов, которые были подвергнуты коррективке в соответствии с методическими целями и задачами обучения. Изучающее чтение научно-популярных текстов способствует формированию навыков реферирования и аннотирования, готовит к продуцированию собственных речевых произведений: докладов на конференции, статей и эссе. Большой интерес у учащихся вызывали задания, основанные на анализе и обсуждении проблемных текстов («Чем опасно таяние вечной мерзлоты?», «Будет ли Вселенная существовать вечно?»). Фрагмент лекции о миграции в биосфере предьявлялся в качестве аудиотекста. Во время первого прослушивания учащимся было предложено написать краткий конспект лекции, после второго – устно ответить на вопросы по её содержанию.

Процесс обучения сопровождался контролем. Главным его объектом являлся уровень сформированности навыков употребления наречий в продуктивных видах речевой деятельности. А с помощью тестов соответствия и множественного выбора оценивалась степень усвоения собственно языкового материала.

Обоснованность и достоверность результатов работы доказаны положительными результатами проведённого обучения. Количество ошибок и вызывающих затруднения контекстов значительно снизилось. Задания способствовали усилению мотивации к обучению, развитию как речевых умений, так и формированию у учащихся переводческой компетенции и навыков сопоставительного анализа языков.

Список литературы

1. Падучева Е.В. Высказывание и его соотнесенность с действительностью (Референциальные аспекты семантики местоимений). М.: Изд-во ЛКИ, 2010.
2. Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Шк. «Мастера рус. культуры», 1997.
3. Мареева Ю.А. Семантика и грамматика полифункциональных единиц (на примере лексемы *всё*): лингводидактический аспект // Высшее образование сегодня. 2022. № 1-2. С. 41–45.

Yu.A. Mareeva

Lomonosov Moscow State University (Moscow)

**ACHIEVEMENTS OF THEORETICAL LINGUISTICS
IN LINGUODIDACTIC APPLICATION:
BASED ON WORKING WITH RUSSIAN ADVERBS
AT RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE LESSONS**

***Abstract.** The use of linguistic results in pedagogical work makes it possible to verify scientific achievements in practice. Russian studies have accumulated valuable and versatile information about the semantics and grammar of adverbial lexemes. The experience of working with Russian temporal adverbs at the lessons of Russian as a foreign language is described in this article. The course was elaborated due to the theoretical theses and interpretations of lexical units reflected in the works on semantics and syntagmatic peculiarities of adverbs. The presented system of exercises and tasks is designed for advanced Russian learners (level B2 and above). The validity and reliability of the results of the work are proved by the effectiveness of this course. The number of errors and confusing contexts has significantly decreased. The suggested principles of linguistic methodological description can be applied when working with different semantic categories of adverbial lexemes.*

***Keywords:** adverbial lexemes, Russian as a Foreign language, teaching methods, linguodidactics, system of exercises and tasks.*

И.А. Мартьянова
Российский государственный педагогический
университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург)

ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИИ ПЕРЦЕПТИВНОСТИ В ДИАЛОГЕ КИНОСЦЕНАРИЯ

***Аннотация.** Парадоксальность выражения категории перцептивности в диалоге киносценария обусловлена асимметрией зрительного и слухового восприятия, настроенностью киносценария на преимущественное изображение наблюдаемого. Перцептивность сценарного диалога обусловлена тем, что он является одним из средств создания динамической ситуации наблюдения, текстовой основой которой выступает демонстрационный тип речи. В диалоге момент речи и момент наблюдения могут как совпадать, так и не совпадать, подчиняясь закономерностям вертикального монтажа, синхронного и асинхронного, создающего взаимодействие сценариста с читателем-зрителем. Определяются сходство и различие драматургического и сценарного диалогов. На собственно синтаксическом уровне функционирование категории перцептивности в диалоге киносценария приводит к дистанцированности реплик и вводящих слов, в которых могут сосуществовать субъектные позиции говорящего и воспринимающего.*

***Ключевые слова:** диалог, категория перцептивности, киносценарий, монтаж, читатель-зритель.*

Скрытая категория перцептивности отражается в содержании отдельных высказываний и целостных текстов [1. С. 336–344]. Особый интерес вызывает ее функционирование в киносценарии, в котором наблюдаемость предстает в актуализированной форме, вследствие его настроенности на восприятие читателем-зрителем, внутрикадровым и закадровым экспериентом.

Не меньший интерес представляет ее выражение в киносценарном диалоге, предполагающем как эксплицитную, так и имплицитную наблюдаемость. В исследованиях последнего времени отмечается не только ее неизученность, но и художественная ценность. Заметим, что последнее противоречит мнению некоторых классиков сценарного мастерства [2], которые рекомендуют не прописывать диалоги, якобы мешающие созданию визуальной выразительности.

Специфика анализируемой формы раскрывается в оппозициях: театральный диалог / кинодиалог; драматургический диалог / сценарный диалог; сценарный диалог / кинодиалог. Очевидно, что между последними нет тождества. С. Прайс подчеркивает: «Нет достоверных корреляций между сценариями и фильмами. Их и не должно быть» [3. С. 237].

Появление драматургического диалога предшествует сценарному, насчитывающему немного более ста лет своего существования (сценарии немом кино также содержали различные формы изображения речи персонажей: как неоднократно было замечено, великий немой никогда не был

по-настоящему немым). Драматургический и сценарный диалоги сближают интеграция наблюдаемого и слышимого, ориентация на существование как внесценического, так и закадрового пространства. В их лингвистической интерпретации необходим учет двойной коммуникативной модели: реплики драматургического и сценарного диалогов адресованы не только их участникам, но также читателю-зрителю.

Несмотря на отмеченное сходство, развертывание данных типов диалога осуществляется в разной композиционной технике. Если обратиться к киносценарию, то в нем ситуации звучания, слухового и зрительного восприятия изображаются, как правило, синкретично:

Хозяин сказал Павлу с назиданием:

– Слушай мои речи! – прозвучало, как проповедь: – Идем! Эх, ты! – уже другим тоном, дружески произнес Гундионов и, приобняв Павла за плечи, повел к выходу (А. Миндадзе. Слуга. 1988).

При этом «...как слуховое, так и зрительное восприятие “работают” и в пространстве, и во времени, но для зрительных знаков важнее пространственное измерение, а для слуховых временное» [4. С. 84]. С этим связан тот факт, что «слуховое восприятие отвечает только динамическому аспекту мира», тогда как «зрительное восприятие мира может в разной степени охватывать и статику, и динамику» [5. С. 216].

Асимметрия зрительного и слухового восприятия не может не накладывать отпечатка на характер сценарного диалога, в котором звук не обладает независимым существованием: это всегда слабый член оппозиции наблюдаемое / слышимое. Сам разрыв их изображения является эстетической условностью, следствием линейности литературного текста.

Перцептивность сценарного диалога выражается в том, что он является одним из средств создания динамической ситуации наблюдения, текстовой основой которой выступает демонстрационный тип речи (ДТР). Автор предложенного термина С.Г. Ильенко полагала, что ДТР «связан с пошаговым изображением описываемого, с детализацией и конкретизацией происходящего, с его показом <...> Что касается самой общей синтаксической характеристики, то для ДТР характерна ориентация на диалог...» [6. С. 47–56]. Данный функционально-композиционный тип речи, подразумевающий хронологическое уподобление изображаемого изображенному, как нельзя более соответствует самой сущности киносценария:

Потом они с матерью пили чай. Они делали это быстро, короткими глотками отхлебывая из чашек, одновременно поглядывали в зеркало, довершая свой утренний туалет, дочитывая газету, что-то еще выискивая в соседней комнате, – две женщины, пожилая и молодая, удивительно похожие друг на друга и лицом, и повадкой, и голосом. «Какие у тебя на сегодня планы, Лена?» – «Планы? Не знаю, а что? Нужно, чтобы были планы?» – «Отец просил, чтобы мы зашли к Беловым, ты письмо читала?» – «А? Да, да, обязательно. Ой, уже без четверти! Ты идешь?» – «Беги, мне тут надо еще повозиться». – «Ну ладно, я побежала...» (А. Гребнев, М. Хуциев. Июльский дождь. 1966).

Функционирование категории перцептивности в диалоге киносценария невозможно охарактеризовать без учета композиционного сопряжения наблюдаемого / ненаблюдаемого и слышимого / неслышимого, названного С.М. Эйзенштейном вертикальным монтажом, имеющим две основные разновидности: синхронную и асинхронную [7. С. 189–266]. Синхронный вертикальный монтаж, изображающий «обыкновенное сочетание слов с игрой их произнесения» [7. С. 474], требует для своего синтаксического выражения двучастных конструкций, одна часть (вводящие слова) соотносится с наблюдаемым / ненаблюдаемым, а другая представляет собой речь персонажей или автора сценария. Языковую стабилизацию двучастной конструкции представляет собой комментированная реплика диалога.

Кино, по словам Ю.Н. Тынянова, не только «вытянуло время» и «сместило пространство», но и «разложило речь» [8. С. 322]. Стремление к отрыву вводящих слов проявляется в тех случаях, когда они содержат указание на объект наблюдения или его изображение. Препозиция вводящих слов, изображающих динамический объект наблюдения, нетипична для киносценария, потому что в нем их роль осмыслена как диалогическая реакция, что в целом мотивировано пониманием вертикального монтажа как диалога речи с окружающей средой [9].

Изменяется сам статус вводящих слов, по сути являющихся в сценарном диалоге трансформированной драматургической ремаркой, в которой, однако, могут сосуществовать субъектные позиции говорящего и воспринимающего:

– *Веденева, ты? – это Лариков от души ей обрадовался, Ася видела.*
– *Боже мой! Какими судьбами?* (С. Соловьев. Спасатель. 1980).

Более сложной композиционно-речевой формой является асинхронный монтаж наблюдаемого / слышимого, о котором С.М. Эйзенштейн писал: «Собственно искусство начинается в этом деле с того момента, как в сочетании звука и изображения уже не просто воспроизводится существующая в природе связь, но устанавливается связь, требуемая задачами выразительности произведения» [7. С. 197].

Композиционно асинхронный монтаж связан со сменой точки зрения. В синтаксическом же плане нарушение существующей связи приводит к разносубъектности и дистанцированности реплики и вводящих слов. Вместе с тем асинхронность усиливает эстетическую значимость слышимого, создает предпосылки для различных, подчас весьма изощренных его комбинаций с наблюдаемым. Если говорящий выступает как голос за кадром, то его реплики адресуются читателю-зрителю, а в фокусе поля зрения оказывается объект наблюдения:

Наследник всегда шалил во время закуски...

В кадре – царевич Алексей, мальчик лет десяти в мундирчике. Он кидает кость в тарелку увлеченного беседой с гофмаршалом седовласого генерала (А. Бородинский, К. Шахназаров. Царевич. 1990).

Таким образом, выражение категории перцептивности в диалоге киносценария обусловлено присущим ему жанровоспецифическим режимом речи. Момент речи и момент наблюдения могут в данном диалоге как совпадать, так и не совпадать, подчиняясь закономерностям вертикального монтажа, синхронного и асинхронного.

Список литературы

1. Бондарко А.В. Категоризация в системе грамматики. М.: Языки славянских культур, 2011.
2. Макки Р. История на миллион долларов. Мастер-класс для сценаристов, писателей и не только. М.: Альпина нон-фикшн, 2008.
3. Price S. The Screenplay. Authorship, Theory and Criticism. UK: Palgrave Macmillan, 2010.
4. Якобсон Р.О. К вопросу о зрительных и слуховых знаках // Семиотика и искусствометрия. М.: Мир, 1972. С. 82–87.
5. Арутюнова Н.Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие, факт. М.: Наука, 1988.
6. Ильенко С.Г. Русистика. СПб.: Изд-во РГПУ им. А.И. Герцена, 2003.
7. Эйзенштейн С.М. Избр. пр.: В 6 т. М.: Искусство, 1964. Т. 2.
8. Тынянов Ю.Н. Поэтика. История литературы. Кино. М.: Наука, 1977.
9. Арнхейм Р. Кино как искусство. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.

I.A. Martianova

Herzen State Pedagogical University of Russia (St. Petersburg)

EXPRESSION OF THE CATEGORY OF PERCEPTIVITY IN THE DIALOGUE OF THE SCREENPLAY

***Abstract.** The paradox of the category of perceptivity in the dialogue of the screenplay is due to the asymmetry of visual and auditory perception, the mood of the to the predominant image of the observed. This type of dialogue is one of the means of creating a dynamic observation situation, the textual basis of which is a demonstration type of speech. Dialogue's moments of speech and observation may or may not coincide, obeying the vertical editing (synchronous and asynchronous), creating interaction between the screenwriter and the reader/viewer. The similarities and differences between dramatic and screenplay's dialogues are determined. At the syntactic level the functioning of the category of perceptivity in the dialogue of the screenplay leads to the distancing of replicas and introductory words, in which the subjective positions of the speaker and the perceiver can coexist.*

***Keywords:** dialogue, category of perceptivity, screenplay, editing, reader/viewer.*

Е.М. Мельникова
Ярославский государственный педагогический
университет им. К.Д. Ушинского (Ярославль)

НЕДОСТАТОЧНЫЕ ДВУВИДОВЫЕ ГЛАГОЛЫ В СОВРЕМЕННОЙ РЕЧИ: ДИНАМИКА ЛИЧНОГО ФОРМООБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** В статье рассматриваются заимствованные двувидовые возвратные глаголы на «-оваться», «-ироваться» с точки зрения возможностей их личного формообразования в современной речи. Отмечается, что, фиксируемые в словарях как недостаточные, данные единицы активно образуют формы 1-го и 2-го лица вследствие лексических сдвигов. Процессы метафоризации, способствующие развитию новых смыслов, приводят к появлению личных форм страдательного залога. Новые значения развиваются у недостаточных средневозвратных глаголов и у глаголов, определяющихся словарями только как формы страдательного залога, реализуясь в основном в собственно-возвратном варианте средневозвратного залога. Активно используемые в разговорной речи интернет-общения и в текстах современной публицистики, такие формы теряют словарные пометы «специальное» и «книжное» – становятся стилистически нейтральными, в русле процессов детерминологизации и нейтрализации научной лексики.*

***Ключевые слова:** недостаточный глагол, двувидовой глагол, возвратный глагол, страдательный залог, средневозвратный залог.*

«Личные формы глагола могут быть образованы от любого глагола», – отмечают авторы «Русской грамматики» 1980 г. [1. С. 636]. Это замечание справедливо подчёркивает потенциал языковой системы, способной реализовать свои возможности в узусе. Данное утверждение касается и т. наз. недостаточных глаголов, или глаголов с неполной парадигмой спряжения, образованию форм которых могут препятствовать следующие условия: «во-первых, лексическое значение, несовместимое со значением форм 1 и 2 л. ед. или мн.ч.; во-вторых, традиционное представление о неблагозвучии формы; в-третьих, омонимическое совпадение словоформ разных глаголов» [1. С. 636–637]. Настоящее исследование посвящено анализу функционирования подобных недостаточных глаголов в современной речи. В качестве объекта анализа выступила небольшая группа двувидовых заимствованных глаголов на *a-* с суффиксами *-ова(ть)*, *-ирова(ть)* и постфиксом *-ся* – на примере их употребления в речи возможно, на наш взгляд, проиллюстрировать некоторые общие тенденции в сфере личного формообразования двувидовых недостаточных глаголов.

Глаголы *абсолютизироваться, автоматизироваться, авторизоваться, адаптироваться, аккумулироваться, активироваться, акцентироваться, амортизироваться, аннулировать, аттестоваться* рассматривались

среди прочих в работе З.К. Тарланова ещё в 1979 г. [2] как глаголы с неполной личной парадигмой в группе «слов терминологического происхождения». «...Само существование глаголов с неполной личной парадигмой в русском литературном языке, равно как и непрерывный рост их количества, – полагает автор, – есть следствие того, что литературный язык базируется на монологе, что неоднократно подчёркивалось Л.В. Щербой: многие глаголы лишены форм 1 и 2-го лиц по той простой причине, что не употребляются в этих лицах, поскольку используются лишь в описаниях, повествованиях в широком смысле слова. Они вошли в литературно-языковой обиход как элементы монологической речи и через монологическую речь» [2. С. 70].

Вопрос об отнесении данных глаголов к группе двувидовых решается по-разному в лексикографических источниках. Двувидовыми из приведённого списка можно считать все глаголы – хотя бы в одном из словарей они сопровождаются пометой *св. и нсв.: автоматизироваться, адаптироваться, аккумулироваться* в МАС-2 [3], *авторизоваться* в БТС [4], *аттестоваться, амортизироваться* в [5], *аннулировать* в ТСУ [6]; «Метасловарь» портала «Грамота.ру» причисляет к группе двувидовых и глаголы *абсолютизироваться, активироваться, акцентироваться* [7]. Образованные от двувидовых глаголов, они сохраняют свойство двувидовости. Сохраняют ли они свою недостаточность в современной речи? Так, глагол *адаптироваться*, отсутствующий в ТСУ, в БАС-1 [8] представлен в более поздних словарях как глагол с полной парадигмой спряжения (ср., например, в БАС-2: «адаптироваться, *руюсь, руешься*» [9. С. 111]). Претерпевают изменения и другие глаголы из рассматриваемого списка.

В ряде словарных статей БАС-2 и МАС-2 рассматриваемые единицы приводятся как глаголы страдательного залога от глаголов без постфикса *-ся*. Недостаточность их парадигмы отражена в словарной статье приведением только формы 3-го лица единственного числа. В.В. Виноградов, ссылаясь на А.А. Шахматова, отмечал: «Грамматическая антитеза форм 1-го и 2-го лица и формы 3-го лица подтверждается ещё и тем, что в страдательном значении возвратные формы на *-ся* употребляются только в 3-м лице единственного и множественного» [10. С. 377]. Факты современной речи позволяют говорить о случаях отступления от данного правила. Развивая переносное значение, такие глаголы способны приобретать формы 1-го и 2-го лица. Так, подобный метафорический перенос с живого на неживое активно используется в современных рекламных текстах, продающих детские игрушки, гаджеты:

(1) *Я – интерактивный питомец, произносящий звуки и фразы из мультфильма (на английском языке), активируюсь хлопком (скачу) и хвостиком, как классные интерактивные игрушки* (<https://www.detmir.ru/product/index/id/4111679/>);

(2) *Я активизируюсь по голосовой команде только внутри приложения, где я живу. Если я не отзываюсь на «Слушай, Алиса», когда открыта стартовая страница приложения, напишите моим разработчикам...* (<https://yandex.ru/alice/support/assistant/faq.html>).

Интересно употребление формы 1-го лица страдательного залога глагола *амортизироваться* в следующем контексте:

(3) *Мчу по автобану, рулю посредством электромеханического усилителя..., переключаюсь, если захочется, подрулевыми лепестками, амортизируюсь более комфортной, чем прежде, подвеской (сзади она четырехрычажная), свечу адаптивным светом, сгоняю дождь со стекла автоматическими дворниками...* (<https://klaxonnew.ru/mercedes-benz-b-klasse-kvantovuj-skachok-5492-14636/>).

Амортизировать – «смягчать действие ударов, толчков и т.п. с помощью специальных устройств, приспособлений и т.п.» [9. С. 184]. Метонимическая замена «водитель → автомобиль» позволяет использовать форму 1-го лица для описания действий, испытываемых неодушевлённым механизмом.

Окказиональное употребление формы 1-го лица страдательного залога глагола *аккумулятиваться* в значении «наполняться, заряжаться чем-либо» (ср. словарное толкование: «Собраться – собираться, накопиться – накапливаться, сосредоточиться – сосредоточиваться» [4. С. 32]) встречаем в следующем высказывании:

(4) *Чем холоднее за окном, тем теплее внутри, аккумулятируюсь эмоциями...)) А вы чем?» – подписала фото актриса...* («Марина Александрова показала портрет с детьми». <https://dzen.ru/a/YeQBxBXwfVlf7OZR>).

Если использование форм 1-го и 2-го лица глаголов страдательного залога всё же осознаётся как нечто ненормативное, используемое в качестве приёма, то употребление данных форм в значении средневозвратного залога получает в современной речи широкое распространение.

Два залоговых значения – средневозвратное и страдательное – фиксируется у ряда глаголов в словарях. Таким образом представлены, например, словарные статьи для глаголов *автоматизироваться* (первое значение – «становиться автоматическим»), *активизироваться* («становиться активным или более активным (о химических реакциях)»), *аккумулятиваться* («собираться, накапливаться, сосредоточиваться») в БАС-2, МАС-2. Из приведённых толкований видно, что действия, обозначаемые данными единицами, свойственны неодушевлённым предметам – отсюда возникает их недостаточность, отражённая в невозможности иметь формы 1-го и 2-го лица. Однако перенос значения позволяет употреблять данные формы. Так, глагол *автоматизироваться* в форме 1-го лица развивает косвенно-возвратное значение:

(5) *Масштабируюсь и автоматизируюсь. Когда я разложила перед собой свои брелки в красивых подарочных коробочках, я задумалась о выходе на маркетплейсы...* (<https://vk.com/malmariart>);

(6) *Респект за интенсив «Реклама в ВК» на 101%, это то, что я ждал очень давно. Автоматизируюсь!* (https://vk.com/topic-177413523_46526635?offset=40);

(7) *Автоматизируюсь на общих условиях. При занесении платежей не надо самому определять, в какую графу их отнести. Робот сам за меня это делает...* (<https://otzyvmarketing.ru/kontur-pulse/>).

У глагола *активироваться*, получающего в современной речевой практике широкое распространение благодаря появлению нового значения, отражающего активность пользователя или работу программного обеспечения в интернет-пространстве, в форме 1-го лица развивается собственно-возвратное значение:

(8) *Активируюсь в соц.сетях!* (<https://geniya-koi.livejournal.com/4237.html>);

(9) *Давно ничего не писал, но в целом автомобиль жив, все хорошо..., летом активируюсь опять на частые посты про машину...* (<https://www.drive2.ru/r/uaz/3962/556356183263281401/logbook/>).

Иное значение средневозвратного глагола *активироваться* описывает состояние субъекта:

(10) *Однако когда есть какой-то вызов моим способностям, активируюсь сразу же и чаще всего это дает неплохой результат* (<https://ligget-dukati.livejournal.com/707528.html>).

Похожее значение развивают формы 1-го лица глагола *аккумулироваться*. Многие примеры подобного словоупотребления встретились нам в публицистических текстах, что свидетельствует о тенденции к обретению полной парадигмы некоторыми глаголами не только в разговорной, но и в книжной речи. Значение средневозвратного залога, близкое собственно-возвратному, появляется в контекстах, когда глагол *аккумулироваться* описывает внутренние силы субъекта:

(11) *Аварии, пожары – сразу аккумулируюсь, действую по-мужски* (<https://argumenti.ru/interview/2022/02/760552>);

(12) *По-иному уже не могу: когда творю, я аккумулируюсь, концентрируюсь. В «реальную» жизнь и выходить не хочу* (<https://spb.aif.ru/archive/1795796>);

(13) *Когда я завидую, я аккумулируюсь, я начинаю использовать внутренние ресурсы* (<https://ask.fm/stupidhanz/best>).

Примечательно, что формы 1-го и 2-го лица получают в современной речи и те глаголы на *-ся*, которые фиксируются словарями только как недостаточные глаголы страдательного залога. Данные единицы развивают в контексте новые залоговые значения.

Глагол *авторизоваться* (ср.: «авторизоваться, -зуется – несов., страдат. к авторизовать» [9. С. 93]), распространившийся в интернет-узусе так же широко, как и глагол *активироваться*, приобретает собственно-возвратное значение:

(14) *Авторизуюсь в google под новой учёткой корп. домена, попадаю в личную учётку домена gmail* (<https://support.google.com>);

(15) ... у меня аналогичная ситуация. Я авторизуюсь внеся данные полиса и тд. но записаться на прием не получается высвечивается надпись о необходимости авторизации (орфография и пунктуация источника сохранена. – Е.М.) (<https://krdgp15.ru/patsientam/vopros-otvet>).

У глагола *амортизироваться* (ср.: «амортизироваться, руется, несов. страдат. к амортизировать» [9. С. 184]) может появиться побочно-возвратное значение, если он окказионально употребляется как синоним глагола *удариться*:

(16) ...*амортизируюсь об водный матрас. Это такое удивительное чувство... Другого подобного опыта у меня не было...* (<https://dzen.ru/list/questions/chto-takoe-pronto>).

Надо отметить, что употребление некоторых глаголов в значении средневозвратного залога не всегда оправдано речевой ситуацией, не позволяет сделать вывод о смысле, который имеет в виду говорящий, и представляет скорее речевую ошибку – однако сама тенденция использовать подобные формы налицо. Так, глагол *абсолютизироваться* (ср.: «абсолютизироваться, руется – несов. страдат. к абсолютизировать» [9. С. 67]) встречается в следующих контекстах, предполагая разнообразное управление:

(17) *Современная физика утверждает, что пустоты НЕТ. Абсолютизируюсь с этим постулатом* (<https://stringer-news.com/publication.mhtml?Part=48&PubID=20677>) – *абсолютизироваться* (с чем) = «солидаризироваться»?

(18) *Смотря на Урнова с Хакамадой, абсолютизируюсь в своем же тезисе: «Хороший инженер всегда сможет стать экономистом, самый хороший экономист никогда не сможет стать ... инженером»* (<https://oper.ru/news/>) – *абсолютизироваться* (в чём?) = «убеждаться»?

Разнообразно и управление глагола *акцентироваться* (ср.: «акцентироваться, руется – несов. страдат. к акцентировать» [9. С. 155]), употребляемого в форме 1-го лица в значении собственно-возвратного залога:

(19) *Но, естественно, мы хотим защитить также наши результаты от неправомерного использования, поэтому прежде всего мы акцентуемся на подготовке патентов по вакцине* (Известия. 17.09.2020) – *акцентироваться* (на чём-либо) = «сосредоточиваться»?

(20) *Очень хорошая статья с моментами на которых я сейчас акцентуруюсь* (<https://vc.ru/life>);

(21) *Активна, честна, после школы акцентуруюсь на учёбе, также могу работать в группах и поодиночке* (Резюме. <https://m.avito.ru>);

(22) *Особо **акцентируюсь** на крудо: Alice Garden позиционируется на средиземноморской кухне, помимо классических говядины и лосося, здесь подают и нежнейший гребешок на «вспененной» бургатте* (Отзыв о ресторане. <https://snob.ru>);

(23) *Мы в этом больше **акцентируемся** на регионы с программами развития молочной промышленности, животноводства, сельского хозяйства* (Комсомольская правда. 24.10.2011) – *акцентироваться* (на что) = «ориентироваться»?

Глагол *аннулировать* (ср.: «аннулировать, руетя – несов. страдат. к аннулировать» [9. С. 209]) в форме 1-го лица употребляется уже у Л. Пантелеева:

(24) *Старуха гостя уходит раньше других, идет пешком из Замоскворечья в Сокольники. Объясняет: – Мне просто необходимо движение. А то ведь я – **аннулируюсь*** (Л. Пантелеев. Из старых записных книжек. 1924–1947).

Форма собственно-возвратного залога данного глагола встречается и в современной разговорной речи:

(25) *делайте что хотите... при малейшей провокации **аннулируюсь**, жаль конечно будет но воспитание ни кто не отменял...* (Форум «Дочки-сыночки» https://izhevsk.ru/forum_light_message).

Интересно, что глагол *аннулировать* представлен как глагол с полной парадигмой уже в ТСУ [6. С. 41], современные же словари (в частности, БАС-2, МАС-2) рассматривают его как недостаточный.

Активно развивает формы 1-го и 2-го лица в современной речи и глагол *аттестоваться* (ср.: «аттестоваться, туется – несов. страдат. к аттестовать» [9. С. 307]), развивая значение собственно-возвратного залога:

(26) *Добрый день. **Аттестуюсь** на высшую категорию... Аттестацию прохожу по упрощенному порядку, т.к. есть награды* (<https://vk.com/wall>).

Таким образом, рассмотренные двувидовые возвратные заимствованные глаголы на *-оваться, -ироваться*, фиксируемые словарями в качестве недостаточных, приобретают в современной речи способность проявлять полную парадигму спряжения. Лексическое значение, несовместимое с формами 1-го и 2-го лица, изменяется вследствие активных процессов метафоризации. Оказиональное употребление получают личные формы страдательного залога. У недостаточных глаголов средневозвратного залога, а также у глаголов, определяющихся словарями только в качестве форм страдательного залога глаголов без *-ся*, в речи проявляются новые залоговые значения средневозвратного залога, реализуемого в собственно-возвратном (чаще), косвенно-возвратном вариантах.

Заимствованные в качестве терминов науки и техники, данные формы активно внедряются в речь интернет-общения, современную публицистику и в большинстве случаев теряют словарные пометы *спец.* и *книжн.*, что отражает тенденцию детерминологизации и нейтрализации научной лексики.

Список литературы

1. Русская грамматика: научные труды. В 2 т. Т. 1 / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. Репринтное издание 1980 г. М., 2005.
2. Тарланов З.К. Глаголы с неполной личной парадигмой в русском языке // Вопросы языкознания. 1979. № 1. С. 63–73.
3. МАС-2: Академический толковый словарь русского языка / Отв. ред. Л.П. Крысин. Т. 1. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.
4. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.
5. Зализняк А.А. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. М.: АСТ-ПРЕСС, 2022.
6. ТСУ: Толковый словарь русского языка: в 4 т. Т. 1 / Под ред. Д.Н. Ушакова. М.: «Советская энциклопедия; ОГИЗ; Гос. изд-во иностр. и нац. слов.», 1935.
7. Справочно-информационный портал «Грамота.ру». Электронный ресурс: <https://gramota.ru/>.
8. БАС-1: Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. Т. 1. М. – Л.: Издательство Академии наук СССР, 1950.
9. БАС-2: Большой академический словарь русского языка Т. 1 / Под ред. К.С. Горбачевича. Т. 1. М. – СПб.: Наука, 2004.
10. Виноградов В.В. Русский язык (Грамматическое учение о слове) / Под ред. Г.А. Золотовой. М.: Русский язык, 2001.

Е.М. Melnikova

Yaroslavl State Pedagogical University named after K.D. Ushinsky (Yaroslavl)

INSUFFICIENT TWO-SPECIES VERBS IN MODERN SPEECH: THE DYNAMICS OF FORMING VERB PERSONS

***Abstract.** The article examines borrowed two-type reflexive verbs in “-ovatsa”, “-irovatsa” from the point of view of the possibilities of their forming verb persons in modern speech. It is noted that, recorded in dictionaries as insufficient, these units actively form the 1st and 2nd person forms due to lexical shifts. Metaphorization processes that contribute to the development of new meanings lead to the emergence of personal forms of the passive voice. New meanings develop in insufficient middle-return verbs and in verbs defined by dictionaries only as forms of the passive voice, being realized mainly in the proper-return version of the middle-return voice. Actively used in colloquial Internet communication and in the texts of modern journalism, such forms lose their special dictionary notes *спец.* and *книжн.* – become stylistically neutral, in line with the processes of determinologization and neutralization of scientific vocabulary.*

***Keywords:** insufficient verb, bi-aspect verb, reflexive verb, passive voice, mid-reflexive voice.*

Н.Б. Мечковская

Белорусский государственный университет (Минск, Республика Беларусь)

ЛЕКСИКО-ГРАММАТИЧЕСКИЕ КАТЕГОРИИ ГЛАГОЛА В ДЕТСКОЙ РЕЧИ И ЧАСТОТНОМ СЛОВАРЕ

Аннотация. На материале 400 окказиональных глаголов, извлеченных из трех словарей окказионализмов в речи детей с родным русским языком, показана коммуникационная обусловленность трансформаций глагольного вида, однократных глаголов и залоговых значений. В образовании окказиональных видовых форм присутствует подспудное стремление ребенка использовать более регулярные модели или контекстно обусловленные варианты, а также нелюбовь к супплетивизму внутри видовой пары. В детской речи окказиональных глаголов несовершенного вида отмечено почти в четыре раза больше, чем окказионализмов совершенного вида. Данное соотношение существенно отличается от почти равного количества глаголов одного и второго вида в сопоставимых частотных диапазонах частотного словаря русского языка (2009). Переходные и непереходные глаголы в детской речи преобразуются в возвратные глаголы значительно чаще, чем происходит преобразование с противоположным вектором (возвратных глаголов в невозвратные). Количество возвратных глаголов в составе 400 детских глагольных окказионализмов в 1,6 раза превышает количество возвратных глаголов в списке 400 первых по частоте узуальных глаголов, что указывает на растущую востребованность возвратных глаголов.

Ключевые слова: окказиональные глаголы, детская речь, корпусно-частотный словарь, лексико-грамматические категории, глагольный вид, переходность, возвратность.

1. Различия в количественной иерархии грамматических классов между словарями детской речи и общими словарями литературного языка. По данным частотных словарей русского языка Л.Н. Засориной (1977) [1], О.Н. Ляшевской и С.А. Шарова (2009) [2], а также «Обратного словаря русского языка» (1974) [3], три первые части речи по числу лексем, входящих в каждую из них, образуют такую последовательность: на 1-м месте – существительные, затем – глаголы, на 3-м – прилагательные. Подсчеты слов разных грамматических классов в словаре в детской речи С.Н. Цейтлин [4] (в трех выборках по 100 слов) показали, что здесь глаголы, составляя примерно 20% словника, занимают не второе, но третье место, уступая по количеству слов существительным и прилагательным (доли которых составляют соответственно 43% и 32%). Утрата глаголом второго места объясняется тем, что словари детских окказионализмов [4–6] опирались на записи устной спонтанной речи, тяготеющей к эллиптичности, свернутости, неполноте; при этом в предложениях незамещенной чаще всего оказывается позиция именно глагола-сказуемого (подробнее см. [7]).

2. Глагольные окказионализмы с модифицированными лексико-грамматическими значениями. Своеобразие глагольных окказионализмов в детской речи состоит в том, что здесь относительно высок удельный вес неологизмов, возникших в результате преобразования лексико-грамматических значений узувальных глагольных лексем – значения вида, способа действия, залога (в его широком понимании как оппозиции переходных, непереходных и возвратных глаголов). В отличие от субстантивных окказионализмов, связанных с новыми представлениями о реальности (например, об обязательном разделении всего живого по полу и по возрасту, что приводит к многочисленным окказионализмам типа *шоферка*, *композита* ‘жена композитора’, *блехиня*, *обезьяныш*, *русалёнок* ‘детёныш русалки’), глагольные окказионализмы с модифицированными лексико-грамматическими значениями обозначают не новые **объекты** (новые действия) в окружающем мире, но выражают некоторые тонкие прагматические коннотации (модальные, субъективные, связанные с взаимоотношениями **субъекта речи и адресата**; и др.).

В четырех сплошных выборках по 100 глаголов-окказионализмов (в каждой выборке) число глагольных дериватов от неглагольных основ составило соответственно 47, 54, 22 и 36 слова, в сумме 159 окказиональных глаголов (т.е. 39,7% от совокупной выборки в 400 окказионализмов). В силу многозначности аффиксов, семантика окказионализмов часто нова не только в лексическом, но и в грамматическом отношении (ср. *разлуниться* ‘начать светить очень ярко (о луне)’, *напластилиниться* ‘наиграться с пластилином’) – *спухнуть* ‘перестать быть пухлым’: *А одуванчики спухли* [4]¹ и т.п. Однако грамматические, а иногда и словообразовательные значения, формирующие лексическое значение таких окказионализмов, не входят в оппозиции по видовому, возвратному или кумулятивному значению, поскольку отсутствует коррелятивный глагол; так, у глагола *напластилиниться* в узусе нет противопоставленных глаголов **пластилиниться* и **пластилинить*).

Остальные окказионализмы в отдельной сотне глаголов – это отглагольные дериваты с той или иной модификацией лексико-грамматической семантики мотивирующего глагола.

2.1. Окказиональные глаголы, «восстанавливающие» в детской речи видовые пары. Категория вида охватывает всю русскую глагольную лексику, однако в аспекте морфологии эта категория отнюдь не является высокорегулярной оппозицией глаголов совершенного и несовершенного вида (далее **св.** и **нсв.**). Относительная семантическая (но не формальная) регулярность оппозиции характерна для т. наз. видовых пар, в которых глаголы, составляющие пару, различаются только своими видовыми значениями, как *делать vs сделать*, *брать vs взять*). За пределами системы видовых

¹ В силу ограниченного объема статьи паспортизация примеров приводится только при цитировании детских высказываний с окказионализмами; страницы не указываются, поскольку словари алфавитные.

пар регулярность видовых противопоставлений нарушают сотни одновидовых глаголов с отчетливым значением вида, но непредсказуемым значением словообразовательным и лексическим, причем у глаголов как св. (*закричать, промолчать, проболтаться*), так и нсв. вида (*узнавать, отходить, расставаться*). В речи взрослых неузальные явления в морфологии вида относительно редки: это попытки «исправить» супплетивизм (отсюда **словил, *ложит, *поклади*), а также имперфективация двухвидовых глаголов (**использовывать*). Иная картина в детской речи: дети постоянно создают окказиональные глаголы, которые дополняют глагол (имеющийся в сознании ребенка) неологизмом, создающим видовую пару. По-видимому, ребенку важно (разумеется, безотчетно) подчеркнуть, эксплицитировать «незаконченный», длительный или, напротив, «законченный» характер действия (о котором он говорит). Чаще всего ребенок не знает или в моменте не может вспомнить узальный глагол противоположного вида. Поэтому он генерирует глагол неузальный. Ср. нсв. в.: *Я сперва боялся трамваев, а потом вык, вык и привык* [4]; *Мама, а как топором разрубивать* [4]; *Папа, не рази меня, я не хочу болеть* [5]; окказионализмы св. в.: *Меня сегодня столько раз наобижали* [4]; *Я такое дело наблюдал!* [4]; *Ученик решал-решал задачу и срушал* [4].

Окказиональные словоформы, коррелятивные по виду, часто строятся детьми по более продуктивным, более простым или семантически более эксплицитным моделям перфективации и имперфективации: *наискать* (св. к *искать*): *Ты спрячься, а я тебя наискаю* [5]; *влезывать* (‘то же, что *влезать*’), *всердиться* (то же, что ‘*рассердиться*’), *срублять* (нсв. к *срубить*). Встречается, однако, и древнейшая манифестация видовых различий – мена тематических гласных: *наблюдить* (св. к *наблюдать*), *начистать* (нсв. к *начистить*).

В рассмотренном материале (4 выборки по 100 словоформ) количество глаголов нсв. вида (57) заметно больше (в 3,8 раза) числа словоформ св. вида (15). Численный перевес форм нсв. вида (немаркированный член оппозиции) в какой-то мере ожидаем. Однако перевес слишком сильный, особенно на фоне практически паритета лемм глаголов св. и нсв. вида в частотном словаре [2]. Можно думать, что в детской речи глаголы нсв. вида более востребованы, чем в речи взрослых: по-видимому, ребенок в большей мере чувствует постепенность, длительность или незавершенность многих действий и процессов. Однако в силе и прямо противоположная подспудная речевая интенция ребенка: выразить краткость и законченность действия. Этому служат однократные глаголы (см. 2.2).

2.2. Почему в детской речи однократные глаголы более частотны, чем в речевом узусе взрослых? Однократные глаголы с суффиксами *-ну, -ану-* (*крикнуть, пугнуть и пугануть*) образуются от глаголов нсв. вида, называющих действие, которое состоит из нескольких актов (*кричать, пугать*). Глаголы с указанными суффиксами образуют самую большую группу

однократных глаголов, которые наиболее отчетливо передают значение однократности, характерное для глаголов, называющих быстрое действие, т.е. действие, по определению академической грамматики, «выполненное в один прием» [8. С. 347]. Однократные глаголы продуктивны в разговорной речи и просторечии, при этом глаголы с суффиксом *-ану-* стилистически более снижены и экспрессивны.

В детской речи, всегда устной, спонтанной и относящейся преимущественно к ситуации «здесь и сейчас», однократные глаголы органичны и разнообразны. Их употребительность позволяет считать, что данный лексико-грамматический кластер слов в детской речи является более частотным, чем у взрослых, т.е. в корпусно-частотном словаре. Ср. ряд примеров (расположенных по алфавиту выделенных полужирным шрифтом окказиональных глаголов): *Разок баловнемся, и спать!* [5]; *У меня горло как болкнуло!* [6]; *Кошка испугнулась* [4]; *Подожди, я еще разок катнусь* [4]; *Ты мне в тетрадь кляксанула* [4]; *А потом волшебник как колданул и вырос дремучий лес* [5]; *Я его тоже колотнул разок* [5]; *Он сразу же лапнул этот кусок* [4]; *Сейчас рисовну разочек!* [5]; *Может быть, я рисану?* [4]; *Я как тащну за машинку!* [5]; *Мышка хвостнула, яичко упало и разбилось* [4]; *Света, спать пора!* / – *Сейчас, только разок читну!* [4].

В составе рассмотренных 400 окказиональных глаголов имеется 45 однократных глагола с суффиксами *-ну*, *-ану-*. Между тем в частотном словаре [2] в списке глаголов, ранжированных по убыванию частот, в составе первых 400 глаголов оказалось всего 9 однократных глаголов с суффиксом *-ну*: *возникнуть* (ранг 180), *улыбнуться* (200), *исчезнуть* (242), *достигнуть* (253), *погибнуть* (260), *вздохнуть* (273), *кивнуть* (278), *крикнуть* (329), *взглянуть* (350) и ни одного глагола с суффиксом *-ану-*. Частотность остальных однократных глаголов еще ниже, что коррелирует с относительно невысокой востребованностью данного глагольного кластера в целом.

2.3. Самый многочисленный разряд детских глагольных окказионализмов: возвратные глаголы. Многочисленность возвратных окказионализмов объясняется отчасти тем, что они образуются как от именных основ, так и от основ глагольных, с использованием разнообразных аффиксов: *выждаться* ‘утомиться от ожидания’: *Я тебя ждала-ждала и вся выждалась* [4]; *броситься* ‘упасть; оказаться упавшим или брошенным’; *мячиться* ‘играть в мяч, с мячом’; *намолочиться* ‘вдоволь насытиться молоком’; *наскучаться* ‘утомиться от скуки’; *насмешишься* ‘вдоволь смеяться’; *настрашиться* ‘сделаться страшным’; *натоковаться* ‘наэлектризоваться током’; *ночеваться* ‘ночевать’; *сплохиться* ‘стать плохим’; *точиться* ‘точить когти’: *Кто там точился об диван?* [4].

Вторая причина продуктивности возвратных глаголов состоит в востребованности лексико-грамматической семантики возвратных глаголов с их широкими возможностями ослабить активность субъекта и нейтрализовать оппозицию субъекта и объекта действия. Ср. диалоги (приведенные

в двух словарях): – *Ты зачем фартук бросила? – Он сам бросился* [5]; *Носок под диван бросился*; [Упала на пол булавка]. Мама: *Где ты взял её? – Она сама бросилась вниз с полки* [6]. В приведенных примерах можно видеть намеренную детскую хитрость, однако ребенок может действительно не осознавать, кто или что является субъектом действия или по чьей воле оно происходит: *Компьютеры изобретутся в какого-нибудь робота* [6]; *Я повернусь к стенке и заснусь* [6]; *А вот и цыпленок долбится!* [6]. Таким образом, востребованность возвратных глаголов отчасти объясняется тем, что говорящих привлекает в возвратной залоговой семантике размытость границ между субъектом и объектом действия, а также возможность представить действие как стихийное.

Общая семантическая лабильность залоговых значений, в том числе значительная нейтрализация значений переходности и непереходности (*пишет письмо vs славно пишет, переводит* (Грибоедов)), в детской речи называется в многочисленности залоговых преобразований глаголов – не только переходных в возвратные, но и возвратных в переходные, а также непереходных в переходные. Ср.: *Зачем его так издевать?* [5]; *Мама, давай я тебя разулыбаю* [4]; *Зачем он меня расплакал?* [5]; *Всё задание исхитрили* [5]; *Вылезли меня из стула* [5]; и др. Однако в количественном плане эти два встречных процесса различаются почти в 10 раз: в составе рассмотренных 400 окказиональных глаголов отмечено 137 возвратных, а переходных и непереходных (трансформированных из возвратных) – 14. Что касается употребительности узуальных возвратных глаголов, то в частотном словаре [2] список первых по частоте 400 глаголов содержит 86 возвратных глаголов, что в 1,6 раз меньше, чем количество возвратных глаголов в составе 400 окказиональных глаголов детской речи. Эти сопоставления говорят о том, что в детской речи возвратные глаголы присутствуют в существенно большей мере, чем в узуальной взрослой речи, и что это неслучайно.

3. Заключение. Какой смысл сопоставлять окказионализмы детской речи и данные большого корпусно-частотного словаря? Детские окказионализмы, эти случайные слова-однодневки, собранные под одной обложкой, но увиденные в их лингвистическом разнообразии и сходствах, в повторяемости их назначений и неслучайности неузуальных черт, могут быть и симптоматичны, и прогностичны. Окказионализм – это свидетельство востребованности определенного лексического или грамматического значения. И если в детской речи окказиональных возвратных глаголов оказывается ощутимо больше, чем в первых по частоте сотнях узуальных глаголов, то, возможно, детские окказионализмы высвечивают именно то, что в массе узуальных глаголов и в еще менее обозримой синтаксической массе высказываний ускользает от грамматиста, – высвечивают тенденцию к ослаблению четкости в выражении субъектно-объектных отношений.

Список литературы

1. Засорина Л.Н. (ред.). Частотный словарь русского языка. Около 40 тысяч слов. М.: Русский язык, 1977.

2. Ляшевская О.Н., Шаров С.А. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М.: Азбуковник, 2009.
3. Обратный словарь русского языка. Около 125 000 слов / Науч. конс. А.А. Зализняк, Р.В. Бахтурина, Е.М. Сморгунова. М.: Сов. энциклопедия, 1974.
4. Цейтлин С.Н. (автор-составитель). Словарь детских словообразовательных инноваций. СПб.: Златоуст, 2006.
5. Цейтлин С.Н., Елисеева М.Б. (состав.). Говорят дети: Словарь-справочник. СПб.: Нива, 1996.
6. Харченко В.К. Словарь современного детского языка: около 10 тыс. слов: свыше 15 тыс. высказываний. М.: Астрель: АСТ: Транзиткнига, 2005.
7. Мечковская Н.Б. В каких направлениях дети преобразуют грамматическую и лексическую семантику русского глагола? // Дискурс и язык в эпоху «больших данных»: Вариативность, креативность, эксперимент. Сб. научн. статей / Отв. ред. И.В. Зыкова. М.: Институт языкознания РАН, 2023. С. 80–92.
8. Шведова Н.Ю. (ред.). Грамматика современного русского литературного языка. М.: Наука, 1970.

N.B. Mechkovskaya

Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

LEXICAL-GRAMMATICAL CATEGORIES OF VERB IN CHILDREN'S SPEECH AND FREQUENCY DICTIONARY

***Abstract.** The paper deals with 400 occasional verbs extracted from three dictionaries of occasional words in the speech of children with a native Russian language. The communication conditionality of transformations of the verbal aspect, semelfactive verbs and voice meanings is shown. In the formation of occasional forms of verbal aspect there is a latent desire of the child to use more regular models or contextually determined variants, as well as a dislike for suppletion within an aspectual pair. There are almost 4 times more imperfective occasional verbs in children's speech than perfective occasional verbs. This ratio differs significantly from the almost equal number of verbs of one and the second aspect in comparable frequency ranges of the frequency dictionary of the Russian language (2009). Transitive and intransitive verbs in children's speech are transformed into reflexive verbs much more often than transformation occurs with the opposite vector (reflexive verbs into non-reflexive ones). The number of reflexive verbs in the 400 children's occasional verbs is 1.6 times greater than the number of reflexive verbs in the list of the 400 first most frequent usual verbs, which indicates the growing demand for reflexive verbs.*

***Keywords:** occasional verbs, children's speech, corpus-frequency dictionary, lexical and grammatical categories, verb aspect, transitivity, reflexivity.*

З.И. Минеева

Петрозаводский государственный университет (Петрозаводск)

АКТИВНЫЕ ПРОЦЕССЫ В МОРФОЛОГИИ

***Аннотация.** Рассматриваются активные процессы в морфологии глагола, имени существительного и прилагательного. Используемый метод исследования – корпусный. Материалом выступают данные Национального корпуса русского языка (основной корпус). По результатам исследования делаются выводы об активности процесса выравнивания глагольной парадигмы с заполнением лакун по образцу других подсистем национального языка, об активном использовании вариантных окончаний имен существительных в аттрактивной функции, о распространении кратких форм прилагательных в интернет-коммуникации.*

***Ключевые слова:** формообразование, окказиональная форма, языковая игра.*

К числу активных процессов в морфологии глагола относится, безусловно, тренд на выравнивание парадигм и заполнение характерных для литературного языка лакун [1].

Отсутствие некоторых форм в парадигмах ряда глаголов является традиционной нормой для грамматики литературного языка, в то время как в иных подсистемах национального языка, прежде всего в просторечии и жаргоне, данные ограничения могут отсутствовать применительно к конкретным глаголам. В перечень таких глаголов входят *кушать, очутиться, оцутить, победить* и т.п.

Обращение к Национальному корпусу русского языка (НКРЯ) позволяет привлечь объективные данные о характере парадигм данных глаголов в последние годы. В частности, основной корпус приводит по поиску точных форм 371 пример в 296 текстах для формы 3-го лица множественного числа настоящего времени (*кушают*). Первый текст датируется 1761–1765 годами, а последний – 2019 годом. Ниже приводится пример последнего словоупотребления: *И ее нельзя было назвать ущербной гордостью инвалидов. Хлебали чуть ли не из одной чашки. Мыкола угощал Лазаря жареной, на сале, картошкой. Нравоучительно приговаривал: – Свинку жида не кушают! Лазарь отвечал: – Только за ушами трещит. И пейсы развеваются! Оба весело хохотали* (Александр Купер. Истопник // Дальний Восток. 2019).

Анализ синтагматики данной формы глагола показывает, что *кушают* сочетается с существительными «свинку» (в приведенном примере), «икру» (2017), «ботву» (2016), «харч» (2016), «борщ» (2015), «батарею» (2015), «овес и сено» (2014), «семечки конопляные» (2013), «суп и кашу»

(2012); см. также контекстуально восстанавливаемое *гороховый суп с рыбой на второе*» (2012), *червячков* (2012), *пускай своих* [змей. – 3.М.] *кушают* (2011). В сочетании с качественными наречиями без экспликации конкретного объекта: *плохо кушают* (2015), *кушают самостоятельно* (2014), *хорошо кушают* (о качестве еды) (2012); с другими распространителями: *по команде кушают* (2015), *из шприца кушают* (2011–2013), *как верблюды* (2 раза в тексте 2011); в общеотрицательных предложениях типа *Тут у нас не кушают* (2012); в сочетании с однородными сказуемыми типа *сидят, кушают* (2011).

Интересно, что глагол *кушать* используется в текстах НКРЯ также в переносном метафорическом значении ‘потребляют, используют’ в профессиональном обсуждении возможностей современных смартфонов и айфонов: [gaskot (?)] *Посмотрите в Статистике (в настройках), какие приложения больше всего **кушают** батарею /.../ Если нет большой необходимости – используйте 3 G вместе LTE. Я пользую внешнюю батарею Yoobao ([address]) на 12000 мА* (Ресурс телефона. 2015.04).

В «Большом универсальном словаре русского языка» В.В. Морковкина, Г.Ф. Богачевой, Н.М. Луцкой в грамматической части статьи к *кушать* представлены формы 1-го, 3-го лица единственного числа и 3-го лица множественного числа с окончаниями *-ю, -ет, -ют* (аналогично для префиксального деривата *скушать*); употребление таких форм проиллюстрировано соответствующими примерами: *Когда я кушаю, я никого не слушаю; Лошади кушают овес и сено*. В статье дается указание на то, что «в нормативной речи» форма 1-го лица не употребляется, и иллюстрации в основном содержат нормативные формы императива *кушай, скушай, кушайте, скушайте* [2]. В БТС приводятся флексии форм 1-го и 2-го лица единственного числа *-ю, -ешь* и указание на то, что «в нормативной речи» глагол 1-го лица не употребляется; делается акцент на функциональной особенности глагола – употребляться преимущественно в «формулах вежливого приглашения к еде» [3].

В четверг мы кушаем рыбов. Иллюстрацией к каким активным процессам в морфологии может служить эта фраза? Во-первых, данная фраза содержит входящую в распространение форму *кушаем*, строго запрещенную в строгой нормативной литературной речи. Во-вторых, фраза демонстрирует активное использование богатства формообразовательных морфем русского языка в ludic функциях, с целью использования формы слова, сконструированной окказионально. Аномальная форма *рыбов* используется в игровой функции и отсылает к распространенному в интернете мему с котиками; нормативная форма родительного падежа множественного числа от существительного 2-го склонения женского рода *рыба* имеет нулевую флексию: *рыб*. Использование нормативной формы исключило бы игровой эффект, аллюзию к известному интернет-тексту.

К активным процессам в области морфологии глагола относят восполнение лакун причастий будущего времени и деепричастий совершенного и несовершенного вида [4. С. 175].

Новые глаголы, как правило, характеризуются наличием полной парадигмы [5], однако а) семантические ограничения препятствуют образованию форм 1-го лица единственного числа от глаголов типа *импортозаместить*, *безличных ковиднуть*, *уханькнуть*; б) фонетические ограничения, а именно наличие финалей *-мить*, *-фить* в инфинитиве (*зумить*, *селфить*), предопределяют такое ограничение в образовании формы 1-го лица единственного числа настоящего времени, как морфонологические чередования *ф/фл*, *м/мл* типа *графить* – *графлю*. В результате формы 1-го лица единственного числа настоящего / будущего времени отсутствуют у глаголов безличных: *ковиднуло*, *уханькнуло* [5. С. 217], у глаголов, обозначающих действие многих лиц, которое несовместимо с наличием единственного одушевленного субъекта – производителя, названного новым глаголом действия: *Росгвардия импортозаместила временно покинувший Россию легендарный конструктор LEGO* [5. С. 218]. Также формы 1-го лица единственного числа настоящего / будущего времени отсутствуют у глаголов с названными финалями; НКРЯ (подкорпус «Социальные сети») фиксирует тексты с инфинитивом и формой 1-го лица множественного числа: *Еще можно селфить сдачу на переработку батареек, макулатуры и пластиковых бутылок* (вк. 23.03.2016); *Селфимся с любимым сыном))) Приучаю с пелёнок, время инстаграмма)))) Ещё одно наше развлечение, главное ему нравится))))* (Маргарита. Рита Блогер Воронеж Москва. 16.02.2017) [6].

В интернет-коммуникации активно используются имена прилагательные в краткой форме, для которой сферой распространения традиционно считается книжная речь. Выражение позитивной оценки осуществляется с помощью конструкций типа *Ты крут*, где краткая форма усиливает степень положительной оценки, ее категоризации. В основном корпусе НКРЯ зафиксировано 6 примеров 2000–2013 годов: [*Mighty Eagle (муж)*] *Мне этот очень понравился #: D [! Ну ты крут! По поводу обзоров – да, теперь постараюсь делать на постоянке* (Форум: Обновилась Angry Birds – Red’s Mighty Feathers. Атака Поросят начинается! 2013).

Таким образом, активные процессы наблюдаются на уровне морфологии, затрагивая именные части речи и глагол; наиболее стабильный уровень языковой системы отражает закономерные явления, присущие русскому языку.

Список литературы

1. Минеева З.И. Словоизменение глагола: Учеб. пособие. Петрозаводск: Изд-во ПетрГУ, 2023.

2. Большой универсальный словарь русского языка / В.В. Морковкин, Г.Ф. Богачева, Н.М. Луцкая. М.: Эксмо, 2006. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-universalnyj-slovar-russkogo-yazyka#>.

3. БТС: Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2014. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar>.

4. Активные процессы в русском языке новейшего периода: Учеб. пособие / Под ред. Т.Б. Радбиля. М.: Флинта, 2022.

5. Минеева З.И. Новые глаголы коронавирусной эпохи в словообразовательной динамике морфологических классов // Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского. 2022. № 6. С. 214–222.

6. Национальный корпус русского языка. // Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru>.

Z.I. Mineeva

Petrozavodsk State University (Petrozavodsk)

ACTIVE PROCESSES IN MORPHOLOGY

Abstract. *Active processes in the morphology of the verb, noun and adjective are considered. The research method used is corpus. The material is data from the National Corpus of the Russian Language (main corpus). Based on the results of the study, conclusions are drawn about the activity of the process of aligning the verb paradigm with filling in gaps following the model of other subsystems of the National Language, about the active use of variant endings of nouns in the attractive function, and about the spread of short forms of adjectives in Internet communications.*

Keywords: *form formation, occasional form, language game.*

Е.А. Мишина

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

ФОРМИРОВАНИЕ КАТЕГОРИИ ВИДА У ПРОСТЫХ БЕСПРИСТАВОЧНЫХ ГЛАГОЛОВ В ИСТОРИИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Аннотация. Статья посвящена анализу особенностей формирования категории глагольного вида у простых бесприставочных глаголов на протяжении исторического периода, начиная с древнейшего. Долгое время считалось, что простые глаголы в древнерусский период не были охарактеризованы по виду и не участвовали в видовом противопоставлении. Однако детальное исследование функционирования простых глаголов с точки зрения аспектуальной семантики показало, что в древнейший период этот класс был уже неоднороден: можно выделить несколько подгрупп, демонстрирующих разную степень близости к одному или другому виду, а аспектуальное поведение некоторых глаголов уже в древнейший период практически не отличается от их употребления в современном русском языке. Проведенный анализ показал, что в действительности не более трети глаголов этого класса могли абсолютно свободно употребляться в контекстах как совершенного, так и несовершенного видов, в то время как остальные глаголы демонстрируют преимущественное употребление в контекстах, типичных только для одного из видов.

Ключевые слова: простые бесприставочные глаголы, категория глагольного вида, древнерусский язык, старорусский период, история русского языка.

В древнерусском языке простые глаголы (не имеющие морфологических показателей вида: приставки или суффикса вторичной имперфективации) довольно долго рассматривались как амбивалентные по отношению к аспектуальному значению, способные выступать в контекстах, типичных как для совершенного, так и несовершенного видов [1. С. 224–229; 2. С. 274; 3. С. 45–46 и др.]. Данное обстоятельство, как правило, рассматривалось в качестве одного из основных доказательств неразвитости категории вида в древнерусском языке. Однако, как показали недавние исследования, класс простых глаголов был неоднороден уже в древнейший период: часть простых глаголов в своем употреблении демонстрирует очевидное предпочтение одному из видов. Такие данные были получены как для древнерусского [4], так и старославянского [5–7] языков. С точки зрения аспектуальной семантики в древнерусском языке можно выделить несколько подгрупп простых глаголов в зависимости от того, как далеко они располагаются от двух полюсов: совершенного и несовершенного видов. О критериях определения видового значения глагола в диахронии см. [3; 4; 9].

Исследование аспектуального поведения простых глаголов в диахронической перспективе, проведенное на материале исторических корпусов Национального корпуса русского языка [8], позволило более детально изучить аспектуальную семантику на протяжении исторических периодов (прежде всего древнерусского и старорусского). Была проанализирована выборка из 100 наиболее частотных простых глаголов. Полученные данные позволили сделать вывод о том, что уже в древнерусский период класс простых глаголов, свободно употреблявшихся в контекстах как совершенного, так и несовершенного вида, составлял только треть от всех простых глаголов. При этом внутри этого класса только около 12% были полностью амбивалентны, остальные же глаголы в своем употреблении тяготеют к одному из видов. Полученные данные заставляют пересмотреть общепринятую традиционную точку зрения, согласно которой большинство простых глаголов в древнерусский период не были втянуты в видовое противопоставление. Проведенное исследование этого не подтверждает.

Среди факторов, оказывавших влияние на то, к какому аспектуальному полюсу (совершенный вид vs несовершенный вид) сдвигался в своем употреблении простой глагол, значительную роль играли лексическая семантика глагола, а также предельность. Так, например, в древнерусский период в центральную подгруппу глаголов, амбивалентных в отношении видовой семантики, попали практически все глаголы направленного движения (*ити, вести, нести, плыти* и др.); в группу глаголов совершенного вида – предельные события (*дати, лечи, лишиши*); а в группу глаголов, демонстрирующих преимущественное тяготение к семантике несовершенного вида, входят глаголы, обозначающие состояния (*любити, тьрпѣти*), неопредельные процессы и деятельности (*рыдати, жити, славити*), а также глаголы ненаправленного движения (*ходити, носити, плавати*). Очевидно и то, что заметный сдвиг в сторону одного из видов часто коррелирует с наличием или отсутствием производных глаголов и их употребительностью в языке: рост частотности приставочных производных обычно сопровождается движением простых глаголов в сторону несовершенного вида (*гъхати – погъхати*), тогда как наличие беспрефиксальных суффиксальных производных соотносится с движением в сторону совершенного вида (*дати – даяти*).

Показательно, что уже в древнерусский период количество простых глаголов, демонстрирующих в своем употреблении сдвиг в сторону несовершенного вида, значительно превышает количество простых глаголов, демонстрирующих сдвиг в сторону совершенного вида: имперфективный кластер составляет около половины проанализированной выборки, в то время как перфективный кластер – лишь пятую часть. Такое положение дел в древнерусском языке хорошо коррелирует с современным русским языком, где большинство простых глаголов являются глаголами несовершенного вида. Как показало недавнее исследование, та же тенденция сохраняется

и в современном русском языке. Многие двувидовые глаголы (заимствованные из других языков) постепенно втягиваются в видовое противопоставление, причем чаще всего происходит переход в класс глаголов несовершенного вида [10].

Важно подчеркнуть, что небольшой класс простых глаголов совершенного вида (существующий до сих пор во всех современных славянских языках [11. С. 146–154]) сформировался почти полностью очень рано. За редким исключением практически все простые глаголы совершенного вида уже в древнерусский период образовывали видовые пары с бесприставочными суффиксальными производными (*даты* – *датыти*). Однако уже в древнерусский период этот класс можно охарактеризовать как непродуктивный. С течением времени в русском языке перфективная группа практически не пополнялась, а, наоборот, сократилась почти вдвое: многие простые глаголы совершенного вида (*ключити(ся)*, *скочити*, *слъптити*, *стрълити*, *свободити* и др.) были вытеснены из употребления приставочными производными.

Напротив, более объемный класс простых глаголов несовершенного вида продолжал пополняться и формироваться в течение довольно длительного периода. В древнерусский период группа простых глаголов, тяготеющих к несовершенному виду, в отличие от перфективного кластера, демонстрирует гораздо большую неоднородность в отношении аспектуального поведения и степени близости к аспектуальному полюсу несовершенного вида. На протяжении исторического периода глаголы имперфективного кластера, а также подавляющее большинство глаголов из нейтральной аспектуальной группы постепенно сдвигались все больше и больше в сторону имперфективного полюса и в современном русском языке они уже выступают как глаголы несовершенного вида. При этом чем большую свободу в отношении аспектуальных значений простой глагол имел в древнерусский период, тем дольше он сохранял свою амбивалентность (например, *гъхати*), но постепенно и такие глаголы примкнули к классу глаголов несовершенного вида. Показательно, что те немногие простые глаголы, которые остаются двувидовыми в современном русском языке (*крестить*, *бежать* (из тюрьмы), *обещать* и некоторые др.), в древнерусский период были далеки от аспектуального полюса несовершенного вида и, наоборот, чаще употреблялись в контекстах, типичных для совершенного вида.

Сравнение древнерусского и старорусского периодов показывает, что в целом между ними нет большой разницы в отношении аспектуального статуса простых глаголов: большинство простых глаголов в старорусский период демонстрируют такое же аспектуальное поведение, как и в древнерусский период. Тем не менее ряд изменений произошел. Так, например, в старорусский период сократилась употребительность части

простых глаголов из перфективной группы по сравнению с их префиксальными производными. Некоторые простые глаголы из центральной (амбивалентной группы) в своем функционировании заметно сдвинулись в сторону несовершенного вида, а некоторые (это единичные пограничные случаи), напротив, в сторону совершенного. Полученные результаты свидетельствуют о том, что уже в древнерусский период значение совершенного вида было тесно связано с префиксацией, а позднее, в старорусский период, эта тенденция продолжала усиливаться.

Список литературы

1. Кузнецов П.С. К вопросу о генезисе видо-временных отношений древнерусского языка // Труды Института языкознания АН СССР. Вып. 2. М.: Изд-во АН СССР, 1953. С. 220–253.
2. Силина В.Б. История категории глагольного вида // Историческая грамматика русского языка. Морфология: глагол. М.: Наука, 1982. С. 158–279.
3. Кукушкина О.В., Шевелева М.Н. О формировании современной категории глагольного вида // Вестник Московского университета. Сер. 9: Филология. 1991. № 6. С. 38–49.
4. Мишина Е.А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке // Русский язык в научном освещении. 2018. № 1 (35). С. 161–182.
5. Eckhoff H.M., Janda L. A. Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic // Transactions of the Philological Society. 2014. № 112 (2). P. 231–258.
6. Eckhoff H.M., Dag T.T.H. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic // Diachronica. 2015. № 32 (2). P. 186–230.
7. Kamphuis J. Verbal Aspect in Old Church Slavonic: A Corpus-Based Approach Studies (Studies in Slavic and General Linguistics 45). Leiden – Boston: Brill, 2020.
8. Древнерусский подкорпус, подкорпус берестяных грамот, старорусский подкорпус. Электронный ресурс: <http://ruscorpora.ru>.
9. Mishina E.A. The Annotation of Verbal Aspect in Diachrony: Parameters, Algorithms and Problems // Scripta & e-scripta. 2021. Vol. 21. P. 125–140.
10. Piperski A. The grammatical profiles of Russian biaspectual verbs // Quantitative Approaches to the Russian Language. Chapter 6. London – New York: Routledge, 2018.
11. Аркадьев П.М. Ареальная типология префиксального перфектива (на материале языков Европы и Кавказа). М.: Языки славянской культуры, 2015.

E.A. Mishina

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

**THE DEVELOPMENT OF THE ASPECT OF SIMPLEX VERBS
IN THE HISTORY OF RUSSIAN LANGUAGE**

***Abstract.** The article presents a study of the aspectual semantics of simplex (neither prefixed nor suffix-derived) verbs in the history of Russian language, starting from the Old Russian period. Traditionally and for a long time, these verbs have been considered as aspectually neutral in Old Russian. However, a detailed study of the functioning of simplexes have showed that this class was heterogeneous already in the Old Russian period: several subgroups can be distinguished, demonstrating a different degree of proximity to one or another aspect pole, the aspectual behavior of some verbs already in the ancient period does not differ much from their use in Modern Russian. An analysis conducted on a sample of 100 verbs showed that, in fact, no more than a third of the verbs of this class could be used absolutely freely in contexts of both perfective and imperfective aspect.*

***Keywords:** simplex verbs, verbal aspect, Old Russian, Middle Russian, the history of Russian Language.*

З. Недомова

Оставский университет (Острада, Чешская Республика)

СОБИРАТЕЛЬНЫЕ ЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Настоящая статья посвящена сравнительному анализу собирательных числительных в русском и чешском языках. В основу работы положены выводы В.В. Виноградова о движении грамматических фактов и их переходе к разным грамматическим категориям. На первоначальном этапе анализа был сделан краткий обзор особенностей имени числительного как части речи и его различных классификаций в русском и чешском языках. Затем было уделено внимание лексико-грамматическому разряду собирательных числительных, особенностям их семантики и «избирательной» сочетаемости с различными существительными в обоих языках. В заключении работы представлены результаты анализа, проделанного автором, и его выводы на тему морфологических и семантических особенностей чешских и русских собирательных числительных.

Ключевые слова: числительные, собирательные числительные, сочетаемость, сопоставительный анализ, русский язык, чешский язык.

Общеизвестно, что в истории языкознания применялись и продолжают применяться различные подходы к исследованию специфики имен числительных как части речи и, как следствие, представлены несовпадающие точки зрения об их лексико-грамматическом статусе. Сложившуюся ситуацию можно считать закономерным результатом отсутствия единого принципа систематизации и классификации слов с точки зрения их принадлежности к конкретной части речи. Тот факт, что у лингвистов нет единого мнения об именах числительных как объекте исследования, их месте в грамматической системе русского (чешского) языка, в результате чего отдельные разряды числительных или их отдельные формы могут быть отнесены к различным частям речи, объясняется тем, что ученые не всегда уделяли внимание мнению В.В. Виноградова, утверждавшего, что «грамматические факты двигаются и переходят из одной категории в другую, нередко разными сторонами своими примыкая к разным категориям» [1. С. 44].

Представим краткий обзор избранных современных исследований числительных в русском и чешском языкознании. Авторы «Краткой русской грамматики» считают, что слова данной части речи «традиционно употребляются для наименования всех слов с количественно-числовым и счетно-порядковым значениями» [2. С. 245]. В качестве лексического разряда числительные представляют собой замкнутые, непополняющиеся ряды слов. Возможна двойная классификация числительных: 1) по семантическому признаку числительные делятся на слова а) с количественно-числовым значением (*один, два, три, оба, обе, шестеро, тысяча, много,*

несколько); б) со счетно-порядковым значением (*первый, второй, сотый*); 2) по признаку принадлежности к частям речи числительные имеют различные грамматические характеристики и не составляют целостного грамматического класса.

В «Грамматике современного чешского языка» содержится информация о том, что «слова, отнесенные к части речи числительных, служат для выражения количества» (перевод наш. – З.Н.) [3. S. 223]. В чешском языке, в отличие от остальных частей речи, принадлежность к числительным, за некоторым исключением, определяется не по специальным формальным признакам (например специфическим способам склонения), а по значению, указывающему на квантитативность. Их семантика и функция (и образованные от них формы) сближают их с а) прилагательными (*první liga*); б) местоимениями (*dvě dcery, jednu boty*); в) наречиями (*tříkrát měř*). По этой причине можно сомневаться в самостоятельности данной части речи. Наряду с выделением числительных в самостоятельную часть речи можно рассматривать эти слова в рамках других частей речи, к которым они могут быть отнесены по формальным критериям. Некоторые способы выражения квантитативности как их семантической особенности сближают слова данной части речи с существительными (*jednička, pětice*), прилагательными (*tisícový, milionový*) и глаголами (*zdvojit*) [3. S. 223].

Д.В. Сичинава утверждает, что числительные традиционно делятся по семантическим признакам на количественные (*пять*), порядковые (*пятый*), собирательные (*пятеро*) и местоименные (*несколько*); по морфологосинтаксическим – на собственно числительные (*пять, пятеро, несколько*) и числительные-прилагательные (*пятый, один*) [4. С. 223].

Собирательные числительные имеют значение определенного количества предметов в их совокупности как одно целое [5. С. 416]. Они представляют собой ближайшую к центру периферию: обозначают не отвлеченное число, а совокупное количество реально дискретных объектов, причем далеко не любых объектов, что проявляется в их избирательной сочетаемости с существительными [4. С. 159]. В дальнейшей части нашей статьи постараемся уделить более пристальное внимание данной их особенности.

Будучи периферийным лексико-грамматическим разрядом числительных в русском языке, собирательные числительные представляют собой количественно закрытый класс слов (*двое, трое... десятеро*) и обычно обозначают совокупное количество живых объектов [6. С. 163]: *трое парней, четверо детей, пятеро котят, трое учащихся*). В чешском же языке собирательные числительные не сочетаются с существительными со значением лица: вместо собирательных числительных используются количественные (*tři chlapi, čtyři děti, pět kořat, tři studující*). А прямые соответствия русских собирательных числительных имеют место лишь в устойчивых словосочетаниях (*čtvero ročních dob, devatero řemesel, devatero druhů slov*).

Кроме того, собирательные числительные в русском языке сочетаются и с неодушевленными существительными *pluralia tantum*, с существительными, обозначающими парные предметы (*трое брюк, четверо колготок; двое носков* (= две пары н.), *трое перчаток* (= три пары п.) и т.п.). В чешском языке в аналогичных ситуациях используются т. наз. числительные совокупности (*souborové číslovky*), подобного характера (*troje kalhoty, čtyřery punčocháče; dvoje ponožky, troje rukavice*). Данная разновидность чешских числительных [7] выражает количество комплектов (как правило, общепринятых, т.е. пар, связок, коробок, наборов и др.), обозначаемых существительным. Числительные совокупности включают в себя числительные определенные (*jedny [boty], dvoje..., dvanáctery...*), числительные неопределенные (*několikery, tolikery, kolikery*) и числительное «полноты счета» (*úplnostní číslovka: oboje*). Данные чешские числительные чаще всего употребляются в форме множественного числа с существительными, обозначающими наборы, с которыми числительное согласуется в числе и роде (*jedny reprobedny, jedna očíčka, dvoje ponožky, čtyřery zápalky*). Форма единственного числа используется только в сочетании с существительными, обозначающими совокупность в форме единственного числа. У таких существительных нет множественного числа, и поштучно их не считают (*dvoje řízení, troje teplé prádlo*). В сочетании с существительными *pluralia tantum* этот вид числительных приобретает значение *количественных числительных*, выражающих простое количество: *dvoje boty* [= dva páry bot]; *troje kalhoty* [= tři kusy kalhot].

Русский язык, в отличие от чешского, не допускает сочетаний собирательных числительных с существительными, обозначающими определенные наборы предметов. Этот «недостаток» языка компенсируется посредством описательных конструкций с количественными числительными (*одна пара колонок, одна пара глазков, две пары носков; четыре коробки спичек; два вида управления, три пары теплого белья; две пары обуви, три пары штанов*). В русском языке нет числительных, аналогичных чешским числительным «полноты счета» *obojе* (*obojе klíče, obojе nůžky*). Это значение передается при помощи описательных конструкций (без числительных) с местоимениями (*те и другие ключи, те и другие ножницы*).

Русские собирательные числительные могут также субстантивироваться (*ранено двое; трое за предложение, двое – против*). В чешском же языке в подобном контексте употребляются количественные числительные (*dva byli zraněni; tři byli pro, dva proti*).

Специфическим явлением чешского языка в области собирательных числительных можно считать т. наз. собирательно-видовые числительные (*druhové číslovky*), передающие значение множества сортов и разновидностей определяемого предмета, обозначенного существительным (*dvojí látka, trojí výklad, dvojí kleště*). Они употребляются в сочетании с исчисляемыми существительными (*dvojí lahve – skleněné, plastové*), включая *pluralia*

tantum (*trojí dveře – dubové, bukové, smrkové*), а также с неисчисляемыми существительными: а) вещественными (*dvojí mouka – pšeničná, žitná; trojí víno – červené, růžové, bílé*); б) абстрактными (*dvojí víra – citová, rozumová*); в) собирательными (*trojí uhlí – koks, hnědé, černé*). Помимо определенных (типа *dvojí, trojí, dvacaterý*), эти чешские числительные включают неопределенные числительные (*několikerý způsob; tolikeré zboží; kolikeré víno?*) и числительное «полноты счета» (*obojí hrozny – červené i bílé*).

В русском языке собирательные числительные не содержат указания на наличие множества сортов и разновидностей определяемого предмета. Данную семантику передают разного рода описательные конструкции (с количественными числительными, прилагательными и существительными *разновидность, тип, вид*): *две разновидности ткани – ткань двух видов; тройное толкование; два вида щипцов – щипцы двух типов*. В случае с исчисляемыми предметами и с существительными *pluralia tantum* значение множества сортов и разновидностей передается с помощью сочетаний с количественными числительными и существительными *разновидность, тип, вид*: *два вида бутылок – стеклянная, пластиковая; три вида двери – дубовая, буковая, еловая*. Такой же способ выражения в русском языке (с помощью количественных числительных) связан и с неисчисляемыми существительными: а) вещественными (*двух видов мука – пшеничная, ржаная; трех типов вино – белое, красное, розовое*); б) абстрактными (*двух видов вера – эмоциональная, рациональная*); в) собирательными (*трех видов уголь – кокс, бурый, каменный*). Для неопределенного количества видов употребляются конструкции с неопределенно-личными числительными (*несколько способов; столько видов/сортов товар; скольких сортов вино? сколько сортов вина?*) и для полноты счета (*обоих сортов виноград – красный и белый*).

По мнению ученых-богемистов, у существительных *pluralia tantum* в современном чешском языке в связи с обозначением совокупности и собирательно-видовых отношений (типа *dvoje boty = две пары обуви, dvojí obuv = две разные пары обуви*) данные семантические различия числительных постепенно стираются [3. С. 234].

Проведенный нами сравнительный анализ собирательных числительных в русском и чешском языках позволил сделать вывод о том, что в рамках категории собирательности русский язык располагает в сравнении с чешским языком менее богатым арсеналом средств. Вследствие «избирательной» сочетаемости собирательных числительных русскому языку присущ, скорее, аналитический способ выражения данной семантики с помощью описательных конструкций с количественными числительными и существительными, обозначающими определенные наборы, комплекты (типа *пара, связка, коробка*) или разновидности предметов (типа *вид, разновидность, сорт, тип*). В чешском языке эти семантические оттенки выражаются в большинстве случаев синтетически с помощью «специальных»

лексико-грамматических разрядов числительных (числительных совокупности и собирательно-видовых числительных).

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове. М., Ленинград: Учпедгиз, 1947.
2. КРГ: Краткая русская грамматика / Под ред. Н.Ю. Шведовой и В.В. Лопатина. М.: Рус. яз., 1989.
3. MSČ: Mluvnice současné češtiny / V. Cvrček (za kol. autorů). Praha: Karolinum, 2010.
4. Сичинава Д.В. Числительные / Материалы к корпусной грамматике русского языка. Вып. III. Части речи и лексико-грамматические классы / Отв. ред. В.А. Плунгян, Н.М. Стойнова. СПб.: Нестор-История, 2018.
5. Современный русский литературный язык / Под ред. ак. РАО В.Г. Костомарова и проф. В.И. Максимова. М.: Гардарики, 2003.
6. Панова Г.И. Морфология русского языка: Энциклопедический словарь-справочник. М.: КомКнига, 2010.
7. Osolobě K. Souborová číslovka. Druhá číslovka. Электронный ресурс: <https://www.czechency.org/slovník/SOUBOROVACISLOVKA>; <https://www.czechency.org/slovník/DRUHOVACISLOVKA>.

Z. Nedomová

University of Ostrava (Ostrava, Czech Republic)

COLLECTIVE NUMERALS IN RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES

***Abstract.** This article is devoted to a comparative analysis of collective numerals in the Russian and Czech languages. The work is based on the conclusions of V.V. Vinogradov about the movement of grammatical facts and their transition to different grammatical categories. At the initial stage of the analysis, a brief overview of the features of the numeral as a part of speech and its various classifications in the Russian and Czech languages was made. Then attention was paid to the lexico-grammatical category of collective numerals, the peculiarities of their semantics and “selective” compatibility with various nouns in both languages. In conclusion, the work presents the results of the analysis carried out by the author and his conclusions on the topic of morphological and semantic features of Czech and Russian collective numerals.*

***Keywords:** numerals, collective numerals, combinability, comparative analysis, Russian language, Czech language.*

Н.А. Николина¹, З.Ю. Петрова², Н.А. Фатеева³

¹ Московский педагогический государственный университет (Москва),
^{2,3} Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

КОНСТРУКЦИИ С ТВОРИТЕЛЬНЫМ СРАВНЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ ПРОЗЕ

Аннотация. Рассматривается функционирование форм творительного сравнения – одного из грамматических вариантов компаративных конструкций – в текстах современной русской прозы. Творительный сравнения отграничивается от творительного предикативного. В работе выделяются семантические группы субстантивов, выступающих в качестве образов сравнения, анализируются типы предикатов, сочетающихся с творительным сравнения. Показано, что в художественной речи круг таких предикатов шире, чем в обыденной речи. Делается вывод, что в современных прозаических текстах возможны конструкции с творительным сравнения, характеризующие не только наблюдаемые, но и ненаблюдаемые ситуации. Отмечается, что конструкции с творительным сравнения часто усложняются в современных прозаических текстах: они включают дополнительные образные средства с семантикой уподобления. Грамматические формы творительного сравнения регулярно сочетаются в современной прозе с атрибутивными распространителями.

Ключевые слова: творительный сравнения, современная проза, компаративная конструкция, типы предикатов, образ сравнения, предмет сравнения, распространитель.

Работа выполнена при финансовой поддержке РНФ, проект № 23-28-00060 «Динамика компаративных конструкций и типы их взаимодействия в современной русской прозе».

Семантика творительного падежа, его полисемантичность и неоднозначность неоднократно привлекали внимание исследователей – начиная с работ А.А. Потебни [1], Р. Якобсона [2]. Значения творительного падежа рассматривались в работах М.В. Панова [3], А.А. Зализняк [4], Е.В. Рахилиной [5]. Анализировались также формы творительного падежа и их семантика в художественной речи, в том числе в современной (см., например, [6]). «Конструкция с творительным падежом в русском языке является мощным средством создания неоднозначности, обеспечивающим открытость поэтического текста» [4. С. 364]. Особо значимо для художественной речи использование одного из значений творительного падежа – творительного сравнения. Формы творительного сравнения являются одним из грамматических вариантов компаративных конструкций.

Однако функционирование конструкций с творительным сравнения в современных поэтических и прозаических текстах недостаточно изучено.

Цель нашей работы – рассмотреть употребление форм творительного падежа с семантикой сравнения и их сочетаемость в современной прозе. Материалом исследования служат произведения Е. Водолазкина, Ю. Буйды, Е. Манойло, О. Славниковой, М. Степновой, А. Иличевского, Д. Рубиной, Г. Яхиной и др. Привлекались также контексты, извлеченные из Национального корпуса русского языка [7].

Творительный сравнения необходимо отграничивать от творительного предикативного в тех случаях, когда он реализует образное значение. См., например, (1) *Страсть к побегу была нашим топливом* (А. Иличевский. Перс), (2) *она забыла, что была умная, а стала какой-то хищной росянкой, жаждущей поглощения* (Г. Щербакова. Восхождение на холм царя Соломона с коляской и велосипедом). В этом случае творительный предикативный регулярно сочетается с глаголами-связками *быть, являться, стать (становиться), оказаться, оставаться, служить, получить* и др., которые формируют метафорическую конструкцию идентификации. Особого внимания требуют глаголы *казаться, чудиться* с семантикой ‘представляться в воображении’, которые также сочетаются с творительным предикативным, но в этом случае усиливается «модус фиктивности» (В.Н. Телия): (3) *Временами дед казался Арсению курицей, несущей золотые яйца, их надо было только успевать собирать* (Е. Водолазкин. Лавр), (4) *волшебная линза Кавказа мне чудилась веским хрусталем* (А. Иличевский. Ай-Петри).

Существительные, использующиеся в конструкциях с творительным сравнения в современной русской художественной речи, представлены несколькими семантическими классами. Особенно часто в этой роли выступают:

1. Названия животных, которые дают возможность реализовать разные признаки, обозначаемые предикатами, например: (5) *И тут скользкой змеей вползла в голову мысль <...>* (А. Маринина. Последний рассвет), (6) *коротеньким удавом разворачивалась и сворачивалась гармоника* (Д. Рубина. Медная шкатулка), (7) *Понурой коровой протрусил мимо камень Палатка* (А. Иванов. Золото бунта).

2. Названия растений, например: (8) *Холодное солнце висит апельсином в хмуром небе, золотит серые облака* (И. Левитас. На горах бальзамических), (9) *Посреди площади красным тюльпаном полыхал костер – горели три карагача* (Г. Яхина. Дети мои).

3. Наименования предметов, например: (10) *Рыба <...> висела серебряными ложками в бурой веревочной путанице* (А. Иличевский. Анархисты), (11) *Море уже сияло впереди огромной зеленой линзой* (А. Волос. Победитель).

Ряд конструкций с творительным сравнения (*лежать пластом, стоять столбом, лететь пулей, виться ужом, вертеться белкой в колесе,*

разливаться соловьем и др.) носит устойчивый характер и традиционно используется в русской прозе разных периодов. Встречаются они и в современной прозе: (12) *Вардан лежал пластом на диване, глаза закрыты* (А. Маринина. Ангелы на льду не выживают), (13) *Как-то раз или мы по пляжу, мама, я и приезжий какой-то, который перед ней соловьем разливался* (М. Рыбакова. Черновик человека), (14) *Все, кто до скончания дней обречен вертеться белкой в колесе, в вертящемся барабане непрерывного выживания* <...> (С. Самсонов. Аномалия Камлаева).

В то же время в современных прозаических текстах наблюдается частичное обновление устойчивых конструкций, в частности за счет распространения творительного сравнения определением или включения конкретизирующего сравнения, см., например: (15) *собаки его знали и гоняли, а он их боялся и неустанной пулей летел прочь* (А. Иличевский. Анархисты), (16) *Песочные смерчи* <...> *отплясывают, крутятся юлой, как суфий* (А. Иличевский. Чертеж Ньютона).

Предикаты, сочетающиеся с творительным сравнением, в современных прозаических текстах разнообразны. При этом доминируют два класса предикатов: предикаты, обозначающие положение в пространстве, и предикаты движения. Первые встречаются «в стативной ситуации», вторые – «в динамической ситуации, когда описывается особый характер движения» [5. С. 84], ср.: (17) *Много идиотских предположений выслушал Леон, сидя мешком у стены, свесив голову и пряча лицо* (Д. Рубина. Русская канарейка. Блудный сын) – (18) *Он пробрался собакой, по-пластунски* (К. Качур. Ген Рафаила). «В обоих случаях речь идет о **наблюдаемых** событиях и об их видимых <...> особенностях» [5. С. 85].

В художественной речи круг предикатов, сочетающихся с творительным сравнением, значительно шире, чем в быденной речи. Во-первых, употребляется множество предикатов другой семантики, обозначающих наблюдаемые события: (19) *процветающее воздушным кустом невесомое, одной странностью несомое облачко* (В. Володин. Неусопшее кладбище), (20) *кулон, утром надетый на блузку, оказывался прямо на теле, там, где анютиными глазками расцветали оставленные чьими-то губами лиловые и желтые синяки* (О. Славникова. Стрекоза, увеличенная до размеров собаки). Надо отметить, что выбор предиката в художественных текстах нередко обусловлен семантикой субстантива – образа сравнения.

Наряду с собственно наблюдаемыми зрительно ситуациями предикаты в конструкции с творительным сравнением могут передавать и слуховое восприятие: (21) *Пересохшая земля жаждала отдыха и бубном звенела под копытами моей бойкой лошадки* (В. Скрипкин. Тинга).

Во-вторых, в современных прозаических текстах регулярно встречаются конструкции с творительным сравнением, которые обозначают ненаблюдаемые ситуации (чаще внутренние состояния – эмоциональные и ментальные): (22) *С тех пор голова его то звенела внезапным страшным*

трамваем, то глохла (А. Иличевский. Матисс), (23) *и при этой мысли, пронзившей меня ледяной иглой, стало и хорошо, и пьяно, и бессмертно...* (Ю Буйда. Стален), (24) *Душевная боль облекла его зрение сильной линзой* (А. Иличевский. Матисс).

Предикат в конструкции с творительным сравнения может соотноситься:

– с предметом сравнения (в этом случае он употребляется в прямом значении): (25) *с выводками барсуков, снующих по кромке воды белочерными звеньями Морзе* (А. Иличевский. Ай-Петри), (26) *Эти каштаны висели на ветках зелеными ежиками, иногда желтели* (Е. Водолазкин. Брисбен);

– с образом сравнения: (27) *Начальники тянутся в приемную, скрываются в его кабинете. <...> Минут через десять они вытекают обратно – струятся жиденьким ручейком* (Е. Чиждова. Терракотовая старуха), (28) *Веселой яичницей вдоль шоссе растекались поля, засаженные рапсом* (Д. Рубина. Медная шкатулка);

– и с предметом, и с образом сравнения: (29) *Крылов <...> жил оставшийся день с тяжелой головой, топором валившейся на грудь* (О. Славникова. 2017), (30) *Расстроенная Нина Александровна потихоньку прошла в магазин. Девчачий отдел оказался отгорожен веревкой, на которой флагами болтались грубые куски бумаги* (О. Славникова. Бессмертный) (ср. типы конструкций, выделенные А.А. Зализняк [4. С. 351–352]).

В современной прозе встречаются и беспредикатные конструкции с творительным сравнения: (31) *Тягин посадил его на табурет и ушёл в комнату, так и не разглядев толком покупателя, успев лишь отметить маленькие блестящие глаза, тонкие губы и тяжелый нос сливой* (С. Шикера. Египетское метро). Такие конструкции характерны для контекстов, содержащих описание внешности.

Формы творительного сравнения в современных прозаических текстах часто имеют при себе распространители, преимущественно согласованные определения. Они или обозначают видовые понятия: (32) *<...> пресная вода, разлившись поверх серы, в одну ночь замерзнет гладким, по выделке почти венецианским зеркалом* (В. Шаров. Возвращение в Египет), или конкретизируют образ сравнения (при этом чаще используются прилагательные с семантикой цвета и размера): (33) *Небо огромной серой ватой провисло меж острых вершин елей* (Г. Яхина. Зулехя открывает глаза), или трансформируют его: (34) *ладьи, что брюхатыми вдовами валяются, брошены, кверху пузами возле бань* (Саша Соколов. Между собакой и волком).

Образный потенциал конструкции с творительным сравнения может расширяться в следующих случаях: 1) образ сравнения дополняется в контексте еще одним уподоблением, в частности, представляет собой генитивную метафору: (35) *На панели проснувшаяся кошка прогибается струной*

моста от самых коготков... (А. Иличевский. Перс); 2) предмет сравнения является метафорой: (36) *Кусками желтой халвы мелькнули жернова прессованного сена* (Д. Рубина. По дороге из Гейдельберга); 3) в одном контексте представлены два взаимодействующих образных средства: (37) *У Сюзанны резко зазвонил телефон. Злобной гремучей змеей завибрировал на тумбочке. Она в едином прыжке – мангустом – подскочила к нему* (А. Шинкеев. Мечты апреля).

Итак, анализ материала показывает, что творительный сравнения продолжает активно употребляться в современной прозе. Конструкции с этой грамматической формой значительно разнообразнее, чем в обыденной речи. Предикаты, употребляющиеся с творительным сравнения в художественной речи, характеризуют не только наблюдаемые, но и ненаблюдаемые ситуации. Рассматриваемые формы регулярно сочетаются с распространителями, которые конкретизируют или трансформируют образ сравнения. Такие распространители обновляют устойчивые конструкции с творительным сравнения. Последовательное обращение к творительному сравнения может служить характеристикой идиостиля авторов. Например, конструкции с этой формой широко распространены в прозе А. Иличевского и Г. Яхиной.

Список литературы

1. Потехня А.А. Из записок по русской грамматике. Ч. 1–2. Харьков: изд-во Харьковского университета, 1888.
2. Якобсон Р.О. К общему учению о падеже (1936) // Якобсон Р.О. Избранные работы. М.: Прогресс, 1985. С. 133–175.
3. Панов М.В. О позиционном чередовании грамматических значений // Типология и грамматика. М.: Наука, 1990. С. 82–90.
4. Зализняк А.А. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянских культур, 2006.
5. Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М.: Русские словари, 2008.
6. Беззубикова М.В., Кайгородова И.Н. Особенности творительного сравнения в романе Г.Ш. Яхиной «Зулейха открывает глаза» // Гуманитарные исследования. 2022. № 1 (81). С. 32–35.
7. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru>.

N.A. Nikolina¹, Z.Yu. Petrova², N.A. Fateeva³

¹ Moscow Pedagogical State University (Moscow),

^{2,3} V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

CONSTRUCTIONS WITH INSTRUMENTAL OF COMPARISONS IN MODERN RUSSIAN PROSE

***Abstract.** The article examines functioning of forms of instrumental of comparison – one of the grammatical variants of comparative constructions – in the texts of modern Russian prose. The instrumental of comparison is distinguished from the predicative instrumental. The work identifies semantic groups of substantives that act as images of comparison, and analyzes the types of predicates combined with instrumental of comparison. It is shown that in the language of literature the range of such predicates is much wider than in ordinary speech. It is concluded that in modern prose texts constructions with instrumental of comparison characterizing not only observable, but also unobservable situations are possible. It is noted that constructions with instrumental of comparison are often more complicated in modern prose texts: they include additional figurative means with the semantics of similarity. Grammatical forms of instrumental of comparison are regularly combined in modern prose with attributive modifiers.*

***Keywords:** instrumental of comparison, modern prose, comparative construction, types of predicates, image of comparison, subject of comparison, modifier.*

Н.Е. Петрова

Нижегородский государственный педагогический
университет им. Козьмы Минина (Нижний Новгород)

ОТРИЦАТЕЛЬНЫЕ НЕ-МЕСТОИМЕНЕНИЯ В АСПЕКТЕ КАТЕГОРИИ МОДАЛЬНОСТИ

***Аннотация.** Автор рассматривает связь местоимений-существительных «некого», «нечего» с категорией модальности. Показано, что надежные формы этих местоимений, сохраняющие значение лица или предмета, содержат в своем лексическом значении имплицитную сему невозможности действия. Проводится сопоставление безлично-инфинитивных предложений с не-местоимениями и аналогичных конструкций, содержащих отрицание при личном местоимении или существительном. Модальная окрашенность отличает нелексикализованные надежные формы не-местоимений от аналогичных форм ни-местоимений, делает обязательной связь не-местоимения с инфинитивом и обуславливает аналогию с модальными словами категории состояния. В то же время свойственная словам категории состояния грамматическая автономность может усматриваться только у местоименных форм с субъектным значением, тогда как формы с объектным значением проявляют грамматическую зависимость от инфинитива. Делается вывод о том, что формально-семантический синкретизм характерен не только для лексикализованных форм не-местоимений, но в целом для всей их парадигмы.*

***Ключевые слова:** отрицательное местоимение, модальность, предикатив, синтаксическая конструкция.*

Цель нашего небольшого исследования – на примере местоимения-существительного *некого* охарактеризовать связь отрицательных не-местоимений с категорией модальности. Для этого мы рассмотрим специфику лексического значения местоимения *некого* и его функции в формировании модальной семантики предложений, в которых это слово используется. Сразу подчеркнем, что мы в данной статье ограничиваем область отрицательных не-местоимений такими словами, для которых характерно изменение по падежам, хотя существует широкое понимание этого класса слов, включающее и неизменяемые формы [1].

Отрицательные местоимения образуются на базе вопросительных с помощью приставок *не-* и *ни-*, причем продуктивность указанных приставок сильно различается. Если с помощью *ни-* образуются отрицательные местоимения всех морфологических разрядов, то приставка *не-* порождает только две отрицательных формы – *некого* и *нечего* в пяти падежных разновидностях. Аналогичные образования от других местоимений либо невозможны, либо характеризуются семей неопределенности, заменяющей отрицательное значение: *некоторый, несколько, некто, нечто*.

Специфику лексического значения местоимений *некого*, *нечего* составляет отрицание бытия того, что могло бы быть референтом этих слов в высказывании. На наш взгляд, именно нулевая референция обуславливает невозможность сочетания любых форм данных слов со спрягаемой формой глагола, а также невозможность их использования в качестве подлежащего двусоставного предложения, поскольку эта функция предполагает существование соответствующего предмета/лица в реальном или виртуальном мире.

Особенностью отрицательных *не*-местоимений является узкий круг конструкций, в которых они могут употребляться. В сущности, единственной такой конструкцией является безлично-инфинитивное предложение, в состав предикативного минимума которого входит инфинитив, отрицательное *не*-местоимение и глагол-связка (в том числе нулевая): (1) *На самом деле они охраняют подчинённый им социум, как пастух охраняет своё стадо, иначе некого будет доить и не над кем властвовать* (vk. 13.10.2015)¹.

Характеризуя модальность этих предложений, П.А. Лекант отмечает, что ее общее содержание составляет значение невозможности, а формальным средством выражения является «независимый инфинитив в сочетании с *негативом*» [2. С. 21]. Ключевую роль в формировании модальности невозможности или, добавим, нецелесообразности играет *не*-местоимение, поскольку неосуществление действия обусловлено не чем иным, как отсутствием «субъекта, объекта или необходимых для осуществления обстоятельств» [3. С. 347], например: (2) *Назвали Мариком, ибо некому было сказать, какое было его настоящее имя* (Сандра Новикова. Политика. 2022) – отсутствие субъекта действия; (3) *Многие кафедры пусты, другие скоро будут пусты, и некем их заместить, потому что молодые даровитые люди службе университета предпочитают другие карьеры* (vk. 13.02.2013) – отсутствие объекта-орудия действия.

Более того, модальное значение невозможности изначально, т.е. до употребления в конкретном высказывании, составляет импликацию субъектно-объектной семантики падежных форм местоимений *некого* и *нечего*, потому что частью их лексического значения составляет представление о действии, неосуществимом в силу отсутствия референта, который «мог бы сделать что-либо, был бы пригоден для чего-либо» [4. С. 499, 450].

Для сравнения: имплицитная модальность отсутствует в семантике падежных форм отрицательных *ни*-местоимений (*никто*, *ничто*). Предложения с этими местоимениями, несмотря на неосуществление действия, или вовсе лишены семантики невозможности (*Никто не высказался против*), или модальность невозможности обусловлена не семой отсутствия референта в значении местоимения, а иными причинами экстралингвистического

¹ Здесь и далее все примеры из Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru).

характера, например: (4) *В окрестностях замечены: барсуки, дикообразы и лисы, кабанами **никого не удивишь**...* (Псевдоним shradhha om); (5) *А ведь сколько подарков купить нужно!!! И главное – **никого не забыть**!!* (virtsumrak. blogspot.com virtsumrak); (6) *...временем **никого не вылечить**, как наркомана не вылечить героином. любовь лечат только любовью, как клин вышибают клином* (vk. 20.06.2012).

В предложении (4) семантика невозможности связана с тем, что кабаны часто встречаются; в предложении (5) невозможность и нежелательность действия обусловлены целевой установкой говорящего; в предложении (6) – тем, что время не является лекарством от жизни.

Наличие имплицитной модальности в семантике *не*-местоимений способствует их аналогии со словами категории состояния, которая отмечалась некоторыми исследователями. По мнению А.В. Исаченко, слова типа *ничего, некому* отличаются от модальных предикативов только «своеобразной “изменяемостью” по падежам, роднящей их с местоимениями. Здесь мы имеем дело с типичным случаем конфликта старой формы (местоименной) с новой функцией (предикативной)» [5. С. 288]. О.П. Ермакова полагает, что «отрицание и в виде частицы, и в виде приставки выводит слова из местоименной системы в основную: все местоимения с приставкой *не-* – это безлично-предикативные слова, они лексикализованы, все имеют в большей или меньшей степени ярко выраженные модальные значения...» [6. С. 56]. Говоря о ярко выраженных модальных значениях, О.П. Ермакова приводит в качестве примера такие образования на базе отрицательных местоимений-существительных, как *незачем, ничего, не из-за чего, не для чего*. Все они выражают значение ‘не нужно, не стоит’, что, безусловно, сближает их «с предикативами *можно, (не) надо, нельзя, невозможно*» [6. С. 56] и обуславливает высокую степень лексикализации, т.е. смыслового обособления от парадигмы местоимения-существительного.

С большой долей вероятности можно предположить, что в указанных О.П. Ермаковой случаях семантической базой для лексикализации послужило целевое или причинное значение исходных падежных форм. Однако, как мы старались показать, модальность невозможности/нецелесообразности характерна и для таких падежных форм *не*-местоимений *никого, ничего*, которые выражают субъектно-объектные значения и явно не склонны к лексикализации, ср.: *некому претендовать на главный приз, некого просить о помощи, не к чему прикрепить, не на чем написать*.

Специфика модальной окраски предложений с отрицательными *не*-местоимениями в полной мере проявляется, если сопоставить их с аналогичными конструкциями, содержащими форму с отрицанием при опорном инфинитиве. При этом следует отметить, что круг безлично-инфинитивных конструкций с отрицанием, выраженным не с помощью *не*-местоимения, сильно ограничен.

Во-первых, можно выделить конструкцию с инфинитивом *наплевать/плевать*, который допускает использование как отрицательных, так и не отрицательных местоименных компонентов: ***Всем было на это наплевать – Не всем было на это наплевать***. Нельзя не заметить, что инфинитивы *плевать/наплевать* претерпели процесс лексикализации, приобретя при этом просторечную окраску: в их семантике возобладало значение состояния, а именно состояния полного равнодушия [4. С. 380]. Изменение лексического значения послужило причиной того, что эти инфинитивы, подобно словам категории состояния, функционируют с глаголом-связкой и при этом индифферентно относятся к наличию или отсутствию отрицания. Подстановка на их место инфинитива со значением действия невозможна – предложение теряет способность выражать значение синтаксического времени.

Во-вторых, это конструкции с отрицанием (чаще – при личных местоимениях) типа: (7) *Арсений Яценюк не является хозяином положения и не ему было определять, когда уходить, его отставку добровольной считать нельзя* (Парламентская газета. 2016.04.11). Обязательной в этой конструкции является форма дательного падежа с субъектным значением, а в позиции личного местоимения может употребляться и имя существительное, например: (8) ***Не фармкомпаниям решать – вам достанется лекарство, а вам нет*** (Vesti.ru. 24.01.2020).

В обоих случаях структура безлично-инфинитивного предложения с глаголом-связкой лишена того модального значения невозможности самой описываемой ситуации, которое характерно для предложений с местоимениями *некого, нечего*. Различие состоит уже в том, что конструкции с *не-местоимениями* относятся к собственно отрицательным, в которых отрицание носит общий характер [3. С. 408]. Отрицание же в вышеприведенных примерах носит частный характер. В связи с этим в первом случае (*не всем наплевать*) предложение лишено дополнительной модальной окраски. Во втором случае (*не ему определять*) есть модальность невозможности/нецелесообразности вследствие неспособности, но она распространяется только на субъектный компонент предложения, не затрагивая самого действия.

Проведенное нами сопоставление показывает, что семантика невозможности совершения действия не столько формируется в конструкции *не-местоимения с инфинитивом*, сколько изначально является компонентом лексического значения местоимения, всех его падежных форм с субъектно-объектной семантикой. Наличие этого компонента делает обязательной связь *не-местоимения с инфинитивом*, подобно тому как обязательной является такая связь для предикативов *можно, надо, нельзя*.

Сходство *не-местоимения* со словом категории состояния видится некоторым исследователям и в том, что инфинитив примыкает к местоименной форме в качестве зависимого компонента: «Все они сочетаются

со связками и с **зависимым инфинитивом** (выделено нами. – *Н.П.*) в качестве обязательного компонента» [6. С. 56]. Действительно, формы *некому/нечему*, в случае если они выражают субъектную семантику, обладают определенной формальной автономностью от инфинитива, однако эта автономность свойственна дательному субъекта в любой безличной или инфинитивной конструкции, где эта форма замещает именительный падеж, ср.: *всем спать, мне весело, ему вздумалось, тебе не справиться*. Если же падежная форма *не-местоимения* выражает объектное значение, то очевидным становится управление со стороны инфинитива: *не с кем посоветоваться, не во что положить*. Таким образом, объектным формам *не-местоимений* свойственна позиция зависимого компонента, что разрушает аналогию со словами категории состояния, или безличными предикативами.

Подведем итоги. Мы рассмотрели связь с категорией модальности нелексикализованных форм отрицательного местоимения-существительного *некого*. Было показано, что все падежные формы этого местоимения, сохраняющие значение лица или предмета, еще до вхождения в предложение содержат в своем лексическом значении имплицитную сему невозможности действия. Эта «фоновая» модальность, отличая объектно-субъектные формы *не-местоимений* от аналогичных форм *ни-местоимений*, делает обязательной связь *не-местоимения* с инфинитивом и обуславливает аналогию с модальными словами категории состояния. В то же время свойственная словам категории состояния грамматическая автономность может усматриваться только у местоименных форм с субъектным значением. Формы *не-местоимения* с объектной семантикой демонстрируют формальную зависимость от инфинитива. В целом можно сделать вывод, что формально-семантический синкретизм характерен не только для лексикализованных форм отрицательных *не-местоимений*, но в целом для всей их парадигмы.

Список литературы

1. Шведова Н.Ю. Местоимение и его смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.
2. Лекант П.А. Безлично-инфинитивные предложения в современном русском языке // Вестник Московского областного государственного университета. Сер.: Русская филология. 2017. № 4. С. 18–25. DOI: 10.18384/2310-7278-2017-4-18-25.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. М.: Изд-во «Наука», 1980.
4. Словарь русского языка: в 4-х т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 3-е изд., стереотип. М.: Русский язык, 1985–1988. Т. 2. 1986.

5. Исаченко А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении со словацким: Морфология. 2-е изд. М.: Языки славянской культуры, 2003. Ч. 1.

6. Ермакова О.П. Существуют ли в русском языке отрицательные местоимения? // Известия РАН. Сер. литературы и языка. 2010. Т. 69. № 2. С. 56–59.

N.E. Petrova

Kozma Minin Nizhny Novgorod State Pedagogical University (Nizhny Novgorod)

NEGATIVE NON-PRONOUNS IN THE ASPECT OF THE CATEGORY OF MODALITY

***Abstract.** The author examines the connection between the noun pronouns “nekogo” and “nechego” with the category of modality. It is shown that the case forms of these pronouns, which retain the meaning of a person or object, contain the implicit meaning of impossibility of action. A comparison is made of impersonal-infinitive sentences with non-pronouns with similar constructions containing negation of a personal pronoun or noun. Modal coloring distinguishes non-lexicalized case forms of non-pronouns from similar forms of ну-pronouns. Modal coloring makes the connection of the non-pronoun with the infinitive obligatory and determines the analogy with modal words of the state category. At the same time, the grammatical autonomy inherent in words of the state category can be seen only in pronominal forms with a subjective meaning. Forms with an objective meaning show grammatical dependence on the infinitive. It is concluded that formal semantic syncretism is characteristic not only of lexicalized forms of non-pronouns, but in general for their entire paradigm.*

***Keywords:** negative pronoun, modality, predicative, syntactic construction.*

Л. Плесник

Остравский университет (Острава, Чешская Республика)

К ВОПРОСУ О СИСТЕМЕ ДЕЕПРИЧАСТИЙ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Аннотация. Статья сфокусирована на проблематику деепричастий в русском и чешском языках. В начале статьи представлены основные определения деепричастия как особой глагольной формы, дальше указаны способы образования в русском и чешском языках. Отдельно рассматривается образование деепричастий в русском языке (деепричастия глаголов несовершенного вида и деепричастия глаголов совершенного вида) и в чешском языке (деепричастия настоящего времени и деепричастия прошедшего времени, включая их изменение по родам и числам). Внимание уделяется также возможности перевода деепричастных оборотов с русского языка на чешский язык.

Ключевые слова: деепричастие, деепричастный оборот, глагол, русский язык, чешский язык.

Настоящая статья посвящена вопросу деепричастий в русском и чешском языках. Цель статьи – определить деепричастие как особую глагольную форму, сопоставить способы образования в русском и чешском языках, рассмотреть возможности перевода деепричастных оборотов с русского языка на чешский язык.

Деепричастие представляет собой неспрягаемую, неличную форму глагола, обозначающую действие, происходящее одновременно с другим действием. Опираясь на ниже указанные лингвистические словари русского языка, рассмотрим определения данной глагольной формы.

«Словарь лингвистических терминов» О.С. Ахмановой определяет деепричастие как «именное (непредикативное) образование, объединяемое с системой глагольных форм категориями вида и залога и общностью управления и обозначающее второстепенное добавочное действие, примыкающее к главному действию» [1. С. 125]. «Лингвистический энциклопедический словарь» под редакцией В.Н. Ярцевой отмечает, что деепричастие – это «нефинитная форма глагола (вербоид), обозначающая второстепенное действие, подчинённое главному, выраженному в предложении сказуемым или инфинитивом в различных синтаксических функциях» [2. С. 128]. «Словарь лингвистических терминов» Т.В. Жеребило указывает на факт, что деепричастие – это «атрибутивная (непредикативная) неизменяемая форма глагола, обозначающая действие (состояние, отношение) как сопутствующий признак другого действия (состояния, отношения)» [3. С. 86]. Автор словаря ссылается как на В.В. Виноградова, определившего деепричастие как «гибридную» форму, вбирающую в себя свойства глагола и наречия, так и на А.Н. Тихонова, рассматривающего деепричастие как особую часть речи, что влечёт за собой следующее определение: «знаменательная неизменяемая

часть речи, обозначающая действие как признак другого действия и выражающая это значение за счёт своей неизменяемости и семантической зависимости от глагола-сказуемого и имени-субъекта действия-подлежащего» [3. С. 86]. Таким образом, можно воспринимать деепричастие в качестве синкретичной части речи, объединяющей признаки глагола и наречия. В энциклопедии «Русский язык» под редакцией А.М. Молдована отмечается, что связь деепричастия со словами, называющими основное действие или состояние, выражается его примыканием к главному слову, причём деепричастие с распространяющими его словами образует деепричастный оборот [4. С. 136]. Деепричастный оборот представляет собой один из видов синтаксической конструкции, т.е. полупредикативную обособленную синтаксическую конструкцию, структурным центром которой является деепричастие. Формально-грамматически деепричастие примыкает к сказуемому, а содержательно относится и к подлежащему, называя или процессуальный признак субъекта, дополнительный по отношению к признаку, названному в сказуемом, или действие, характеризующее действие, названное в сказуемом, или состояние субъекта, сопутствующее действию, названному в сказуемом [4. С. 139].

Ссылаясь на вышеуказанные определения деепричастия, также следует опереться на нормированную «Русскую грамматику» (РГ) под редакцией Н.Ю. Шведовой. В РГ отмечено, что «деепричастие – это атрибутивная форма глагола, в которой совмещаются значения двух частей речи: глагола и наречия, т.е. значения действия и обстоятельственно-определяющее» [5. С. 669]. Далее отмечается, что деепричастие как особая глагольная форма не обладает морфологически выраженным временным значением. Деепричастия глаголов несовершенного вида, как правило, передают одновременность с таким действием, причём деепричастия глаголов совершенного вида могут передавать разные временные отношения, т.е. предшествования, одновременности состояния как результата предшествующего действия, или следования [5. С. 669]. Нормированная «Грамматика чешского языка 2. Морфология» (Mluvnické češtiny 2. Tvarosloví) определяет деепричастие как «частеречную глагольную форму с обстоятельственным функциональным признаком в смысле частеречной грамматической транспозиции» [6. S. 153]. Далее отмечается, что деепричастия выражают глагольные значения, которые автор высказывания оценивает с точки зрения коммуникативной цели лишь вторично, в качестве обстоятельственного определения действия или состояния финитной формы глагола. Деепричастия служат средством иерархизации действий и одновременно комплексной (синтаксической) конденсации [6. S. 153].

В русском языке образуются деепричастия двух форм – деепричастия глаголов несовершенного вида (НСВ) и деепричастия глаголов совершенного вида (СВ). Они образуются от основ настоящего или прошедшего времени с помощью определённых суффиксов.

Деепричастия глаголов НСВ образуются посредством присоединения к основе настоящего времени суффиксов *-а/-я* (*слыша, играя*). Деепричастия с основой на *к, г* образуются очень редко, причём с чередованием *к/ч, г/ж* (*толкуют – толча, берегут – бережа*). Глаголы НСВ типа *давать*, содержащие в основе суффикс *-ва-*, образуют деепричастия от основ с *j*, т.е. *давај-* (*давая*). Глагол *быть* образует деепричастие с помощью суффикса *-учи* (*будут – будучи*). Некоторые глаголы НСВ, прежде всего при употреблении с отрицанием, образуют деепричастия так же, как и глаголы СВ, т.е. присоединением суффиксов *-в/-вши* к основе прошедшего времени (*знав и знавши*). Таким образом возникают ряды вариантных форм (*зная – знав – знавши*), причём варианты на *-вши* у деепричастий НСВ считаются просторечными или разговорными и обычно малоупотребительны. Основными являются формы с суффиксами *-а/-я*, образованные от основ настоящего времени (*зная*). Отметим, что по грамматическим законам русского языка деепричастие может быть образовано от каждого глагола НСВ, однако значительное число таких глаголов деепричастий не образует, а если и образует, то эти формы оказываются малоупотребительными [5. С. 670–671].

Деепричастия глаголов СВ образуются с помощью суффиксов *-в/-вши/-ши* от основы прошедшего времени. Выбор морфа определяется концом основы: *-в/-вши* выступают после гласных, конкретно *-в* – в глаголах без постфикса *-ся*, *-вши* – в глаголах с постфиксом *-ся* (*проиграв, проигравшись*). От глаголов без постфикса *-ся* возможно образование вариантных форм деепричастий (*проиграв* и *проигравши*). Две группы глаголов образуют варианты форм деепричастий, т.е. и от основы прошедшего времени, и от основы инфинитива. К ним принадлежат глаголы, у которых в основе прошедшего времени отсутствует суффикс *-ну-* (*засохнуть – засохши* и *засохнув, засохнувши*) и четыре глагола: *умереть, запретить, растереть, простереть* (*простерши* и *простерев*). Ряд глаголов СВ образует деепричастия так же, как и глаголы НСВ, т.е. присоединением суффикса *-а/-я* к основе настоящего времени. Обычно эти формы употребляются как варианты наравне с формами на *-в, -вши(сь), -ши* (*услыша, увидя*) [5. С. 671].

В чешском языке деепричастия служат для конденсации содержания предложения, однако используются они лишь в письменных текстах книжных стилей и воспринимаются как стилистически высокие, даже архаичные. Чешские деепричастия бывают двух форм – деепричастия настоящего времени (НВ), служащие для выражения параллельности двух действий, и деепричастия прошедшего времени (ПВ), выражающие преждевременность одного действия по сравнению с другим действием (обычно в прошлом).

Деепричастия НВ образуются от основы настоящего времени глаголов НСВ при помощи двух групп суффиксов: 1) *-а* для м. р. ед. ч., *-оис* для ж. и ср. р. ед. ч., *-оисе* для всех родов мн. ч.; 2) *-ě/e* для м. р. ед. ч., *-íc* для ж. и ср. р. ед. ч., *-íce* для всех родов мн. ч. Суффиксы *-а, -оис, -оисе* присоединяются к основе, заканчивающейся в 3-м л. мн. ч. на *-ou* (*oni jdou – jda, jdouc, jdouce*). Суффиксы *-ě/e, -íc, -íce* присоединяются к основе,

заканчивающейся в 3-м л. мн. ч. на *-í* или *-í/-ou*, *-í/-ejí* (*oni volají – volaje, volajíc, volajíce; oni kryjí/kryjou – kryje, kryjíc, kryjíce; oni sází/sázejí – sázeje, sázejíc, sázejíce*). У глаголов типа *třít* (*dřít, přít se, vřít*) встречаются, наряду с формами *tra, trouc, trouce*, также аналогичные формы *tře, tříc, tříce*. У глаголов с двумя формами основ 3-го л. мн. ч. (*mízí/mizejí*) встречаются, как правило, обе формы основы также в деепричастии (*mize/mizeje*). Для выражения преждевременности в будущем применяются формы, образованные с помощью суффиксов деепричастия НВ, однако от глаголов СВ (*Přinesa domů chléb, budu se moci navečeřet*) [7. S. 473–474].

Деепричастия ПВ образуются от основы прошедшего времени глаголов СВ при помощи двух групп суффиксов: 1) *-Ø* для м. р. ед. ч., *-ši* для ж. и ср. р. ед. ч., *-še* для всех родов мн. ч.; 2) *-v* для м. р. ед. ч., *-vši* для ж. и ср. р. ед. ч., *-vše* для всех родов мн. ч. Суффиксы *-Ø, -ši, -še* присоединяются к основе, заканчивающейся на согласный (*přines, přinessši, přinessše*), наоборот, суффиксы *-v, -vši, -vše* к основе, законченной на гласный (*udělav, udělavši, udělavše*). У глаголов типа *tisknout* деепричастие ПВ образуется исключительно от основы прошедшего времени, расширенной суффиксом *-nu-* (*dosáhl – dosáhnul, dosáhnulši, dosáhnulše*). У глаголов типа *začít, tnout*, у которых наблюдаются две формы основы прошедшего времени, есть также две формы деепричастия ПВ (*najal/najmul – najav/najmul, najavši/najmulši, najavše/najmulše*). У деепричастия ПВ от глаголов СВ, образованных от глагола *jít* (*odejít*), встречается форма на *-šed, -šedši, -šedše* (*odešed, odešedši, odešedše*), у деепричастия ПВ от глаголов СВ, образованных от глагола *jet* (*přijet*), встречается форма на *-jev, -jevši, -jevše* (*příjev, přijevši, přijevše*). Деепричастие ПВ от глаголов НСВ является скорее исключением, до наших дней сохранилось лишь у глагола *být* (*byv, byvši, byvše*) [7. S. 475–476].

Сравнивая использование деепричастий в русском и чешском языках, следует подчеркнуть, что в чешском языке они встречаются намного реже. По этой причине деепричастия русского языка переводятся на чешский язык, как правило, разными способами. Первый способ – применение придаточного предложения, причём при переводе можно употребить придаточное предложение времени (*Окончив работу, мы пошли за покупками. – Když jsme skončili práci, šli jsme nakoupit.*); придаточное предложение причины (*Не имея другой возможности, самолёт совершил аварийную посадку. – Jelikož letadlo nemělo jinou možnost, muselo nouzově přistát.*); придаточное предложение условия (*Не приняв нужные меры, мы не могли бы вам помочь. – Kdybychom nepřijali potřebná opatření, nemohli bychom vám pomoci.*); придаточное предложение следствия (*Снизив расходы, фирма увеличила прибыль. – Tím, že firma snížila náklady, zvýšila zisk.*); придаточное предложение уступки (*Сомневаясь в успехе, техники всё проверили ещё раз. – Technici vyzkoušeli vše ještě jednou, protože pochybovali o úspěchu.*). Второй способ – применение сложносочинённого предложения (*Быстро*

развиваясь, завод изготовил за прошлый год свыше 300 тысяч машин. – Továrna se rychle rozvíjela a vyrobila za minulý rok více než 300 tisíc automobilů.) Третий способ – применение конструкции с предложением (*Приехав в Нижний Новгород, мы сразу пошли на набережную реки Волги. – Po příjezdu do Nižního Novgorodu jsme neprodleně šli na nábřeží řeky Volhy.*) [8. S. 93–94].

В целом можно сказать, что деепричастия играют важную роль в обогащении текста, позволяя автору выразить сложные временные и причинно-следственные отношения между действиями. Данная статья представила всесторонний анализ деепричастий в русском и чешском языках, подчеркнув особенности их образования и перевода.

Список литературы

1. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: URSS, 2016.
2. Лингвистический энциклопедический словарь / Под ред. В.Н. Ярцевой. М.: Советская энциклопедия, 1990.
3. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: ООО «Пилигрим», 2010.
4. Русский язык. Энциклопедия / Под ред. А.М. Молдована. М.: АСТ-ПРЕСС ШКОЛА, 2020.
5. Русская грамматика. Том I / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Наука, 1980.
6. Mluvnice češtiny 2. Tvarosloví / Za red. M. Komárka, J. Kořenského, J. Petra a J. Veselkové. Praha: Academia, 1986.
7. Akademická příručka českého jazyka / Za red. M. Pravdové, I. Svobodové (eds.). Praha: Academia, 2019.
8. Balcar M. Ruská gramatika v kostce. Praha: Leda, 1999.

L. Plesník

University of Ostrava (Ostrava, Czech Republic)

ON THE QUESTION OF THE SYSTEM OF ADVERBIAL PARTICIPLES IN THE RUSSIAN AND CZECH LANGUAGES

Abstract. *The article is focused on the problems of adverbial participles in the Russian and Czech languages. At the beginning of the article, the basic definitions of adverbial participle as a special verbal form are presented, then the methods of formation in the Russian and Czech languages are indicated. The formation of adverbial participles in the Russian language (adverbial participles of imperfective verbs and adverbial participles of perfective verbs) and in the Czech language (adverbial participles of the present tense and adverbial participles of the past tense, including their change according to gender and number) is considered separately. Attention is also paid to the possibility of translating adverbial participle phrases from Russian into Czech.*

Keywords: *adverbial participle, adverbial participle phrase, verb, Russian language, Czech language.*

Т.И. Попова¹, П.Т. Козырева²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург),

² Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Санкт-Петербург)

**ОТ ИДИОМЫ ДО КОНСТРУКЦИИ: РЕЗУЛЬТАТЫ ЭКСПЕРТНОЙ
РАЗМЕТКИ УСТОЙЧИВЫХ НЕОДНОСЛОВНЫХ ЕДИНИЦ
(БЕЗ + X) В КОРПУСЕ «ОДИН РЕЧЕВОЙ ДЕНЬ»**

***Аннотация.** Статья посвящена анализу результатов экспертной разметки устойчивых неоднословных единиц в корпусе «Один речевой день». Группа единиц, которая выражена сочетанием предлога «без» и существительного в родительном падеже («без проблем», «без вопросов», «без базара»), обнаруживает структурные, смысловые, прагматические и дискурсивные особенности, которые не позволяют отнести единицы только к одному классу устойчивых неоднословных единиц в рамках разработанной инструкции для экспертов. В исследуемых единицах есть черты идиомы, конструкции, речевой (дискурсивной) формулы и даже прагматического маркера. Для расширения материала и определения ведущих характеристик исследуемых единиц устной речи был использован Национальный корпус русского языка, а также данные проектов «Прагматикон» и «Русский Конструктикон». Выбранная на первом этапе разметки данных корпуса «Один речевой день» классификация требует уточнения и более детального описания характеристик каждого класса единиц.*

***Ключевые слова:** корпусная лингвистика, устойчивые неоднословные единицы, идиомы, грамматика конструкций, прагматика, дискурс.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ (проект № 22-18-00189 «Структура и функционирование устойчивых неоднословных единиц русской повседневной речи»).

Введение в проблематику. Работа с материалами корпуса русского языка повседневного общения «Один речевой день» (подкорпус общим объёмом 300 тыс. словоупотреблений) определила научный подход к разметке дискурсивных особенностей повседневной коммуникации. Для анализа особенностей устных диалогов используется понятие «прагматические маркеры» (ПМ). ПМ «свойственны исключительно устной речи и характеризуются почти полной утратой (или существенным ослаблением) как лексического (в таком случае говорят о «вымывании» семантики, или, в другой терминологии, «обесцвечивании» (“bleaching”) слова), так и грамматического значения» [1. С. 437]. В результате был сформирован словник, в состав которого входит 35 инвариантов ПМ, для которых определено 10 функций [2].

Лингвистический анализ показал, что по своему составу ПМ нередко являются многокомпонентными единицами, «которые реализуют определенную функцию за счет повторяемости, то есть устойчивости форм и значений» [3].

Было решено продолжить разметку подкорпуса «Один речевой день» (ОРД) с целью аннотирования устойчивых неоднословных единиц (УНЕ).

В инструкции для экспертной разметки выделены следующие классы УНЕ:

1. Нефразеологизированные коллокации (НК): *понятное дело, в лучшем случае.*
2. Фразеологизированные коллокации (ФК): *откуда ноги растут, на два фронта.*
3. Оказиональные коллокации (ОК): *кушать батарейку как трактор.*
4. Формы-идиомы (ИД): *не по себе, по барабану, не в кайф.*
5. Прагматические маркеры (ПМ): *я не знаю, все дела.*
6. Конструкции (КС): *Х Y-а знает, Х X-ом (дурак дураком).*
7. Речевые формулы (РФ): *не дай Бог, да ну тебя.*
8. Прецедентные тексты (ПТ): *как в Греции.*

По результатам первого этапа разметки общий словник УНЕ на материале подкорпуса ОРД составил 1088 единиц.

На данном этапе работы уточняются характеристики, определяющие специфику каждого класса, потому что оказалось, что некоторые УНЕ не могут быть однозначно категоризованы.

Ключевые определения исследования. В данной статье рассмотрена специфика функционирования группы УНЕ, которая по своей структуре попадает в несколько классов одновременно.

В итоговом списке УНЕ можно найти следующие ИД, образованные по форме *без + Ng*:

1) <i>без проблем</i>	6) <i>без конца и прорыва</i>
2) <i>без разницы</i>	7) <i>без палева</i>
3) <i>без конца</i>	8) <i>без понятия</i>
4) <i>без базара</i>	9) <i>без прорыва</i>
5) <i>без вопросов</i>	10) <i>без толку</i>

Базовое определение класса ИД следующее: предложно-падежная форма слова, которая за счет частоты употребления приобретает функциональную и смысловую нагрузку (переносное значение) в повседневной коммуникации (*в курсе, по приколу*). Класс КС же по своим характеристикам соотносится с определением, которое принято использовать в рамках теории «грамматики конструкций» [4]. В структуре конструкции есть постоянный и переменный компонент (X): *Х так Х – гулять так гулять, пить так пить, любить так любить* и др., *Х Y-а знает – Бог его знает, кто её знает, фиг их знает* и т.д.

В чем же заключается проблема классификации выделенной группы УНЕ?

Эксперты отнесли эти УНЕ к классу ИД, потому что это формы слова (*без* + NG), но часть из них реализует сходное значение и выполняет сходные функции, что позволяет отнести УНЕ и к классу КС, поскольку в структуре исследуемых УНЕ есть регулярная часть *без* и переменный лексический слот – NG (X).

Общие функциональные, прагматические характеристики форм разных слов позволяют предположить, что устойчивость компонентов здесь работает иначе.

Согласно теории «грамматики конструкций» (или Construction Grammar, сокращенно CxG), основная единица языка – это конструкция, которая определяется как «языковое выражение, у которого есть аспект плана выражения или плана содержания, не выводимый из значения или формы составных частей» [4. С. 18].

Результаты исследования. Единицы *без разницы* ('несущественно'), *без конца* ('много'), *без прорыва* ('непрерывно'), *без понятия* ('неизвестно'), *без толку* ('напрасно') функционируют в рамках устной повседневной коммуникации в том значении, которое зафиксировано в словаре [5]. Остальных УНЕ из представленного списка не оказалось в словарях.

Кроме того, если обратиться к «Корпусному словарю неологизмов лексических единиц» [6], можно обнаружить в разделе «наречные и предикативные обороты» *без конца* (4073 примера), *без толку/толка* (1214 примеров) и *без прорыва/прорыву* (28 примеров).

Однако есть другая часть УНЕ, которая интересна с прагматической точки зрения, поскольку можно выделить группу, которая функционирует как согласие. К их числу можно отнести идиомы *без базара*, *без вопросов*, *без проблем*. См.:

(1) *его...его эго (...) не переживёт // @ *Н без вопросов // (м-м) в пять лет в лучшем случае // (ОРД);*

(2) *но у нас там около девяти человек / *К девять человек наших @ ну(:) много / да /давай человек шесть // @ да без проблем # человек шесть // (ОРД).*

В примере (1) УНЕ *без вопросов* служит реакцией собеседника на предыдущее высказывание говорящего (знаки @ и # – знаки наложения или мены реплик собеседников). В примере (2) после ответа *да без проблем* продолжается реплика основного говорящего, что дает понять, что УНЕ также помогает удерживать коммуникацию, показывать собеседнику свою причастность к диалогу.

Без базара встречается лишь раз в размеченном подкорпусе ОРД:

(3) *ну / это ты(:) знаешь / допустим / *С ну / да // хотя бы что-то знаешь в принципе / молодец // *С нет без базара выучил х*ли *Н // (ОРД).*

Таким образом, можно сказать, что рассматриваемые УНЕ в корпусе ОРД могут употребляться с разными «словами-соседями», например и с *да*, и с *нет*.

Для расширения поиска обратимся к данным Национального корпуса русского языка (НКРЯ): *без проблем* – 86 контекстов; *без вопросов* – 20; *без базара* – 0.

В основном корпусе НКРЯ *без проблем* выступает как полноценная ответная реплика, часто сопровождающаяся другим выражением согласия в 23 примерах из 86 (26%):

(4) – *А можно этот?*

– *Конечно / но только ненадолго ладно?*

– *ОК / без проблем!* (Микродиалоги. 2007);

(5) – *Не / давай лучше дома. Ты же на чай приглашала.*

– *Да / да / без проблем / конечно* (Разговор при встрече. 2006).

В подкорпусе НКРЯ «Социальные сети» контекстов оказалось больше: *без проблем* – 2773; *без вопросов* – 254; *без базара* – 18.

(6) *Да, без проблем любой найдёт разницу М3 и М2. Достаточно просто взять любое М3 приложение и разница будет видна (если смотреть с А12 естественно, а не А10)* (Rozetked Discuss. Telegram Rozetked Discuss. 18.08.2022);

(7) *А я такая: «Да, без базара, хочу»* (vk. 19.04.2013).

В «Прагматиконе», который фиксирует дискурсивные формулы – устойчивые ответы, которые используются в разговорной речи, – можно найти исследуемые единицы *без проблем* и *без вопросов*. Обе дискурсивные формулы реализуют функцию «согласие» [7]. При этом авторы проекта отмечают, что работа с материалом базируется на «Русском Конструктиконе», то есть характеристика единиц как конструкций заложена в определение дискурсивных формул.

На портале «Русского Конструктикона» можно найти характеристику двух единиц (*без проблем* и *без вопросов*): «обозначает согласие говорящего выполнить некоторое [действие] и таким образом помочь в ситуации, как правило в ответ на просьбу, запрос, требование или потребность собеседника или другого участника. Конструкция обозначает положительное отношение говорящего к действию, готовность его выполнить» [8].

Таким образом, с точки зрения классификации УНЕ исследуемая группа единиц может оказаться в классе речевых формул (РФ), которые соотносятся с определением дискурсивных формул: выступают реакцией в коммуникации. В ОРД к РФ относим УНЕ с междометными характеристиками.

Любопытно, что УНЕ *без базара* не встретилась в основном корпусе НКРЯ, не обнаружена в «Прагматиконе». Возможно, это связано с источниками примеров. В живой речи (ОРД, «Социальные сети») примеры есть, в то время как в «Прагматиконе», основанном на драматических текстах, такой дискурсивной формулы не отмечено.

Вывод. Итак, проследим путь устойчивой неоднословной единицы в процессе интерпретации результатов экспертной разметки.

1. Структура единицы (предложно-падежная словоформа) позволяет отнести исследуемые УНЕ к идиомам. Но не у каждой единицы есть переносное значение, необходимое для УНЕ класса ИД. Например, *без проблем = нет проблем* (буквально).

2. Значение, которое принимается за переносное (например, у *без вопросов*) на самом деле является прагматической функцией (согласие). По этому параметру единица может оказаться в классе ПМ.

3. Повторяющаяся функция, которая связана не просто с построением диалога, а с определенной ролью в коммуникации – реакция собеседника на реплику говорящего («Прагматикон»), – дает возможность определить УНЕ в класс РФ.

4. Наличие переменного компонента в структуре УНЕ (*без + проблем/вопросов/базара*) сближает исследуемые единицы с понятием «конструкция», то есть для этой группы единиц нужно выбрать класс КС.

Представленный путь УНЕ лишь подтверждает актуальность заданного направления анализа устной речи с точки зрения поиска устойчивых единиц. Однако тот факт, что единицу зачастую трудно определить только в один класс УНЕ, говорит о том, что саму классификацию необходимо уточнять за счет более строгой классификации. При этом необходимо активно изучать опыт проведенных исследований, чтобы прийти к единому определению дискурсивных единиц устной речи в рамках корпусных исследований языка.

Список литературы

1. Богданова-Бегларян Н.В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Гл. ред. О.И. Глазунова. М.: Изд-во УРСС, 2019. С. 436–446.

2. Мультимедийный словарь прагматических маркеров. Электронный ресурс: <https://www.ord-multimedia-dict.com/>.

3. Попова Т.И., Драчева К.И. Запутывать мозги и ездить на шее: корпусное исследование функционирования фразеологизированных коллокаций в устном повседневном общении // Материалы Международной научной конференции «Дискурсивные практики в цифровую эпоху: традиции и инновации» (Нижний Новгород, 4–5 апреля 2024 г.). Нижний Новгород: ННГУ, 2024. В печати.

4. Рахилина Е.В. Лингвистика конструкций / Отв. ред. Е.В. Рахилина. М.: Азбуковник, 2010.

5. Большой толковый словарь. Электронный ресурс: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyj-slovar#>.

6. Корпусный словарь неоднословных лексических единиц. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/page/obgrams/>.
7. Прагматикон. Электронный ресурс: <https://pragmaticon.ruscorpora.ru>.
8. Русский Конструктикон. Электронный ресурс: <https://constructicon.ruscorpora.ru>.

Т.И. Попова¹, Р.Т. Козырева²

¹ St. Petersburg University (Saint Petersburg),

² HSE University (Saint Petersburg)

FROM IDIOM TO CONSTRUCTION: THE RESULTS OF EXPERT MARKING OF A STABLE MULTI-WORD UNIT (*BEZ* “WITHOUT” + X) IN THE CORPUS “ONE DAY OF SPEECH”

***Abstract.** The article is dedicated to the analysis of the results of expert tagging of stable multi-words units in the corpus “One Day of Speech”. A group of units, which is expressed by a combination of the preposition “bez” (“without”) and a noun in the genitive case (no problem, no question, no bazaar), demonstrate structural, semantic, pragmatic and discursive features that do not allow units to be attributed only to one class of stable multi-words units within the framework of the developed instructions for experts. The studied units have features of an idiom, a construction, a speech (discursive) formula and even a pragmatic marker. Russian National Corpus, as well as data from the Pragmaticon and Russian Constructicon projects, were used to expand the material and determine the main characteristics of the studied units of colloquial speech. The classification chosen at the first stage of tagging up the data of the “One Day of Speech” requires clarification and a more detailed description of the characteristics of each class of units.*

***Keywords:** corpus linguistics, stable multi-words units, idioms, Construction Grammar, pragmatics, discourse.*

А.В. Птенцова

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова,
Институт языкознания РАН,
Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

СЛУЖЕБНОЕ СЛОВО *АНЪ*: ПУТИ И ПЕРЕПУТЬЯ СЕМАНТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ

Аннотация. Рассматривается семантика служебного слова «анъ/ано» – предка современного союза «ан». Материалом для исследования послужил Национальный корпус русского языка в объеме древнерусского, старорусского и основного подкорпусов (последний в объеме XVIII–XIX вв.). Будучи образовано путем сращения древнерусских служебных единиц «а» и «нъ», в древнерусский период эта служебная единица была способна выражать противительное и противительно-сопоставительное значения. В старорусскую эпоху противительное «анъ/ано» приобретает дополнительный семантический компонент нарушения ожиданий; кроме того, это слово оказывается способным выражать указательное и причинное значение; к концу периода относятся тексты, где оно выражает идею следствия. В текстах XVIII–XIX вв встречаются такие, где «ан» передает идею внезапности возникновения ситуации; противительное «ан», в отличие от современного языка, активно используется в этот период в диалогическом режиме.

Ключевые слова: история русского языка, лексическая семантика, служебное слово «ан», Национальный корпус русского языка.

Настоящая статья посвящена семантической истории служебного слова *анъ* и его фонетического варианта (*ано*) на материале древнерусского, старорусского и основного подкорпусов Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [1]; основной подкорпус – в объеме XVIII–XIX вв.).

Большая часть контекстов НКРЯ, важных для отслеживания семантической истории данного слова, относится к старорусскому периоду, и особенно к периоду XVIII–XIX вв; наиболее ранние примеры, однако, принадлежат памятникам древнерусской эпохи.

Будучи образовано путем сращения служебных единиц *а* и *нъ* (см. [2. С. 77]), в древнерусский период это слово было способно выражать противительное и противительно-сопоставительное значения, ср.:

(1) *А что сѧ оучини(т) межси на(с) князєи каково дѣло ино съѣдутсѧ боярѣ наши <...> а не оуговоратсѧ ини ѣдутъ на третии на князѧ на великого на ольга на кого помолви(т) виноватыи пере(д) правымъ поклонитсѧ а взатое отдасть а чьи судьи на третии не поѣду(т) или на кого третии помолви(т) анъ взатого не отдасть то правому отнати.* = А если случится между нами, князьями, какое-либо разбирательство, то пусть съедутся бояре наши <...> а если они не договорятся, то пусть едут на третейский

суд к князю великому Олегу; кого он назовет виновным, [тот пусть] правому поклонится и взятое отдаст, а чьи судьи на третейский суд не поедут, или кого назовет третейский судья виновным, **но** тот взятого не отдаст, то это правому надлежит взять силой (Договор князя Дмитрия Ивановича и Новгорода с князем Михаилом Александровичем. 1376).

(2) *и приде вестъ въ новъгородъ бльше же новъгородьцевъ мало **ано** тамо измано влчшиѣ му(ж) а мньшеѣ они разидоша сѧ а иноѣ помьрло голодомъ.* = И пришла вестъ в Новгород [о действиях князя Ярослава в Торжке. – А.П.]. Новгородцев же было мало – «вячшие» были схвачены [Ярославом], а «меньшие» разошлись, а иные умерли от голода (Новгородская I летопись по Синодальному списку, запись под 1215 г.).

«Словарь древнерусского языка» описывает *ано* как союз с противительным значением (вариант *анъ* в словаре не рассматривается) [3. С. 88]; «Словарь русского языка XI–XVII вв.» выделяет для *анъ* и *ано* функции союза (с переводом *но, а, однако*) и частицы (*а между тем, а тут, а в действительности; даже*) [4; 1. С. 36, 39].

В старорусский период *анъ/ано* сохраняет способность передавать противительность, однако обычно с дополнительным компонентом ‘нарушение ожиданий’, что сближает его с современным союзом *ан* [5. С. 306–314], ср.:

(3) *Да хватился хлебнуть испити, **ано** и капельки не осталось, все отнесено на погребъ* (Иван Грозный. Послание в Кирилло-Белозерский монастырь. 1573).

В этот период семантические возможности служебного слова заметно расширяются. В текстах XV–XVI вв. встречаются употребления *анъ/ано*, где на противительное или противительно-сопоставительное значение накладывается значение причины, ср.: (4) *А из Сава поидох к Султанию, а из Султания поидох до Тервизя, а ис Тервизя поидох в орду Асанбъгъ. В ордъ же бых 10 дни, **ано** пути нѣтъ никуды.* = Пробыл 10 дней, потому что из Орды (в отличие от предыдущих мест. – А.П.) никуда нет пути (Хождение за три моря Афанасия Никитина. 1468–1474).

В текстах НКРЯ за XVII в. появляется указательное значение, ср.: (5) *Слышали, г(о)с(у)д(а)рь, тваи крес(ь)яна <...>, ш[то] рож(ь) и авес таскал староста ноч(ь)ю, – я в ту пору как приеду... поля, пришел – **ан** мешки ставят с рож(ь)ю и с овсом, а не тут же стоят, гдѣ ево хлеб – в ыном месте* (Грамотка приказчика боровской вотчины о расследовании злоупотреблений приказчика М. Тимофеева и старосты С. Климова. 1669).

В ряде случаев находятся примеры, где к указательному значению *ано* присоединяется значение следствия: (6) *Есть стало нѣчева, люди стали мерет[ь] з голоду и от водянья бродни. Река песчаная, засыпная, плоты тяжелые, приставы немилостивые <...> пытки жестокие, огонь да встряска. Люди голодные, лишю станут бит[ь], **ано** и умереть, и без битья*

насилу ч[е]л[о]вѣкъ дышитъ. = Лишь станут бить – и вот человек и умрет (Житие протопопа Аввакума. 1672–1675).

Семантика *ань/ано* полностью лишена здесь исторически первичного компонента противительности, однако это значение (совмещенное с семантикой нарушенных ожиданий) в целом широко распространено в памятниках XVII века: (7) *И богатыйрь тому учал дивитися: «На той на малой заводе не наеживал я ни гусей, ни утят, ан нынеча вижу многия лебеди»* (Повесть о Сухане. XVII в.).

Описанное разнообразие смысловых вариантов *ань/ано*, возможно, связано с тем, что на основе исходного значения противительности, выражавшегося древнерусским *нъ* еще до слияния его с *а* в цельную единицу, сформировался семантический компонент усилительности, привлечения внимания к вводимой ситуации (ср. описание *нъ* в [4]: «Выражает призыв к вниманию, оформляет переход к новой мысли»). Отсюда, вероятно, возникает в конечном счете способность выражать указательное значение ('именно вот что имеет место'), значение причины ('и потому вот что имеет место') и следствия ('и теперь вот что имеет место').

В XVIII–XIX вв. противительная и указательная семантика, а также семантика следствия остаются по-прежнему возможны (причинное значение не зафиксировано в НКРЯ); кроме того, в текстах этого периода встречаются такие, где *ань* передает идею внезапности, ср.: (8) *стал вынимать пробку, ан как меня щелкнет в лоб, так я насилу усидел* (А.П. Сумароков. Ссора у мужа с женой. 1750).

Противительное *ан*, в отличие от современного языка, активно используется в этот период в диалогическом режиме, ср.: (9) *Ну что, проигрался? – сказал проснувшийся Тихонов. – Ан нет, семнадцать рублей выиграл* (Л.Н. Толстой. Хаджи-Мурат. 1896).

Сопоставляя изложенные наблюдения с описанием современного *ан* в [5], легко видеть, что дальнейшее семантическое развитие этого слова идет по пути сужения: в настоящее время регулярно используется лишь противительное *ан*, передающее идею нарушения ожиданий, причем его диалогический режим выходит из употребления.

Изложенная история возникновения и исчезновения заметного числа значений *ань* показывает, насколько непрямым может быть семантическое развитие слова. На пути от исходного противительного значения к современному противительному значению с компонентом нарушенных ожиданий данное служебное слово, условно говоря, опробовало несколько семантических возможностей, которые, однако, не реализовались в полной мере на более позднем этапе.

Список литературы

1. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru>.

2. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. Т. I. М.: Прогресс, 1964.
3. Словарь древнерусского языка (XI–XIV вв.). Т. I. М.: Русский язык, 1988.
4. Словарь русского языка XI–XVII вв. Вып. 1. М.: Наука, 1975. Вып. 11. М.: Наука, 1986.
5. Левонтина И.Б. Частицы речи. М.: Азбуковник, 2022.

A.V. Ptentsova

Lomonosov Moscow State University, Institute of Linguistics,
V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

FUNCTION WORD AN: WAYS AND CROSSROADS OF THE SEMANTIC DEVELOPMENT

***Abstract.** The article considers the semantics of the function word “анъ ano”, which was the ancestor of the Modern Russian connector “an”. The study is based on the Russian National Corpus (Old East Slavic and the Middle Russian sub-corpora and the XVIII–XIX cc. texts). Having been formed by merging the Old East Slavic function words “a” and “нъ”, in the Old East Slavic period this connector expressed adversative and adversative-comparative meanings. In the Middle Russian period, the adversative “анъ/ano” acquires an additional semantic component of violation of expectations; in addition, this word turns out to be capable of expressing demonstrative and causal meanings; towards the end of the period there are texts where it expresses the idea of consequence. In the texts of XVIII–XIX cc. there are those where an conveys the idea of the suddenness of the situation.*

***Keywords:** history of Russian language, lexical semantics, function word an, Russian National Corpus.*

Т.Б. Радбиль

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

**ЯВЛЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКОЙ ПЕРЕХОДНОСТИ
ПРИЛАГАТЕЛЬНЫХ В ВЫРАЖЕНИИ ИМПЛИЦИТНОЙ
ОЦЕНОЧНОСТИ (ПО ДАННЫМ КОРПУСНОГО АНАЛИЗА
МЕДИАДИСКУРСА ИНТЕРНЕТА)**

Аннотация. Рассматриваются явления перехода русских относительных прилагательных в качественные как языковые механизмы наведения имплицитной оценочности разного знака в отечественном медиадискурсе интернета. Использован метод когнитивно-дискурсивного анализа корпусных данных. Материалом исследования являются контексты употребления относительных прилагательных «народный» и «национальный», извлеченные из Национального корпуса русского языка (газетные корпуса). Показано, что указанные русские относительные прилагательные, не имеющие никакой оценочности в своей системно-языковой лексической семантике, что фиксируют и основные толковые словари русского языка, в дискурсивной реализации способны приобретать неузуальную позитивную или негативную оценочность, имплицитную ближайшим или дальнейшим контекстным окружением. В ряде случаев условием наведения контекстуальной оценочности является переход прилагательных из относительных в качественные. Это выражается возможностью их сочетаемости с наречиями степени качества, употребления в краткой форме и в формах сравнительной и превосходной степени, образования от них качественного наречия на «-о» и пр.

Ключевые слова: грамматическая переходность, относительные прилагательные, имплицитная оценочность, корпусный анализ, медиадискурс интернета, русская речь.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00368, <https://rscf.ru/project/23-28-00368/>.

В работе представлены новые результаты продолжающегося исследования по выявлению скрытых языковых механизмов воплощения ценностей в дискурсах разного типа по корпусным данным. Теоретической основой исследования является концепция «семантической ауры («просодии»)), обоснованная в работах классиков корпусной лингвистики Дж.Р. Ферта и Дж. Лайонза [1; 2]. Под «семантической аурой» понимаются смысловые приращения, как правило, оценочной природы, которые обнаруживаются при анализе коллокатов – непосредственного контекстного окружения слова – на большом массиве корпусных данных. Использован комплексный метод корпусно-дискурсивного исследования, основанный на методиках изучения активных процессов в языке [3], интегративного описания явлений

аномальности в языке и речи [4] и когнитивно-дискурсивного анализа оценочных приращений слова по корпусным данным [5; 6]. Материалом исследования являются лексикографические толкования, представленные в основных толковых словарях русского языка (БАС и МАС) [7; 8], и контексты употребления, извлеченные из газетных корпусов в составе Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [9]. Источником языкового материала выступает отечественный медиадискурс интернета как наиболее активная и динамичная среда языкового существования в современном социокультурном пространстве [10].

В центре исследования находится явление имплицитной оценочности, которая проявляется в репрезентативных контекстах употребления слов и выражений языка, изначально в лексико-семантической системе языка никакой оценочности не имеющих, что находит отражение и в словарных толкованиях анализируемых слов. Неузальная позитивная или негативная оценочность в таких случаях имплицитруется ближайшим или дальнейшим контекстным окружением языковой единицы. Особенно это характерно для номинаций, обозначающих круг значимых в каком-либо отношении для носителей языка понятий, реалий, персоналий, в том числе признаков – типа *отечественный*, *патриотический*, *традиционный*, *прогрессивный* и под. В число таковых единиц языка входят и прилагательные *народный* и *национальный*, ставшие непосредственным предметом настоящего исследования.

Системно-языковое лексическое значение слова *народный*, согласно словарным толкованиям в БАС и МАС, вполне соответствует обобщенной семантике относительного прилагательного ‘относящийся к народу’: ‘принадлежащий народу’, ‘созданный народом’, ‘свойственный народу, характерный для него’, ‘соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям’ [7; 8]. Нетрудно видеть, что эти семантические признаки являются нейтральными, внеоценочными.

Однако в своей дискурсивной реализации это прилагательное приобретает оценочность разного знака в результате семантических и функциональных преобразований, вызванных условиями контекста. В качестве одной из репрезентативных моделей подобных преобразований оценочного характера выступают явления грамматической переходности в области лексико-грамматических разрядов прилагательных. В частности, условием наведения позитивной или негативной оценочности для слова *народный* выступает переход из относительного прилагательного в качественное.

Так, возможность импликации позитивной оценочности вытекает из такого значения слова *народный*, как ‘соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям’, что в целом оценивается носителями национального языка как безусловно положительное свойство. Здесь наводятся позитивно-оценочные смыслы ‘имеющий ценностную (духовную или этическую) значимость’, ‘соответствующий идеалам

и ценностям народа', 'истинный, правильный, такой, какой должен быть' и пр., которые проявляются в употреблении слова с такими признаками перехода в качественное прилагательное, как:

– краткая форма: *Наша музыка **народна** по духу, да и мой образ этому сопутствует* (Труд-7. 15.03.2002);

– сравнительная или превосходная степень: *Ранее спикер заявила, что потенциал праздника – День России – ещё не полностью раскрыт и исчерпан. По её мнению, он может стать масштабнее и «**народнее**»* (Парламентская газета. 2020.06.12); *Вот почему День Победы – праздник, священный для всех нас, **самый народный** и самый искренний, объединяющий всех, кто гордится Россией, кто желает мира, добра, процветания своей Родине* (Парламентская газета. 2015.05.08);

– сочетаемость с качественными наречиями или наречиями степени: *Но по сути это был **абсолютно народный** артист, который, безусловно, нашел дорогу к своему зрителю* (Vesti.ru. 10.08.2020);

– образование на базе прилагательного производного наречия на -о: *Они использовали богатую ритмику американского джаза, которая не является у них самоценной, а сопровождает мелодичное пение, идущее от традиций шотландской песни, баллады, ничего агрессивного, лирично, проникновенно, **народно**, если хотите* (Независимая газета (приложение «Фигуры и лица»). 27.01.2000).

Не менее показательны и репрезентативные контексты, где языковые механизмы грамматической переходности способствуют наведению и оценочности отрицательной. Для негативно-оценочных употреблений отмечены те же признаки перехода в качественные прилагательные, что и для позитивно-оценочных, рассмотренных выше: краткая форма, сравнительная или превосходная степень, сочетаемость с качественными и степенными наречиями.

Наведение негативной оценки может быть связано с представлениями о том, что народным может быть не только что-то хорошее, но и что-то плохое. Часто это выражается в эвфемистических конструкциях, намекающих на некоторые стереотипы в области негативных черт русского народа, например: *Тем временем оборотистые торговцы спиртным «под шумок» начали поднимать цены на **самый народный** товар* (Труд-7. 07.06.2001); *Полтора часа актеры объяснялись друг с другом исключительно на **самом народном** языке. <...> Притчей во языцех стал поступок учительницы из Твери, приведшей на материнский спектакль своих учеников* (Аргументы и факты. 2002.07.24).

Может также наводиться специфическая негативная оценочность, отражающая представление о ложной, мнимой народности, псевдонародности: *Если власть забирает у народа то, что спокойно можно было бы забрать у олигархов и коррупционеров, то справедлива ли эта власть?*

Народна ли она или только прикрывается популизмом? (Московский комсомолец. 10.07.2018).

Для подобных употреблений нередки и иронически-сниженные негативно-оценочные употребления, в том числе маркированные т. наз. ироническими кавычками: *И вот – бинго! – партия, которую многие избиратели не считали инструментом из-за вхождения в нее ряда популярных «народных» политиков, вдруг оказалась инструментом в руках этих самых «народных» политиков!* (Известия. 14.03.2013). В этих случаях прилагательное *народный* приобретает негативную коннотацию 'не соответствующий национальным ценностям и идеалам'.

Но возможна и расширительная трактовка данной негативно-оценочной коннотации, перенесенной на сферы быта, как просто 'не соответствующий норме в каком-то отношении, т.е. не очень качественный, непрофессиональный, плохо сделанный и под.': *Правда, эти модели в России производиться не будут. У нас будут собирать то, что попроще и понароднее, – Skoda Octavia и Volkswagen Passat* (Комсомольская правда. 29.11.2007).

Слово *национальный*, как и слово *народный*, имеет обобщенное системно-языковое лексическое значение, характерное для относительного прилагательного 'относящийся к нации, национальности': 'выражающий характерные особенности нации, национальности', 'свойственный какой-либо нации, национальности', 'свойственный народу, характерный для него', 'соответствующий духу народа, его культуре, мировоззрению, национальным особенностям' [7; 8].

При этом для данного прилагательного в его дискурсной реализации возникает значение, по умолчанию соотносящееся со смыслом 'отечественный', т.е. имеющий отношение не к любой нации, а к нации, к которой принадлежит или о которой говорит говорящий (автор). И в этих случаях данное прилагательное приобретает определенный оценочный потенциал как позитивный, так и негативный. Часто это также происходит за счет явлений перехода относительного прилагательного в качественное, которые выражаются в употреблении слова в краткой форме, в сравнительной или превосходной степени, в сочетаемости с качественными и степенными наречиями, а также в образовании на базе прилагательного наречия на *-о*.

Наведенная положительная оценочность связана с приобретением коннотации 'соответствующий высшим национальным идеалам и ценностям' и, как правило, имплицитруется ближайшим контекстным окружением интересующего нас слова за счет его сочетаемости со словами, имеющими положительно окрашенную семантику: *И, наконец, ценности искусства всегда национальны, русской культуры вне России нет* (Независимая газета. 03.06.2000); *Мне запомнилось, как на церемонии проплывали гигантские портреты наших гениев, в том числе Достоевского, который сказал о Пушкине, что главная его черта – «всемирная отзывчивость».*

Я считаю, что это та самая национальная идея, которую так ищут русские и которую искать не надо, потому что она у нас давным-давно есть (Известия. 12.02.2015); В качестве одного из ярчайших доказательств тому он приводил творчество Пушкина – глубоко национального гения, открытого всему богатству бытия, которому были ведомы и внятны миры других народов и наций, их уникальность и своеобычность (Парламентская газета. 2016.11.28); Это ярко национальное явление, говорящее о самых глубинных сторонах русской души (Труд-7. 15.03.2005); Сильное, свободное, самостоятельное гражданское общество по определению национально ориентированно и суверенно... (Vesti.ru. 25.10.2020).

Однако, как и в случае с прилагательным *народный*, для прилагательного *национальный*, в контекстном окружении слов с негативно-оценочной семантикой, возможно возникновение и наведенной отрицательной оценочности. Это происходит в случае характеристики посредством этого прилагательного каких-либо негативных явлений, например: *Вообще международный терроризм международен лишь по географии нанесения ударов, но он национален по месту организации, по исполнению... (Известия. 29.09.2004); Его бравый генерал Иволгин, не выпускающий сигару изо рта даже во время заплывов, и очень лихо, но не суетно пьющий наш самый национальный напиток, стал поистине центральным персонажем фильмов Рогожкина (Труд-7. 24.05.2001); А алкоголизм в России стал поистине национальной трагедией (Труд-7. 04.04.2002); Но выдуманная Пушкиным легенда продолжает морочить публику – ведь это такой русский, такой глубоко национальный штамп! (Известия. 18.08.2010); Именно их социально и национально безответственная политика привела к триумфу левых сил уже в середине 90-х и превратила тихого Геннадия Зюганова в главного претендента на высший государственный пост (Комсомольская правда. 28.04.2004).*

Негативно оценивается и национальная ограниченность. В этих случаях наводится импликация ‘национальный → ограниченный, косный, противостоящий прогрессу’: *Эти проекты должны разрабатываться не в узко национальных масштабах, но с ясным пониманием того, что мы все плывем на одном корабле (Независимая газета. 15.07.1997); Важно отметить, что организаторы этой лаборатории не стремятся быть национально замкнутыми (Независимая газета. 19.08.1998); Проевропейская пропаганда опять же строилась на том, что в XXI веке изоляционистское, ксенофобное <...>, неинтеграционное и слишком «национально ограниченное» мышление непрагматично и просто неприлично (Парламентская газета. 2016.11.08).*

В некоторых случаях имплицитная наведенная негативная оценка связана с представлением о чрезмерности чувства национального, что оценивается говорящими как отклонение от нормы: *Нет, я не «безродный космополит» – я россиянин! Но меня совершенно не интересуют многие*

вещи, в которых так любят копаться **национально озабоченные** граждане всех видов (Независимая газета (приложение «Фигуры и лица»). 08.06.2000); И авторов новых учебников упрекают теперь или в отсутствии патриотического воспитания, или, напротив, в **чрезмерно национальном** подходе; в отрицании факта влияния экономики на историю или в остаточном марксизме-ленинизме... (Независимая газета (приложение «Ex Libris НГ»). 12.10.2000).

Также негативно оценивается мнимое, ненастоящее чувство национального: **Мнимо национальные**, по выражению Чаадаева, идеи работают, говорят нам эти опросы, куда более эффективно, нежели отважное, но партизанское сопротивление защитников европейских ценностей (Коммерсант. 22.07.2007).

В целом проанализированный материал еще раз продемонстрировал сложность организации «языка ценностей», разнообразие путей выражения неявной оценочности, большую роль в которых играют не только лексические, но и грамматические механизмы языка.

Список литературы

1. Firth J.R. Papers in Linguistics: 1934–1951. Oxford: OUP, 1957.
2. Sinclair J.M. Corpus, Concordance, Collocation. Oxford: Oxford University Press, 1991.
3. Русский язык в интернет-коммуникации: лингвокогнитивный и прагматический аспекты: Кол. монография / Под ред. Л.В. Рацибурской. М.: Флинта, 2021.
4. Радбиль Т.Б. Языковые аномалии в художественном тексте: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2006.
5. Чернявская В.Е. Деонтическое значение и прагматика переименований в практике политической корректности // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21. № 3. С. 58–72. DOI: 10.25205/1818-7935-2023-21-3-58-72.
6. Радбиль Т.Б. «Самоизоляция» как новейший русский культурный концепт: когнитивно-дискурсивный аспект // Коммуникативные исследования. 2020. Т. 7. № 4. С. 759–774. DOI: 10.24147/2413-6182.2020.7(4).759-774.
7. БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950–1965. Т. 7. 1958.
8. МАС: Словарь русского языка: в 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. М: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 1.
9. НКРЯ: Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <http://www.ruscorpora.ru>.
10. Дускаева Л.Р. Векторы прагматического анализа в медиалингвистике // Медиалингвистика. 2019. № 6 (1). С. 4–18. DOI: <https://doi.org/10.21638/spbu22.2019.101>.

T.B. Radbil

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod)

**PHENOMENA OF GRAMMATICAL TRANSITIONALITY
OF ADJECTIVES IN THE IMPLEMENTATION OF IMPLICIT
EVALUATION (ACCORDING TO DATA OF CORPUS ANALYSIS
OF INTERNET MEDIA DISCOURSE)**

***Abstract.** The work considers the phenomena of the transition of Russian relative adjectives into qualitative ones as language mechanisms for inducing implicit evaluation of different signs in the domestic media discourse of the Internet. The method of cognitive-discursive analysis of corpus data was used. The research material is the contexts of use of relative adjectives “people” and “national”, extracted from the Russian National Corpus (newspaper corpora). It is shown that the Russian relative adjectives, which do not have any evaluativeness in their systemic linguistic lexical semantics, which is also recorded by the main explanatory dictionaries of the Russian language, in discursive implementation are capable of acquiring non-usual positive or negative evaluativeness, implied by the immediate or further contextual environment. In some cases, the condition for inducing contextual evaluativeness is the transition of adjectives from relative to qualitative ones. This is expressed by the possibility of their compatibility with adverbs of degree of quality, use in short form and in comparative and superlative forms, forming from them a qualitative adverb with -o etc.*

***Keywords:** grammatical transitivity, relative adjectives, implicit evaluativeness, corpus analysis, Internet media discourse, Russian speech.*

В.В. Решетникова
Российский университет транспорта (Москва)

**ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МУЛЬТИМЕДИА ДЛЯ ОПТИМИЗАЦИИ
ПРОЦЕССА ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ
ПО СПЕЦИАЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ
В ТЕХНИЧЕСКОМ ВУЗЕ**

Аннотация. Рассматривается использование мультимедиа в обучении иностранных студентов русскому языку по специальности с целью оптимизировать процесс обучения. Отмечается, что мультимедиа лучше всего отражают принципы наглядности и доступности в обучении. При этом мультимедиа органически сочетают в себе как зрительные, так и слуховые анализаторы с помощью различных средств. При использовании мультимедиа у студентов появляется возможность погрузиться в языковую среду и вырабатывать правильное произношение слов и речевых форм и моделей, что оказывает благоприятное влияние на учебный процесс. В учебном процессе используются три основных компонента мультимедиа: компьютер, мультимедийная программа и сеть передачи информации. Вместе они составляют информационно-инструментальную среду обучения, которая обеспечивает самостоятельную деятельность студента и контроль процесса работы с учебными материалами. Просмотр видео на занятиях по русскому языку как иностранному в неязыковых вузах будет полезным и эффективным, если разработать ряд задач по отдельным частям фильма: вопросы на общее понимание, нахождение эквивалентов и перевод наиболее важных или сложных терминов. Делается вывод, что мультимедиа способствуют подготовке высококвалифицированных специалистов технического профиля.

Ключевые слова: мультимедиа, мультимедийный продукт, обучение, погружение, технология, языковая среда.

Главным условием овладения русским языком для профессионального общения является изучение иностранными студентами неязыковых вузов специальной отраслевой лексики в сочетании с глубоким изучением грамматики русского языка. В этом контексте особую актуальность приобретает проблема совершенствования и поиска новых методик формирования у будущих специалистов профессиональной лексической компетентности. Возникает необходимость развития таких методов обучения, которые позволили бы достичь высокого уровня знаний студентов, а также обеспечить эффективность их самостоятельной работы [1. С. 114].

Решить эти проблемы можно путем использования в процессе обучения мультимедийных технологий.

Применение технологий мультимедиа влияет на эффективность восприятия материала, что повышает общую эффективность обучения.

В.Н. Василевская дает определение термина «мультимедиа» по «Глоссарию.ру»: «Мультимедиа – это совокупность компьютерных технологий, одновременно использующих несколько информационных сред: графику, текст, видео, фотографию, анимацию, звуковые эффекты, высококачественное звуковое сопровождение» [2. С. 57].

Мультимедиа лучше всего отражает самые простые и известные принципы обучения – принципы наглядности и доступности. Методисты считают, что мультимедиа, органически сочетая в себе как зрительные, так и слуховые анализаторы средствами текстовой информации, графики, мультипликации, цвета и звука, оказывают благоприятное влияние на овладение грамматикой и лексикой в процессе обучения.

Внедрение мультимедийных технологий в учебный процесс предполагает использование трех основных компонентов: компьютера, мультимедийной программы и сети передачи информации. Вместе они составляют информационно-инструментальную среду обучения, обеспечивающую самостоятельную деятельность студента и контроль работы с учебными материалами. Особую роль в дидактическом плане играют мультимедийные обучающие программы по русскому языку, обеспечивающие введение учебного материала, моделирование ситуаций общения, организацию игровых задач, контроль и оценку знаний.

Особое значение в техническом вузе приобретает использование мультимедийных продуктов для организации самостоятельной работы студентов. Объем учебной информации повышается, и даже при условии увеличения количества часов и введения факультативных курсов становится все труднее охватить все аспекты обучения русскому языку иностранных студентов [3. С. 30]. Сейчас в высших учебных заведениях с целью поддержки и эффективного выполнения учебного плана чаще всего используют такие мультимедийные продукты, как интерактивные справочники и материалы для самообразования (учебники, словари, энциклопедии и т.д.), образовательные программы с интерактивными играми, тренажеры [1. С. 117].

Одним из эффективных направлений в сфере обучения иностранным языкам и русскому языку как иностранному становится разработка системы обучения на базе информационных технологий. Посредством сочетания звуковых, графических, анимационных и текстовых эффектов возможно достаточно удачно создавать эффект погружения в активную языковую среду, реализуя современные лингвистические технологические, методические и педагогические технологии. Кроме того, при обучении по таким программам отрабатываются все аспекты языка – фонетический, грамматический, лексический и коммуникативный, что позволяет более качественно и быстро овладевать языковым материалом, приобретать речевые привычки и умения. Большую роль в этом играют мультимедийные средства,

позволяющие постоянно обновлять учебные материалы и совершенствовать системы работы над ними. Интенсивные мультимедийные программы для обучения как иностранному, так и русскому языку как иностранному необходимо разрабатывать в соответствии с новейшими технологиями обработки звука, текста и графики [4. С. 90].

Глубоко продуманная методика, специально разработанная для компьютерного изучения языка, большой объем подобранного лексического и грамматического материала, высокое качество звучания лингвистического материала, озвученного дикторами – носителями языка или взятого из оригинальных источников, создают совершенное, современное пособие для всестороннего изучения русского языка как иностранного [4. С. 92].

Работая со студентами, преподаватель должен помнить, что студенты – это представители того поколения и культуры, для которых характерны визуальные образы, то есть они быстрее и эффективнее усваивают материал, представленный с помощью аудиовизуальных средств [5. С. 155]. Поэтому на занятиях целесообразно использовать видеоматериалы: документальные фильмы, видеолекции, новости, узкопрофильные телепрограммы на иностранном языке.

Во время просмотра зритель слышит много грамматически правильных предложений на русском языке, диалоги являются образцом реального общения. Кроме того, при просмотре видеоматериалов есть возможность услышать оригинальную профессиональную терминологию, правильно произнесенную. Именно произношение часто вызывает трудности в восприятии для студентов неязыковых специальностей. При просмотре фильмов они попадают в языковую среду. Аутентичные фильмы, в отличие от обучающих, созданы для носителей языка, поэтому герои говорят в естественном темпе, так, как носители языка говорят в реальной жизни.

Для того чтобы сделать просмотр видео на занятиях по иностранному языку в неречевых вузах наиболее полезным и эффективным, следует разработать ряд задач по отдельным частям фильма. Например, вопросы на общее понимание, нахождение эквивалентов и перевод наиболее важных или сложных терминов.

Компьютер не только обеспечивает просмотр видеоматериалов, описывающих технологические процессы на русском языке, но и предоставляет студенту возможность их повторного просмотра и тестирования своих знаний, включая проверку произношения технической терминологии и использования грамматических форм в устной речи. И в этом состоит одно из его главных преимуществ перед другими техническими средствами обучения [3. С. 33].

Таким образом, можно заключить, что, учитывая научно-технический прогресс и множество возможностей, предоставляемых средствами мультимедиа, целесообразно использовать их в учебном процессе, поскольку они облегчают восприятие и усвоение информации. Актуально применять

эти средства на занятиях по русскому языку по специальности, поскольку они позволяют быстрее и активнее решать целый ряд методических задач, например запоминать специальную лексику и практическую грамматику. Благодаря использованию видеоматериалов студент погружается в языковую среду и усваивает правильное произношение слов и речевых форм и моделей. Все эти факторы способствуют подготовке высококвалифицированных специалистов, владеющих русским языком в профессиональной сфере в условиях расширения и укрепления международных контактов.

Список литературы

1. Чередниченко Г.А. Использование мультимедиа для оптимизации процесса обучения деловому иностранному языку // Труды Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 202. С. 114–118.

2. Васильовская В.Н. Реализация мультимедиа и гипермедиа в процессе обучения студентов английскому языку // Известия Южного федерального университета. Технические науки. 2010. № 10 (111). С. 55–60.

3. Бесценная Ж.П. Применение мультимедийных средств для оптимизации самостоятельной работы студентов в процессе обучения иностранному языку в неязыковом вузе // Преподавание языков в высших учебных заведениях на современном этапе. Межпредметные связи. Научные исследования. Опыт. Поиск: Сб. науч. работ. Харьков: ХНУ им. В.Н. Каразина, 2010. Вып. 16. С. 27–33.

4. Малинко О.Г. Современные подходы к изучению иностранного языка в вузах мира // Современные концепции и тенденции обучения иностранному языку в глобальном мире. Киев: КНЭУ, 2010. С. 90–95.

5. Остроумова А.Ю. Использование видеоматериалов с помощью мультимедийных средств в обучении иностранному языку студентов технического вуза // Филологические науки. Вопросы теории и практики. 2013. № 7 (25). С. 153–156.

V.V. Reshetnikova

Russian University of Transport (Moscow)

USING MULTIMEDIA TO OPTIMIZE THE PROCESS OF TEACHING RUSSIAN IN THE SPECIALTY OF FOREIGN STUDENTS AT A TECHNICAL UNIVERSITY

Abstract. The article discusses the use of multimedia in teaching foreign students the Russian language in their specialty in order to optimize the learning process. It is noted that multimedia best reflects the principles of visibility and accessibility in learning. At the same time, multimedia organically combines

both visual and auditory analyzers using various means. When using multimedia, students have the opportunity to immerse themselves in the language environment and develop the correct pronunciation of words and speech forms and patterns, which has a beneficial effect on the learning process. The educational process uses three main multimedia components: a computer, a multimedia program and an information transmission network. Together they make up an information and instrumental learning environment that ensures independent student activity and control of the process of working with educational materials. Watching videos in classes on Russian as a foreign language in non-linguistic universities will be a useful and effective type of work if you develop a series of tasks for individual parts of the film: questions for general understanding, finding equivalents and translating the most important or complex terms. It is concluded that multimedia contributes to the training of highly qualified technical specialists.

Keywords: *multimedia, multimedia product, training, immersion, technology, language environment.*

И.Г. Родионова

Пензенский государственный университет (Пенза)

**ВВОДНОЕ СЛОВО *ВЕРНЕЕ* КАК МЕТАОПЕРАТОР
В АВТОБИОГРАФИЧЕСКОМ ПРОИЗВЕДЕНИИ
К.Г. ПАУСТОВСКОГО «ПОВЕСТЬ О ЖИЗНИ»**

Аннотация. Рассматривается метаязыковая функция вводного слова «вернее», с помощью которого уточняется сказанное ранее, точнее передаётся соответствующий смысл. Объясняется выбор метаязыкового вводного слова «вернее» как объекта анализа и автобиографического произведения К.Г. Паустовского «Повесть о жизни» как материала исследования. Отмечается, что благодаря использованию в автобиографическом тексте метаоператора «вернее» читатель может проследить развитие авторской мысли, увидеть предпочтения писателя в выборе той или иной языковой единицы, служащей для отражения окружающей его действительности. Выделяются типы семантических парадигм (синонимические, паронимические, конкретизирующие, градуальные и др.), в которые объединены слова или словосочетания, выступающие в качестве объектов метаязыкового комментирования. Обращается внимание на место метаязыковой конструкции в составе предложения и текста, а также на пунктуационное оформление предложений с вводным словом «вернее». Делается вывод о писательском мастерстве К.Г. Паустовского, проявляющемся в выборе той или иной языковой единицы, о его внимательном и чутком отношении к слову.

Ключевые слова: вводное слово, метаязыковая рефлексия, метаязыковой комментарий, метаязыковая конструкция, метаоператор.

Усиление антропоцентрического подхода к описанию явлений языка и речи, повышенное внимание лингвистов к характеристике речи носителей языка разных возрастных, гендерных, социальных групп обусловило рост исследований, посвящённых метаязыковой рефлексии говорящих. «В современной лингвистике можно говорить о своего рода «взрыве» интереса к проблематике метаязыковой рефлексии носителей языка», – считает А.С. Баранова [1. С. 6]. Под метаязыковой рефлексией понимается «деятельность сознания (индивидуального или коллективного), направленная на осмысление фактов языка/речи» [2. С. 3].

Средствами выражения метаязыковой рефлексии в тексте являются вербальные и невербальные метаоператоры. Среди вербальных метаоператоров отдельную группу составляют вводные единицы (слова, словосочетания, предложения), «указывающие на отношение говорящего к тем языковым средствам и приёмам, которые им используются для выражения мыслей» [3. С. 142]. Метаязыковая функция вводных единиц отражает стремление говорящего максимально точно передать собеседнику (читателю,

слушателю) коммуникативный замысел. «Говорящий стремится быть правильно понятым, желает воздействовать на адресата. Средством решения этой прагматической задачи является вводность», – отмечает П.А. Лекант [4. С. 105]. Отсюда – внимание говорящего к способам выражения и оформления мысли, о чём пишет В.В. Бабайцева: «Вводные единицы могут выражать отношение говорящего к способам оформления мыслей, стилю высказывания, тону и эмоциональной окрашенности речи. <...> Многочисленность этой группы вводных единиц, разнообразие их типизированных значений и оттенков отражают постоянное внимание говорящих к родному слову, способам выражения мысли» [5. С. 404].

В центре внимания в настоящей статье находится вводное слово *вернее*, реализующее в тексте метаязыковую функцию: оно употребляется «для указания на слово, выражение, к-рое уточняет сказанное ранее, правильнее, точнее передаёт соответствующий смысл» [6. С. 52]. Материалом исследования послужило автобиографическое произведение русского советского писателя К.Г. Паустовского «Повесть о жизни», состоящее из шести книг: «Далёкие годы», «Беспокойная юность», «Начало неведомого века», «Время больших ожиданий», «Бросок на юг», «Книга скитаний». Отметим, что в работе рассматриваются случаи использования вводного слова только в авторской речи.

Выбор в качестве объекта исследования вводного слова *вернее* связан с тем, что оно играет важную роль в автобиографическом тексте. С одной стороны, с его помощью писатель способен более точно отразить описываемые им реалии, противопоставив или сопоставив языковые единицы, занимающие левую (уточняемую) и правую (уточняющую) позиции по отношению к рассматриваемому вводному слову. С другой стороны, благодаря использованию в автобиографическом произведении вводного слова *вернее* читатель может проследить развитие авторской мысли, увидеть предпочтения писателя в выборе той или иной языковой единицы, служащей для отражения окружающей его действительности. Таким образом, вводное слово *вернее* является средством, обеспечивающим коммуникацию автора и читателя и реализующим в тексте категорию диалогичности.

Вводное слово *вернее* вместе с уточняемой и уточняющей единицей образует метаязыковую конструкцию.

Анализ материала показал, что в качестве объектов метаязыкового комментирования выступают слова или словосочетания, объединённые в разные типы семантических парадигм – лексических множеств, базирующихся на семантической общности входящих в них единиц [7. С. 151].

Так, уточняемое и уточняющее слова в рассматриваемом произведении реализуют отношения синонимии: (1) *Идти, вернее пробираться, надо было под стенами или в тени от деревьев* («Начало неведомого века») – глагол *пробираться*, имеющий значение ‘с трудом пройти, проникнуть’

[8. С. 556], является семантическим синонимом доминантного глагола *идти* 'двигаться, переступая ногами' [8. С. 219].

Лексемы, служащие объектом метаязыкового комментирования, могут представлять собой контекстуальные синонимы: (2) *Шум города, вернее, говор города* (в то время было ещё очень мало машин и редко ходили трамваи) затихал, и только издавдалека доносились крылатые звуки «Варшавянки» («Начало неведомого века») – в приведённом предложении К.Г. Паустовский объясняет выбор более точного, по его мнению, слова *говор*, значение которого метафорично. Объяснение представлено в виде попутного замечания, оформленного как вставная конструкция. Приведём другие примеры контекстных синонимов, послуживших объектом метаязыковой рефлексии в рассматриваемом произведении: (3) *Он был, конечно, неумный, вернее, наивный человек, но по натуре добрый и доверчивый* («Беспокойная юность»); (4) *В алтаре на окне лежала покрытая крепкой пылью маленькая книга. Я взял её. Вернее, я осторожно отодрал её от мраморного подоконника и открыл* («Бросок на юг»); (5) *И мысли тоже ползли медленно, растягивались, как резина, и постоянно повторялись. И даже не мысли, а, по существу, одна только мысль или, вернее, воспоминание о той ночи, когда я стоял на коленях перед открытым окном* («Книга скитаний»).

Уточняемое и уточняющее слова могут быть связаны паронимическими отношениями: (6) *Это состояние не было сном. Оно было как бы полуявью. Оно переносило меня на глухие просеки Карелии или к слабенькому плеску, вернее, всплеску, её всегда серебрящихся у берега озёр* («Книга скитаний») – приставка *вс-* придаёт значению слова *плеск* новый смысловой оттенок: указывает на направление движения воды вверх; (7) *Есть рассказы хорошо написанные, но внутри пустые, как съеденное червями яблоко. Пустые потому, что они выдуманы, вернее, придуманы* («Книга скитаний») – с помощью приставки *вы-* выражается оттенок искажённости, нереальности факта, в то время как приставка *при-* лишена такого оттенка.

В автобиографическом произведении К.Г. Паустовского «Повесть о жизни» выделены контексты, в которых с помощью вводного слова *вернее* конкретизируется значение первоначально используемой лексемы. Обратим внимание на то, что в подобных случаях уточняемая лексема-подлежащее повторяется после вводного слова, выступая, однако, уже в функции второстепенного члена предложения при подлежащем-конкретизаторе: (8) *Я не знал, что в Тифлисе бывает хотя и очень слабая, но всё же зима. Вернее, намёк на зиму* («Бросок на юг»); (9) *Из них неведомыми путями рождалась поэзия. Вернее, рождался подтекст его поэзии – тот вначале неуловимый слухом ультразвук, который рано или поздно пробивал оболочку немоты и появлялся рядом с нами – печальный, радостный, торжественный* («Книга скитаний»).

В «Повести о жизни» объектом метаязыкового комментирования становятся слова, «передающие градуальное значение (меры, степени, величины признака, процесса, явления, предмета)» [9. С. 5]. Так, уточняться может собственно количество предметов: (10) *Может быть, сотни, а вернее – тысячи птиц, поблёскивая разноцветным оперением, шевелили густую листву мушмулы, мимозы и тополя* («Бросок на юг»), а также степень проявления тех или иных процессов: (11) *Я плохо помню, вернее – совсем не помню, что было дальше* («Далёкие годы»).

Для более точной передачи смысла отдельная лексема может уточняться словосочетанием: (12) *На чердаке во множестве жили (или, вернее, спали вниз головой) летучие мыши* («Бросок на юг»). Кроме того, словосочетания и даже предложения могут занимать позицию уточняемой и уточняющей единицы в одном контексте: (13) *Я видел Баренцево море, каменные берега, заросшие каменными лишаями, и тундру за Полярным кругом. Она была похожа на исполинские военные кладбища после Первой мировой войны. Но на ней вместо крестов торчали хилые стволы берёз с отломанными вершинами, вернее, гниловатые берёзовые шесты* («Книга скитаний»); (14) *Кто-то долго будил меня, но я никак не мог проснуться. Вернее, я не хотел просыпаться и мучительно ловил в вязкой путанице угасающую полоску зари* («Начало неведомого века»).

Обычно метаязыковая конструкция, включающая вводное слово *вернее*, уточняемую и уточняющую лексемы, находится в составе одного предложения. При этом возможна разная квалификация единиц, являющихся объектом метаязыковой рефлексии, и, как следствие, разное пунктуационное оформление предложения. Так, если уточняемое и уточняющее слова рассматриваются как однородные члены, вводное слово *вернее* выделяется запятыми: (15) *Добавил я на карте или, вернее, отметил на ней те выраженные места, где хорошо бы сделать привал во время столь же вообразаемых будущих моих скитаний по берегам Кара-Бугаза* («Книга скитаний»). Если более точная, по мнению автора, единица квалифицируется как уточняющий член предложения, то после вводного слова, согласно пунктуационной норме, запятая отсутствует: (16) *Копань оказалась маленькой усадьбой, вернее заброшенным хутором* («Начало неведомого века»). Распространённая уточняющая единица отделяется от вводного слова *вернее* с помощью тире как более сильного выделительного знака препинания: (17) *Я взобрался по железной отвесной лестнице без перил до пыльного узкого окна, вернее – до глубокой прорези в стене* («Начало неведомого века»).

Рассматриваемая метаязыковая конструкция может быть оформлена как вставка, если она, по замыслу автора, имеет характер попутного замечания: (18) *Опять можно было читать, работать, думать, снова закономерной чередой приходило пробуждение, работа, голод (вернее – впроголодь) и освежающий сон* («Начало неведомого века»).

С целью большего смыслового выделения актуальной единицы К.Г. Паустовский использует парцелляцию: (19) *Может быть, дед не уживался с бабкой. Вернее, прятался от неё* («Далёкие годы»).

В заключение отметим, что писатель не категоричен в отношении правильности подобранного слова, что характеризует его отнюдь не как человека неуверенного, сомневающегося, а скорее как Мастера, пробующего слова «На вес, На вкус, На запах, На цвет, На прочность» (В. Солоухин). Поэтому в предложении с метаязыковым вводным словом *вернее* используется вводное словосочетание *может быть*: (20) *Но на камнях, несмотря на космически холодную воду, было жарко – и на озере всегда стояло безветрие. Хрустальность (а может быть, вернее – кристальность) отражений в его воде была настолько совершенной, что отличить отражение берегов и гор от настоящих берегов и гор было невозможно* («Бросок на юг»).

Таким образом, использование в автобиографическом произведении «Повесть о жизни» метаязыкового вводного слова *вернее* свидетельствует о писательском мастерстве К.Г. Паустовского, проявляющемся в выборе той или иной языковой единицы, о его внимательном и чутком отношении к слову.

Список литературы

1. Баранова А.С. Критерии выбора рода несклоняемых неодушевлённых существительных рядовыми носителями языка (на материале метаязыковых комментариев) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 412. С. 5–13.
2. Шумарина М.Р. Метаязыковая рефлексия в фольклорном литературном тексте: Дис. ... д-ра филол. наук. М., 2011.
3. Галкина-Федорук Е.М., Горшкова К.В., Шанский Н.М. Современный русский язык: Синтаксис: Учеб. пособие. М.: ЛИБРОКОМ, 2015.
4. Лекант П.А. Синтаксис простого предложения в современном русском языке: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 2004.
5. Бабайцева В.В. Синтаксис русского языка: Монография. М.: ФЛИНТА: Наука, 2015.
6. Объяснительный словарь русского языка: Структурные слова: предлоги, союзы, частицы, междометия, вводные слова, местоимения, числительные, связочные глаголы / Под ред. В.В. Морковкина. М.: Астрель, АСТ, 2003.
7. Илюхина Н.А. Системные отношения в русской лексике как отражение механизма категоризации знания // Вестник Самарского университета. История, педагогика, филология. 2023. Т. 29. № 4. С. 150–155.
8. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. М.: Советская энциклопедия, 1973.
9. Колесникова С.М. Градуальность в системе русского языка: Монография. М.: ФЛИНТА, 2018.

I.G. Rodionova
Penza State University (Penza)

**INTRODUCTORY WORD *VERNEE* (“OR RATER”)
AS A METAOOPERATOR IN AN AUTOBIOGRAPHICAL WORK
BY K.G. PAUSTOVSKY “THE TALE OF LIFE”**

Abstract. The metalinguistic function of the introductory word “vernee” (“or rather”) is considered, with the help of which what was said earlier is clarified and the corresponding meaning is more accurately conveyed. The choice of the metalinguistic introductory word “vernee” as an object of analysis and autobiographical work by K.G. is explained. Paustovsky “The Tale of Life” as research material. It is noted that thanks to the use of the meta-operator “more accurately” in the autobiographical text, the reader can trace the development of the author’s thought, see the writer’s preferences in choosing one or another linguistic unit that serves to reflect the reality around him. The types of semantic paradigms (synonymous, paronymic, specifying, gradual, etc.) are identified, which combine words or phrases that act as objects of metalinguistic commentary. Attention is drawn to the place of metalinguistic construction in the composition of the sentence and text, as well as to the punctuation of sentences with the introductory word “vernee”. A conclusion is made about the writing skills of K.G. Paustovsky, which manifests itself when choosing a particular linguistic unit, about his attentive and sensitive attitude to the word.

Keywords: introductory word, metalinguistic reflection, metalinguistic commentary, metalinguistic construction, metaoperator.

Т.В. Романова

Национальный исследовательский университет
«Высшая школа экономики» (Нижний Новгород)

КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ ДЕРИВАЦИЯ И ИНТЕГРАЦИЯ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ СОДЕРЖАНИЯ СОСТАВНЫХ ТЕРМИНОВ КОГНИТИВНОЙ ЛИНГВИСТИКИ

***Аннотация.** В публикации по материалам «Проектного словаря-справочника когнитивных терминов» рассматриваются процессы концептуальной деривации и концептуальной интеграции, сужения, расширения значения при формировании нового содержания терминов-словосочетаний в терминосистеме когнитивной лингвистики. В словаре среди других терминов (всего 60) представлены термины когнитивной грамматики, такие как «когнитивная грамматика», «когнитивный синтаксис», «пропозиция», «фрейм», «схема», «категория», «ментальная структура», «концептуальная деривация», «концептуальная интеграция», «концептуальная структура», «фон/фигура». Эти термины фиксируют способы концептуализации и категоризации действительности в соотношении с языковыми структурами их экспликации. Задача данной публикации – представить специфику содержания указанных терминов, обусловленную их когнитивным статусом.*

***Ключевые слова:** термин, терминосистема, концептуальная деривация, концептуальная интеграция, сужение, расширение.*

В терминосистеме когнитивной лингвистики много терминов-словосочетаний, взаимодействующих с однословным термином по принципу сужения или расширения содержания [1], что иллюстрирует процесс концептуальной деривации или процесс концептуальной интеграции. В первую очередь это касается сочетаний субстантивов терминологического характера с прилагательными *когнитивный, концептуальный, ментальный*.

Под концептуальной деривацией понимают вторичную языковую интерпретацию, формирование нового смысла в результате изменения концептуального содержания [2. С. 47]. Сравним с определением понятия «деривация» в грамматике (словообразовании) как «аффиксального словообразования» [3. С. 129]. В этом случае задействовано расширение как механизм формирования содержания термина-словосочетания.

Примером процесса концептуальной деривации по принципу расширения может служить формирование содержания термина «ментальные структуры». Ср. СТРУКТУРА (лат. *structura*) – 1) взаимное расположение и связь составных частей чего-л.; строение, напр. с. атома, с. предложения, с. экономики, с. производства, с. потребления, с. цен; 2) устройство, организация чего-л., напр. организационная с., с. управления, многоуровневая с., с. данных, с. капитала, с. рынка <...> [4].

МЕНТАЛЬНЫЕ СТРУКТУРЫ (*mental structures*) – это система психических образований, которые в условиях познавательного контакта человека с действительностью обеспечивают возможность поступления информации о происходящих событиях и ее преобразование, обобщение имеющейся информации и порождение новой информации, управление процессами переработки информации и избирательность интеллектуальной деятельности [5. С. 94].

То же самое наблюдается при соотношении содержания когнитивных терминов-словосочетаний с однословными терминами «концептуальный анализ», «концептуальная структура», «ментальный лексикон», «фреймовая семантика».

Концептуальная интеграция понимается как интенциональный семантический сдвиг, создание нового значения при концептуальном сжатии, пересечении, смешении [6. С. 479]. Сравним: ИНТЕГРАЦИЯ – объединение в целое каких-л. частей, элементов, а также процесс сближения, взаимодействия, напр. и. наук, и. языков (объединение диалектов в единый язык) (противоп. дезинтеграция) [4].

Процесс концептуальной интеграции наблюдается, например, при формировании содержания термина «когнитивная семиотика». См.:

КОГНИТИВНАЯ СЕМИОТИКА «<...> **представляет собой область междисциплинарных исследований**, в рамках которой анализируются различные аспекты процесса образования значений, и целью которой является увязать в единое целое проблему концептуализации действительности и хранения знаний с проблемой функционирования номинативных единиц в культуре (Ирисханова, 2010; Zlatev, McCune, 2014)» [7. С. 129].

СЕМИОТИКА (гр. *semeiotike* учение о знаках) – наука, изучающая свойства знаков и знаковых систем (естественный, разговорный язык, языки программирования, физ. и хим. символика, логические и математические исчисления и т.п. [4].

СИНОНИМЫ: *когнитивная семиология.*

ГИПЕРОНИМЫ: *семиотика, междисциплинарное направление, лингвистическая парадигма.*

ОТНОШЕНИЯ РАСШИРЕНИЯ: *прагмалингвистика, когнитология.*

ГИПОНИМЫ: *когнитивная синтактика, когнитивная семантика, когнитивная прагматика.*

ОТНОШЕНИЯ СУЖЕНИЯ (СПЕЦИФИКАЦИИ): *когнитивная семиотика бизнес-процессов, бизнес-семиотика, когнитивная семиотика личности/текста/дискурса.*

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: *когнитивная семиотика – когнитивно-семиотический.*

В случае концептуальной интеграции при формировании содержания составного термина так же, как и при концептуальной деривации, задействован как механизм сужения, конкретизации значения за счёт изменения

когнитивного профиля, сферы знания (например, *ассоциативный тезаурус, когнитивная грамматика, когнитивная лингвистика, когнитивная семантика, когнитивный синтаксис, языковая картина мира*), так и механизм расширения содержания понятия (*когнитивная метафора*).

Например, КОГНИТИВНАЯ ГРАММАТИКА – грамматические концепции и грамматические модели описания языков, ориентированные на рассмотрение когнитивных аспектов языковых явлений: восприятия, памяти, мышления, внимания и т.п. [8].

СИНОНИМЫ: *пространственная грамматика / грамматика пространства, леминарная грамматика, эмерджентная грамматика, дискурсивная грамматика, грамматика конструкций, непорождающая грамматика, некомпозициональная грамматика.*

АНТОНИМЫ: *генеративная грамматика, порождающая грамматика, композициональная грамматика.*

ГИПЕРОНИМЫ: *когнитивная лингвистика.*

ГИПОНИМЫ: *пространственная грамматика.*

ДЕРИВАЦИОННО-ЭПИДИГМАТИЧЕСКИЕ СВЯЗИ: *когнитивная лингвистика – социокогнитивная лингвистика; когнитивная лингвистика – когнитивная социолингвистика.*

Или:

КОГНИТИВНАЯ МЕТАФОРА (англ. *cognitive/conceptual metaphor*) – одна из форм концептуализации, когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания. По своему источнику КМ отвечает способности человека улавливать и создавать сходство между разными индивидами и классами объектов [9. С. 55].

СИНОНИМЫ: *концептуальная метафора (полные синонимы).*

ГИПЕРОНИМЫ: *концептуальная система, концептуальная структура, культурная парадигма, картина мира.*

ОТНОШЕНИЯ РАСШИРЕНИЯ: *метафора, концептуализация, когнитивный процесс, когнитивная операция, способ концептуализации, способ мышления, концептуальный феномен, способ интерпретации действительности, способ осмысления мира, познавательный процесс, инструмент познания, когнитивный механизм, процесс мыслительной деятельности.*

ОТНОШЕНИЯ СУЖЕНИЯ (СПЕЦИФИКАЦИИ): *когнитивная синестезийная метафора.*

Таким образом, составные термины когнитивной лингвистики наследуют исходное значение однословного термина, а собственно-когнитивное значение приобретают через деривационное и интеграционное взаимодействие существительного с прилагательным когнитивной семантики.

Список литературы

1. Романова Т.В., Колчина О.Н., Куликова В.А., Хоменко А.Ю. Проектный словарь-справочник когнитивных терминов: Учеб. пособие / Под общ. ред. Т.В. Романовой. Н. Новгород: Деком, 2022.

2. Болдырев Н.Н. Оценочная метареферентация: проблемы изучения и описания // Когнитивные исследования языка. Вып. V. Тамбов: Издательство ТГУ им. А.Р. Державина, 2009. С. 43–51.
3. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Советская энциклопедия, 1966.
4. Захаренко Е.Н., Комарова Л.Н., Нечаева И.В. Новый словарь иностранных слов. М.: Азбуковник, 2003. Электронный ресурс: <http://slovari.ru/default.aspx?s=0&p=232>.
5. Холодная М.А. Психология интеллекта. 2-е изд., перераб. и доп. СПб.: Питер, 2002.
6. Цветаева Е.Н., Куликова В.А. Концептуальная интеграция: антропонимы в антономасическом сравнении // Русская германистика: Ежегодник Российского союза германистов. 2021. Т. 18. С. 474–489.
7. Косиченко Е.Ф. Когнитивно-семиотические аспекты художественной ономастики // Когнитивные исследования языка. 2018. № 35. С. 129–135.
8. Жеребило Т.В. Словарь лингвистических терминов. Назрань: Пилигрим, 2010.
9. Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г., Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов / Под общ. ред. Е.С. Кубряковой. М.: Филол. фак. МГУ, 1996.

T.V. Romanova

HSE University (Nizhny Novgorod)

**CONCEPTUAL DERIVATION AND INTEGRATION
IN THE FORMATION OF THE CONTENT
OF COMPOSITE TERMS OF COGNITIVE LINGUISTICS**

***Abstract.** The publication based on the materials of the “Project Dictionary-handbook of Cognitive Terms” examines the processes of conceptual derivation and conceptual integration, narrowing, and expansion of meaning in the formation of new content of terms and phrases in the terminological system of cognitive linguistics. The dictionary contains, among other terms (60 in total), terms of cognitive grammar, such as “cognitive grammar”, “cognitive syntax”, “proposition”, “frame”, “schema”, “category”, “mental structure”, “conceptual derivation”, “conceptual integration”, “conceptual structure”, “background/figure”. These terms fix the ways of conceptualization and categorization of reality in relation to the linguistic structures of their explication. The purpose of this publication is to present the specifics of the content of these terms, due to their cognitive status.*

***Keywords:** term, terminosystem, conceptual derivation, conceptual integration, narrowing, expansion.*

С.В. Русанова

Новосибирский государственный технический университет (Новосибирск)

ПРИКАЗНЫЕ ГРАММАТИЧЕСКИЕ ЭЛЕМЕНТЫ В ДЕЛОВОМ ЯЗЫКЕ XVIII ВЕКА

Аннотация. Предметом исследования в настоящей статье являются отдельные грамматические элементы, унаследованные деловым языком XVIII в. из приказного языка и требующие дифференцированного подхода. Акцентируется внимание на приказных элементах, которые в новом языковом пространстве вступали в конкуренцию с книжно-славянскими средствами и могли в дальнейшем либо вытесняться как неактуальные для нового канцелярского слога, либо стилистически переосмысляться и функционировать как нормативные жанрообразующие средства.

Ключевые слова: история русского литературного языка, деловой язык XVIII в., приказные грамматические средства, формирование нормы.

Вопросы об отношении делового языка XVIII в. к приказному наследию, к приказным элементам, которые, с одной стороны, продолжали использоваться в деловой коммуникации Нового времени, а с другой, подвергались вытеснению, несмотря на активное исследование деловой письменности данного периода, не теряют научного интереса. В законодательных и распорядительных документах Петровской эпохи происходит не только отбор и закрепление стилистически маркированных книжно-славянских средств, но и апробация традиционных приказных элементов, подтверждающая их жизнеспособность или необходимость в замещении.

Безусловно, общерусский лексический и грамматический фонд, составлявший языковую базу приказного языка, сохраняет свою актуальность и в формирующемся канцелярском слоге. В настоящем исследовании предпринимается попытка дифференцировать грамматические приказные средства в зависимости от особенностей их функционирования в официально-деловом языке XVIII в.

К первой группе можно отнести грамматические, и прежде всего морфологические, формы, обусловленные эволюционными процессами живой разговорной речи и актуальные для приказного языка, однако уже в рамках приказной письменности обнаружившие тенденцию к варьированию с книжно-славянскими средствами, вкрапление которых в приказной текст отмечается во второй половине XVII в. как обусловленное стилистическими установками. Речь идет о флексиях атрибутивных классов слов – прилагательных, причастий, местоимений, и в частности о флексиях именительного и винительного падежей мужского рода единственного числа *-ой*, *-ей*, родительного падежа мужского и среднего рода единственного числа *ого*, *-его* и их варьировании с церковнославянскими формами *-ый*, *-ий*, *-ья*, *-аго*, *-ья* и под. Исследователи приказных текстов говорят об употреблении книжных флексий лишь в особых случаях, с определенной

стилистической окраской (оттенком некоторой официальности) [1. С. 123], при титуловании царя и царевичей [2. С. 20].

В официально-деловом языке XVIII в. данные оппозиции укрепляются, конкуренция форм возрастает, что обусловлено расширением функций книжных флексий. Причем функциональная нагрузка указанных флексий и характер отношений между ними на протяжении столетия кардинально меняются [3].

К другой группе приказных элементов, продолжающих функционировать в формирующемся канцелярском слоге, следует отнести служебные слова. Среди них особое место занимают подчинительные союзы, союзные слова, частицы, *буди, как, что, коли, только* и др., которые также вступают в конкуренцию с книжно-славянскими средствами, такими как *ежели, понеже, дабы, точию* и др. Вектор отношений между членами подобной оппозиции обусловлен семиотической нагрузкой структурообразующих элементов церковнославянского происхождения в процессе преобразования обособленного приказного идиома в функциональный стиль литературного языка. Если в первой половине XVIII в. подобные гетерогенные языковые средства выступают как равноправные варьирующиеся средства, то во второй половине отмечается их стилистическая дифференциация [4. С. 78]. Приказные средства либо вытесняются из языкового пространства делового документа книжными или более поздними разговорными аналогами (ср., *буди – ежели, если*), либо сохраняются как нейтральные, в то время как книжные единицы приобретают стилистическую окраску – начинают функционировать как структуро- и жанрообразующие средства [4–6].

Третью группу составляют типичные приказные элементы, которые в условиях отказа от приказной традиции были функционально переосмыслены и продолжили использоваться в деловом языке XVIII в. как нормативные стилеобразующие средства, как показатели канцелярского слога. К подобным адаптировавшимся приказным средствам относятся, например, конструкции с независимым инфинитивом для выражения императивности [7. С. 40, 44]. Нормативным средством канцелярского слога стала и формула рукоприкладства – устойчивое лексико-грамматическое сочетание *руку приложил*, представляющее форму «заручения» текстов и дифференцирующее в канцелярском делопроизводстве XVIII в. документы, адресантами которых выступают частные лица, – просительные, судебносудебные, регистрационные, сделочно-договорные. Будучи унаследованными из приказной системы делопроизводства, данные средства вступают в оппозицию с книжно-славянскими элементами или новыми элементами, созданными на базе последних, но не вытесняются ими, не выступают в качестве нейтральных вариантов, а функционально и семантически трансформируются, образуя вместе с книжными элементами единый жанрово-стилистический инструментарий.

Список литературы

1. Тарабасова Н.И. Явления вариативности в языке московской деловой письменности XVII в.: Монография / Под ред. С.И. Коткова. М.: Наука, 1986.
2. Инютина Т.С. Вариантность языковых средств в деловом письме Сибири XVII века: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Томск, 2009.
3. Svetlana Rusanova. The Formation of the Norm of 18 th Century Official Russian and the Problem of Language Unit Variability / Русанова С.В. Формирование нормы делового языка XVIII века и проблема вариативности единиц // Russian Grammar: System – Usus – Variation / Русская грамматика – система – узус – варьирование // Vladislava Warditz (ed.) / Владислава Вардиц (ред.). Berlin et al.: Peter Lang Verlag, 2021. P. 449–461 / С. 449–461.
4. Майоров А.П. Очерки лексики региональной деловой письменности XVIII века. М.: Азбуковник, 2006.
5. Кудрявцева Е.А. Элементы церковно-славянской традиции в деловой письменности начала XVIII века (На материале памятников Туруханского Троицкого монастыря): Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Красноярск, 2007.
6. Русанова С.В. Славянизация языка законодательных актов в Петровскую эпоху // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2023. Т. 22. № 6. С. 55–65. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2023.6.4>
7. Руднев Д.В., Пушкарева Н.В. Регламенты петровского времени в аспекте императивности // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2. Языкознание. 2021. Т. 20. № 4. С. 36–49. DOI: <https://doi.org/10.15688/jvolsu2.2021.4.3>

S.V. Rusanova

Novosibirsk State Technical University (Novosibirsk)

COMMAND GRAMMATICAL ELEMENTS IN THE BUSINESS LANGUAGE OF THE 18th CENTURY

Abstract. *The research focuses on the specific grammatical elements adopted by the business language of the 18th century from the mandative language and requiring a differentiated approach. The grammatical elements of the mandative language in the new linguistic space competed with book-Slavic means. Later, the elements could either be displaced as irrelevant to the new official speech patterns, or stylistically rethought to function as normative genre-forming means.*

Keywords: *history of Russian literary language, business language of the 18th century, grammatical means of the mandative language, norm formation.*

С.А. Рылов

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

**РУССКАЯ СИСТЕМА СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИХ ТИПОВ
ПРОСТОГО ПРЕДЛОЖЕНИЯ НА ФОНЕ ЧЕШСКОЙ:
К ПРОБЛЕМЕ TERTIUM COMPARATIONIS**

***Аннотация.** Обращение автора к традиционной проблеме двусоставности/односоставности обусловлено развитием новых направлений в современной лингвистике и недостаточной изученностью синтаксических конструкций чешского языка в сопоставлении с русским. Двусоставный и односоставный типы простого предложения – языковые феномены, образующие ядро микросистемы «простое предложение» внутри синтаксической системы каждого из современных славянских языков. Особое место занимает русский язык, в котором на протяжении длительной истории сформировалась сложная градуальная система структурно-семантических типов простого предложения, что обуславливает специфически русскую национальную ментальность в синтаксисе. При сопоставительном исследовании структурно-семантических типов простого предложения в русском и чешском языках возникает проблема выбора основания сопоставления. Анализ чешской синтаксической терминологии, основывающейся на собственно чешской грамматической традиции, показал, что основанием для сопоставления не могут служить сами синтаксические термины. В качестве *tertium comparationis* предлагается общность понятийного содержания (одинаковые пропозиции) эквивалентных синтаксических конструкций двух языков. На основе конфронтантного анализа конструкций простого предложения в русском и чешском языках выявляются существенные структурно-семантические различия между эквивалентными русскими и чешскими синтаксическими структурами, что является значимым как в научном, так и в лингводидактическом плане.*

***Ключевые слова:** микросистема «простое предложение», двусоставность/односоставность как основной дифференциальный признак, сопоставительный подход, градуальная система структурно-семантических типов русского языка, национально-специфическая чешская синтаксическая терминология, *tertium comparationis*, конфронтантный анализ.*

В связи с развитием сопоставительной синтактологии, когнитивной лингвистики, типологических исследований, теории перевода традиционная проблема двусоставности/односоставности предложения приобрела в последние десятилетия новое звучание. Двусоставность/односоставность как основной дифференциальный признак грамматической структуры простого предложения (ПП) представляет особую значимость по следующим

причинам: а) это постоянный структурный признак ПП, сохраняющийся во всех грамматических, структурно-семантических модификациях предложения и играющий важную конструктивную роль в грамматической организации ПП; б) двусоставность/односоставность обуславливает характер значимости мысли в сознании говорящего (пишущего) и, соответственно, передаёт объективно существующие различия в самой форме выражения и организации мысли; в) в дифференциальном признаке «двусоставность/односоставность» находит проявление национальная ментальность, поскольку структурно-семантическую основу простого предложения составляет «смысл концепта, положенного в основание высказывания» [1. С. 202].

Двусоставный и односоставный типы предложения – языковые феномены, формировавшиеся ещё в праславянском (индоевропейском) языке. Два важнейших структурных типа образуют ядро микросистемы «простое предложение» внутри синтаксической системы каждого из современных славянских языков.

Двусоставность/односоставность как основной дифференциальный признак системы структурных типов ПП русского языка был выработан еще традиционной лингвистикой, ею же было установлено формальное и семантическое различие между двусоставными и односоставными предложениями. В отличие от распространенной в XVIII в. теории тречленности суждения и, соответственно, предложения (подлежащее, сказуемое, связка), А.Х. Востоков в изданиях «Русской грамматики» 40-х гг. XIX в. (и более поздних) высказывает мнение, что личное глагольное предложение «двучленно» (двусоставно в современной терминологии), поскольку слагается только из двух частей, «называемых подлежащим и сказуемым»; безличное предложение «одночленно», в нем есть только сказуемое, например: *Рассветает. Пора вставать*. Заслуга А.Х. Востокова в том, что с его именем «связывается новое понимание строя наиболее употребительных типов двучленных, или «двусоставных», предложений в русском языке [2. С. 170].

В разграничении и исследовании двух важнейших структурных типов ПП особенно велика заслуга А.А. Шахматова. Именно А.А. Шахматов, опираясь на богатейший речевой материал, впервые в русском языковедении предпринял попытку систематизировать все многообразие живых синтаксических конструкций. Он объединил все простые предложения, в которых возможен только один главный член, в особый тип, дав ему специальное название односоставные предложения – в отличие от двусоставных предложений. Исходя из теории психологической коммуникации, А.А. Шахматов по-новому дал толкование сущности односоставных. По А.А. Шахматову, это предложения, в которых не находит себе «словесного выражения то расчленение, которое с несомненностью обнаруживается в самой коммуникации» [3. С. 30], двучленной по своей природе и состоящей из сочетания субъекта и предиката ($S - P$). Иначе говоря, в односоставных предложениях сочетание $S - P$ «находит себе соответствие» в одном главном

члене [3. С. 30]. Односоставные предложения А.А. Шахматов впервые соотнес с предложениями двусоставными. А.А. Шахматов первым описал в русском языке разновидности односоставных предложений как самостоятельные структурно-семантические типы, не сводимые к неполным предложениям. Разграниченные А.А. Шахматовым два структурных типа: двусоставный и односоставный – образуют основную классификационную систему структурно-семантических типов простого предложения и в современной русистике, см., например: [4. С. 91–134]. Построенная А.А. Шахматовым типология простых предложений русского языка, хотя она и далека от совершенства, может служить отправной точкой для дальнейших углубленных исследований. Как подчеркивает В.В. Бабайцева, «центральной была и остается структурно-семантическая классификация, представляющая собой внутренне организованную совокупность взаимодействующих синтаксических конструкций» [5. С. 385]. Многочисленные синтаксические построения, совмещающие свойства разных структурных типов ПП, недостаточно изучены даже в отдельных славянских языках, тем более – в сопоставительном плане. Особое место при этом занимает русский язык, в котором на протяжении длительной истории постепенно сформировалась сложная градуальная система из 8 структурно-семантических типов ПП, особенно четкая – система односоставных предложений, что во многом обуславливает национальную ментальность русского языка в области синтаксиса.

В качестве исходных при структурно-семантическом анализе ПП рассматриваются два важнейших структурных типа – в чешской терминологии *věta dvojčlenná* а *věta jednočlenná* – и в богемистике, в частности, крупнейшим чешским синтаксистом и славистом Я. Бауэром [6]. Однако в чешской грамматике принято специфичное терминологическое разграничение: *větné struktury podmětové (dvojčlenné) а větné struktury bezpodmětové (jednočlenné/impersonální)* [7. S. 330–334; 8. S. 111–113; 9. S. 90–110]. Трудность в том, что национальная лингвистическая (в т.ч. и синтаксическая) терминология основывается на собственных грамматических традициях, сложившихся в данной стране. Поэтому при сопоставительном подходе к структуре ПП важно учитывать национальную специфику чешской синтаксической терминологии. При этом чешская традиция исходит из того, что в предложениях подлежащих (двучленных) подлежащее может быть грамматически не выражено (оно как бы «заключено» в самой форме глагола-сказуемого) [9. S. 113]. Следовательно, чешские типы простого предложения нетождественны русским. Особенно важно то, что это различие в классификации типов ПП не только и не столько терминологического, сколько понятийно-содержательного характера. Чешские предложения, в которых подлежащее-субъект словесно не выражен, например: *Bojím se psa; Vrátil jsem se pozdě večer; Říkali mu bratr Paleček* – квалифицируются,

в отличие от русской грамматической традиции, как предложения двучленные, а не одночленные! [7. S. 345].

Это вовсе не означает, что сопоставительный анализ структуры ПП в чешском и русском языках невозможен: необходимо найти основание для сопоставления – *tertium comparationis*. Ясно, что таким *tertium comparationis* в данном случае не могут служить сами синтаксические термины, и при сопоставительном синтаксическом анализе нельзя подходить к структуре предложения в одном языке терминологическими «мерками» другого языка. Важно учитывать понятийное содержание синтаксических терминов и на семантической основе проводить сопоставительный анализ структуры простого предложения в русском и чешском языках. Поиски *tertium comparationis* привели автора к конфронтальному анализу.

Конфронтальный анализ как разновидность сопоставительного исследования – система принципов, приемов, которые направлены на выявление различий двух генетически родственных языков. Конфронтальный анализ ставит целью исследование синтаксических конструкций двух языков с точки зрения взаимных синхронных отношений – конфронтации. Ключевое понятие конфронтального анализа – «синтаксическая конфронтация». Это два синтаксических элемента сопоставляемых языков (высказывания, модели простого предложения и др.), которые имеют закономерное соответствие: на базе общности этих элементов по какому-либо признаку между ними обнаруживается языковое различие. Конфронтальный анализ позволяет выявить эквивалентные синтаксические структуры простого предложения в русском и чешском языках. Эквивалентными в двух языках являются те структуры, которые имеют одинаковые (сходные) пропозиции и общность понятийного содержания. Одинаковые типовые пропозиции получают в русском и чешском языках зачастую нетождественное структурно-грамматическое оформление, что и фиксируется неодинаковыми синтаксическими терминами, например, «односоставное безличное предложение» в русском языке ~ чешская «синтаксическая структура подлежащая (*podmětová dvojčlenná*)».

При сопоставительном анализе структурно-семантических типов ПП в русском и чешском языках особую значимость как в научном, так и в лингводидактическом плане представляют синтаксические конструкции, выражающие ‘личностный принцип’. Дело в том, что личностный принцип воспринимается и отражается в чешском и русском языках по-разному. В русском языке, в отличие от чешского, в таком случае используются чаще всего односоставные безличные, реже инфинитивные предложения. Развитая система структурно-семантических типов безличного предложения создаёт ярко выраженное национальное своеобразие русского языка и обуславливает значительные типологические различия между русским и чешским языками. Данная типологическая дифференциация находит проявление в разнообразных синтаксических конфронтациях. Для чешско-русского конфронтального анализа большой научный интерес представляют

весьма частотные синтаксические конфонтемы: русское «односоставное безличное/инфинитивное предложение» ~ чешская ««синтаксическая структура dvojčlenná», ср. эквивалентные между собой в зависимости от пропозиции структуры:

1) с пропозицией 'носитель психического/физического состояния': *Materi seгодня ne spalось. ~ Matka dnes nemohla spát; Дочке ещё комнату убирать. ~ Dcerka musí ještě uklízet pokoj; Мне хочется сказать Вам добрые слова. ~ Rád bych Vám řekl laskavá slova;*

2) с пропозицией 'субъект со значением орудия, с помощью которого осуществляется стихийное действие': *Ветром сорвало крышу. ~ Vítř strhl střechu; Дорогу занесло снегом. ~ Sníh zavál cestu;*

3) с пропозицией 'субъект со значением чувственного восприятия': *В саду пахнет розами. ~ V zahradě voní růže;*

4) с пропозицией 'объект действия/субъект состояния': *Берлиоза выбросило на рельсы. ~ Berlioz dopadl na koleje;*

Подводя итоги проведённого исследования, следует отметить, что при сопоставительном анализе структурных типов простого предложения нельзя опираться только на сами синтаксические термины и подходить к структуре простого предложения в одном языке терминологическими «мерками» другого языка. Опорой должна быть понятийная отнесённость синтаксических терминов.

Конфронтемный анализ конструкций простого предложения позволил выявить эквивалентные чешско-русские синтаксические конфонтемы, имеющие одинаковые (сходные) пропозиции, которые получают в чешском и русском языках нетождественное структурно-грамматическое оформление, что фиксируется специфичными для двух языков синтаксическими терминами. Это важно использовать в преподавании чешского языка как иностранного в целях развития грамматической и коммуникативной компетенции обучающихся.

Список литературы

1. Колесов В.В. Основы концептологии. СПб.: Златоуст, 2019.
2. Виноградов В.В. Из истории изучения русского синтаксиса (от Ломоносова до Потемби и Фортунатова). М.: Изд-во МГУ, 1958.
3. Шахматов А.А. Синтаксис русского языка. Изд. 2-е. Л., 1941.
4. Бабайцева В.В., Инфантова Г.Г., Николина Н.А., Чиркина И.П. Современный русский язык: Теория. Анализ языковых единиц: В 3 ч.: Ч. III: Синтаксис / Под ред. Е.И. Дибровой. 2-е изд. Ростов-на-Дону: Феникс, 1997.
5. Бабайцева В.В. Явления переходности в грамматике русского языка. М.: Дрофа, 2000.

6. Bauer J. Strukturní typy slovanské věty a jejich vývoj // J. Bauer. *Syntactica slavica. Vybrané práce ze slovanské skladby*. Brno: Univerzita J.E. Purkině, 1972. S. 31–34.
7. Havránek B., Jedlička A. *Česká mluvnice*. Praha: SPN, 1960.
8. Grepl M., Karlík P. *Skladba spisovné češtiny*. Praha: SPN, 1986.
9. Flidrová H., Žaža S. *Синтаксис русского языка в сопоставлении с чешским*. Olomouc: Univerzita Palackého, 2005.

S.A. Rylov

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod)

**RUSSIAN SYSTEM OF STRUCTURAL-SEMANTIC TYPES
OF SIMPLE SENTENCES ON THE BACKGROUND OF THE CZECH:
ON THE PROBLEM OF TERTIUM COMPARATIONIS**

***Abstract.** The author appeals to the traditional problem of two-part/one-part due to the development of new directions in modern linguistics and the insufficient knowledge of syntactic structures of the Czech language in comparison with Russian. Two-part and one-part types of simple sentences are linguistic phenomena that form the core of the “simple sentence” microsystem within the syntactic system of each of the modern Slavic languages. A special place is occupied by the Russian language, in which, over the course of a long history, a complex gradual system of structural and semantic types of a simple sentence has been formed, which determines a specifically Russian national mentality in syntax. When conducting a comparative study of structural-semantic types of a simple sentence in the Russian and Czech languages, the problem of choosing a basis for comparison arises. An analysis of Czech syntactic terminology, based on the Czech grammatical tradition itself, showed that the syntactic terms themselves cannot serve as the basis for comparison. The commonality of conceptual content (identical propositions) of equivalent syntactic constructions of two languages is proposed as tertium comparationis. Based on a confrontational analysis of simple sentence structures in the Russian and Czech languages, significant structural and semantic differences between equivalent Russian and Czech syntactic structures are revealed, which is important both in scientific and linguodidactic terms.*

***Keywords:** “simple sentence” microsystem, two-part/one-part as the main differential feature, comparative approach, gradual system of structural-semantic types of the Russian language, nationally specific Czech syntactic terminology, tertium comparationis, confrontational analysis.*

Л.Н. Саакян

Государственный институт русского языка им. А.С. Пушкина (Москва)

УСЛОВНАЯ УСТУПКА КАК МИТИГАТИВНАЯ ФОРМА ОТРИЦАНИЯ В МЕДИАКОММУНИКАЦИИ

Аннотация. Рассматривается проблема функционирования феномена митигации (коммуникативного смягчения) в политическом дискурсе. Мы придерживаемся интегративного подхода и рассматриваем митигацию как универсальную дискурсивную практику, способствующую снижению уязвимости «лица», уменьшению риска конфликта, а зачастую и снятию коммуникантом с себя ответственности за высказывание. В статье митигативная форма отрицания исследуется на примере противительнo-уступительных конструкций со словами «всё-таки» (частица; союз), «всё же» («и всё же»), «тем не менее», «хотя» и др. Материалом послужили дебаты на «правительственном часе» Совета Федерации. Также анализируется соотношение феномена митигации и эвфемии.

Ключевые слова: условная уступка, коммуникативное смягчение, митигативная форма отрицания.

Проблемы взаимодействия языка и политики относятся в настоящее время к наиболее актуальным в лингвистической науке, что отмечает ряд современных исследователей [1–7].

В сфере институциональной коммуникации наблюдается особое использование языка политическими субъектами. Образцом институционального политического дискурса можно считать дискурс парламента как иерархически устроенного законодательного органа власти. Парламентский дискурс активно изучается в России и за рубежом как «вершина политической коммуникации» [5; 8].

В публичном, условно открытом политическом медиадискурсе, каким является «правительственный час» Совета Федерации¹ (СФ) [9], часто из дискуссии исключается агенс-лицо, что обусловлено разными экстралингвистическими причинами, в частности намерением субъекта политического дискурса перефокусировать внимание адресата таким образом, чтобы смягчить потенциально конфликтную интенцию или снять с себя ответственность. Достигается это, как правило, различными средствами: использованием имперсональных конструкций, дейктической деперсонализацией (т.е. соотнесением действия или характеристики с неопределённым лицом: *тот, кто Р, тот Р1*), вводом неопределённой референции (*некоторый, один из, определенный*) и др. [5; 6; 10].

¹ Мероприятие, на котором приглашённое должностное лицо отвечает на вопросы сенаторов. Проводится по заблаговременно подготовленным материалам в фиксированное время в зале заседания Государственной думы и Совета Федерации.

Однако здесь следует остановиться еще на одном приеме, часто встречающемся в политических дебатах, – т. наз. тактике псевдосогласия. Тактика псевдосогласия позволяет *приглашенному* на правительственный час *должностному лицу* (ПДЛ) построить ответ на неудобный вопрос по принципу противопоставления (как разновидности отрицания), которое реализуется на уровне всего ответа: первая часть ответной речи – псевдосогласие с мнением адресата, как правило, контрастирует со второй, подчеркивающей актуальность позиции ПДЛ, которая часто отличается от мнения парламентариев и которая не соответствует ожиданиям последних. Языковыми средствами выражения такого противопоставления на лексико-грамматическом уровне служат противительные-уступительные конструкции с союзными частицами *всё-таки*, *всё же*, *все равно*, *тем не менее*, союзами *хотя*, *несмотря на то что*, *вопреки тому что* и др., а на синтаксическом уровне – предложения различной структурной организации с уступительной семантикой (сложносочиненные, сложноподчиненные, простые, бессоюзные сложные, фразеологизированные).

В рассматриваемом коммуникативном событии практически каждое должностное лицо сталкивается с угрозой потери авторитета как носителя институциональных функций. Прибегая к тактике коммуникативного смягчения (митигации), ПДЛ микширует уязвимость потери лица. В разных культурах и типах дискурса эта уязвимость может проявляться по-разному. В случае с рассматриваемым коммуникативным событием – как возможное проявление некомпетентности, отсутствие необходимых должностных качеств и рабочих навыков, и не в последнюю очередь – нелояльность к самим сенаторам. Реализуется феномен митигации за счет использования широкого набора тактик, воплощаемых разноуровневыми языковыми средствами, что определяется типом дискурса.

Сложилась традиция выделять три типа митигации: на уровне **пропозиции** (изменение модусных и семантических составляющих высказывания), **иллокуции** (выражение потенциально конфликтных иллокуций косвенными способами) и **дейксиса** (выведение нежелательных элементов пропозиции за пределы содержательной структуры высказывания)². Для ПДЛ характерны все три типа коммуникативного смягчения. Можно выделить основные митигативные тактики:

- 1) выведение адресата из фокуса (при выражении потенциально конфликтной интенции);
- 2) демонстрация неуверенности (при выражении субъективного мнения и потенциально конфликтной интенции);
- 3) эвфемизация, нивелирование проблемы (при псевдосогласии);
- 4) и напротив – подчеркивание важности проблемы и своей вовлеченности в процесс её устранения.

² Исследователи признают, что эти типы часто перекрывают друг друга [11. Р. 917].

Митигативный эффект достигается за счет использования нескольких приемов и средств одновременно. Приведем пример.

На заседании СФ 23.01.2019 года министр строительства В.В. Якушев (ПДЛ), отвечая на вопрос Л.З. Талабаева, члена Комитета СФ по аграрно-продовольственной политике и природопользованию (представителя Приморского края), о сокращении объема непригодного для проживания жилищного фонда (*Прошу Вас кратко рассказать, что происходит сегодня с реализацией данного проекта*), в ответе добивается митигативного эффекта за счет использования разнообразных коммуникативных средств и приемов. Министр подчеркивает намерение ответить честно (1), указывает на субъективность точки зрения и тут же демонстрирует неуверенность в высказанном предположении (2), затем включает в круг ответственных за проблему целый ряд органов власти (3), «размывая» тем самым ответственность. Причем в ответе министра реальная проблема, из-за которой возник вопрос, не называется прямо («затягивание решения проблемы»), она вуалируется эвфемизмом «пробуксовка» (4): *Уважаемые коллеги, честно говоря (1), мне кажется (2), если с этим проектом у нас еще будет (2) пробуксовка (4), то, наверное (2), будет стыдно. Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства (3)...* Далее министр говорит об уже отработанных механизмах решения проблемы, но так и не примененных (*Причем должно быть стыдно и субъектам Российской Федерации, и муниципалитетам, и нам, как профильному министерству, и Фонду содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства, потому что до этого момента, реализуя эту программу достаточно длительное время, мы довольно серьезно потренировались и отработали все механизмы*), показывает активное вовлечение в работу. Хотя, подчеркнем, ПДЛ использует глагол ограничительного способа действия (*потренировались*) и наречие степени (*довольно*), тем самым снижая иллокутивную силу высказывания и микшируя эффект громкого заявления. Далее ПДЛ подчеркивает важность проблемы и сообщает, что государственная машина сегодня готова решить проблему аварийного жилья: *Мне всё-таки кажется, все региональные и муниципальные команды сегодня к реализации этого проекта готовы.* В этом высказывании снова используется вводное выражение с дуальной семантикой, одновременно подчеркивающее субъективность точки зрения и снижающее уверенность.

Еще пример: 20.03.2019 на заседании Государственной думы (ГД) министр труда и социальной защиты М.А. Топилин (ПДЛ), дискутируя с депутатом Н.В. Арефьевым по поводу предложения последнего оказать дополнительные меры социальной поддержки детям войны, прибегает к помощи сложноподчиненных синтаксических конструкций с типизированным лексическим элементом – союзной частицей *все-таки*. Вот как это

выглядит: *Мы неоднократно этот вопрос рассматривали, и мы исходим из того, что большая часть, подавляющая часть тех людей, которых можно отнести к этой категории, охвачена иными мерами социальной поддержки <...>. Мне кажется, этот вопрос можно и дальше рассматривать с точки зрения его целесообразности, с тем чтобы дополнительно защищать эту категорию, но **всё-таки** посмотрите, какие уже предусмотрены меры поддержки <...>. Так что мне кажется, здесь нужно ограничиться действующими инструментами поддержки этих категорий.* Противительно-уступительное *всё-таки* позволяет ПДЛ показать, что аргументы вопрошающего приняты и имеют право на существование. Вместе с тем ПДЛ не может согласиться с озвученной позицией. *Всё-таки* эксплицирует внутренний конфликт, указывает на наличие иного мнения, подчеркивает важность препятствующей причины. По своей прагматической функции противительно-уступительное *всё-таки* в организации ответа ПДЛ сближается с выражением сожаления (*К сожалению, я не могу согласиться*).

Далее министр описывает факторы, ограничивающие возможность решения обсуждаемой проблемы, на что указывает частотный контекстуальный эвфемизм *момент* ‘фактор, мешающий решению проблемы’ [3; 12]: *Едиственный момент – 28 февраля по поручению Президента Российской Федерации мы внесли изменения в федеральный закон № 185 и Жилищный кодекс, но дали дополнительные возможности субъектам Российской Федерации или, как мы говорим, дополнительные опции. И это не что-то выдуманное, взятое из космоса, это лучшие практики, которые субъекты наработали при реализации предыдущей программы...* Затем ПДЛ включает в круг ответственных за проблему целый ряд органов власти (3), при этом в ответе министра реальная проблема, из-за которой возник вопрос, не называется прямо (‘затягивание’).

Правительственный час – это форма взаимодействия разных ветвей власти, а именно – контроля представителями законодательной власти представителей исполнительной. Правительственный час проводится в верхней и нижней палатах парламента. Рассматривая его как коммуникативное событие, то есть как целостное, социально мотивированное, развивающееся в определенных пространственно-временных координатах взаимодействие нескольких коммуникантов, можно выделить ряд значительных сходств между правительственными часами в ГД и СФ, позволяющих рассматривать дискурс двух палат как единое коммуникативное пространство в данном конкретном исследовании. Участники коммуникативного события – агенты (сенаторы и депутаты) и контрагенты (ПДЛ) парламентского дискурса – представляют государственную власть, но контрагенты по отношению к агентам находятся в зависимой позиции, их отношения асимметричны. Общение на уровне иерархических статусов подразумевает

определенный сценарий и использование конвенциональных коммуникативных паттернов.

С точки зрения структуры правительственный час в ГД и СФ имеет одни и те же важнейшие элементы: отчет ПДЛ, выступление аудитора Счетной палаты, вопросы сенаторов/депутатов к ПДЛ, выступления сенаторов/депутатов по мотивам правительственного часа. Уязвимая позиция ПДЛ делает его речь интенционально более сложной, а потому интересной для прагмалингвистического анализа. ПДЛ использует широкий набор языковых средств, чтобы не растерять авторитет и сохранить свое «институциональное лицо». В более широком контексте мнимое согласие, как и мнимое сочувствие (*у беженцев, конечно, есть проблемы, но...*), мнимое извинение (*извините, но...*), мнимая уступка (*Вы, безусловно, правы, но тем не менее...*) и другие мнимые интеркции суть составляющие стратегии положительной самопрезентации и негативной презентации других («приращение аут-группы», по Т. Ван Дейку) [2. С. 137].

Исследование коммуникативного поведения должностных лиц разного уровня в уязвимой позиции на фоне возрастающей роли устной публичной речи в современном политизированном коммуникативном пространстве [1–4] представляется весьма перспективным.

Список литературы

1. Боженкова Н.А., Боженкова Р.К., Боженкова А.М. Современный политический дискурс: вербальная экземплификация тактико-стратегических предпочтений // Вестник Российского университета дружбы народов. Сер. Русский и иностранные языки и методика их преподавания. 2017. Т. 15. № 3. С. 255–284.

2. Ван Дейк Т.А. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации / Пер. с англ. М.: УРСС: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2015.

3. Саакян Л.Н. Эвфемия как прагмалингвистическая категория в дискурсивной практике непрямого речевого убеждения: Дис. ... канд. филол. наук. Москва, 2010.

4. Саакян Л.Н., Северская О.И. Прямая и непрямая коммуникация в кризисном публичном политическом дискурсе: фактор адресата // Медиалингвистика 2022. Специальный выпуск № 9: Материалы VI Международной научной конференции «Язык в координатах массмедиа». СПб.: Медиапапир, 2022. С. 651–655.

5. Саакян Л.Н., Труханова Д.С. Имперсональные конструкции в русскоязычном политическом дискурсе // Динамика языковых и культурных процессов в современной России. Вып. 7. Материалы VII Конгресса РОПРЯЛ (Уфа, 6–9 октября 2022 года). СПб.: СПбГУ, 2022. С. 319–323.

6. Тахтарова С.С. Митигативные тактики в политическом дискурсе // *Lingua mobilis*. 2010. № 5 (24). С. 72–79.

7. The Routledge Pragmatics Encyclopedia / Ed. by L. Cummings. London: Routledge, 2010.

8. Шейгал Е.И. Семиотика политического дискурса. М.: ИТДГК «Гнозис», 2004.

9. Официальный сайт Совета Федерации РФ. Стенограммы и видеозаписи пленарных заседаний. Электронный ресурс: <http://council.gov.ru/activity/meetings/page/5/>.

10. Тахтарова С.С. Категория коммуникативного смягчения (когнитивно-дискурсивный и этнокультурный аспекты). Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2009.

11. Thaler V. Mitigation as modification of illocutionary force // Journal of Pragmatics. 2012. № 44. P. 907–919.

12. Saakyan L., Severskaya O. Figure, image, reputation of politicians in the language and the actual political discourse (a corpus research experience) // Przegląd Wschodnioeuropejski. 2020. Vol. 11. № 2. P. 57–371.

L.N. Saakyan

Pushkin State Russian Language Institute (Moscow)

CONDITIONAL CONCESSION AS A MITIGATING FORM OF DENIAL IN MEDIA COMMUNICATION

***Abstract.** The article deals with the problem of the functioning of the phenomenon of mitigation (communicative mitigation) in political discourse. We adhere to an integrative approach and consider mitigation as a universal discursive practice that helps to reduce the vulnerability of the “person”, reduce the risk of conflict, and often relieve the communicant of responsibility for speaking out. In the article, the diminutive form of negation is investigated by the example of oppositional-concessive constructions with the words “fsjo-taki” (“still”) (particle; union), “fsjo zhe” (“i fsjo zhe”) (“still” (“and still”)), “tem ne menee” (“nevertheless”), “khotya” (“although”), etc. The material was the debate at the “government hour” of the Federation Council. The correlation of the phenomenon of mitigation and euphemia is also analyzed.*

***Keywords:** conditional concession, communicative mitigation, a mitigative form of denial.*

Ю.Р. Сагидуллина

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

ОСОБЕННОСТИ УПОТРЕБЛЕНИЯ ЛОКАТИВНЫХ ФОРМ ПРЕДЛОЖНОГО ПАДЕЖА В ЯЗЫКЕ XXI ВЕКА

Аннотация. В статье предпринята попытка описать изменения, происходящие в парадигме предложного падежа имен существительных в XXI веке. Используя в ходе исследования сравнительно-теоретический метод, а также метод направленной выборки, мы провели обобщение существующих наблюдений и дополнили их рядом собственных примеров, которые подвергли анализу путем сравнения зафиксированной в актуальных грамматиках нормы с реальными случаями употребления в рамках нашего материала.

Ключевые слова: существительное, предложный падеж, аналитизм, управление, предложно-падежная форма.

Падеж как грамматическая категория является достаточно стабильным явлением, но и он претерпевает изменения, которые происходят постепенно и непрерывно в течение всего периода развития языка. В настоящее время по вопросам особенностей употребления форм предложного падежа (ПП) существует весьма небольшое количество литературы. Цель статьи – выявить и описать особенности употребления локативных форм ПП в XXI веке. Некоторые изменения в употреблении форм ПП существительного исследованы и описаны впервые. Наблюдения проводились на основе источников периода 2001–2024 гг.

Мы предполагаем, что в XXI веке в парадигме ПП происходит изменение в нормативном употреблении предложно-падежных сочетаний в локативном значении: парадигма падежа претерпевает изменения в сторону упрощения, поддерживая общую тенденцию в языке к аналитизму.

Согласно грамматикам русского языка, форма ПП существительного с флексией -у в сочетании с предлогами *в* и *на* имеет значение «пространственное (местное)» и «то или другое обстоятельственное значение» соответственно [1. С. 486; 2. С. 144]. В грамматиках приведен также список слов, форма которых на -е равна форме на -у в том же значении. Например: *на ветру* и *на ветре*, *на грунту* и *на грунте* и др. Это говорит о том, что сам процесс «вытеснения» ограниченной в использовании в данном значении флексии замечен учеными уже давно, однако в списках отсутствуют слова, которые встретились в нашем материале, а именно: *аэропорт*, *берег*, *сад*, *бой*, *мост*.

В «Русской грамматике» *аэропорт* и *берег* определены в категорию слов с единственной возможной формой на -у в местном значении [1. С. 487].

Объем собранного нами материала на этапе докорпусного исследования составляет 32 единицы, материал был собран методом случайной выборки из различных источников: 1) интернет-ресурсы: сайты компаний и печатных изданий и др. (студия Артемия Лебедева; megamarket.ru; tverigrad.ru; tripadvisor.ru; cian.ru; wowhead.com и др.); 2) печатные блоги, видеоблоги (paisiypchelnik.livejournal.com; dzen.ru; drom.ru и др.); 3) видеореклама Ozon, Yandex Market; 4) реклама на баннерах и проч. При отборе материала из Национального корпуса русского языка (НКРЯ) удалось собрать 387 единиц. Итак, общий объем материала для анализа составил 425 единиц.

Аэропорт. Это самая частотная лексема: 19 примеров – случайная выборка и 283 – из НКРЯ (газетный подкорпус – 275). Можно встретить случаи употребления обеих форм (на -у и на -е) в рамках одного предложения или текста статьи (14 случаев), например: 1) *...в связи с двумя взрывами в аэропорте Брюсселя погибли по меньшей мере 11 человек* (Раздел «Общество». При взрыве в *аэропорту* Брюсселя погибли 11 человек, более 20 ранены // gazeta.ru. 2016.03.22); 2) *Похожий инцидент произошел в мае 2015 года в аэропорте Кольцово в Екатеринбурге* (Алжирец разбил дверь в *аэропорту* Стамбула в попытке догнать самолет // Lenta.ru. 2015.08.14).

Мы обратили внимание на некоторые семантические особенности (алгоритм анализа см. в [3. С. 137]). Опираясь на ряд толковых словарей, справочников и иных источников [4–7], мы предприняли попытку разделить материал с сочетанием *в аэропорте* на группы по значениям. Итак, три группы значений слова *аэропорт* (на основе материала данного исследования):

1. Организация, транспортное предприятие – 47 примеров: *В результате сделки доля правительства в аэропорте снизится с 63, 56% до 30%* (Правила игры // Коммерсант. 2004.11.15);

2. Комплекс сооружений (в первую очередь аэродром) – 66 примеров: *Самолет приземлился в 12: 50 по японскому времени в аэропорте Якутска* (Дайджест. 19 сентября – 2 октября 2005 года // РИА Новости. 2005.10.04);

3. Аэровокзал, здание для пассажиров (залы ожидания, магазины, рестораны и др.) – 100 примеров: *Но в аэропорте Сингапура нету никакой таможни, поэтому проверить меня некому* (Край счастливых павлинов // Коммерсант. 2005.03.31).

Доминирование последнего значения очевидно, однако не все примеры удалось распределить, и в 4 группу вошли примеры, где нет очевидных признаков первых трех значений – 92 примера: *Какую можно получить медицинскую помощь в аэропорте* (eurotech-group.ru). Есть также несколько особых случаев, например название фильма (*Теперь его имя могло появляться даже в крошечных ролях, как в «Аэропорте-77»*) (Трагический клоун // Известия. 2001.06.28), название города (*Выберите даты проживания*

в *Аэропорте*). Для таких случаев норма описана в грамматиках: если слово является названием или частью названия, то правильна только форма на *-e* [1. С. 487]. Эти случаи в анализе дистрибутивного и семантического плана не участвовали.

В дистрибутивном плане: в материале есть примеры как с распространителями, так и без них, а также случаи употребления обоих вариантов с одним и тем же распространителем (*На данный момент в связи с двумя взрывами в аэропорте Брюсселя погибли по меньшей мере 11 человек и 81 получили ранения* (Раздел «Общество». При взрыве в *аэропорту Брюсселя* погибли 11 человек, более 20 ранены // *gazeta.ru*. 2016.03.22)). Особенностей употребления форм не найдено.

Сад. Пять примеров – случайная выборка (в НКРЯ примеров за XXI в. не найдено). Источники материала разнообразны: сайт туроператора, новостной портал, официальный сайт администрации Санкт-Петербурга, научный труд историка искусства.

В трёх примерах *сад* является частью названия [1. С. 487]. Оставшиеся два примера имеют крайне далекие друг от друга источники: и по стилю, и по адресату, и по автору. *Вид отеля и сада (в саде летнее кафе)* (*tripadvisor.ru*) – реклама на сайте турагентства; *Та правдивая нота, которая поражает в саде мадридского «Обоняния»* (А.Н. Бенуа. История живописи всех времен и народов. Т. 3).

Берег. Семь примеров – случайная выборка и три – из НКРЯ (газетный корпус). В двух примерах *на берегу* употреблено в соответствии с нормой [1. С. 487] – ПП на *-e* в именах собственных: *Победа на Береге Древних* (*wowhead.com*); *...я оказался в пустыне Намиб, на Береге Скелетов* (Скелетные каникулы // *Коммерсант*. 2008.03.21).

В дистрибутивном плане: 5 случаев с распространителем. В рамках нашего материала найдено 3 сочетания с лексемой *река* или с названием какой-либо реки: *«На берегу реки» дом под-ключ в Теберде* (*edem-v-gosti.ru*). И лишь один пример с озером: *Речь идёт о расследовании..., что позволило построить в Друскининкай роскошную виллу на берегу озера* (Литовский премьер рассказал, что в стране ещё зимой произошёл путч // *Парламентская газета*. 2016.09.13). Единственный пример с распространителем – названием города: *Чудесный отель на берегу Zell am See* (*tripadvisor.ru*) – найден на сайте туроператора, название которого мы уже видели среди источников к сочетанию *в саде*. Ошибки в форме ПП на *-y*, возможно, являются систематическими на этом сайте.

Один из примеров без распространителя, вероятно, имеет особую мотивацию – автор использовал каламбур: *О Беринге на берегу: стартовал IX Межрегиональный книжный фестиваль «Тверской переплёт»* (*tverigrad.ru*).

Среди источников четыре из восьми являются СМИ, остальные – сервис бронирования отелей, сервис объявлений, туроператор, интернет-магазин, т.е. сфера услуг.

Бой. Два примера – случайная выборка, 103 – из НКРЯ (4 из основного корпуса и 99 – из газетного). Доля текстов из СМИ составляет 94,2%. Такое число может быть связано в первую очередь с тем, что СМИ освещают спортивные события: *Гассиеву не хватило агрессии в бое с Валлином* (dzen.ru). Значение «спортивное состязание» [8. С. 198] предположительно является мотивировкой к употреблению сочетания *в бое* (73,3%). Группа примеров со значением лексемы *бой* как физического конфликта [3. С. 198] немногочисленна – 18 примеров: *Общее число боевиков, участвующих в бое, пока не называется* (В Ингушетии уничтожены двое боевиков // Vesti.ru. 2005.10.11).

В семи примерах единицы употреблены в рамках нормы [1. С. 487], например: *В «Бое клавиатур» приняли участие около 20 человек* (Львовские студенты подрались клавиатурами // Lenta.ru. 2008.04.17).

Мост. Пять примеров – случайная выборка и четыре – из НКРЯ (газетный). Семь примеров из новостного портала или газеты: *Ремонтные работы на мосте через Кабан в Казани ведут круглосуточно* (inkazan.ru). Один пример был найден на сайте Президентской библиотеки, см.: *Ремонт настила на мосте Строителей* (prlib.ru. 07.10.2022).

В дистрибутивном плане: примеров с распространителем лишь 3 из 9. Особенности употребления не найдено.

Итак, около 90% от общего числа примеров – из газет или новостных порталов. Особенности семантики влияют на выбор форманта только для сочетания *в бое* (больше 70% примеров имеют значение «спортивное состязание»).

В заключение ещё раз подчеркнём, что грамматики русского языка описывают равноправие окончаний *-у* и *-е* при употреблении ряда слов в ПП в локативном значении, но *аэропорт, сад, берег, бой, мост* в эту группу не входят. Возможно, некоторые из этих лексем могут дополнить список, например, в современном аналоге традиционных грамматик – на сайте rusgram.ru («Русская корпусная грамматика – синхронное описание языка»).

Список литературы:

1. Русская грамматика в 2 т. Т. 1. Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология / Акад. наук СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред Н.Ю. Шведова. М.: Наука, 1980.
2. Грамматика русского языка в 2 т. Т. 1. Фонетика и морфология / Акад. наук СССР; ред. коллегия: В.В. Виноградов, Е.С. Истрина, С.Г. Бархударов. М.: Наука, 1960.
3. Кузьмина Н.А. Активные процессы в русском языке и коммуникации новейшего времени: Учеб. пособие. М.: ФЛИНТА, Наука, 2013.
4. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка. Электронный ресурс: <https://gufo.me/dict/ozhegov?letter=%D0%B0&page=2>.

5. Ушаков Д.Н. Толковый словарь современного русского языка. Электронный ресурс: <https://gufo.me/dict/ushakov>.
6. Ефремова Т.Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный. Электронный ресурс: <https://efremova.slovaronline.com/>.
7. Воздушный кодекс РФ от 19 марта 1997 г. Электронный ресурс: <https://docs.cntd.ru/document/9040995>.
8. Большой толковый словарь русского языка / Под ред. С.А. Кузнецова. СПб.: Норинт, 2000.

J.R. Sagidullina

St. Petersburg University (St. Petersburg)

FEATURES OF USING LOCATIVE FORMS OF THE PREPOSITIONAL CASE IN THE LANGUAGE OF THE 21st CENTURY

***Abstract.** The article attempts to describe the changes occurring in the paradigm of the prepositional case of nouns in the 21st century. Using a comparative theoretical method during the study, as well as a directed sampling method, we generalized existing observations and supplemented them with a number of our own examples, which we analyzed by comparing the norm recorded in current grammars with real cases of use within the framework of our material.*

***Keywords:** noun, prepositional, analyticism, control, prepositional case form.*

М. В. Сандакова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

К ВОПРОСУ О СИНТАКСИЧЕСКИХ ФУНКЦИЯХ СУБСТАНТИВНОЙ МЕТОНИМИИ

***Аннотация.** Синтаксические особенности субстантивной метонимии показывают глубинную связь и взаимопроникновение лексики и грамматики. В статье рассматриваются синтаксически ограниченные значения, связанные с метонимическим переносом существительных по некоторым регулярным метонимическим моделям. При переносе конкретно-предметных имён «содержащее → содержимое» происходит распределение и ограничение синтаксических функций: имя в роли обстоятельства прочитывается только в прямом значении («Они вошли в аудиторию»). В контекстах с синкретичным выражением исходного и метонимического значений, характерных для художественной литературы, локатив соотносится с прямым, определение – с метонимическим значением («Они стояли посреди ошеломлённого ресторана»). При переносе абстрактных имён возможны вторичные значения двух типов: номинативные («ёлочные украшения») и предикатные («Выступление стало украшением вечера») со свойственным им набором синтаксических функций. Метонимическое значение, содержащее оценочный компонент, совмещает особенности номинативного и предикатного типов. В художественном тексте возможности моделей «состояние → причина состояния», «свойство → субъект (носитель) свойства» возрастают: перенос охватывает широкий круг наименований свойств и состояний, употребляемых в позиции сказуемого и приложения («Мамаша – стыд и жалость его отрочества»).*

***Ключевые слова:** лексическое значение, субстантивная метонимия, синтаксис, синтаксически ограниченные значения, номинативная и предикатная функция, художественный текст.*

Вопрос о синтаксических функциях различных значений слова интересует лингвистов уже на протяжении нескольких десятилетий, см. [1–4] и др. В.В. Виноградов, выделивший тип синтаксически ограниченных значений, относил к ним существительные с «предикативно-характеризующими значениями», предназначенные в языке для употребления в составе сказуемого, а также в функции обращения, обособленного определения, приложения: *Она у меня молодец; Пирожки – объеденье* [1].

Н.Д. Арутюнова, исследуя синтаксическое поведение вторичных значений, сформулировала следующую общую закономерность: «...Метонимия привязана к идентифицирующей функции, а метафора обслуживает функцию предиката» [2. С. 349].

О синтаксической ограниченности метонимических значений писала О.П. Ермакова [3; 5]. Она выявила такое интересное явление, как регулярные метонимические переносы слов, обозначающих природные явления и состояния окружающей среды (*жара, холод, ветер, сквозняк, солнце, тень, туман* и др.). Эти номинации могут выражать локальное значение, которое в ряде случаев (хотя непоследовательно) имеет словарную фиксацию. Например, для слова *солнце*: «1. Центральное тело Солнечной системы. 2. Свет, тепло, излучаемое этим телом; место, освещённое им. *Не сиди на солнце. Занавески совсем выгорели на солнце. И на солнце, и в тени жарко*» [6. С. 1233].

Локальные значения обладают свойственной метонимии регулярностью и образуют несколько типов. Например, значение ‘там, где’: *Целый день провели на жаре*; значение ‘туда, где’: *Дети выбежали на холод*; значение ‘оттуда, где’: *Она пришла с мороза*. Данные метонимические значения, квалифицируемые автором как «парадигматически ограниченные» [5. С. 13], реализуются только в определённых падежно-предложных формах, которые связаны с выполнением синтаксической функции обстоятельства.

Остановимся на некоторых значениях регулярной субстантивной метонимии в аспекте их синтаксических особенностей.

1. Метонимические переносы конкретно-предметных имён, порождающие значения, которые не обладают образностью и выполняют номинативную функцию.

Такие переносы происходят, в частности, по моделям: «дерево → плод этого дерева»; «растение → плод (ягоды) этого растения»; «животное → мех этого животного»; «ткань → изделие из этой ткани» и др., см. [7. С. 200–203]. Синтаксически вторичные значения аналогичны исходным.

Другие модели порождают метонимические значения, имеющие синтаксические отличия от прямых. Одна из этих моделей – «содержащее → содержимое», охватывающая наименование помещений, посуды и др.: *концертный зал – зал аплодирует, разбить стакан – выпить стакан*.

При таких переносах происходит распределение и ограничение синтаксических функций. Если в позиции подлежащего и дополнения может быть реализовано то и другое значение, то обстоятельство локативной семантики допускает прочтение только в прямом значении. Например: *Он вошёл в аудиторию; Он налил воды в кастрюлю*.

Особый интерес представляют случаи синкретичного выражения двух разных значений, нередкие в художественном тексте, см. [8]. Например: *Но пока мы дневали и ночевали в сонной монтажке крошечной телекомпании, втиснутой новым мэром в полуподвал прямо напротив кожвендиспансера...* (М. Симоньян. Подсолнухи). Существительное *монтажка* совмещает два значения: ‘помещение’ и ‘люди, которые находятся в этом помещении’. При этом предикаты *дневали* и *ночевали* относятся к прямому

значению ‘помещение’, атрибут *сонный* – к метонимическому значению ‘люди’.

Аналогично: *Три неподвижных минуты Мотог и Рузанка стояли посреди ошеломлённого ресторана, глядя друг другу в глаза, как лётчики, идущие на таран* (М. Симоньян. Вакцинация). Здесь сказуемое *стояли* так же соотнесено с прямым, а определение *ошеломлённого* – с метонимическим значением слова *ресторан*.

Ср. также более сложный случай: *Ровно в пять часов я запер дверь нашего отдела, сел в потный, битком набитый автобус и поехал на пляж* (Ф. Искандер. Созвездие Козлотура). В этом контексте сказуемое *сел* и определение *набитый* указывают на автобус как место, а определение *потный* относится к метонимическому значению ‘люди’.

Таким образом, как показывают примеры, при реализации модели «содержащее → содержимое» предикат высказывания обеспечивает проявление прямого значения, определения же, в зависимости от их семантики, могут поддерживать как исходное значение, так и метонимическое.

2. Метонимические переносы имён с абстрактной семантикой.

Переносы наименования действия, состояния, свойства на предмет или лицо порождают разнообразные актантные значения субъекта, объекта, результата, инструмента, средства, места и др. [7. С. 193–200] При этом происходит трансформация абстрактного значения в конкретное: свойство (состояние) закрепляется, фиксируется на определённом носителе.

Метонимические значения могут быть номинативными и предикативными, что в целом обусловлено семантически. Обычно номинативная метонимия предназначена для обозначения определённого класса предметов. Например: *Крутизна* – «крутой спуск, обрыв, крутое место; круча» [6. С. 475]: *Взобрались на крутизну. Защита* – «защищающая сторона в судебном процессе (противоп.: *обвинение*) и «игроки, защищающие участок поля около своих ворот (в футболе, хоккее и т.п.)» [6. С. 359]: *Защите удалось доказать невиновность подсудимого; Отлично сыграла защита. Украшение* – «предмет, служащий для того, чтобы придавать красивый вид кому-, чему-либо» [6. С. 1381]: *Ёлочные (лепные, ювелирные) украшения*.

Предикатная метонимия выполняет оценочно-характеризующую функцию и выражает, как правило, обобщённое значение, приложимое к широкому кругу предметов и лиц. Например: *Украшение* – это ‘то, что (тот, кто) украшает что-либо’: *Торт – украшение стола; Пенie стало украшением вечера; Она – украшение нашего собрания. Защита* – это ‘то, что (тот, кто) защищает что-либо (кого-либо)’: *Зубная паста – защита от кариеса; Ты – моя надёжная защита*.

Номинативная метонимия имеет набор функций имени существительного, задаваемых семантикой актанта: *Охрана спит* (субъект); *Долго стояли у железнодорожного переезда* (обстоятельство места); *К юбилею поэта выпустили новое издание стихов* (объект).

Номинативным значениям свойственно употребляться в форме множественного числа: *говорить колкости (банальности, непристойности); делать гадости; любоваться красотами*. А также: *Напрасны ваши совершенства: Их вовсе не достоин я* (А.С. Пушкин. Евгений Онегин); *Да, мой старик в основном умнее меня, хотя и он иногда делает глупости* (Ф. Искандер. Рассказ мула старого Хабуга); ... *Выстроили мраморный, исполинский музей в память павших, окружённый мелкими скульптурными пошлостями, сосисочной торговлей и фонтанами...* (А. Терехов. Бабаев).

Если в значении содержится оценочный компонент, оно может вмещать особенности номинативного и предикатного. Актуализация номинативной или оценочно-характеризующей составляющей задаётся синтаксической позицией имени. Ср.: *Поэт Сидоров – полная бездарность* (предикация с превалированием оценочной характеристики) и *Талантам надо помогать, бездарности пробьются сами* (Л. Озеров) (номинация, содержащая оценочную характеристику). В связи с этим представляется вполне бесспорным мнение О.Э. Королёвой, которая, описывая синтаксические функции нарицательных имён в метонимическом значении, делает вывод об их бифункциональном характере [9. С. 50].

Экспрессивно-оценочная актантная метонимия встречается не только в функции сказуемого, но также в полупредикативной функции (приложении) и обращения. Ср.: *Какая гадость эта ваша заливная рыба!; И в котелках вижу сосиски... И компот, компот, солдатская радость, в термосе*. (В. Маканин. Асан); *Друг мой! Радость моя! Прощай!* (А.Н. Островский. Гроза).

Предикатное метонимическое значение возможно у слов *восторг, краса, любовь, мечта, наказание, отрада, прелесть, простота, совершенство, утешение* и др. Их образование происходит по моделям: «состояние → причина состояния»; «свойство → субъект (носитель) свойства». Они способны выражать экспрессивно-оценочную характеристику как предмета, так и лица: *Долговязый Колян... влез в постромки лично им пошитой сумки, где весомо покоилась краса и гордость экспедиции: купленный вместо услуг стоматолога японский движок* (О. Славникова. 2017); *С кем, если только не с самим Вольтером, его можно поставить рядом, этого distinguished филозофа, гордость и украшение столетия!* (В. Аксёнов. Вольтерьянцы и вольтерьянки).

В художественном тексте возможности данной модели возрастают: в неё вовлекается более широкий круг слов, которые, по данным толковых словарей, выражают лишь значение 'состояние' или 'свойство'. Например, в позиции сказуемого (приложения) у слова *стыд* применительно к человеку реализуется значение 'человек, вызывающий чувство стыда за него'. Аналогично для *позор, ужас, жалость* и др.: *Вот так из колыхания толпы вдруг материализовалась его еврейская «мамаша», стыд и жалость его отрочества* (В. Аксёнов. Московская сага); *Это я, что называется, ходила*

на грани, это я могла в одну секунду стать «позором» семьи, это у меня мозги были «не туда» повернуты (Г. Щербакова. Митина любовь).

Итак, синтаксическое поведение субстантивной метонимии показывает глубинную связь лексики и грамматики, их взаимодействие и взаимопроникновение. Художественный текст расширяет семантические и синтаксические возможности реализации ряда метонимических моделей.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Основные типы лексических значений слова // Вопросы языкознания. 1953. С. 3–29.
2. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М.: Языки русской культуры, 1999.
3. Ермакова О.П. Лексические значения производных слов в русском языке. М.: Русский язык, 1984.
4. Ерёмин А.Н., Петрова О.О. Метонимия в современном русском языке. Теоретические основания и модели реализации. М.: ФЛИНТА, 2019.
5. Ермакова О.П. Парадигматически ограниченные метонимические значения // Ермакова О.П. Избранные работы по русскому языку. Калуга: КГУ им. К.Э. Циолковского, 2022. С. 13–19.
6. Большой толковый словарь русского языка (БТС) // Под ред. С.А. Кузнецов. СПб.: Норинт, 2001.
7. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. I. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М.: Школа «Языки русской культуры», Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1995.
8. Корнева Е.А., Сандакова М.В. Синкретизм метафоры и метонимии в современных русскоязычных текстах // Языки и культуры в цифровую эпоху. Н. Новгород: ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2022. С. 173–178.
9. Королёва О.Э. Метонимия как тип значения: семантическая характеристика и сферы употребления // Обнинск: Институт муниципального управления, 2002.

M.V. Sandakova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhniy Novgorod)

SYNTACTIC FUNCTIONS OF NOMINAL METONYMY

***Abstract.** Syntactic functions of nominal metonymy demonstrate visceral connection between lexis and grammar. The paper deals with the syntactically restricted meanings which are connected with the metonymic shift of the nouns according to some regular metonymic models. In the case with the shift of general purpose nouns “container → content” the distribution and the restriction*

of syntactic functions take place. The noun in the function of the adverbial modifier is clear only in its direct meaning ("They entered the room"). In the case with the syncretic expression of the initial and metonymic meaning which occur in the belles-lettres literature the locative corresponds the direct meaning and the attribute corresponds the metonymic meaning ("They were standing in the middle of the bewildered restaurant"). In the case with the shift of the abstract nouns the secondary meanings of two types are formed: nominative ("New Year ornaments") and predicative with the specific syntactic functions ("The performance was the ornament of the party"). The metonymic meaning with the evaluative component combines the peculiarities of the nominative and predicative types. In the belles-lettres literature the opportunities of the following models increase: "state → the reason of the state", "characteristic → the characteristic bearer". In this case the shift embraces a wide range of the characteristics and states which function as subject and predicate ("Mumsy – shame and pity of his adolescence").

Keywords: *lexical meaning, nominal metonymy, syntax, syntactically restricted meanings, nominative and predicative function, belles-lettres literature.*

О.И. Северская

Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН (Москва)

**ЕДЬ, ВИДЬ И СЛЫШЬ ИЛИ ПОЕЗЖАЙ, СМОТРИ И СЛУШАЙ?
(НЕРЕГУЛЯРНЫЕ ФОРМЫ ИМПЕРАТИВА С ПОЗИЦИИ
ВОСПОЛНЕНИЯ ГРАММАТИЧЕСКИХ ЛАКУН)**

Аннотация. Статья посвящена проблеме спонтанного восполнения дефектных парадигм глаголов «ехать», «видеть» и «слышать» с использованием словоформ, отвергаемых литературной нормой. Автор обращает внимание на характерную для 2000-х годов экспансию форм повелительного наклонения «едь (едьте)», «видь (видьте)», «слышь / слышьте», ставя целью выявить ее закономерности и причины. Исследование, проведенное на материале Национального корпуса русского языка методами корпусного, контекстного, семантического, грамматического и синхронно-диахронического сравнительного анализа, доказывает регулярность использования «ошибочных» форм императива как в классической литературе, так и в современной разговорной и письменной речи образованных людей, в нейтральных контекстах и в различных функциональных сферах языка. Это позволяет поставить вопрос об изменении статуса таких форм с «ошибки» до «допустимого варианта».

Ключевые слова: дефектная глагольная парадигма, повелительное наклонение, формы императива, глаголы движения, глаголы восприятия, спонтанная рекурсия нормы.

В последнее время все заметнее экспансия нерегулярных форм императива глаголов с дефектной парадигмой, которую интересно рассмотреть в аспекте динамики «грамматики ошибок». В частности, примером динамического восполнения лакун грамматической системы можно считать распространение в речи форм императива, образованных непосредственно от основ глаголов *ехать*, *видеть* и *слышать*, которые в определенной словаря и грамматиками норме их иметь не должны. Например, в «Большом универсальном словаре русского языка» под редакцией В.В. Морковкина [1] эти глаголы имеют помету: «повел. не употр.» На дефектность их парадигмы указывает и «Русская грамматика», созданная под общей редакцией Н.Ю. Шведовой [2].

Для выражения побуждения в этом случае норма предписывает использовать во 2-м лице ед. и мн. числа аналитические заместительные формы, образованные от соотносимых глаголов *поехать*, *смотреть* и *слушать* – *поезжай(те)*, *смотри(те)* и *слушай(те)*, а в 3-м лице – составные формы с частицами *пусть* или *пускай*: *пусть едет / едут*, *пусть слышит / слышат*, *пусть видит / видят* [3]. Однако не все значения побуждения

можно выразить с помощью этих форм. А поскольку необходимость той или иной компенсации дефектности на уровне семантики ощущается [4. С. 324], носители языка восполняют парадигматические лакуны в спонтанной речи, используя «ошибочные» с точки зрения литературной нормы формы.

При этом, замечают М.В. Русакова и С.С. Сай, «необходимая словоформа не извлекается в готовом виде из лексикона, а конструируется в процессе речи, “он-лайн”», при этом обращая внимание на продуктивность производящих основ инфинитива и 1-го / 3-го лица единственного числа «проблемных» глаголов, от которых и образуются ненормативные варианты форм императива [5. С. 206]. Так, от формы 1-го лица ед. числа *еду* образуется императив *едь(те)*, а от инфинитивов *слышать* и *видеть* – *слышь(те)* и *видь(те)*. Раз употребленные в диалоге, они начинают воспроизводиться и становятся регулярными, встраиваясь в парадигму мотивирующего глагола.

Констатируя высокую частотность в современной речи форм императива *едь*, *едьте* и соответствующих форм приставочных глаголов – *вьедь(те)*, *вьедь(те)*, *заедь(те)*, *отъедь(те)*, *поедь(те)*, *подъедь(те)*, *приедь(те)*, *проедь(те)*, уже ранее описанных [6], сосредоточимся на анализе «ошибочных», но тем не менее распространенных аналогичных производных от глаголов *видеть* и *слышать*.

Н.К. Гусева, называя *видеть* и *слышать* глаголами неволевого восприятия, а *смотреть* и *слушать* – глаголами восприятия волевого, обращает внимание на различия в их семантике: «Чтобы осуществить действия, выражаемые глаголами *смотреть*, *слушать*, <...> агенту необходимо приложить определенное волевое усилие: направить взгляд на какой-то предмет, отыскать его глазами, рассматривать его с целью ознакомления либо направить слух на что-нибудь, исследовать на слух, то есть эти действия предполагают активную когнитивную деятельность с последующим анализом и синтезом полученной информации. Глаголы неволевого восприятия обозначают некоторое состояние сознания, направленное на объект» [7. С. 182–183]. Соответственно, формы *смотри* и **видь*, как и *слушай* и **слышь*, будут обозначать контролируемое и неконтролируемое, «размытое» восприятие, что не одно и то же. Однако при всей «размытости» императивы **видь* и **слышь* кажутся более «категоричными», обозначая призыв к результативному действию.

Проведенное на материале Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8] исследование показывает, что «ошибочные» формы использовались на протяжении всей истории русского языка.

Так, обнаружено более 100 примеров употребления формы императива *видь* – как в поэзии, начиная с XVIII века: *Есть, есть, приди и видь: там те ж поднесь герои, Гремящи теми же побед хвалами строи*

(В.П. Петров. Галактиону Ивановичу Силову. 1772]; **Видь**, пока смотришь (М.И. Цветаева. С моря. 1926); *На врага – око: **видь!*** (М.И. Цветаева. Прожектор. 1929]; *И на великих перекатах времени Встает один, Встает другой – вождь среди бурной темени И жадных льдин. Какой они безмерной мощью движимы – **Видь!** Обнаружь* (Д.Л. Андреев. А в мутно-дымном зеркале Истории... 1955); *...то одиночество **видь** что на части распалось* (Е.Ф. Сабуров. Ищи, ищи... 1966–1972); так и в прозе: *Она сидела, опершись головой на руку и обратив обмоченное слезами лицо навстречу поднимающемуся солнцу, как будто говорила ему: **видь!!*** (М.Е. Салтыков-Щедрин. Господа Головлевы. 1875–1880); *Репортер, как вор на ярмарке: все **видь**, ничего не пропускай, – сказал мне Н.И. Пастухов в первые дни работы в «Листке»* (Вл.А. Гиляровский. Москва газетная. 1934); – *На душе у тебя что-то не так, я же вижу. – Ну и **видь!** Ты ишибко умный стал, прямо спасу нет* (В.М. Шукшин. Игнаха приехал. 1960–1971); *...и лучше нельзя почтить этого древнего места: вдыхай дикий воздух, оглядывайся и **видь!*** (А.И. Солженицын. Захар-Калита. 1965); **Видь**, и только. **Видь** всегда. **Видь** во все глаза (А. Зиновьев. Русская судьба. 1988–1998); *...между строк читай и между кадров **видь*** (Е.В. Новицкий. Мефистофель Forever // Волга. 2008). Кроме основного корпуса НКРЯ, форма *видь* попала в социальные сети (пятая часть всех словоупотреблений): *Ну и не **видь*** (telegram Rozetked Discuss. 20.02.2020); *Жди, дыша ровно и грустно. **Видь** и не смотри. Тот, кого ты ждешь, всегда подходит со спины, и обнимает за плечи, волной – ветром¹* (vk. 14.01.2016); *не смотри на асфальт – **видь** солнце и горизонт* (vk. 29.10.2013) и др. В газетных подкорпусах НКРЯ такие примеры отсутствуют.

Форма 2-го лица мн. числа *видьте* хоть и реже (зарегистрировано около 30 употреблений), но также встречается: *«Ничего больше не знаю-с, ничего! – отвечал вице-губернатор: – молодой вы человек! – прибавил он и потом с чувством: – не **видьте** лучше и не знайте: мрак спокойнее света!* (А.Ф. Писемский. Взбаламученное море. 1863); **Не видьте** красных Знамен во сне (М.И. Цветаева. Царю – на Пасху. 1917); **Видьте**... зимой ночью с патриарша двора не один поп убрел в эту пустыню да без вести пропал (А.П. Чапыгин. Гулящие люди. 1937); *Смотрите и **видьте**, как ростки жизни буйно пробиваются кверху везде и всюду. <...> Откройте глаза и **видьте*** (Б.Н. Абрамов. Грани Агни Йоги. 1952); *Улыбайтесь каждому новому дню, пусть ваши мужчины не расстраивают вас. Всегда **видьте** в них своих героев, тех, кого вы когда-то полюбили* (Комсомольская правда. 07.03.2008); **Видьте** Другого и рассказывайте ему, что вы видите (vk. 25.03.2016) и т.д.

¹ Здесь и далее орфография и пунктуация источника сохранены. – О.С.

В выборку попали и примеры с омонимичной императиву частицей *видь*, рефлексом которой, возможно, стало просторечное *вишь* ‘смотри-ка’, по мнению многих – аллегорическая форма от *видишь* (или же не исключено, искаженная форма императива *виждь*). Если сегодня в таком словоупотреблении можно видеть только ошибку: **Видь я его девушка** 😊😊😊 (telegram. Чат для художников. 07.10.2022), то ранние примеры с *видь* ‘смотри’ вместо *ведь* ‘знай’, используемой для усиления, подчеркивания основного содержания высказывания, кажутся вполне нормальными: *Послушайте, добрые люди, что он говорит... видь это значит разбой!* (Н.В. Успенский. Егорка-пастух. 1871) – ср.: *смотри, это разбой!*; *Нина вдруг обернулась к Чичаговой и сказала ей: «Ах, Миля, видь это все противный Ребендер ему разболтал»* (С.Я. Надсон. Дневники. 1875–1883) – ср.: *смотри, это Р. разболтал*. В то же время нельзя исключить и ошибку сканирования в передаче «ять».

Интересная картина наблюдается в отношении форм *слышь* и *слышьте*.

В императивном употреблении *слышь* встречается в НКРЯ только в поэтическом корпусе: *Стройся, лира восхищена, Слышь Вергилия вновь, вселена: Я пою днесь Комара!* (Г.Р. Державин. Похвала комару. 1807); *Слышь... Пастух сидит у стада И в рожок играет* (С.Д. Дрожжин. Исповедь матери. 1877); *Слышь: «Меркурий» из Самары За орешником ревет* (М.А. Кузмин. У печурки самовары...1921); *Только лишь Тишь – Слышь: Мышка лазит в норе У самых ног, Где мох* (В.В. Каменский. Ночь лесная. 1939) и др. В пользу такой семантизации словоформы говорит контекст, фокусирующий внимание на чем-то, доступном слуховому восприятию. Однако в остальных случаях (более чем в 200 примерах) мы имеем форму императива *слышь* в междометном употреблении с целью привлечения внимания: *Слышь Климов, я чет нипонял – они наехали на тибя?* (Анимешная болталка. 2005); *Слышь ты, почему такой грустный? У тебя же самая крутая тачка в рай, все тёлки только о тебе мечтают...* (vk. 14.12.2011); *Слышь, чуждый элемент, – вновь подал голос агитатор, но в голосе этом не было уже ни прежней доброты, ни радости, один сплошной холод и строгость* (Г. Яхина. Дети мои. 2018); *Притом... – Слышь ты... – Чья-то рука тронула мое плечо* (В.Т. Шаламов. Колымские рассказы. 1954–1961). Та же ситуация с формой *слышьте*, ср. императив: *Еще, вольное казачество, слышьте старого казака Разю!* (А.П. Чапыгин. Разин Степан. 1927); и междометие: *Слышьте, я летел к вам на крыльях, с поручением* (А. Николев. По ту сторону Тулы. 1929–1930).

Отмечено несколько случаев, когда в одном контексте сочетаются два ненормативных императива, апеллирующие к одновременному восприятию зрением и слухом, например: *Не видь и не слышь и не будь* (М.И. Цветаева. Заочность. 1923); *И как перед Богом – Бог слышь и видь!* (М.И. Цветаева. Перебежчики. 1928). Ср. современный пример из устного

корпуса НКРЯ: *Самая главная наша беда / мы покидаем себя / вот именно для того / чтобы жить там / там / там / там – нет / не надо / живите здесь / а отсюда смотрите / отсюда **видьте** / отсюда **слышите*** (А.У. Харащ. Лекция на факультете психологии МГУ. 2011).

Есть и нормализаторские высказывания: *Воспитание должно говорить «смотри туда-то», а не «**видь** то-то»* (М.Л. Гаспаров. Записи и выписки. 2001).

Тем не менее впечатляющее число «невоспитанных» *едь*, *видь* и *слышь* говорит об использовании носителями языка потенциала системы, а возможно, и о рекурсии нормы – возврате к формам императива, память о которых сохранили омонимичные частицы и междометия. Как можно было заметить, формы, восполняющие дефекты глагольных парадигм, присутствуют в разных функциональных областях, включая художественную литературу, публицистику, газетные публикации, интернет-сайты и социальные сети, а значит, достойны как минимум статуса допустимых разговорных вариантов.

Список литературы

1. Большой универсальный словарь русского языка / Под общ. ред. В.В. Морковкина. М.: АСТ-Пресс Школа, 2018.
2. Русская грамматика. В 2-х томах / Под общ. ред. Н.Ю. Шведовой. Т. 1. М.: Наука, 1980.
3. Панина А. Как правильно говорить и писать: «ехай», «езжай» или «поезжай»? // Lenta.ru, 11.03.2024. Электронный ресурс: <https://lenta.ru/articles/2024/03/11/kak-pravilno-govorit-i-pisat/>.
4. Апресян Ю.Д. Избранные труды. Том II. Интегральное описание языка и системная лексикография. М.: Школа «Языки русской культуры», 1995.
5. Русакова М.В., Сай С.С. Глагольная парадигма в индивидуальных системах носителей русского языка и проблема грамматического вида // Вестник СПбГУ. Сер. 9. Язык и литература. 2008. № 2. Ч. II. С. 205–214.
6. Северская О.И. «Сюда я больше... *не едок?*» (об экспансии императива *едь!* в разговорной речи последних десятилетий) // Труды Института русского языка им. В.В. Виноградова. 2024. № 2 (в печати).
7. Гусева Н.К. Императивные глагольные формы как прагматические маркеры (на материале русского и итальянского языков) // Вестник Волгоградского государственного университета. Сер. 2: Языкознание. 2016. № 4. С. 179–189.
8. Национальный корпус русского языка. Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/>.

O.I. Severskaya

V.V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow)

***ED', VID' AND SLYSH, OR POEZZHAJ, SMOTRI AND SLUSHAJ?
(IRREGULAR FORMS OF THE IMPERATIVE IN DEFECTIVE
PARADIGMS)***

***Abstract.** The article is devoted to the problem of spontaneous replenishment of defective paradigms of verbs of movement and perception using word forms rejected by the literary norm. The author draws attention to the expansion of the “erroneous” imperative forms characteristic of the 2000s, aiming to identify its patterns and causes. The research conducted on the material of the Russian National Corpus by methods of corpus, contextual, semantic, grammatical and synchronous-diachronic comparative analysis proves the regularity of the use of “erroneous” forms of the imperative both in classical literature and in modern spoken and written speech of educated people, in neutral contexts and in various functional areas of the language. This allows us to raise the question of changing the status of such forms from “error” to “acceptable option”.*

***Keywords:** defective verbal paradigm, imperative mood, imperative forms, verbs of movement, verbs of perception, spontaneous recursion of the norm.*

Е.В. Серeda

Российский государственный социальный университет (Москва)

ТРОЙСТВЕННЫЙ ХАРАКТЕР СИСТЕМЫ ЧАСТЕЙ РЕЧИ СОВРЕМЕННОГО РУССКОГО ЯЗЫКА: САМОСТОЯТЕЛЬНЫЕ, СЛУЖЕБНЫЕ И СЕНТИМЕТИВНЫЕ КЛАССЫ СЛОВ

***Аннотация.** Данная статья посвящена описанию системы частей речи современного русского языка с позиции структурно-семантического подхода отечественного языкознания. Система представлена как живая, активно взаимодействующая композиция пересекающихся морфологических и синтаксических категорий, позволяющих говорить о тройственном характере классов слов: о самостоятельных, служебных и сентиметивных частях речи. Также в статье обосновывается дефиниция «сентиметивные» как терминологическое понятие в противовес нетерминологическому обозначению морфологических категорий («особые части речи»).*

***Ключевые слова:** морфология, сентиметивные части речи, междометия, модальные слова, особые части речи, терминология.*

Вопрос о классификации частей речи до сих пор является одним из актуальных вопросов грамматики русского языка.

Части речи образуют цельную систему, и переходы слов из одной части речи в другую – закономерность функционирования системы.

Анализ взаимодействия единиц разных частеречных классов и выявление синкретичных и гибридных языковых явлений показывают, что система частей речи может быть представлена как совокупность пересекающихся взаимодействующих частеречных полей.

«Перекрестки» занимают синкретичные образования, в которых воплощены возможные «конфликты» лексических и грамматических значений. Отдельные словоформы и классы слов могут быть квалифицированы как синкретичные, т.е. совмещающие в разных пропорциях свойства двух и более противопоставленных частей речи, связанных между собой явлениями переходности.

По мнению ряда исследователей, в настоящий момент «весьма перспективным представляется поиск способов визуализации морфологической системы, создание сублогической модели которой невозможно в рамках традиционной (двухмерной. – Е.С.) геометрии и требует новых подходов, поскольку внимание привлекает уже не упорядоченный набор элементов системы языка, а изображение их внутренних взаимосвязей» [1. С. 443].

Вместе с тем упорядоченный набор элементов системы языка – это и есть отражение сути языка как иерархического целого, и потому поиск адекватной модели не сводится к сугубо практической методической цели.

Но упорядочение любой системы невозможно, если не учитываются отдельные ее элементы и свойства.

Объединение таких разрядов, как междометия и звукоподражания, с так же не подпадающими под основные критерии дифференциации частей речи группами модальных частиц и модальных слов к началу XXI века уже не вызывает сомнений, однако наименование «особые части речи» продолжает ограничивать широкое употребление указанной дефиниции своей нетерминологичностью [2].

Анализ данных слов-отношений позволил ввести в обиход термин, ставший адекватным противопоставлением по функциональным признакам словам-наименованиям (самостоятельным/знаменательным словам) и словам служебным, – «сентиметивные слова» [3], т.е. слова, которые отвечают за передачу «чувств» (от лат. *sentimento* – чувствую), «эмоций», «модальности».

Предложенный термин образован по аналогии с другими морфологическими терминами, имеющими латинское происхождение: наряду с такими понятиями, как субстантив, адъектив, инфинитив, компаратив, предикатив, интеръектив и пр., сентиметив представляет собой результат сентиметивизации – одного из регулярных случаев транспозиции, характеризующегося переходом знаменательных и служебных слов в сентиметивы (в первую очередь в интеръективы, т.е. в непервообразные междометия).

Дефиниция «сентиметивный» (в отличие от ранее использовавшихся дефиниций «маргинальные», «интеръективные», «особые») терминологична и дидактически целесообразна: в практике школьного преподавания современного русского языка трехчастная оппозиция морфологических систем после введения вышеуказанного термина представляется в таком случае системой «трех С» – самостоятельные, служебные и сентиметивные части речи, а устойчивая закономерность внешних признаков всегда мнемотически (с точки зрения запоминания) более эффективна, чем закономерность скрытых признаков второго и третьего уровня.

Определившись с дефиницией, вернемся к анализу функционирования и взаимодействия сентиметивных, самостоятельных (знаменательных) и служебных частей речи и слов других частей речи: как показывает практика, их соединяют зоны синкретизма, в которых и находит отражение это взаимодействие.

Тесные связи междометий с именами существительными, глаголами, наречиями, частицами [2; 4] и звукоподражаниями [5] уже не раз отмечались исследователями.

И если имена, теряя свою номинативность (десемантизируясь), выражают свою грамматическую «именность» в местоимении, то глагол при нулевой номинативности репрезентуется междометием. Междометие так же указывает на действие, как местоимение указывает на предмет, признак и количество.

Наличие зон синкретизма междометий с обеими традиционно выделяемыми группами частей речи позволяет говорить о том, что в грамматическом строе русского языка оппозиция групп частей речи носит не бинарный, а тройственный характер: знаменательные (ЗЧР) – сентиметивные (СЧР) [6] – служебные (СлЧР) части речи. Такое тройное противопоставление имеет множество precedентов в грамматическом строе русского языка. Такое противопоставление эффективнее представляется не привычной организационной, а круговой схемой (см. рис.).

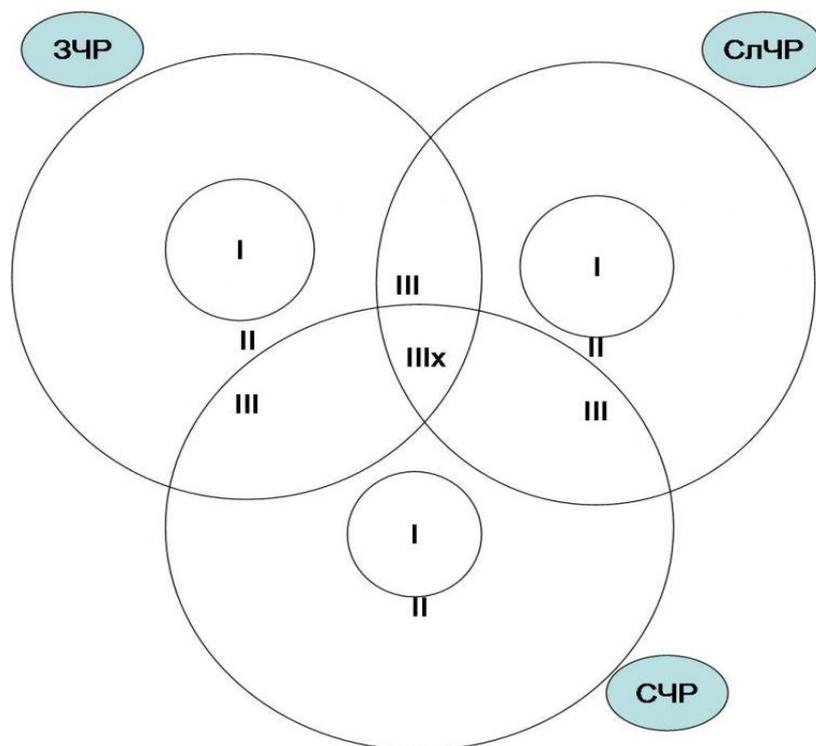

Рис. Круговая схема

Наиболее адекватную картину системы частей речи русского языка дает наложенная на круговую схему трехступенчатая классификация, в которой основным критерием выделения ступеней является полнота набора дифференциальных признаков этой части речи. В соответствии с этим критерием выделяется по три ступени в иерархии знаменательной, служебной и сентиметивной систем.

К I ступени относятся ядерные образования, обладающие полным набором дифференциальных признаков (ЗЧР: существительное, прилагательное, глагол, наречие; СлЧР: предлог; СЧР: междометие).

II ступень образуют переходные явления, совмещающие дифференциальные признаки частей речи, относящихся к I ступени (ЗЧР: числительное, имя состояния, причастие, деепричастие; СлЧР: союз; СЧР: звукоподражания).

К III ступени относятся синкретичные явления, совмещающие в себе дифференциальные признаки частей речи, относящихся к I и II ступени в своих системах. Эти ступени и связывают в подлинную систему структурно-семантические группировки слов на морфологическом уровне. Зона синкретизма ЗЧР и СлЧР представлена местоимением, ЗЧР и СЧР – модальными словами, СлЧР и СЧР – частицами. Также в эти зоны синкретизма попадают частные явления транспозиции (например, группа этикетных междометий и пр.).

Особую роль играют языковые явления, попадающие в зону синкретизма сразу трех частеречных объединений – зону IIIx. В этой зоне могут быть размещены слова-частицы ДА и НЕТ, не имеющие своего статуса, но способные совмещать в себе признаки и знаменательных, и служебных, и сентиметивных частей речи [7].

Представленная дифференциация частей речи базируется на классической классификации, в которой части речи выделяются с учетом трех основных признаков: 1) категориальное значение; 2) морфологические категории; 3) синтаксическая функция. Однако ведущим здесь становится принцип, всегда учитывающийся при любой частеречной типологии, но рассматривающийся как попутный: это синтаксический критерий. Как отмечает В.В. Бабайцева, именно он является базовым при разграничении омонимичных явлений и именно в выполнении определенной синтаксической функции реализуется часть речи [7].

Разграничению функциональных омонимов способствует синтаксическая функция, которой они отличаются и которая является основным условием их формирования. Возможность четкой дифференциации междометия и слов вышерассмотренных частей речи (звукоподражаний и частиц) осложняется наличием переходных звеньев на шкалах переходности этих классов слов.

В то же время именно существование гибридных (синкретичных) слов размывает границы между омокомплексами междометий и слов других частей речи и затрудняет классификацию частей речи в целом.

Синхронные преобразования, протекающие в различных уровневых системах языка и связанные с трансформацией дифференциальных признаков (утратой, заменой и внедрением новых признаков в ряд дифференциальных) при переходе из одной части речи в другую, влекут за собой изменение оформления слова на письме. В «цепной реакции процессов» участвуют не только внутренние свойства словоформ (изменение синтаксической функции, набора дифференциальных признаков, категориального значения), но и внешние (в разграничении междометий и частиц – пунктуация).

Описание частей речи современного русского языка с учетом шкалы переходности В.В. Бабайцевой, реализованное на представленной круговой схеме, не только позволяет систематизировать традиционно выделяемые

классы слов с учетом полноты набора их дифференциальных признаков, но и помогает прогнозировать пути транспозиции слов одних частей речи в другие.

Список литературы

1. Высоцкая И.В. Синкретизм в системе частей речи современного русского языка. М., 2022.
2. Шигуров В.В. Интеръективация как тип ступенчатой транспозиции языковых единиц в системе частей речи. М.: Академия, 2010.
3. Серeda Е.В. Сентиметивные части речи русского языка // Научный аспект. 2023. Т. 1. № 1. С. 5–10.
4. Серeda Е.В. К вопросу о статусе междометий // РЯШ. 2002. № 5. С. 14–18.
5. Кунгуров Р.К., Тихонов А.Н. Изобразительные слова как самостоятельная часть речи // Вопросы теории частей речи. Л., 1968.
6. Серeda Е.В. Морфология современного русского языка. Место междометий в системе частей речи. М.: Наука-Флинта, 2020.
7. Бабайцева В.В. Синтаксический статус слов да и нет // Бабайцева В.В. Избранное 2005–2010. М. – Ставрополь, 2010.

E.V. Sereda

Russian State Social University (Moscow)

RUSSIAN IS A THREEFOLD SYSTEM OF PARTS OF SPEECH OF THE MODERN RUSSIAN LANGUAGE: INDEPENDENT, SERVICE AND SENTIMETIVE CLASSES OF WORDS

***Abstract.** This article is devoted to the description of the system of parts of speech of the modern Russian language from the standpoint of the structural and semantic approach of Russian linguistics. The system is presented as a living, actively interacting composition of overlapping morphological and syntactic categories that allow us to talk about the threefold nature of word classes: independent, service and sentimotive parts of speech. The article also substantiates the definition of “sentimotive” as a terminological concept.*

***Keywords:** morphology, sentimotive parts of speech, interjections, modal words, particles, onomatopoeia, special parts of speech, terminology.*

Е.В. Ситникова

Приазовский государственный технический университет (Мариуполь, ДНР)

СТРУКТУРНО-СЕМАНТИЧЕСКИЙ ПРИНЦИП КАК ОСНОВА КЛАССИФИКАЦИИ СЛОЖНОПОДЧИНЕННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ

***Аннотация.** В данной статье делается попытка привести к единообразию наработанный лингвистами материал по распределению сложноподчиненных предложений на группы: разрабатывается алгоритм анализа сложноподчиненных предложений, обосновывается целесообразность использования структурно-семантического принципа при классификации сложноподчиненных предложений.*

***Ключевые слова:** сложноподчиненное предложение, логическая классификация, формально-грамматическая классификация, структурно-семантическая классификация.*

С момента введения в русскую грамматическую науку термина «придаточное предложение» лингвисты пытаются выделить основания, необходимые для классификации данной структурной составляющей сложноподчиненного предложения (далее СПП). Появившийся впервые в работах Н.И. Греча термин «придаточное предложение» определялся как размножение, подробное развитие какой-либо части главного предложения [1. С. 248]. Среди самих придаточных предложений ученый различал всего лишь три их разновидности: существительные, прилагательные и обстоятельственные придаточные предложения.

В дальнейшем типы придаточных предложений рассматривались лингвистами в рамках классификаций СПП. Русской грамматической науке известны логическая, формально-грамматическая и структурно-семантическая классификации СПП.

Основы логической классификации были заложены А.Х. Востоковым [2]. В разработке данной классификации СПП принимали также участие И.И. Давыдов [3], Ф.И. Буслаев [4], А.Г. Руднев [5] и др. Определяя группы СПП, лингвисты исходили из отождествления синтаксических функций членов определяемого предложения и определяющего предложения и логического вопроса от определяемого предложения к определяющему предложению.

А.М. Пешковский [6] отходит от семантико-синтаксического принципа при классификации СПП. Учение о данной разновидности сложных предложений лингвист сводит к изучению лишь формальных средств связи придаточного предложения с главным предложением – союзов и союзных слов, на основе значения которых и делает попытку классифицировать СПП. Наработки А.М. Пешковского были уточнены и детализированы Л.А. Булаховским [7], А.Б. Шапиро [8], М.Н. Петерсоном [9].

В.А. Богородицкий [10], Л.Ю. Максимов [11], Д.Э. Розенталь [12] и др. при классификации СПП учитывают структуру обеих частей СПП, синтаксические средства связи между ними, смысловое значение придаточных частей, то есть в основу распределения СПП по группам кладется уже структурно-семантический принцип.

В данной статье делается попытка привести к единообразию наработанный лингвистами материал по распределению СПП на группы. В связи с этим был разработан алгоритм анализа СПП: в рамках каждой классификации дается определение СПП, устанавливается порядок их анализа, называется признак, по которому СПП распределяются на группы и характеризуются согласно установленному порядку их анализа. Освещение вопроса о классификациях СПП сопровождается примерами из произведений художественной, публицистической и научно-популярной литературы. Кроме того, автор статьи обосновывает целесообразность использования структурно-семантического принципа при классификации СПП.

Например, рассматриваемый материал в рамках структурно-семантической классификации представлен следующим образом.

Сложноподчиненное предложение (СПП) – это «сложное предложение, в котором одна предикативная часть (придаточная) зависит от другой (главной), распространяет ее и присоединяется к ней подчинительными союзами или союзными словами» [11. С. 186].

СПП = главная часть + придаточная часть

Анализ СПП:

а) что распространяет придаточная часть в главной части (какую часть речи);

б) при помощи чего придаточная часть присоединяется к главной части.

По тому, что распространяет придаточная часть в главной части, СПП делятся на следующие группы:

1. СПП нерасчлененной структуры:

а) СПП с придаточной присубстантивно-атрибутивной существительное (с указательным местоимением или без него) + союзное слово:

Это было то место, где шоссе обрывалось над рекой у сожженного моста (союзное слово);

б) СПП с придаточной изъяснительно-объектной глагол, прилагательное, слово категории состояния, существительное + союз, союзное слово:

Пусть думает, что знакомство с ней мне не так уж интересно (союз);

в) СПП с придаточной сравнительно-объектной сравнительная степень наречия, прилагательного, слово категории состояния + союзы *чем, нежели*:

Он оказался выносливее, чем мы думали (союз);

г) СПП местоименно-соотносительного типа:

– СПП субстантивного местоименно-соотносительного типа
субстантивированное местоимение + союзное слово:

Я делал то, что считал необходимым (союзное слово);

– СПП адъективного местоименно-соотносительного типа

такой (или *таков*) в главной части + *какой* (или *каков*) в придаточной части:

Тишина такая, какая бывает только перед рассветом (союзное слово);

– СПП адвербиального местоименно-соотносительного типа

столько + Р.п. существительного в главной части + *сколько* в придаточной части,

настолько (или *так*) + слово качественной семантики в главной части + *насколько* в придаточной части,

так + глагол в главной части + *как* в придаточной части:

Она знала жизнь настолько плохо, насколько это возможно в двадцать лет (союзное слово).

2. СПП расчлененной структуры:

а) СПП с придаточной места

местоименное наречие + союзное слово:

Он выехал оттуда, откуда съезжались во двор лошади (союзное слово);

б) СПП с придаточной времени

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Когда она вошла, лейтенант быстро встал и пошел навстречу (союз);

в) СПП с придаточной условия

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Раз вы согласились, так уж нельзя вам отказываться (союз);

г) СПП с придаточной цели

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Я на все готова, только бы мама выздоровела (союз);

д) СПП с придаточной сравнения

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Мелкие листья ярко и дружно зеленеют, словно кто их вымыл и лак на них навел (союз);

е) СПП с придаточной причины

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Он не брал никаких сверхурочных работ, потому что все свободное время проводил в экспериментальном цехе (союз);

ж) СПП с придаточной уступки

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

*Он выглядит опрятным и чистым, **несмотря на то, что** одежда его изрядно поношена (союз);*

з) СПП с придаточной следствия

придаточная часть распространяет всю главную часть + союз:

Снег становился белее и ярче, так что ломил глаза (союз);

и) СПП с придаточной подчинительно-присоединительной

придаточная часть распространяет всю главную часть + союзное слово:

*Пала роса, **что** предвещало завтра хорошую погоду (союзное слово).*

Анализ предложений по логико-грамматической, формально-грамматической и структурно-семантической классификациям СПП позволил сделать следующие выводы.

Структурно-семантическая классификация СПП дает наиболее полную и всестороннюю характеристику данной разновидности сложных предложений, т.к. она учитывает и соотношенность придаточной части с главной частью (придаточная часть распространяет главную часть в полном объеме или только ее компонент), и характер поясняемого компонента в главной части (слово или словосочетание), и средство связи придаточной части с главной частью (союз или союзное слово), и возникающие смысловые отношения между придаточной частью и главной частью (временные, условные, причинные и т.д.).

Нельзя не согласиться и с мнением Н.С. Валгиной о том, что очень удачным является введение в структурно-семантическую классификацию СПП терминов «главная часть» и «придаточная часть» вместо терминов «главное предложение» и «придаточное предложение». Вновь введенные термины, хотя и употребляются условно, однако подчеркивают некоторую самостоятельность частей сложного целого (СЦ) [13. С. 311].

Логико-грамматическая и формально-грамматическая классификации СПП имеют ряд недостатков. И та и другая классификации не охватывают все имеющиеся разновидности придаточных предложений: в логико-грамматической классификации отсутствуют придаточные предложения со значением следствия, в формально-грамматической классификации – придаточные предложения со значением места, образа действия, меры и степени.

Среди разновидностей СЦ в формально-грамматической классификации отмечаются СЦ с придаточным предложением с относительным подчинением, где средством связи придаточных предложений с главными предложениями являются союзные слова. Однако среди разновидностей данной группы выделяются СЦ с придаточным предложением с косвенно-вопросительным подчинением, где средством связи почему-то указывается союз *ли*.

Список литературы

1. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб.: Типограф. Император. СПб. Воспитательного Дома, 1827.
2. Востоков А.Х. Русская грамматика Александра Востокова, по начертанию его же Сокращенной грамматики, полнее изложенная. СПб.: Типограф. И. Глазунова, 1831.
3. Давыдов И.И. Опыт общесравнительной грамматики русского языка, изданный Вторым отделением Императорской Академии наук. СПб.: Типограф. Император. Академии наук, 1852.
4. Буслаев Ф.И. Историческая грамматика русского языка: Синтаксис. 7-е изд. М.: КомКнига, 2006.
5. Руднев А.Г. Синтаксис современного русского языка. 2-е изд. М.: Высш. шк., 1968.
6. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении / вступ. ст. проф. С.И. Бернштейна. 6-е изд. М.: Учпедгиз, 1938.
7. Булаховский Л.А. Курс русского литературного языка. Т. 1. 5-е изд., перераб. К.: Рад. шк., 1952.
8. Шапиро А.Б. О принципах классификации подчиненных предложений // Русский язык в школе. 1937. № 2. С. 13–36.
9. Петерсон М.Н. Союзы в русском языке // Русский язык в школе. 1952. № 5. С. 28–34.
10. Богородицкий В.А. Общий курс русской грамматики: (Из университетских чтений). Казань: Типограф. Император. ун-та, 1904.
11. Максимов Л.Ю. Современный русский язык. Ч. 3: Синтаксис. Пунктуация. М.: Просвещение, 1981.
12. Розенталь Д.Э. Современный русский язык: Учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1991.
13. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: Учеб. пособие. 2-е изд. М.: Высшая школа, 1978.

E.V. Sitnikova

Pryazovskyi State Technical University (DPR, Mariupol)

STRUCTURAL AND SEMANTIC PRINCIPLE AS A GROUND FOR CLASSIFICATION OF COMPLEX SENTENCES

***Abstract.** This article makes an attempt to bring uniformity to the acquired linguistic material on the distribution of complex sentences into groups: the algorithm for analysis of complex sentences is developed, the appropriateness of the use of structural and semantic principle of classification of complex sentences is grounded.*

***Keywords:** complex sentence, logical classification, formal and grammar classification, structural and semantic classification.*

АКСИОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГРАММАТИЧЕСКИХ ФОРМ И КОНСТРУКЦИЙ РУССКОГО ЯЗЫКА

***Аннотация.** Рассматриваются грамматические формы и грамматические конструкции русского языка в аспекте реализации их аксиогенного потенциала. Материалом исследования послужили визуальные публичные тексты, транслирующие ценностные установки такой образовательной организации, как университет. В ходе анализа текстов аксиологической направленности были выявлены грамматические формы, эксплицирующие корпоративные ценности: ценность единства актуализируется личными формами глагола, личным местоимением первого лица множественного числа «мы»; ценность знаний – категорией числа существительного, временными и залогами формами глагола; ценность созидания/активной позиции – формами повелительного наклонения глагола; ценность личности – формами повелительного наклонения единственного числа и притяжательным местоимением «твой». Также отмечен аксиогенный потенциал грамматической конструкции N1 + N2. Авторам представляется, что для комплексного описания аксиогенного потенциала русской грамматики необходимо исследовать грамматические ресурсы в их взаимодействии с ресурсами словообразования, лексики, а также невербальными средствами выражения ценностных смыслов.*

***Ключевые слова:** грамматические формы, грамматические конструкции, аксиология, аксиогенный потенциал, коммуникативное пространство университета.*

Ценностная проблематика продолжает привлекать внимание исследователей различных областей знания – философов, социологов, психологов, культурологов, лингвистов, специалистов по менеджменту [1–3 и др.]. Особо актуальным в последнее время стал аспект исследования ценностей в корпоративной культуре, т.к. именно транслируемые организацией ценности формируют ее имидж, а также оказывают влияние на личностные ценности сотрудников [4]. Исследователи выявляют различные механизмы трансляции и популяризации ценностей. Так, например, в модели Saïia, Schwartz выделяются регламенты, практики, процессы (подробнее об этом см. [5]). Однако нами был выявлен еще один канал трансляции ценностей.

В процессе исследования лингвистического ландшафта кампуса интернационального университета [6], который можно рассматривать как частный пример организации – образовательной, была выявлена и его аксиологическая функция: визуальные публичные тексты, расположенные на территории кампуса университета, выступают фиксаторами его ценностей

и в то же время являются одним из средств формирования аксиологической картины мира реципиентов, что сегодня приобретает особую значимость в сфере образования и воспитания молодого поколения. Таким образом, коммуникативное пространство вуза является важным каналом трансляции ценностей и обладает аксиогенным потенциалом: ежедневно сталкиваясь с определённым набором транслируемых вузом ценностей, студенты неизбежно попадают в сферу их влияния, в конечном счёте включая их в свою аксиосферу и формируя представление о культуре, традициях и ценностях страны.

Важно отметить, что не все визуальные публичные тексты обладают аксиогенным потенциалом, а только те, которые соответствуют следующим критериям: «1. Адресант – администрация вуза. 2. Адресат – массовый, гетерогенный, включающий внутренних адресатов, а именно студентов, преподавателей и иных сотрудников университета. 3. Аксиологический потенциал визуального знака коммуникативного пространства. 4. Повторяемость (частотность) аксиологической доминанты в визуальных знаках коммуникативного пространства, в том числе в трансформированном виде» [7. С. 110]. Был составлен корпус текстов с аксиогенным потенциалом – 96 единиц, в процессе анализа которых было отмечено, что важную роль в выражении и актуализации ценностей, а также в воздействии на адресата играют языковые средства: лексические, словообразовательные и грамматические.

Цель настоящего исследования – выявление аксиогенного и воздействующего потенциала грамматических форм и конструкций русского языка на примере визуальных публичных текстов коммуникативного пространства интернационального кампуса Российского университета дружбы народов им. Патриса Лумумбы (г. Москва, Россия).

Ценность единства сообщества РУДН (ценность «РУДН – единство») актуализируется выражением субъекта личным местоимением первого лица множественного числа – «мы», которое, по замечанию Б.Ю. Нормана, является одним из прагматически самых богатых личных местоимений, часто «подтверждаемое» соответствующими глагольными формами, а иногда и «замещаемое» ими. Высказывания *Мы равные!*, *Мы разные!*, *Мы лидеры!* содержат в себе «презумпцию включенности в коллектив», создают у реципиента образ некоего социума, множества «своих людей», частицей которого он является [8. С. 48], в противоположность другим, не входящим в это сообщество. В данном случае «мы» – коллективный субъект, все, кто идентифицирует себя с университетом. Вопреки мнению Э. Бенвениста о том, что в «мы» всегда преобладает «я», т.к. не может быть «мы» иначе, как на основе «я», и это «я» подчиняет себе элемент «не-я» в силу своего свойства трансцендентности [9. С. 267], согласимся с Б.Ю. Норманом: «Однако на практике семантическое пространство, которое занимают “я” и “не-я” в составе *мы*, может члениться по-разному. Доля “я” в таком множественном

субъекте может быть просто минимальной» [8. С. 49]. Примеры, приведенные выше, являются тому доказательством, т.к. идея единства, получившая статус ценности, не предполагает никакого внутреннего членения и противопоставления.

Такую же роль в концептуализации идеи единства играют глаголы в форме 1-го лица множественного числа: *Объединяем. Обучаем. Открываем*. Именно грамматическая категория лица глагола организует коммуникативный акт, расставляя коммуникативные ориентиры и определяя свое место его участникам, и, возможно, поэтому становится «излюбленным» объектом грамматической рефлексии носителей языка [10. С. 119]. Первое лицо глагола противопоставляется второму и третьему, но не первому лицу во множественном числе, поэтому реципиент подобных высказываний ощущает себя в одном коммуникативном поле с адресантом, становясь с ним «заодно».

Объединение в университете происходит на основе знания, к чему и призывает высказывание *Знанием объединимся (а)*, в котором мы также наблюдаем возвратный глагол в форме 1 лица множественного числа и нечастый случай контаминации субъектного и инструментального (орудийного) значений творительного падежа существительного. Субъектное значение актуализируется и другим вариантом лозунга – *Знания объединяют (б)*, где мы видим слово *знания* в форме именительного падежа множественного числа в частотном субъектном значении. Любопытна оппозиция форм единственного и множественного числа слова *знание* в двух высказываниях. Это можно объяснить тем, что, с одной стороны, в одном высказывании могут транслироваться несколько ценностных смыслов, с другой – в разных высказываниях транслируемые смыслы могут мигрировать, смещаясь с центрального положения на периферийное. Так, в высказывании *Знанием объединимся* центральное положение занимает трансляция ценности единения/единства сообщества университета, основную аксиологическую нагрузку выполняет форма глагола, поэтому абстрактное существительное *знание* употреблено в форме единственного числа в обобщеннособирательном значении. В высказывании *Знания объединяют* актуализируется ценность знаний по разным наукам, которые можно изучать в университете, поэтому лексема «знания» стоит в сильной позиции субъекта, а форма множественного числа подчеркивает идею количества знаний и их разнообразия.

Немаловажную роль в расстановке приоритета ценностей играют формы глагола. В высказывании *(а)* наблюдаем непереходный возвратный глагол *объединиться* совершенного вида. Появляются сомнения в определении наклонения по форме глагола, т.к. «в силу совпадения форм 1 л. мн. ч. буд. вр. глаголов сов. вида (например, *скажем, пойдём*) и форм повелит. накл. в знач. совместного действия (*скажем – скажем(те), пойдём – пойдём(те)*) в ряде случаев нельзя с уверенностью говорить о переносном употреблении форм

буд. вр. 1 л. мн. ч.» [11. С. 618]. Однако мы, учитывая особенности коммуникативной ситуации и жанр текста, характеризуем глагол *объединимся* как форму повелительного наклонения совместного действия, когда побуждение относится как к адресату, так и самому адресанту, что также «работает» на актуализацию ценности единения/единства.

В высказывании (б) – переходный глагол *объединять* несовершенного вида в форме изъявительного наклонения настоящего неактуального времени, а именно – настоящего постоянного действия, которое «констатирует наличие того или иного отношения, не связанного с временными ограничениями» [11. С. 628]. Кроме того, происходит реализация категориального грамматического значения несовершенного вида в ситуации постоянного отношения, в которой представлено «постоянно данное – как бы вне течения времени – отношение или действие с широкой локализацией во времени» [11. С. 609]. Глагольная форма, с одной стороны, эксплицирует постоянную характеристику субъекта – *знаний*, которые постулируются как ценность, с другой, т.к. глагол переходный, создает ощущение у реципиента, что именно он и является объектом этого действия/отношения.

Таким образом, расположенные в одном коммуникативном пространстве эти два текста вступают в переключку, «диалог», дополняя и усиливая воздействующий потенциал друг друга.

Ценность созидания и активной позиции вербализуется преимущественно высказываниями, построенными на основе глаголов в форме повелительного наклонения: *Будь лучшим!*, *Делай мир лучше!*, *Создавай шедевры!*, *Открой мир в одном университете!* и др. Адресант здесь является прескриптором, побуждение к совершению действия относится к адресату/реципиенту, поэтому употребляются формы повелительного наклонения единственного числа. Обладая особым воздействующим потенциалом и экспрессивностью, формы повелительного наклонения в речи сопровождаются типичной для них повелительной интонацией, которая на письме обозначается восклицательными знаками. Попадая в контекст образовательного дискурса, данные формы приобретают аксиологическую семантику, «пропагандируя» динамичное созидательное действие.

Интересно, что используются в основном формы повелительного наклонения единственного числа, что, с одной стороны, создает иллюзию личного неформального общения «на ты», с другой же – подчеркивает значимость личности, индивидуальной ответственности в достижении успеха, и таким образом эксплицируется ценность каждого отдельного человека – личности. Свой вклад в выражение этой ценности вносит и притяжательное местоимение *твой*: *Это твоя жизнь!*, *В твоих руках диплом РУДН!*, *В твоих руках целый мир!*

Не только грамматические категории и формы, но и грамматические конструкции обладают аксиогенным потенциалом. Так, нами было отмечено

частотное использование конструкции N1 + N2: *Точка старта, Философия успеха, Атмосфера дружбы* и др. Актуализация определительного значения родительного падежа позволяет адресанту придать высказыванию нужную характеристику, оценку: *Атмосфера дружбы* = Дружелюбная, дружеская атмосфера и т.д.

В данной статье мы привели лишь некоторые примеры реализации аксиогенного потенциала грамматических форм и конструкций русского языка, однако для комплексного описания аксиогенного потенциала русской грамматики необходимо исследовать грамматические ресурсы в их взаимодействии с ресурсами словообразования, лексики, а также невербальными средствами выражения ценностных смыслов.

Список литературы

1. Романова О.Б. Основные теоретические подходы к содержанию понятия «Ценность» // Территория новых возможностей. 2013. № 4 (22). С. 55–63.
2. Авдеева И.А. Формирование ценностей как философская, социальная и культурологическая проблема // Вестник ТГУ. 2012. № 3. С. 257–268.
3. Общая и русская лингвоаксиология: Кол. монография / М.С. Милованова (отв. ред.), К.Я. Сигал, В.И. Карасик и др.; Российская академия наук, Институт языкознания, Государственный институт русского языка имени А.С. Пушкина. Москва: ИЯЗРАН; Ярославль: Канцлер, 2022.
4. Хасянова М.Г. Значение ценностей в корпоративной культуре // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2013. № 22-2. С. 189–194.
5. Saiia D., Schwartz M.S. The Continuum of Strategic Philanthropy: Rationalizing the Context for Philanthropy in Business and Society // Business and Society Review. 2022. № 127 (1). P. 3–22.
6. Povalko P.Yu., Smolii E.S., Kolysheva O.N. Linguistic Landscape of an International University Campus: Approaches, Features, Findings // RUDN Journal of Language Studies, Semiotics and Semantics. 2023. Vol. 14. № 4. P. 1321–1336.
7. Повалко П.Ю., Смолий Е.С., Кольшева О.Н. Аксиосфера современного университета: трансляция ценностей и их отражение в языковом сознании студентов и преподавателей // Вопросы когнитивной лингвистики. 2024. № 1. С. 109–119.
8. Норман Б.Ю. Прагматический потенциал русской лексики и грамматики: Монография. Екатеринбург; Москва: Кабинетный ученый, 2017.
9. Бенвенист Э. Общая лингвистика. М.: «Прогресс», 1974.
10. Ремчукова Е.Н. Креативный потенциал русской грамматики. М.: URSS, 2022.

11. Русская грамматика / Н.Ю. Шведова (гл. ред.). М.: Наука, 1980. Т. 1: Фонетика. Фонология. Ударение. Интонация. Словообразование. Морфология.

E.S. Smolii¹, P.Yu. Povalko²

^{1,2} Peoples Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba
(Moscow)

AXIOGENIC POTENTIAL OF GRAMMATICAL FORMS AND CONSTRUCTIONS OF THE RUSSIAN LANGUAGE

***Abstract.** The article deals with grammatical forms and grammatical constructions of the Russian language in the aspect of realization of their axiogenic potential. The visual public texts that convey the values of such an educational organization as a university are the material of the study. In the course of the analysis of the texts of axiological orientation the grammatical forms expressing corporate values were revealed: the value of unity is actualized by personal forms of verb, personal pronoun of the first person plural “we”; the value of knowledge – by the noun number category, temporal and voice forms of verb; the value of creation/active position – by forms of the imperative mood of verb; the value of personality – by forms of the imperative mood of the singular and possessive pronoun “yours”. The axiogenic potential of the grammatical construction N1 + N2 is also noted. The authors believe that for a comprehensive description of the axiogenic potential of Russian grammar it is necessary to study grammatical resources in their interaction with the resources of word formation, lexicon, and non-verbal means of expressing value meanings.*

***Keywords:** grammatical forms, grammatical constructions, axiology, axiogenic potential, communicative space of the university.*

С.А. Соловьева

Череповецкий государственный университет (Череповец)

ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ ПАРАТАКСИСА В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Аннотация. В статье на материале современной прозы рассматриваются основные тенденции развития синтаксических конструкций с паратаксисом, широкое понимание которого дает возможность выявить зону пересечения синтаксических явлений разного уровня и определить многообразие семантики паратаксиса. Паратаксис рассматривается с лингвокогнитивных позиций как факт языкового сознания, когда отношения между компонентами ряда являются результатом определенной мыслительной классификации, основу которой составляет «вероятностный процесс», определяющий потенциальную связанность компонентов. Цель статьи – обнаружить обусловленность изменений синтаксических структур с паратаксисом явлениями мировоззренческого, эстетического порядка. Применение описательного метода в рамках лингвистического исследования текста позволяет охарактеризовать паратактические ряды, их компоненты, семантические отношения, синтаксические связи, принципы структурирования ряда на основании какой-либо общности. Паратактические конструкции фиксируют процесс концептуализации фрагмента действительности. В их структуре отражаются тенденции к синтаксическому слиянию: включению в состав паратактического ряда семантически разнородных компонентов, нарушающих когезию текста. Паратаксис, не меняя структуры синтаксической модели, приводит к её разрастанию, отражая опыт категоризационной деятельности. Противоположный процесс – грамматическая компрессия в структуре паратактического ряда – сопровождается смысловым приращением информации. Это свойство паратактической единицы обуславливается структурой мысли.

Ключевые слова: паратаксис, соположение, грамматическая компрессия, грамматическое развертывание, постмодернистская проза.

Модернистская парадигма современного искусства и литературы, для которой характерно стремление к отрицанию иерархии, фрагментарности, парадоксальности, интуитивности, незавершенности, симультанности, отражается в синтаксисе современной прозы. Наиболее показательными в этом отношении являются синтаксические структуры с паратаксисом, в которых слабость синтаксической связи создает условия для эксперимента. Термин «паратаксис» используется в исследовании широко, применительно к явлениям разного уровня: простого и сложного предложения (в том числе бессоюзного). Многообразие подходов к явлениям паратаксиса, возникающих на разном уровне организации синтаксических единиц, говорит

о сложности явления и его функциональном многообразии. Широкое понимание термина «паратаксис» позволяет включать в его состав сочинительные, бессоюзные конструкции, а также явления, близкие к ним. Такой подход дает возможность на уровне анализа текста выявить зону пересечения синтаксических явлений разного уровня и определить многообразие семантики паратактической синтаксической связи. Паратактические синтаксические структуры наиболее ярко отражают тенденции к синтаксическому слиянию: включение в состав паратактического ряда семантически разнородных компонентов, занимающих равнозначные грамматические позиции в структуре ряда, отражает активизацию бессоюзия, нарушая текстовую когезию. Смысловые лакуны, возникающие в содержательной структуре модернистского художественного текста, являются способом отражения «потока сознания».

Цель данной статьи – показать, насколько проницаемы синтаксические структуры с паратаксисом к изменениям мировоззренческого, эстетического порядка, как современный синтаксис постмодернистской прозы отражает основные изменения «картины мира».

В статье предпринимается попытка анализа паратактических конструкций с лингвокогнитивных позиций, создающих условия для описания явлений паратаксиса как фактов языкового сознания. Применение описательного метода в рамках лингвистического исследования текста позволяет охарактеризовать единицы анализа – паратактические ряды, их компоненты, семантические отношения, синтаксические связи, принципы структурирования ряда на основании какой-либо общности (общей семы, способа выражения, функции).

Исследование паратаксиса имеет длительную историю. Наиболее значимыми являются работы А.М. Пешковского, В.В. Виноградова Е.М. Ширяева, И.Н. Кручининой и других, посвященные вопросам изучения сочинительных связей в рамках общей теории словосочетания и предложения. Семантические отношения соположенных компонентов ряда чаще всего имеют общее соединительное значение. Особенно если компоненты связаны в хронотопе, локусе, модальности. Наличие общего основания является условием открытости паратактического ряда, а состав компонентов определяется когницией и прагматикой говорящего/ пишущего.

В основе паратаксиса лежит механизм объединения нескольких событий на уровне концептуально-значимого смысла. Согласно теории концептуальной интеграции, структуры исходных (*input*) ментальных пространств отображаются на новое, конструируемое, ментальное пространство, не тождественное ни одному из исходных, представляя новое ментальное пространство со своим значением [1; 2].

Безусловно, многое в устройстве паратаксиса обусловлено текстом, ситуацией. Процесс оперирования паратактическими конструкциями в тексте позволяет рассматривать их как функционирующие языковые структуры

и как сложную, связанную систему когнитивных единиц, обобщающую когнитивно-речевой опыт человека [3].

Пропозиционная синтаксическая структура с паратактическим рядом – способ представления знания, содержательная форма, результат мышления. Её функция – упорядочивание потока информации. Структура паратактического ряда является и языком описания процесса когнитивного моделирования, и его результатом. Соположение в паратаксисе становится техникой связи синтаксических единиц разных уровней, актуализирующей соединительные синтаксические отношения между компонентами конструкции на основе смысловой достаточности каждого даже в случае их семантического рассогласования. Они должны быть предрасположены к вступлению в отношения на основании работы авторского сознания, памяти, воли, связанных с выражением концептуально значимого смысла.

Материалом для статьи послужили произведения наиболее ярких представителей русского литературного постмодернизма – Т. Толстой, С. Соколова, В. Пелевина, А. Сальникова.

В постмодернистской прозе когнитивная деятельность автора отражается в системе основных признаков: аналитизме, ассоциативности, имплицитности связей, симультанности. Суть процесса заключается в том, что при наличии общей скрытой интенции сохраняется внутренняя семантическая несогласованность, разорванность, отрывистость, перекомпоновка единиц, связанных ближними и дальними контекстами; двусмысленность, создающая добавочные значения; имплицитность, подсказываемая структурой контекста и фоном подтекста. Применительно к текстам модернистской прозы может быть использовано понятие «конфликтный паратаксис» [4], связанное с понятием «сознание соположенности». С точки зрения когнитивного подхода отношения между компонентами ряда могут быть рассмотрены как определенная мыслительная классификация, основу которой составляет «вероятностный процесс», определяющий потенциальную связанность компонентов, наличие хоть какой-то общности, не всегда эксплицированной в тексте [5]. Симультанное продуцирование компонентов паратактического ряда базируется на ассоциативных связях, возникающих между ними, и определяет их количество, порядок следования, средства связи. Именно поэтому конструкции с паратаксисом, основанные на соположении, являются одним из средств создания синтагматической монтажности паратактического ряда.

Механизм грамматического развертывания в структуре паратактического ряда

Структура паратактической конструкции, система отношений между её компонентами, средства их языкового выражения обусловлены контекстуальным окружением и макроструктурой целостного текста. Паратактические ряды, как правило, образуются на основе соположения компонентов, сочетаемость которых возможна и определена внутренней логикой,

воспоминанием, ситуацией восприятия. То есть основанием упорядоченности компонентов паратактической структуры, её протяженности будут являться особенности категоризационной (когнитивной) деятельности рассказчика. Обратимся к тексту:

Она обыкновенная: будка стрелочника, кусты, будка для кассы, платформа, кстати, деревянная, скрипучая, дощатая, часто вылезали гвозди, и босиком там не следовало ходить. Росли вокруг станции деревья: осины, сосны, то есть – разные деревья, разные. Обычная станция – сама станция, но вот то, что за станцией, – то представлялось очень хорошим, необыкновенным: пруд, высокая трава, танцплощадка, роща, дом отдыха и другое. На околостанционном пруду купались обычно вечером, после работы, приезжали на электричках и купались. Нет, но сначала расходились, шли по дачам. Устало, отдуваясь, вытирая лица платками, таща портфели, авоськи, ёкая селезенкой [6. С. 3].

Перед нами несколько высказываний с паратаксисом, включающих многочисленные повторы. Модус воспоминания и установка на диалогичность текста поддерживают аналитизм, прерывистость структуры, возникающую за счет включения дискурсивных элементов в паратактический ряд, который стабилизируются в рамках функционально-семантических категорий модальности, темпоральности, локативности, создающих семантические условия соположения компонентов ряда. Фрагмент включает несколько паратактических рядов, открытых и свободных по структуре, т.к. практически каждый компонент может быть продолжен и способен занять любую в порядке следования позицию, за исключением актуализированных компонентов: *кстати, то есть, но вот то, что за...* Смысловое развертывание фрагмента текста осуществляется на основе паратактической связи. Свобода связи, открытость ряда и порядок следования компонентов обусловлены когнитивной основой процесса воспоминания. Ситуация воспоминания формирует и стыки в структуре ряда, обусловленные механизмами работы памяти, когда поток мысли нуждается в торможении (*кстати, то есть, но вот то, что за, нет, но сначала*). Читатель чувствует, как меняется структура текстового фрагмента при сохранении внутривидных отношений. Включение в паратактический ряд ментативных компонентов, эксплицирующих оценочные смыслы, которые формируются в менталитете рассказчика в результате преломления отражаемых знаний, возможно только в случае реализации техники соположения – формальной основы упорядоченности.

Не меняя структуры синтаксической модели, паратаксис приводит к её разрастанию. Один паратактический ряд порождает другой, увеличивая формальный объем высказывания и отражая опыт категоризационной деятельности человека, способность к сопоставлению, классифицированию [5. С. 172], аналитизму, метафоризации, возникающей на основе метонимического разложения (*северная ветка, ветка акации или, скажем, сирени*).

Слабость синтаксической связи, открытость ряда, разнородность компонентов, – это условия, которые способствуют адаптации дискурсивных элементов к структуре паратаксиста, приводят к его грамматическому развертыванию.

Механизм грамматической компрессии в структуре паратактического ряда

Грамматическая компрессия в структуре паратактического ряда, как правило, сопровождается смысловым приращением информации. Это свойство синтаксической единицы в ряде случаев является необходимым и обусловленным структурой мысли, способом восприятия. Появление компрессивных структур в паратактическом ряду объясняется асимметричностью языкового знака, т.к. количество единиц смысла обычно превосходит количество единиц их означающих.

А зовется наш город, родная сторонка, – Федор-Кузьмичск, а до того, говорит матушка, звался Иван-Порфирьичск, а еще до того – Сергей-Сергейичск, а прежде имя ему было Южные Склады, а совсем прежде – Москва [7. С. 224].

Рекурсивность компонентов перечислительного ряда создает континуальность текста. Его понятийную основу составляет оценочное уравнивание неравноценных сущностей на субъективной шкале оценки, что приводит к разрушению стереотипного представления об объекте. И чем более странными кажутся наименования компонентов ряда, тем значимее выражаемая оценочность и возникающая оппозиция. Континуальность приводит к семантическому уравниванию и одновременно к приращению имплицитного смысла каждого из компонентов ряда, осознанию «тогда» и «теперь» как единого временного пространства, образующего смысловую компрессию.

Благодаря прерывистости синтаксической связи паратаксиста, появлению поясняющей, уточняющей семантики усиливаются логические и смысловые акценты, динамизм и стилистическая напряженность текста.

Основным условием для формирования паратактического ряда в современной прозе является общность синтаксической функции компонентов ряда. Их объединение может предопределяться пресуппозицией, контекстом, модусом восприятия, поэтому сочинительный ряд, имея синтагматический характер, образует парадигматическую общность соединяемых компонентов. Возникновение паратактического ряда на основании хоть какого-либо общего признака (общей семы, способа выражения, функции, предтекста) формирует в сознании читателя ощущение связанности его компонентов. В случае, когда паратаксист основывается на неполном наборе признаков, он становится мощным инструментом организации высказывания.

Выявленные особенности паратаксиста позволяют говорить о симультанности, которая отражает принципы категоризации окружающего мира, демонстрируя субъективность этого процесса.

Процессы компрессии и синтаксического развертывания, сопровождающие паратаксис в структуре ряда, можно рассматривать не только как грамматическое явление, но и как стилевую характеристику прозы. Компрессия в структуре паратактического ряда предусматривает сжатие знаковой структуры путем эллипсиса, грамматической неполноты, бессоюзия, парцелляции и других процессов, способствующих грамматическому сжатию высказывания и увеличению его смысловой нагрузки.

Функционирование паратактических конструкций в тексте позволяет рассматривать их как функционирующие языковые структуры и как сложную, связанную систему когнитивных единиц, обобщающую когнитивно-речевой опыт человека. Трансформации в структурах с паратаксисом отражают основные изменения мировоззренческого, эстетического, становясь средством описания современной картины мира в постмодернистской прозе.

Список литературы

1. Fauconnier G., Turner M. Conceptual Integration Networks // Cognitive Science. Stanford: Center for the Study of Language and Information, 1998. P. 137–187.
2. Теньер Л. Основы структурного синтаксиса. М.: Прогресс, 1988.
3. Сигал К.Я. Сочинительный ряд как синтаксический контекст абсолютного употребления переходного глагола // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота. 2018. № 2 (80). Ч. 1. С. 157–160.
4. Adorno T.W. Parataxis. Zur späten Lyrik Hölderlins // Adorno T.W. Gesammelte Schriften. Bd. 11 / Hrsg. von Rolf Tiedemann. Frankfurt a. M.: Suhrkamp, 2003. P. 15–102.
5. Норман Б.Ю. Когнитивный синтаксис: Учеб. пособие. М.: Флинта, 2012.
6. Соколов С. Школа для дураков. М.: Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2017.
7. Толстая Т. Невидимая дева. М.: АСТ: Астрель. 2012.

S.A. Solovyova

Cherepovets state university (Cherepovets)

THE MAIN TRENDS IN THE DEVELOPMENT OF PARATATACTIC COMMUNICATION IN MODERN RUSSIAN LANGUAGE

***Abstract.** The article, based on the material of modern prose, examines the main trends in the development of syntactic constructions with parataxis, a broad understanding of which makes it possible to identify the area of intersection of syntactic phenomena of different levels and determine the diversity of the semantics of parataxis. Parataxis is considered from a linguocognitive position,*

as a fact of linguistic consciousness, when the relationships between the components of a series are the result of a certain mental classification, the basis of which is a “probabilistic process” that determines the potential relatedness of the components. The purpose of the article is to discover the conditionality of changes in syntactic structures with parataxis by phenomena of ideological and aesthetic order. The use of the descriptive method within the framework of linguistic research of the text allows us to characterize paratactic series, their components, semantic relations, syntactic connections, principles of structuring the series on the basis of any commonality. Paratactic constructions capture the process of conceptualizing a fragment of reality. Their structure reflects tendencies towards syntactic fusion: the inclusion in the paratactic series of semantically heterogeneous components that violate the cohesion of the text. Parataxis, without changing the structure of the syntactic model, leads to its growth, reflecting the experience of categorization activity. The opposite process – grammatical compression in the structure of the paratactic series, is accompanied by a semantic increase in information. This property of the paratactic unit is determined by the structure of thought.

Keywords: *parataxis, juxtaposition, grammatical compression, grammatical deployment, postmodern prose.*

Н.Д. Стрельникова

Санкт-Петербургский государственный электротехнический университет
«ЛЭТИ» им. В.И. Ульянова (Ленина) (Санкт-Петербург)

АБЗАЦНОЕ ЧЛЕНЕНИЕ В ТЕКСТАХ НОВЕЙШЕЙ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

***Аннотация.** В текстах новейшей русской литературы наблюдается тенденция, когда абзацное членение текста становится все более маркированным. Современных авторов привлекают более и более короткие абзацы, иногда до одного предложения и даже слова. С одной стороны, это явление можно объяснить влиянием разговорной речи и интернет-языка, длительным общением в сетях и языком СМС, а также попыткой имитации живой разговорной интонации. С другой стороны, свидетельствует о когнитивных изменениях, являющихся, в свою очередь, отражением сложных процессов, связанных с визуализацией и все большей неспособностью современных носителей русского языка воспринимать большие по объему тексты. Проблемы изменений в речи на уровне интонации, логического ударения, темпа и ритма, отразившиеся в абзацном расчленении текста, рассматриваются на примере недавних произведений известных российских писателей и иллюстрируются фрагментами из романов М. Степновой «Сад» (2020), А. Рубанова и В. Авченко «Штормовое предупреждение» (2019), А. Пелевина «Покров-17» (2021), А. Володиной «Протагонист» (2022), А. Старобинец «Лисьи броды» (2022), сборников рассказов и повестей Р. Сенчина «Петербургские повести» (2020) и А. Матвеевой «Армастан. Я тебя тоже» (2023), рассказа А. Снегирева «Некоторые вещи надо делать самому» из сборника рассказов современных писателей «Птичий рынок» (2019).*

***Ключевые слова:** предложение, абзац, расчленение, новейшая литература, парцелляция, номинативные предложения, креолизованный текст.*

Изменения, произошедшие за последние 30 лет в русском языке, затронули все его уровни. Процессы трансформации динамически продолжаются, однако, если пополнение лексики за счет заимствованных в основном слов естественно и неизбежно, то изменения в грамматике представляют собой явление гораздо более серьезное, хотя и не столь стремительное. Между тем современный русский язык претерпевает значительные преобразования именно в этой области. Рассмотрим, какое отражение нашли языковые изменения на уровне абзацного расчленения текста в современной русской прозе.

Прежде всего отметим, что изменения коснулись просодической стороны речи, т.е. ее ритмико-интонационных свойств. Плавная интонация, в целом присущая русской речи, мягкие логические переходы от одной мысли

к другой, похоже, остаются в прошлом. Темп речи стал гораздо быстрее, что, в свою очередь, сказалось на ритме, не говоря уже о паузах и логическом ударении. На смену пришел отрывочный, «рваный» ритм с резкими тональными переходами, с искусственным дроблением фразы на отдельные фрагменты и даже одиночные слова. Данные особенности речи современного носителя языка находят отражение в современной художественной литературе и проявляются как на уровне предложения (парцелляция), так и на уровне абзацного членения текста. Таким образом, можно сделать вывод, что сама ритмика современной прозы подверглась серьезным изменениям.

Членение на абзацы, как известно, способствует более совершенному пониманию и восприятию текста, т.к. текст без выделения частей читается затрудненно [1]. В современных текстах, художественных и медиа, наблюдается тенденция увеличения количества абзацев и одновременно сокращения предложений в одном абзаце. «...Писатели современные значительно активнее используют абзацное членение, чем писатели XIX века. И это связано не только с индивидуальными пристрастиями, но и с общими тенденциями в синтаксисе современного русского языка: он становится более динамичным, расчлененным и актуализированным» [1]. Маркированные за счет длины короткие абзацы естественно и неизбежно привлекают внимание. Н.С. Валгина выделяет три основные функции абзацного членения: логико-смысловую, экспрессивно-эмоциональную и акцентно-выделительную [1]; функции сокращения абзацев могут быть самыми разными: чисто композиционными, связанными с изменением ритма текста, темы, ситуации, особой роли их в тексте и пр. [2–4]. Тенденция к усечению абзацев в художественных текстах конца XX – начала XXI в. уже достаточно заметна. Это, например, продемонстрировала О.В. Марьина на примере произведений Л. Петрушевской, Т. Толстой, А. Лиханова, Л. Рубинштейна, С. Довлатова, Б. Акунина, Викт. Ерофеева, А. Битова, показав, как «структура абзацев художественных текстов, созданных в 1980–2000-е года, влияет на степень их расчленения» [5]. Исследовательница констатирует, в частности, что абзац «может быть вставной конструкцией, имеющей реминисцентную отсылку к ранее созданному тексту», передавать «отрывочность воспоминаний рассказчика, запомнившиеся эпизоды из жизни», однако между абзацами могут быть просто «нарушены логические, структурные (в тексте Виктора Ерофеева «Мы из Интернета»), семантические связи, являющиеся базовыми для определения связности и цельности любого текста» [5]. Так, данное новаторство в синтаксисе русского языка было логично объяснено.

Между тем в текстах новейшей литературы данная тенденция расчленения текста на все более короткие фрагменты (предложения и абзацы) не только усилилась, но и стала фактом сложных когнитивных процессов, происходящих, вероятно, бессознательно, но фиксируемых в речи носителей русского языка. Одной из целей статьи является попытка доказательства

на примере отрывков, взятых из произведений отечественной прозы 20-х гг. XXI века, т.е. новейшей, что выделение абзацев все чаще отступает от традиции, нарушая установленные законы русской грамматики, и все менее объяснимо логически. В целом данное явление свидетельствует, конечно, о влиянии разговорной речи, интернет-языка, языка СМС, общения в сетях и др. новых форм и видов коммуникации. Меняющееся восприятие информации реципиентами является, в свою очередь, отражением сложных процессов, связанных с визуализацией и все большей неспособностью современных носителей русского языка считать большие по объему тексты, а возможно, и воспроизводить как собственные истории, так и вторичные тексты. Само мышление современного носителя русского языка становится более дробным и влечет за собой активизацию синтаксических процессов в письменном тексте. (Не хочется переходить на жаргон, но наиболее точным представляется определение мышления и восприятия современного молодого носителя языка в России как *чисто-конкретно* информативное.)

Абзацное членение в текстах новейшей литературы нарушает грамматические законы построения предложения и абзаца в русском языке. Так, например, в образцах современной отечественной прозы абзацы могут начинаться с союзов *И, А* или *Но, Или*. Абзацы включают в себя одно, реже – два предложения. Приведем примеры: *Что бы я делал без моря? / Оно делало меня счастливым. / И отца моего. / И всех нас, тут живущих* [6. С. 138]; *Никита Буянов ошибся на той дорожке, где ошибаться нельзя. / И ему дали отыгаться* [7. С. 37]; *И клеймо на кирпичках – моё. / И дом в центре Владивостока, на Лазо, – мой. / И завод на острове Пулятина – тоже мой. / Хотя завода ... / А кирпичи, куски или даже целые, клеймёные – везде* [6. С. 31]; *Мама, подуй! / А у неё кровь на подбородке* [8. С. 195]; *...а про фильмы, про книги и про музыку. / А когда надоедало говорить – целовались. / Но это никого не касается* [6. С. 79]; *Или машина моя понравилась. С шестью парами. / Или музыка. Или всё вместе* [6. С. 11]; *Она объяснила мне <...> всегда и всюду холодная вода, Нева, каналы, Балтика. / А я объяснил ей, что нельзя так думать про воду ... / И еще хотел добавить ... / Но не добавил* [6. С. 80]; *Чудом уцелевший ребёнок. / И сад.* [8. С. 50].

Указанные примеры иллюстрируют также новые способы подачи однородных членов предложения путем их расчленения на самостоятельные. Итак, сложносочиненное предложение легко разъединяется на два простых. Сложноподчиненные предложения также могут распадаться на два и более на месте подчинительного союза. Например: *Вот только Костя не сказал, что живут – короли, а королевы сидят под замком. / Поэтому я не сказала Косте, где буду жить – без него* [7. С. 256]; *Теперь надо узнать самое главное. / Поэтому я еду из Покрова-17 в Покров-17 и перечитываю стихи в блокноте* [9. С. 10]. Эти отдельно оформленные сегменты дробят текст и имитируют интонацию современной разговорной речи.

Можно проследить еще одну любопытную тенденцию: преобразование сложноподчинённых предложений, преимущественно с придаточными изъяснительными и обстоятельственными причины и следствия, – в бессоюзные. Например: *Несколько раз бывало: приезжали мои друзья по универу* [6. С. 84]; *Очень умные преподаватели: невозможно переспорить* [6. С. 84]; *Но сейчас прибавлять нельзя: туман сгущается* [6. С. 8]; *Локти и запястья до сих пор болели: я примерно двадцать часов не выпускал из рук румпель* [6. С. 194]; *После такой отповеди я зауважал мою спутницу: она явно имела твёрдые принципы* [6. С. 62].

Особый синтаксический приём речи – *парцелляция*, намеренно нарушающий целостность предложения, когда простое предложение превращается в несколько коротких, отрывочных фрагментов с целью усиления какой-либо эмоции или мысли, также широко используется современными авторами. *Хоть фильм ужасов снимай. / Малобюджетный* [10. С. 31]; *Мне как раз и нужно на паром. Последний* [6. С. 6]; *За эти дни я узнал о Покрове-17 почти все, что я хотел. Почти все* [9. С. 10]; *Нравится всем. И девочкам, и мне самому* [6. С. 8]; *Взял пиджак и надел. Сунул мобильник в боковой карман пиджака, бумажник – во внутренний. Носовой платок в левый карман брюк. Мелкие деньги – в правый. Так. Ну, все-о... Все* [11. С. 314]; *...всякие есть. Интеллигенты. Приезжие. Много студентов* [6. С. 36]; *Дождь. И ветер усилился. Гонит капли по лобовому стеклу* [6. С. 10]; *Красивая очень. Большие глаза. Лицо бледное. Улыбка осторожная. Боится* [6. С. 6].

Более того (и это еще одна особенность отражения речевых изменений в художественном тексте), фрагментарность усиливается, когда приём парцелляции применяется не только в пределах предложения, но и распространяется на абзацное членение текста: *...хорошо воспитанный. / Положительный* [6. С. 6]; *Он не хотел убивать. / Только ранить. Только чтоб пропустил. И чтобы после – спасли. / Он, всю жизнь лечивший людей, точно знал. Куда надо попасть...* [12. С. 694]; *Мысли прояснились. / И так. / Днем 19 сентября я выехал из Калуги по направлению к этой территории* [9. С. 15]; *За окном был сад. / Это всё, что у неё теперь оставалось. / Чудом уцелевший ребёнок* [8. С. 50]; *Технику надо драить. Тогда она служит долго, верой и правдой. / Машину, лодку, лодочный мотор, атомный ракетный крейсер* [6. С. 56]; *Постель, впрочем, оказалась чистой. / И ванная* [10. С. 31]; *Туся была счастлива и свободна. / Наконец. / Как свободен всякий, не знающий, что готовит ему будущее* [8. С. 413]; *Что делает весной человек, имеющий автомобиль? / Он меняет резину. / Снимает зимнюю, ставит летнюю* [6. С. 82]; *А потом, конечно, кивнула. / И решила посоветоваться с Таней* [10. С. 22]; *Костя вернулся без пистолета и перчаток. / И без Беса* [7. С. 245]; *Всё случилось так быстро и обыденно что никто сначала не поверил. / Включая самого жука. / Теперь на его лице был укор. / Вы должны были остановить меня. / И успокоить ее* [13. С. 385].

Стремительно развивающаяся аналитическая тенденция в грамматике, синтаксисе современного русского языка широко представлена в текстах обилием номинативных конструкций. Учитывая требования публикации, приведем лишь некоторые примеры, существенно ограничив их количество, заметив, что число номинативных цепочек, т.е. ряда существительных, стоящих в именительном падеже, в текстах новейшей прозы достаточно велико и служит констатацией активизации безглагольных синтаксических конструкций. См.: *Дни, годы, жизнь. Окна, следящие, молчаливые окна. Дворик, дом, квартира* [11. С. 16]; *Мякоть сливы, слюна, сок ускользящего солнца, оглушительный аромат свежего пота* [8. С. 20]; *Сопки! Тайга! Заливы! Бухты! Мосты!* [6. С. 9]; *Раннее утро. Час между собакой и волком. Серый и тусклый, как шерсть убитого волка, свет. Лошадиное ржание. Прокуренная кибитка бродячего цирка* [12. С. 631]; *Длина, ширина, высота – и море, его сила, его энергия, его запах* [6. С. 77]; *Школа, больница, магазины* [6. С. 131]; *Заезды в Находку и в Краскино, к китайской границе. Взрослая жизнь. Девчонки. Сто восемьдесят по пустой ночной трассе. Музыка. Панф. «Мумий Троль». «Депеш Мод». Самоутверждение. Повышение самооценки. Шесть фар, сверкающих ночью. Реактивное ускорение. Дрифт: это мы тоже умеем. Сладкое ощущение полноты жизни* [6. С. 121–122]; *Камни, прибой, запах. <...> Амурский бархат, виноград, лианы, лимонник* [6. С. 16]; *Женщина средних лет, ее супруг – мужчина средних лет, их институтский друг средних лет и молодой человек, годящийся им в сыновья* [13. С. 381].

И снова обратим внимание на то, что и эта тенденция не замыкается в рамках предложения, выходя на уровень абзаца: *Пустая детская. / Пустая комната для занятий. / Еще одна дверь. / Еще. / Хлоп! Хлоп! Хлоп!* [8. С. 209]; *Дом у леса. / Терраса. / Стол. / За столом четверо* [13. С. 381]; *...затем снова руки / и снова руки / и снова / Звонок / Мамина инструкция* [7. С. 54].

В заключение, продолжая мысль о новой ритмике, обусловленной, кажется, прежде всего, изменениями в просодической системе языка, обратим внимание на тренд, иными словами, усиливающуюся и усложняющуюся тенденцию визуальной подачи текста. В художественной прозе современных отечественных писателей задействованы разнообразные приемы представления текста: от простейших графических средств креолизации – изменение шрифта и его размера [7. С. 156, 269] – до включения текстов иных жанров, например рекламы (*РЕЗИНА ИЗ ЯПОНИИ. ЛЮБАЯ НЕПАРКА. ДЁШЕВО* [6. С. 34]), уведомления [7. С. 189], отчета [9. С. 219–220], памятки с режимом учебного дня [7. С. 155–156], текста открытки [7. С. 74], письма [9. С. 204–205], газетного заголовка [9. С. 202] или записи на экране айфона *ВИТЯ ШТОРМ ДРУГ ВАРИ ВЛАДИВОСТОК* [6. С. 206]), расшифровки переговоров по радиосвязи [9. С. 224–225], текста новостного сайта из чата конференции Zoom [7. С. 25], текста видео [7. С. 30–36]

с комментариями после него [7. С. 37] и пр. и т.д. Также маркирование отдельных предложений и их отрезков с целью привлечения особого внимания и имитации внутреннего монолога, интонации живой речи подается путем дробления предложения и варьированием его расположения на странице (см. многочисленные примеры в [7. С. 23, 43, 54, 113 и др.]).

Итак, рассмотрев на примере образцов российской новейшей прозы, являющейся зеркалом, отражающим процессы изменения интонации современной разговорной речи со свойственным ей мелодичным темпом с выделением значимых частей на иную, и синтаксические трансформации, дробящие текст на отдельно оформленные сегменты, возникающие, как часто кажется, произвольно, стихийно, можно констатировать стремительное усиление тенденции расчленения текста на все более короткие отрезки и новой ритмики.

Список литературы

1. Валгина Н.С. Теория текста. Функции абзаца. Электронный ресурс: <http://evartist.narod.ru/text14/13.htm>.
2. Чувакин А.А. Интеграция/дезинтеграция в синтаксисе художественного текста на рубеже 20 – нач. 21 века // Русский синтаксис: новое в теории, методике, объекте. Сборник материалов Всероссийской научной конференции. Барнаул: Изд-во БГПУ, Лаб. теорет. и прикладной русистики БГПУ, 2003. С. 59–61.
3. Чувакин А.А. Дезинтеграционные процессы в художественном синтаксисе рубежа XX–XXI вв. // Исследования по семантике: межвузовский научный сборник. Вып. 24. Уфа: УУНиТ, 2008.
4. Саланина О.С. Абзацирование вторичного текста как проблема общей теории текста (эвокационное исследование): Дис. ... канд. филол. наук. Горно-Алтайск, 2005.
5. Марьина О.В. Абзацное членение текста как показатель его расчленения (на материале художественных текстов рубежа XX–XXI веков) // Филология и человек. 2011. № 2. С. 111–117.
6. Рубанов А., Авченко В. Штормовое предупреждение. Роман больших расстояний. М.: Молодая гвардия, 2019.
7. Володина А. Протагонист. М.: Издательство АСТ, 2022.
8. Степнова М.Л. Сад: роман. М.: Издательство АСТ, 2020.
9. Пелевин А.С. Покров-17. М.: ИД «Городец», 2021.
10. Матвеева А.А. Армастан. Я тебя тоже. М.: Издательство АСТ, 2023.
11. Сенчин Р.В. Петербургские повести. М.: Эксмо, 2020.
12. Старобинец А. Лисьи броды. М.: РИПОЛ Классик, 2022.
13. Снегирев А. Некоторые вещи надо делать самому // Птичий рынок. М.: Издательство АСТ, 2019. С. 379–386.

N.D. Strelnikova

Saint Petersburg Electrotechnical University "LETI" (Saint Petersburg)

**PARAGRAPHIC STRUCTURE IN THE TEXTS
OF THE MODERN RUSSIAN LITERATURE**

Abstract. *In the texts of the latest Russian literature, there is a tendency when the paragraph articulation of the text becomes more marked. Modern authors are attracted to shorter paragraphs, sometimes down to one sentence and even a word. On the one hand, this phenomenon can be explained by the influence of colloquial speech and the Internet language, long-term communication in networks and the language of SMS, as well as an attempt to imitate a live conversational intonation. On the other hand, it indicates cognitive changes, which, in turn, are a reflection of complex processes associated with visualization and the growing inability of modern Russian speakers to perceive large texts. The problem of changes in speech at the level of intonation, logical stress, tempo and rhythm, reflected in the paragraph division of the text, is considered on the example of recent works by famous Russian writers and is illustrated by fragments from novels M. Stepnova "Garden" (2020), A. Rubanov and V. Avchenko "Storm Warning" (2019), A. Pelevin "Pokrov-17" (2021), A. Volodina "Protagonist" (2022), A. Starobinets "Fox Fords" (2022), collections of short stories and novels by R. Senchin "Petersburg Tales" (2020) and A. Matveeva "Armastan. I love you too" (2023), A. Snegirev's story "Some things you have to do yourself" from the collection of stories by contemporary writers "The Bird Market" (2019).*

Keywords: *sentence, paragraph, division, latest literature, parcelling, nominative sentences, creolized text.*

Е.С. Ступина

Нижегородский государственный лингвистический
университет им. Н.А. Добролюбова (Нижний Новгород)

ГРАММАТИЧЕСКИЙ ФАКТОР В ОПРЕДЕЛЕНИИ РИТОРИЧЕСКОГО КОДА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Аннотация. В статье предлагается интерпретировать влияние грамматического фактора в организации риторического кода как систему риторических знаков, определяющих содержание речевого произведения, понимание и оценку передаваемой и принимаемой информации. Внимание автора сосредоточено на использовании определенных грамматических единиц в русскоязычном политическом дискурсе. Знаками риторического кода хеджирования становятся модальные частицы, прилагательные и местоимения, вводные слова и конструкции. Риторический код ложного контраста формируется под влиянием структуры сложносочиненного предложения, части которого соединены союзом «а», отличающимся сопоставительной семантикой в рамках заданного контекста с местоименными наречиями. Рассматриваются перлокутивно-иллокутивные задачи односоставных предложений: определенно-личные могут реализовать риторический код самоутверждающего нарратива с различными смысловыми вариациями, безличные – риторический код рефлексии.

Ключевые слова: риторический код, знак, контраст, грамматический фактор, односоставные предложения.

Сегодня интерес к риторике обусловлен теми расширенными возможностями коммуникативного воздействия, которые приписывают этой древней науке, способной, по справедливому замечанию Аристотеля, «представить убедительным любой предмет» [1. С. 8]. Риторика, как пишет Е.В. Ключев, «возложила, на себя контроль за всеми стадиями процесса трансформации предмета в слово» [2. С. 13]. По этой причине риторика стала представлять макросферу знаний, объединяющую ресурсы не только стилистики и культуры речи, но и психологии, этнографии, герменевтики.

Категория риторического трактуется как «эффективная речемыслительная деятельность» [3. С. 161]. Междисциплинарный подход в представлении риторики активизирует поиск синтетических способов передачи и интерпретации информации. Однако Ж. Бодриар, анализируя эру гиперреальности, говорил, что миру предоставляется «все больше и больше информации и все меньше и меньше смысла» [4. С. 109]. Кажется, мы передаем огромный поток информации, и нам важно оказать максимально чувственное воздействие на окружающих своей речью с помощью доступных и регулярно совершенствующихся инструментов коммуникации.

Человек формирует объемную информацию в систему кодов, которые успешно считываются при условии идеально подобранного ключа, выстраивающего знаки этого кода в определенную последовательность. Те, кто успешно сложил мозаику знаков в код, поняли замысел продуцента.

Действительно, коды облегчают передачу информации в сферах точных наук, но в гуманитаристике кодовая структура сложнее и зависит от ряда субъективных факторов, которые сложно учитывать ситуационно, ибо система кодов связана с мышлением человека. Мышление представляет собой сложный, не поддающийся абсолютному пониманию процесс. Оптимизация методов верного считывания кода опирается на идею выявления модификаций знаков, составляющих код. В настоящей работе нас будет интересовать процесс определения риторического кода под влиянием грамматических категорий в политическом дискурсе. Иллюстративной основой станут тексты, предоставляемые Национальным корпусом русского языка (НКРЯ), и открытые стенограммы выступлений известных российских политиков.

Политический дискурс вызывает повышенный интерес в связи с открытостью общественной жизни. Первичная задача произведений дискурса – убеждение, манипуляция мнением, поэтому актором используется множество средств для кодирования речевой формы.

Риторический код – это система знаков, воздействующих на чувственное восприятие речи, отраженная в текстах, которые имеют жанровую и дискурсивную специфику [5. С. 104]. Риторическое определение кода закрепляется и на основе эмоциональной оценки речевой формулы, включающей показатели лексико-семантического и грамматического характера. Кроме того, важно учитывать риторическую задачу говорящего, включающую в себя культурно-исторический бэкграунд. Риторический код позволяет расшифровать информационный фон для понимания прагматики текста. При этом сложно отрицать, что «не может быть такой теории понимания, которая одновременно была бы и общей, и частной, потому что нет единого, целостного понимания процесса понимания. Каждый раз, когда мы пытаемся вникнуть в процесс понимания дискурса, он кажется чуточку иным» [6. С. 204]. Особенно важно это понимать, когда набирают популярность разнообразные речевые стратегии воздействия в политической среде.

Риторический код связан с параметрами выразительности, но именно грамматический фактор влияет в большей степени на коммуникативную задачу, поскольку собственно грамматические категории отличаются структурообразующими свойствами.

Грамматический фактор связан с двумя основными моментами: во-первых, важно установить, какую роль играет частеречная принадлежность ключевых слов текста; во-вторых, следует выявить, как тип предложения

и структура предложения в рамках политического дискурса влияют на осознание истинного смысла высказывания.

Например, в организации риторического кода хеджирования участвуют модальные частицы (*вряд ли, вроде бы*), прилагательные и неопределенные местоимения (*определенный, достаточный, некоторый*), вводные слова и конструкции (*возможно, может быть, вероятно, пожалуй*). Сущность риторического кода хеджирования заключается в том, что информация, передаваемая говорящим, не демонстрирует его истинных намерений, поскольку актер предпочитает в смягченной форме показать недовольство происходящим или пытается переложить ответственность за принятие решения на других: (1) *При этом президент Польши Анджей Дуда заявил, что **Польша** не может **позволить себе** впустить на свою территорию мигрантов, так как за ними последуют новые* (Белоруссия назвала число беженцев на границе с Польшей // Парламентская газета. 2021.11.13). Если бы приписываемые президенту Польши слова выражали жесткое несогласие принять беженцев, то это противоречило бы позиции общеевропейской идеологии мультикультурализма. Благодаря перформативному глаголу и метонимическому употреблению имени собственного – названия страны – возникает мысль о коллективном гражданском принятии решения о запрете въезда мигрантов с опорой на объективные условия существования небольшого государства, которое не отличается показателями успешности в экономико-социальной сфере.

Обобщенно считается, что «хеджирование – это целенаправленное ослабление иллокутивной силы высказывания, без которого оно может звучать невежливо, излишне эмоционально или даже агрессивно» [7. С. 57]. В речи правозащитницы Татьяны Москальковой о корректировке признания организаций иностранными агентами вводное сочетание *может быть* смягчает категоричность высказывания: (2) *Закон об иноагентах требует корректировки, уточнения, понимания политической деятельности, чтобы [предусматривалась] система, **может быть**, даже обжалования решений о внесении в реестр [иноагентов], понимания, как должна работать общественная организация, признанная иноагентом* (Москалькова готова принять участие в корректировке закона об иноагентах // Парламентская газета. 2021.12.10). Возможно, данная конструкция позволяет также сохранить баланс между долгом уполномоченного по правам человека и общеполитической идеологией в стране.

Риторический код ложного контраста в политическом тексте задается местоимениями *мы – они*, наречиями *там – здесь, сегодня – завтра* и структурой сложносочиненного предложения, части которого соединены противительными союзами: (3) *Но есть и другой серьезный фактор. Сейчас трудно говорить о пропорциях, но в свое время в «Востоке» до 40% личного состава было с территориями, которые находятся под контролем ВСУ. Им просто деваться некуда. Дома их остались **там**, а **здесь** высокий*

уровень безработицы, и их гражданские способности неприменимы. Они вынуждены воевать и, чтобы выжить, должны учиться военному делу наилучшим образом. И они — постоянный костяк подразделений. Если все разбегутся — эти останутся (Дмитрий Дурнев. «Главный оппозиционер» ДНР Александр Ходаковский рассказал об усталости и деформации // Московский комсомолец. 29.05.2017). Контраст как «принцип линейно-синтагматической организации речевого произведения» [8] может быть синонимичен противопоставлению, которое в данном случае не будет реализовано. Расширенный контекст в примере позволяет понять, насколько глубока трагическая идея потери родных территорий. Союз *а* «способен актуализировать в своей сопоставительной семантике идею противопоставления», но при условии лексического окружения – антонимов, выражающих значение конкретных противоположных объектов, явлений, действий [9. С. 128]. В этом примере местоименные наречия *там* – *здесь* не создают какой-то очевидной картины противоположных образов. Через сопоставление пространств, номинированных лексемами *там* и *здесь*, создается ложный эффект противопоставления, автор создает контраст между равными по негативному влиянию состояниями: там у воюющих остались дома, но здесь территория принадлежит ВСУ; здесь нет боев, но и жить спокойно люди не могут, потому что нет работы. Автор пытается объяснить, почему люди воюют и будут воевать. При этом очевидно, что автор сам не видит разницы между жизнью *там* (в условиях угнетения) и *здесь* (при социальной неадаптированности).

Продуктивными в порождении разнообразных риторических кодов становятся односоставные предложения.

Односоставные предложения, организуя риторические коды, помогают распределить акценты в речи. Подобные предложения являются «важнейшим средством создания цельности текста», они позволяют передать «тональность разговорной речи, не утяжеляя синтаксис» [10. С. 298]. Кроме того, односоставные предложения отличаются определённой экспрессией, что позволяет судить о той системе эмоциональной оценки действительности, которая была сформирована сознанием политика.

Например, определённо-личные предложения выступают знаком риторического кода самоутверждающего нарратива. Возникает прагматика оправдания неких действий, восхваления самого себя или подчеркивания силы власти. Глагол-сказуемое чаще всего употребляется в форме 1-го лица единственного числа: (4) **Прошу** профильные комитеты в приоритетном порядке подготовить и внести для рассмотрения оставшиеся законопроекты. Иллюстрация из выступления Вячеслава Володина на открытии весенней сессии Государственной думы 19 января 2021 г. демонстрирует управленческую риторику председателя.

Определённо-личные предложения, которые оказываются типичны для монологических высказываний известных политических деятелей,

достаточно часто придают тексту живости, создают эффект разговорной речи [11]: (5) *И не могу не сказать добрые слова в адрес Вячеслава Владимировича Гладкова – губернатора Белгородской области. Думаю, он достоин государственной награды за мужество и сдержанность, за то, что он всегда думает о людях.* В выступлении Сергея Миронова на пленарном заседании Госдумы 19 марта 2024 г. не только подчеркивается идеологическая позиция говорящего – депутата Государственной думы, но и устанавливается в силу важности пропаганды героических поступков самостоятельность предложения – наградить губернатора Белгородской области.

В подобных предложениях «актуализируется действие-состояние» [12. С. 122]: (6) *Считаю, что это совершенно объективная и закономерная тенденция, с которой не хотят считаться страны коллективного Запада во главе с США. <...> И могу сказать, что вопрос компенсации жертвам французских ядерных испытаний в алжирской Сахаре до сих пор остается открытым и очень острым для алжирского общества.* Выступление Председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко на пленарном заседании «Россия – Африка в многополярном мире» является частью политического имиджа. В данном случае усиливается не только идея власти, но и соответствующая решительность. Если бы мы заменили приведенные односоставные предложения соотносительными двусоставными, то речь была бы, по справедливому замечанию А.М. Пешковского, «более вялая, разжиженная, спокойная» [13. С. 184], что не соответствует образу трибуна-политика.

Риторический код рефлексии о произвольности определенных действий, возникающий на фоне употребления безличных предложений, культивирует идею необъяснимости происходящего: (7) *Сегодня всем стало очевидно, что страна, которая учит стандартам демократии весь мир, сама их перечеркнула* (Вячеслав Володин на открытии весенней сессии Государственной думы 19 января 2021 г.); (8) *Недавно мне пришлось обратиться в Министерство юстиции с просьбой проверить главного бенефициара агропромышленного холдинга «РусАгро»* (Сергей Миронов на пленарном заседании Госдумы 19 марта 2024 г.). Подобные синтаксические единицы являются частью рассуждения, могут обозначить недетерминируемые явления, которые оказывают симптоматическое влияние на мысли и поступки людей. Специфичность таких предложений заключается, по мнению А. Вежбицкой, в том, что «безличные конструкции в русском языке показывают, что русский язык отражает и всячески поощряет преобладающую в русской культурной традиции тенденцию рассматривать мир как совокупность событий, не поддающихся ни человеческому контролю, ни человеческому разумению» [14. С. 76]. Политикам безличные предложения помогают избежать открытых обвинений в субъективности анализа происходящего, продемонстрировать процесс размышления под влиянием некоего всеобщего требования и признания.

Таким образом, мы подчеркнем, что грамматические категории становятся знаками риторического кода. Реципиент осознает коммуникативную структуру высказывания, понимает прагматический смысл грамматических единиц, и «риторические коды имеют больше шансов быть замеченными, потому что они часто обнажают процесс построения текста» [15. С. 209]. Считаем, что описание грамматических показателей, влияющих на организацию кода, требует детального осмысления в совокупности с семантическими факторами. Мы понимаем, насколько важным в настоящем является установление доминантных составляющих политического дискурса в условиях сложных цивилизационных процессов и информационных войн.

Список литературы

1. Аристотель. Риторика. Поэтика. М.: Лабиринт, 2000.
2. Ключев Е.В. Риторика (Инвенция. Диспозиция. Элокуция): Учеб. пособие для вузов. М.: Издательство ПРИОР, 1999.
3. Голышкина Л.А. Риторика декодирования: понятие и методологический инструментарий // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. 2020. № 8 (837). С. 160–171.
4. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015.
5. Ступина Е.С. Риторические коды антонимов в политическом тексте: биография эпохи (на основе работ В.И. Ленина «С чего начать?», «Что делать?») // Политическая лингвистика. 2023. № 4 (100). С. 103–108.
6. Дейк ван Т.А., Кинч В. Стратегии понимания связного текста // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 23. Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 153–211.
7. Осипов Г.А. Хеджирование как прагматический инструмент политического дискурса // Международный научно-исследовательский журнал. 2012. № 3 (3). С. 57–59.
8. Культура русской речи: Энциклопедический словарь-справочник / Под ред. Л.Ю. Иванова, А.П. Сковородникова, Е.Н. Ширяева и др. 2-е изд., испр. М.: Флинта: Наука, 2007.
9. Милованова М.С. Семантика противительности: опыт структурно-семантического анализа: Монография. 2-е изд., стер. М.: ФЛИНТА, 2016.
10. Бутырина Е.Ю. Употребление односоставных предложений в романе Б.К. Зайцева «Дальний край» // Ученые записки ОГУ. Сер.: Гуманитарные и социальные науки. 2015. № 6. С. 297–298.
11. Подкина Ю.В. Функции односоставных предложений в текстах периодической печати // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 3-2. С. 68–71.

12. Бабайцева В.В. Система односоставных предложений в современном русском языке. М.: Дрофа, 2004.
13. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. 8-е изд., доп. М.: Языки славянской культуры, 2001.
14. Вежбицкая А. Язык. Культура. Познание / Пер. с англ.; отв. ред. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996.
15. Чепкина Э.В. Русский журналистский дискурс: текстопорождающие практики и коды: 1995–2000: Дис. ... д-ра филол. наук. Екатеринбург, 2001.

E.S. Stupina

Linguistics University of Nizhny Novgorod (Nizny Novgorod)

GRAMMAR FACTOR IN DETERMINING THE RHETORICAL CODE IN POLITICAL DISCOURSE

***Abstract.** The article proposes to understand the influence of the grammatical factor in the organization of the rhetorical code, as a system of rhetorical signs that determine the content of a speech work, influencing the understanding and assessment of transmitted and received information. The author's attention is focused on the use of certain grammatical units in Russian-language political discourse. Modal particles, adjectives and pronouns, introductory words and constructions become signs of the rhetorical code of hedging. The rhetorical code of false contrast is formed under the influence of the structure of a complex sentence, the parts of which are connected by the conjunction "and" ("and"), which differs in comparative semantics within a given context with pronominal adverbs. The perlocutionary-illocutionary tasks of one-part sentences are considered: definitely-personal ones can implement the rhetorical code of a self-affirming narrative with various semantic variations, impersonal ones – the rhetorical code of reflection.*

***Keywords:** rhetorical code, sign, contrast, grammatical factor, one-part sentences.*

О.В. Федорова¹, Д.А. Алексеев², М.Б. Панич³

¹⁻³ Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова (Москва)

НОРМАТИВНАЯ ГРАММАТИКА И ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ СИНТАКСИЧЕСКОЙ НЕОДНОЗНАЧНОСТИ

Аннотация. Феномен «раннего – позднего закрытия» представляет большую важность для экспериментальной лингвистики. Данное явление исследуется с 1970-х годов; за это время было определено не только влияние различных факторов на разрешение синтаксической неоднозначности, но и особенности их реализации в конкретных языках. Так, было показано, что русскоязычные испытуемые чаще интерпретируют предложения типа «Преступник застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе» в пользу ‘На балконе стояла служанка’, чем ‘На балконе стояла актриса’. Однако некоторые выбирают вторую интерпретацию, руководствуясь нормативно-грамматическим правилом, которому они были обучены в школе. Источник этого правила долгое время оставался неясным. В настоящей работе прослеживается история запрета на раннее закрытие в нормативных грамматиках русского языка вплоть до начала XIX века. Наличие аналогичных стилистических ограничений в других национальных традициях позволяет считать их отдельным фактором, который необходимо учитывать при определении предпочтения типа закрытия в конкретном языке. Также в статье приводятся результаты эксперимента, проведенного с использованием метода регистрации движений глаз, который демонстрирует большую сложность конструкций с ранним прочтением.

Ключевые слова: синтаксическая неоднозначность, раннее закрытие, айтрекинг, нормативная грамматика, К.И. Былинский, Д.Э. Розенталь, Н.И. Греч.

В экспериментальной лингвистике синтаксический анализ считается ключевым компонентом моделей понимания речи. Важную роль при построении таких моделей играют **синтаксически неоднозначные предложения** (в отечественной традиции используется термин «синтаксическая омонимия» [1]).

Сложноподчиненные предложения с придаточными, модифицирующими имя существительное, входящее в состав сложной именной группы, например: *Кто-то застрелил служанку актрисы, которая стояла на балконе*, допускают две интерпретации: придаточное может относиться как к первому существительному (‘**служанка** стояла на балконе’, т. наз. **раннее закрытие**), так и ко второму (‘**актриса** стояла на балконе’, **позднее закрытие**). Выбор интерпретации может зависеть от различных факторов,

в частности таких, как длина придаточного предложения (чем короче придаточное предложение, тем больше вероятность его присоединения ко второму имени существительному) или объем вербальной рабочей памяти испытуемого (чем меньше объем вербальной рабочей памяти, тем больше вероятность присоединения придаточного предложения к первому имени существительному).

Первые экспериментальные исследования этого феномена были проведены в 1970-х годах на материале английского языка. Испытуемых просили прочитать предложение, а потом выбрать одну из двух предлагаемых интерпретаций. Оказалось, что англоговорящие испытуемые статистически значимо чаще выбирали вариант с поздним прочтением. Однако в 1988 году была опубликована статья Ф. Куэтоса и Д. Митчелла [2], которые, проведя параллельные эксперименты с носителями английского и испанского языков, обнаружили, что, в то время как англоговорящие испытуемые в предложениях типа *Someone shot the servant of the actress that was on the balcony* чаще выбирали позднее прочтение, испаноговорящие, прочитав эквивалентное предложение типа *Alguien disparó contra la criada de la actriz que estaba en el balcón*, предпочитали раннее (*'la criada estaba en el balcón'*, 'служанка стояла на балконе'). Последующие эксперименты, проведенные на разных языках, показали, что, в частности, шведский, румынский, баскский, бразильский португальский, арабский, китайский и некоторые другие языки тяготеют к позднему закрытию, а французский, польский, африкаанс, немецкий, итальянский, испанский, греческий, хинди, японский, корейский, болгарский, персидский, наоборот, к раннему.

Русский язык традиционно относится к языкам с предпочтением раннего закрытия. Более того, экспериментально установлено, что это предпочтение оказывается достаточно сильным, в среднем от 65% до 80% [3; 4]. Тем не менее некоторые испытуемые разных возрастов регулярно предпочитают позднее закрытие, мотивируя это неким правилом, согласно которому по нормам русского языка разрешено присоединять придаточное предложение с *который* только к последнему из двух имен существительных. Таким образом, требования нормативных грамматик и стилистических руководств конкретного языка также можно считать одним из экстралингвистических факторов, влияющих на предпочтения испытуемых. Рассмотрим этот аспект более подробно.

Для русского языка подобный запрет, насколько нам известно, впервые был сформулирован в неоднократно переиздававшемся справочнике «Литературное редактирование» за авторством Д.Э. Розенталя и К.И. Былинского (цитируется по переизданию 2011 г., [5]). В частности, §12 сообщает о стилистических ошибках в полипредикативных предложениях, а п. 6 этого параграфа отдельно посвящён проблемам стрелочной омонимии с участием придаточных предложений: «[п]о правилу союзные слова замещают ближайшее к нам предшествующее существительное, однако это

положение не соблюдено в таких, например, предложениях: “*Впереди неслись лошади казаков, которые были покрыты пеной...*”. Историю появления и развития этого запрета можно отследить в других работах К.И. Былинского (в справочном пособии «Язык газеты» под редакцией Н.И. Кондакова [6]) и более ранних изданиях, главным образом – грамматиках за авторством Н.И. Греча [7].

Важно, что именно «Литературное редактирование», если наши представления верны, послужило содержательным базисом для другого, еще более влиятельного издания – «Справочника по правописанию и литературной правке» [8]. Последний имеет схожую структуру, однако его первое издание вышло после кончины К.И. Былинского. «Справочник...», пережив уже 16 изданий, оказывал и продолжает оказывать значительное влияние на современный русский нормативный язык.

Что касается европейских языков, неудивительно существование подобного запрета в другом языке с сильной прескриптивной традицией – французском, где так же, как и в русском, экспериментально наблюдается предпочтение раннего закрытия. В частности, большое, хоть уже и несколько символическое влияние на язык оказывает Французская академия (фр. *Académie Française*), а одним из наиболее популярных нормативных изданий является грамматика *Le Bon Usage* М. Гревисса (называемая также *Le Grevisse* по фамилии автора), впервые вышедшая в 1936 году [9].

§1114 этого издания посвящен позиции в предложении относительного местоимения. Приведем небольшой отрывок из него в качестве иллюстрации: *Dans l'usage ordinaire, la proposition relative suit immédiatement l'antécédent. <...> Il faut éviter, pour la clarté de la phrase, que la relative soit séparée de l'antécédent par un autre nom* («Обычно относительное местоимение следует непосредственно за своим антецедентом. <...> Для ясности предложения следует избегать отделения относительного местоимения от антецедента другим существительным») (перевод наш.) [9. Р. 1435].

Затем автор приводит несколько неоднозначных предложений, например: *Elle aperçut alors le mari de Laura, allongé sur un canapé, qui sursauta en la voyant* ‘Затем она увидела лежащего на диване мужа Лоры, который / которая подпрыгнул / подпрыгнула, когда увидел / увидела ее’. Таким образом, во французском и русском схожи не только наблюдаемая экспериментальная картина, но и существующие прескриптивные практики.

Нечто аналогичное наблюдается и в работах, посвященных болгарскому языку, для которого также установлено предпочтение раннего закрытия, ср.: «Когато определителното изречение стои след определяемото, то обикновено е в непосредствено съседство с него <...>. Ако определителното изречение не е в контактна позиция спрямо определяемото, <...> получава се нежелана възможност за двусмислица или неяснота» («Когда [придаточное] определительное предложение стоит после определяемого [имени], обычно оно непосредственно примыкает к нему. Если же [придаточное]

определяющее предложение находится не в контактной позиции с определяемым [именем], возникает нежелательная возможность двусмысленности или неясности») (перевод наш.) [10. С. 589].

При этом по крайней мере для некоторых языков с предпочтением позднего закрытия существующие стилистические рекомендации ожидаемо совпадают с экспериментальными данными. Например, англоязычный справочник *The Elements of Style*, впервые опубликованный У. Странком-младшим и дополненный его учеником Э.Б. Уайтом (благодаря чему справочник иногда также называется *Strunk & White*), содержит указание о том, что относительное местоимение должно, «как правило», следовать сразу после антецедента (*The relative pronoun should come, as a rule, immediately after its antecedent*) [11. С. 23].

Таким образом, хотя нормативно-стилистическая рекомендация не отделять относительное предложение от вершинного имени другими модификаторами распространена в грамматических традициях, она играет на руку корректному пониманию предложения для языков с поздним закрытием и идет вразрез с установленными экспериментальными закономерностями для языков типа русского. Посмотрим теперь на этот феномен со стороны экспериментальной лингвистики и проанализируем данные, полученные в ходе нашего пилотного эксперимента с русскоязычными испытуемыми, проведенного при помощи метода регистрации движений глаз (айтрекинга). Одна из самых важных метрик в данном случае – это количество т. наз. **регрессивных саккад**, то есть возвращений к уже прочитанному тексту. Количество регрессивных саккад обычно свидетельствует об увеличении сложности читаемого текста.

Во время эксперимента испытуемые должны были про себя и вслух последовательно прочитать 58 предложений (18 экспериментальных предложений с неоднозначностью, например *Преступник застрелил служанку актрисы, которая его прятала*, и 40 «отвлекающих» предложений без такой неоднозначности) и после каждого ответить на вопрос (например, *Кто прятал преступника?* Варианты ответа: *служанка/актриса*). Предварительные результаты пилотного исследования с 23 испытуемыми подтверждают предыдущие исследования на русском материале и говорят о некотором предпочтении выбора раннего прочтения (из 414 неоднозначных предложений в 230 случаях испытуемые выбрали раннее закрытие, а в 184 – позднее).

В ходе эксперимента испытуемые сами сообщали о неоднозначности экспериментальных предложений, отмечая, что «с грамматической точки зрения» возможны оба варианта ответа на контрольный вопрос. Эта неоднозначность затрудняла понимание, так что испытуемые тратили больше времени на чтение экспериментальных предложений по сравнению с отвлекающими и часто перечитывали их по несколько раз. Количество регрессивных саккад оказалось не одинаково для двух типов закрытия.

Так, регрессивные саккады после чтения предложения вслух, то есть непосредственно перед ответом на вопрос, наблюдались в 42% случаев при выборе раннего закрытия и в 35% случаев при выборе позднего. В то же время полное отсутствие регрессивных саккад наблюдалось в 35% случаев при раннем закрытии и в 39% случаев при позднем. Предполагая, таким образом, что большее количество регрессивных саккад коррелирует с большей сложностью предложения, можно прийти к выводу, что для русскоязычных испытуемых интерпретация с ранним закрытием сложнее для понимания. Вопрос о том, почему в таком случае именно этот «более сложный» вариант оказывается более предпочтительным, требует дальнейших исследований.

Список литературы

1. Иорданская Л.Н. Синтаксическая омонимия в русском языке (с точки зрения автоматического анализа и синтеза) // НТИ. 1967. № 5. С. 9–17.
2. Cuetos F., Mitchell D.C. Cross-linguistic Differences in Parsing: Restrictions on the Use of the Late Closure Strategy in Spanish // Cognition. 1988. № 30. P. 73–105.
3. Sekerina I. The Late Closure Principle in Processing of Ambiguous Russian Sentences // The Proceedings of the Second European Conference on Formal Description of Slavic Languages. Potsdam: Universität Potsdam, 2003. P. 205–217.
4. Федорова О.В., Янович И.С. Разрешение синтаксической многозначности в русском языке: Роль длины и структуры придаточного // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: Труды международной конференции «Диалог-2005» (Звенигород, 1–6 июня 2005 г.) / Ред. И.М. Кобозева, А.С. Нариньяни, В.П. Селегей. М.: Наука, 2005. С. 487–490.
5. Былинский К.И., Розенталь Д.Э. Литературное редактирование: Учеб. пособие. 3-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2011.
6. Кондаков Н.И. (ред.). Язык газеты. М.; Л.: Гос. изд. легкой пром-сти, 1941.
7. Греч Н.И. Практическая русская грамматика. СПб.: Тип. Императорского Санктпетербургского Воспитательного Дома, 1827.
8. Розенталь Д.Э. Справочник по правописанию и литературной правке. Для работников печати. М.: Книга, 1967.
9. Grevisse M., Goosse A. Le bon usage. De Voeck, Duculot, 2011.
10. Попов К. (ред.). Грамматика на съвременния български книжовен език. Том 3. Синтаксис. София: Абагар, 1998.
11. Strunk W., White E.B. The Elements of Style. Needham Heights, MA: Allyn & Bacon, 1979.

O.V. Fedorova¹, M.B. Panich², D.A. Alekseev³
¹⁻³ Lomonosov Moscow State University (Moscow)

NORMATIVE GRAMMAR AND EXPERIMENTAL STUDIES OF SYNTACTIC AMBIGUITY

Abstract. *The Early and Late Closure phenomenon has been present in the psycholinguistic experimental spotlight since the 1970s. Decades of research on the topic have shown not only that resolving attachment ambiguity is influenced by different factors, but that speakers of different languages tend to prefer either Early or Late Closure. Investigations of attachment ambiguity in Russian have come to the conclusion that Russian is a language with a preference towards Early Closure. However, during the trials some speakers of Russian claim that high attachment is ungrammatical and justify their view by some kind of grammatical rule they have been taught in school. The origins of this supposed rule have so far been unknown. The article at hand shows that the Early Closure Ban in literary Russian has its roots in works on Russian grammar that date back to the early 19th century. Such stylistic guidelines in other literary standards are theorized to be factors which need to be accounted for when conducting research on attachment ambiguity in languages of the world. The article also presents the results of an experimental study using eye tracking, which shows the great complexity of structures with Early Closure.*

Keywords: *attachment ambiguity, Early and Late Closure, eye tracking, literary standard, Ditmar E. Rozental', Konstantin I. Bylinskii, Nikolay I. Grech.*

Н.Л. Федотова¹, Юй Сунь²

¹ Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург),

² Яньчэнский педагогический университет (Яньчэн, КНР)

К ТРАКТОВКЕ ПОНЯТИЯ «ГРАММАТИЧЕСКИЙ НАВЫК»

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению понятий «навык» и «грамматический навык» с психологических, психолингвистических и методических позиций. На основе критического анализа имеющихся определений данных понятий авторы предлагают рабочее определение грамматического навыка, в котором учитывается его статус в иерархии с речевым умением (компонент умения), качества навыка (автоматизированность, осознаваемость способов образования грамматических форм и конструкций на основе правил, безошибочность совершения операции) и соотношенность с условиями реализации в коммуникации (продуктивные и рецептивные виды речевой деятельности) и нормами языка. Рассматриваются классификации грамматических навыков, представленные в работах разных исследователей. Доказывается неправомерность принижения роли грамматического аспекта при обучении иностранному языку, поскольку грамматические навыки обеспечивают правильность речи на иностранном языке, что в значительной степени способствует повышению эффективности коммуникации.

Ключевые слова: грамматика, грамматический навык, автоматизированные операции, осознаваемость, виды грамматических навыков.

Как известно, задачей обучения грамматическому аспекту иностранного языка является формирование соответствующих навыков, необходимых для опознавания воспринимаемого сообщения и корректного построения высказывания. Следовательно, без грамматических навыков невозможно добиться правильности иноязычной речи, а формирование этого вида аспектных навыков – важный этап в обучении грамматике иностранного языка, что способствует развитию коммуникативной компетенции на изучаемом языке.

В научной литературе отмечается, что последствиями применения коммуникативного подхода к обучению иностранному языку стали отрицание значимости грамматики и, соответственно, увеличение количества ошибок в иноязычной речи учащихся [1]. Однако, осуществляя речевую деятельность, особенно на иностранном языке, индивид сознательно или бессознательно обращается к грамматическим правилам. Грамматика становится надежным ориентиром в том случае, если мы совершаем языковые ошибки.

В методике преподавания иностранных языков, согласно традиционному пониманию, навык – это «автоматизированное действие с фонетическим, лексическим и грамматическим материалом в процессе рецептивной

или продуктивной деятельности» [2. С. 128]. Из этого следует, что владение грамматическими навыками является одним из условий эффективного общения.

С позиций психологии навык характеризуется «как сложная целостно-динамическая деятельность, изменяющаяся структурно во времени» [3. С. 142].

При рассмотрении соотношения основных характеристик навыков – сознательности и автоматизированности – многие исследователи подчеркивают, что в процессе обучения иностранному языку формирование навыков осуществляется с опорой на осознаваемость способов образования грамматических форм и конструкций на основе правил [4; 5]. По мнению Б.Ф. Ломова, «<...> при овладении навыком происходит изменение в соотношении ролей разных уровней регуляции: того, который осуществляется сознанием, и неосознаваемых форм психического отражения» [6. С. 229].

В процессе обучения иностранному языку навыки интериорируются, т.е. при переходе внешних по форме процессов с языковыми явлениями в осознаваемые процессы происходит трансформация (обобщение, вербализация, сокращение), благодаря чему эти процессы «становятся способными к дальнейшему развитию» [7. С. 68].

При сравнении существующих точек зрения можно прийти к следующим выводам:

- формирование навыков как компонентов умения происходит на основе приобретенных знаний;
- работа по формированию навыков требует значительных усилий и временных затрат;
- навык обладает такими характеристиками, как автоматизированность, устойчивость, безошибочность, быстрота выполнения речевых операций и т.п.

Теория грамматических навыков разрабатывается психолингвистами, психологами, методистами, однако до настоящего времени отсутствует общепринятая трактовка грамматического навыка.

Е.И. Пассов отмечал «необходимость соотношения грамматических навыков как автоматизированного компонента сознательно выполняемой речевой деятельности, обеспечивающего правильное (безошибочное) употребление грамматической формы в речи» с ситуацией общения и поставленной коммуникативной целью [8. С. 27].

Развивая концепцию Е.И. Пассова, С.А. Хавронова и О.А. Крылова обосновывают существование объективных ориентиров для выполнения действий с грамматическим материалом и необходимость их описания в учебных целях [9. С. 77].

Т.П. Линчук рассматривает грамматические навыки как сложные речевые морфолого-синтаксические навыки и объясняет их специфику суждением о психофизиологической основе, которую образуют «обобщенные

парадигматические», «категориальные структуры» и «синтаксические динамические стереотипы» [10. С. 59].

Л.Г. Копрева предлагает выделять **языковые дискурсивно аналитические грамматические навыки**, называемые в психологии «интеллектуальными» [11. С. 150]. Особенность этого вида навыков состоит в том, что они служат фоновым компонентом в письменной речи (реже в говорении). Дискурсивно аналитические грамматические навыки позволяют пишущему контролировать правильность выполнения речевого действия.

Некоторые исследователи включают грамматический навык в состав более сложной структуры – лексико-грамматический навык, подчеркивая неразрывную связь лексических и грамматических средств для восприятия и продуцирования высказываний в процессе общения [12. С. 8].

По мнению А.Ю. Горчева, грамматический навык – это «приобретенная способность к категоризации чувственного опыта индивида, т.е. соотнесение речевого замысла с системой грамматических значений, а последних – с организованным выбором (парадигмой) средств ее выражения» [13. С. 71]. На наш взгляд, при таком понимании учитывается только функционирование грамматических навыков в продуктивных видах речевой деятельности, но вне поля зрения остается смысловая обработка грамматических структур воспринимаемого устного или письменного общения.

Трудно признать справедливой точку зрения Ян Фан, полагающей, что грамматический навык является и действием, и операцией [14. С. 169]. Логичнее рассматривать навык как минимальную единицу в триаде: навык (операция) – действие – деятельность.

Вряд ли грамматический навык следует считать механизмом, поскольку механизм есть некое устройство. Такой вывод обусловлен психологическими основаниями существования навыка, который соотносится с выполнением речевой операции.

Таким образом, грамматические навыки представляют собой автоматизированные речевые операции, обуславливающие восприятие и употребление грамматических форм в соответствии с системой (в том числе и стилистической) и нормами языка, благодаря чему у индивида формируется способность к выполнению сложных речемыслительных действий в разных видах речевой деятельности [15. С. 26]. Грамматические навыки создают сознательную основу для формирования речевых умений, необходимых для успешного общения на изучаемом языке.

В научной литературе встречаются различные классификации грамматических навыков. Авторы «Нового словаря методических терминов и понятий» предлагают классификацию данного вида навыков по уровням языковой системы:

- морфологические,
- синтаксические,

- графические,
- орфографические [16. С. 53].

Полагаем, что графические навыки не могут быть отнесены к грамматическим, поскольку графика связана с написанием (начертанием) букв и их соединением в слове, а также с выражением отношений между буквами и фонемами. Кроме того, и орфографические навыки не всегда могут быть непосредственно связаны с грамматикой.

Вслед за С.Ф. Шатиловым многие методисты выделяют два вида грамматических навыков:

- навыки узнавания и понимания синтаксико-морфологических средств языка на слух или зрительно (**рецептивные навыки**);
- навыки употребления грамматических средств языка (**продуктивные навыки**) [17].

Рецептивные грамматические навыки формируются при обучении чтению и аудированию: это «1) навыки узнавания и понимания в тексте (письменном или устном) грамматических явлений; 2) дискурсивно-аналитические операции дешифровки формальных признаков грамматических явлений в тексте» [18. С. 120].

Формирование и развитие продуктивных грамматических навыков происходит в процессе обучения говорению и письменной речи на иностранном языке.

Условное разграничение продуктивных и рецептивных грамматических навыков необходимо для разработки соответствующих упражнений: в одном случае требуется адекватное понимание содержания сообщения, в другом – корректное оформление речи на изучаемом языке.

Учитывая специфику грамматических явлений, С.Ф. Шатилов разграничивал три вида навыков: морфологические (распознавание и использование морфем), морфолого-синтаксические (адекватное восприятие и оформление морфологических и синтаксических компонентов) и синтаксические (идентификация структуры предложения и построение высказывания) [18].

Важно принимать во внимание, что грамматические навыки обеспечивают прежде всего эффективность речевой коммуникации. Значимость грамматического аспекта при обучении иностранному языку определяется еще и тем, что усвоение грамматики способствует развитию логического мышления учащихся, а самоконтроль позволяет выработать такие качества навыков, как правильность и нормативность.

С методической точки зрения формирование грамматических навыков невозможно без учета интерференции грамматических систем контактирующих языков. В связи с этим вполне закономерен вывод о необходимости формирования в сознании учащегося связей грамматической формы, ее значения и правил употребления.

Список литературы

1. Kambarova D.M. Some Features of Forming Grammatical Skills // Вестник науки и образования. 2020. № 6 (84). Ч. 2. С. 24–26.
2. Щукин А.Н. Обучение иностранным языкам: Теория и практика: Учеб. пособие для преподавателей и студентов. 2-е изд., испр. и доп. М.: Филоматис, 2006.
3. Артемов В.А. Психология обучения иностранному языку. М.: Просвещение, 1969.
4. Методика / Под ред. А.А. Леонтьева, Т.А. Королевой. 3-е изд., испр. М.: Русский язык, 1982.
5. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку. М.: Русский язык, 1989.
6. Ломов Б.Ф. Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1984.
7. Леонтьев А.Н. Деятельность. Сознание. Личность: Учеб. пособие. 2-е изд., стереот. М.: Смысл: Академия, 2005.
8. Пассов Е.И. Основы коммуникативной методики обучения иноязычному общению. М.: Русский язык, 1989.
9. Хавронина С.А., Крылова О.А. Обучение иностранцев порядку слов в русском языке. М.: Русский язык, 1989.
10. Линчук Т.П. Совершенствование грамматических навыков русской речи у монгольских учащихся подготовительного факультета: на материале глагольных словосочетаний с объектным значением: Дис. ... канд. пед. наук. Л., 1985.
11. Копрева Л.Г. Проблема формирования грамматических навыков английского языка // Общество: Социология, психология, педагогика. 2011. № 1-2. С. 149–152.
12. Усенко И.Ю. Коррекция грамматических навыков при формировании коммуникативной компетенции в области говорения у иностранных учащихся: Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2009.
13. Горчев А.Ю. Объекты, уровни и приёмы контроля // Иностранные языки в школе. 1984. № 6. С. 68–72.
14. Ян Фан. Обучение русскому языку китайских студентов-русистов // Язык и культура. 2014. № 1 (25). С. 168–173.
15. Сунь Юй. Формирование и развитие грамматических навыков с использованием инновационных приёмов при обучении китайских студентов русскому языку (уровень А2): Дис. ... канд. пед. наук. СПб., 2021.
16. Азимов Э.Г., Щукин А.Н. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: Изд-во ИКАР, 2009.
17. Шатилов С.Ф. Актуальные проблемы методики обучения русскому языку иностранных учащихся. Л.: ЛГУ, 1985.

18. Шатилов С.Ф. Методика обучения немецкому языку в средней школе. М.: Просвещение, 1986.

N.L. Fedotova¹, Yu Sun²

¹ St. Petersburg University (St. Petersburg),

² Yancheng Teachers University (Yancheng, Chine)

TO THE CONCEPT OF GRAMMATICAL SKILL

Abstract. *The article is devoted to the consideration of the concepts of “skill” and “grammatical skill” from psychological, psycholinguistic and methodological positions. Based on a critical analysis of the available definitions of these concepts, the authors propose a working definition of grammatical skill, which takes into account its status in the hierarchy with speech skill (skill component), skill qualities (automaticity, awareness of the ways of forming grammatical forms and constructions based on rules, error-free operation) and correlation with the conditions of implementation in communication (productive and receptive types of speech activity). The classifications of grammatical skills presented in the works of different researchers are considered. The author proves the inappropriateness of downplaying the role of grammatical aspect in teaching a foreign language, since grammatical skills ensure the correctness of speech in a foreign language, which greatly contributes to the effectiveness of communication*

Keywords: *grammar, grammatical skill, grammatical skill, automated operations, comprehension, types of grammatical skills.*

А.Ю. Церюльник

Тихоокеанский государственный университет (Хабаровск)

ВЕРБАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ

***Аннотация.** Рассматриваются особенности профессиональной самопрезентации в сфере образования на примере визитных страниц репетиторов, представленных на сайтах «Профи.ру» и «Яндекс Услуги». Выделяются лексические, морфологические и синтаксические средства, позволяющие создать положительный образ специалиста, что является основной целью самопрезентации, а также заинтересовать потенциального клиента, нуждающегося в образовательной услуге репетитора. Отмечается, что вербальным воплощением профессиональной самопрезентации в сфере образования может быть резюме педагога, которое составляется с целью поиска работы и размещается на специализированных сайтах; визитная страница на сайтах компаний-посредников между репетитором и потенциальным клиентом; страница педагога на сайтах образовательных учреждений (школ, университетов и т.д.); персональный сайт; аккаунт в социальных сетях. При этом наличие определенных структурных элементов профессиональной самопрезентации педагога может зависеть от технических возможностей интернет-площадки, на которой размещена информация.*

***Ключевые слова:** профессиональная самопрезентация, вербальная самопрезентация, педагог, репетитор, образовательная сфера, интернет-среда.*

В настоящее время исследование самопрезентации проводится в разных областях, среди которых социальная психология, психо- и социолингвистика, этика, философия, менеджмент, маркетинг, политика и т.д.

Под термином «вербальная самопрезентация» мы вслед за И.А. Медведевой понимаем речевой акт, имеющий целью формирование положительного образа субъекта речи с помощью различных языковых средств в определенных дискурсивных обстоятельствах [1].

Следует отметить, что для успешной реализации в профессиональной сфере необходима правильно организованная самопрезентация. В рамках данной работы мы рассмотрим профессиональную самопрезентацию в образовательной сфере. Вербальным воплощением подобной профессиональной самопрезентации может быть резюме педагога, которое составляется с целью поиска работы и размещается на специализированных сайтах; визитная страница на сайтах компаний-посредников между репетитором и потенциальным клиентом; страница педагога на сайтах образовательных

учреждений (школ, университетов и т.д.); персональный сайт; аккаунт в социальных сетях.

Наличие определенных структурных элементов профессиональной самопрезентации педагога может зависеть от технических возможностей интернет-площадки, на которой размещена информация. Здесь могут учитываться разные факторы: тип учреждения, где работает педагог, цель самопрезентации, уровень квалификации педагога, специальность педагога и др. При этом отмечается, что профессиональная самопрезентация педагога должна содержать такие элементы, как личная фотография, биографическая справка, контактные данные, которые позволяют наладить обратную связь, учебно-методические и научные материалы, сведения об исследовательских проектах, в которых учитель принимал или принимает участие, направления профессионального сотрудничества (с партнёрами из СМИ или иных организаций) [2]. Однако в рамках этического и правового поля остаются дискуссионными вопросы использования фото- и видеоматериалов, которые демонстрируют формы и методы обучения, применяемые педагогом, а также использования информации о достижениях учащихся, т.к. подобная информация находится в плоскости защиты личных данных [2].

Материал данного исследования составили текстовые фрагменты визитных страниц с информацией о предоставляемых образовательных услугах репетиторов на сайтах «Профи.ру» и «Яндекс Услуги» (всего 150 визитных страниц).

Следует отметить, что использование говорящим тех или иных языковых средств определяется дискурсивными обстоятельствами [1]. Образ автора самопрезентации может быть сконструирован при помощи лексических, морфологических и синтаксических средств. Основной целью самопрезентации, как уже было сказано, является создание положительного образа. Среди **лексических** особенностей профессиональной самопрезентации можно выделить лексические единицы с положительной коннотацией, которые позволяют создать специалисту определённый имидж, например:

(1) *Доброжелательное отношение, создание позитивной эмоциональной атмосферы на занятиях, эффективная отработка материала обеспечивают самые **высокие результаты**;*

(2) *Успешный опыт подготовки абитуриентов на все факультеты СПбГУ, в МГУ, ВШЭ, МГИМО;*

(3) *Добиваюсь **хороших результатов** обучения.*

На визитных страницах представлены онимы – названия учебных заведений, которые окончили педагоги, что позволяет подчеркнуть профессионализм и соответствие образования заявленным услугам.

Важным элементом самопрезентации педагога-репетитора являются результаты его работы, которые выражаются в количестве баллов, полученных учениками на экзамене. Именно поэтому на визитных страницах

часто указываются данные баллы, а также в некоторых случаях названия учебных заведений, куда поступил ученик, что также свидетельствует об успешности проведенной работы и характеризует преподавателя с положительной стороны.

Среди **морфологических** особенностей самопрезентации следует отметить использование определений, выраженных прилагательными и причастиями, обладающими также положительной коннотацией; см.:

(4) *Научу писать сочинение, которое дает возможность получить **максимальный** балл (43% всей работы);*

(5) *Это позволяет не только получать **углублённые твердые** знания по школьной программе, но и постоянно учиться правильно говорить и писать по-русски.*

Подобные определения характеризуют и личные качества автора визитной страницы:

(6) ***Добросовестный, требовательный и ответственный преподаватель.***

Активно используются также формы глагола 1-го лица единственного числа настоящего времени, например:

(7) ***Помогаю** в подготовке к ОГЭ/ЕГЭ по русскому языку, **готовлю** к итоговому сочинению, сочинению в формате ЕГЭ, **занимаюсь** с детьми-билингвами, взрослыми, **являюсь** наставником для молодых коллег;*

(8) ***Провожу** занятия как офлайн, так и онлайн (индивидуальные, парные и групповые);*

(9) ***Специализируюсь** на подготовке к ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку;*

(10) ***Слежу** за изменениями в формате экзаменов и **предоставляю** только актуальную и проверенную информацию.*

Данные словоформы позволяют в профессиональной самопрезентации репетитора обозначить действия, направленные на успешное достижение результата в обучении.

Глаголы в форме прошедшего времени характеризуют профессиональный опыт автора визитной страницы, который может заинтересовать потенциальных клиентов – учеников и их родителей, см.:

(11) ***Преподавала** русский язык и культуру речи в вузе, **работала** на курсах подготовки к ЕГЭ при СГТУ.*

Среди **синтаксических** особенностей профессиональной самопрезентации, представленных на визитных страницах педагогов, можно выделить вопросно-ответные конструкции, помогающие акцентировать внимание на конкретных проблемных аспектах. Следует отметить также включение в подобные конструкции форм императива, которые позволяют активизировать читателей, выполняя функцию средства речевого воздействия на адресата, что обуславливает реализацию повеления – одного из типов речевого воздействия [3]. Вот несколько иллюстраций:

(12) Хотите получить высокие результаты на экзамене, подтянуть знания, научиться грамотно писать и излагать свои мысли? **Записывайтесь** на мои занятия!;

(13) Есть желание подтянуть русский в 5, 6, 7, 8 классах и сделать это с интересом? **Используйте** мои комиксы и игры.

Номинативные конструкции обозначают личные достижения в самопрезентации:

(14) Учитель высшей квалификационной категории;

(15) Отличник народного образования;

(16) Сертифицированный эксперт ЕГЭ и ОГЭ по русскому языку и литературе.

Этикетные формулы приветствия и прощания, включающие в некоторых случаях обращения, позволяют установить более тесный контакт с потенциальными клиентами. См.:

(17) *Добрый день, меня зовут Лилия Васильевна, рада Вас приветствовать!*;

(18) *Дорогие ученики и их родители!*;

(19) *До встречи на занятиях!*

Таким образом, использование рассмотренных в исследовании вербальных особенностей (лексических, морфологических, синтаксических) профессиональной самопрезентации в образовательной сфере позволяет создать положительный образ специалиста, продемонстрировать личные и профессиональные качества, обозначить опыт работы, а также заинтересовать потенциального клиента, нуждающегося в образовательной услуге репетитора.

Список литературы

1. Медведева И.А. Вербальная самопрезентация: языковые средства и дискурсивные особенности создания положительного образа человека: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Челябинск, 2013.

2. Анохина Н.Ф. Самопрезентация учителя в интернет-пространстве // Образовательные технологии. № 4. 2012. С. 135–144.

3. Шестелюк Е.В. Речевое воздействие: онтология и методология исследования: Монография. 2-е изд., испр. и доп. М.: ФЛИНТА: Наука, 2014.

A.Iu. Tseriulnik

Pacific National University (Khabarovsk)

VERBAL FEATURES OF PROFESSIONAL SELF-PRESENTATION IN THE FIELD OF EDUCATION

Abstract. The article examines the features of professional self-presentation in the field of education on the example of the personal pages

of tutors presented on the Profi.ru and Uslugi.yandex.ru. Lexical, morphological and syntactic tools are highlighted to create a positive image of a specialist, which is the main purpose of self-presentation, as well as to interest a potential client in need of an educational tutor service. It is noted that the verbal embodiment of professional self-presentation in the field of education can be a teacher's resume, which is compiled for the purpose of job search and posted on specialized websites, a personal page on the websites of intermediary companies between a tutor and a potential client, a teacher's page on the websites of educational institutions (schools, universities, etc.), a personal website, a social media account network. At the same time, the presence of certain structural elements of a teacher's professional self-presentation may depend on the Internet site where the information is posted.

Keywords: *professional self-presentation, verbal self-presentation, teacher, educational sphere, Internet environment.*

А.Л. Шарандин

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов)

ИНТЕГРАТИВНЫЙ ПОДХОД К ОПИСАНИЮ РУССКОЙ МОРФОЛОГИИ

***Аннотация.** В статье интегративный подход рассматривается как один из наиболее действенных методов в обучении русскому языку. Он связан с комплексным описанием объектов, которое требует активизации знаний, полученных в рамках изучения единиц разных языковых уровней. Определены основные составляющие понятия интеграции. Выделены межпредметная и межуровневая интеграция. В составе широкого понимания грамматики рассмотрены связи и взаимодействие фонетики, лексики, морфологии и синтаксиса. На основе интегративного подхода выделены типы интеграции в морфологии: морфологическая интеграция и лексико-грамматическая интеграция. Морфологическая интеграция представлена объединением морфологических значений в грамматической части слова, выраженной формообразующими аффиксами. Лексико-грамматическая интеграция представлена взаимодействием лексического и грамматического компонентов в семантической структуре лексемы. В качестве языковых образований, отражающих интеграцию данного типа, выступают лексико-грамматические разряды (внутричастеречная интеграция) и гибридные формы (межчастеречная интеграция).*

***Ключевые слова:** интеграция, морфология, взаимодействие, лексико-грамматические разряды, гибридные формы лексемы.*

Интегративный подход к описанию языка на современном этапе развития русистики провозглашается в качестве одного из наиболее действенных методов в обучении русскому языку. Это естественно и закономерно, поскольку он по своей природе и назначению связан с комплексным описанием объектов, что требует активизации определенных знаний в отношении как внешних объектов, изучение которых предполагает обязательное использование языка (например, литературных текстов, объектов познания действительности, культуры и т.д.), так и внутреннего устройства языка как многоуровневой системы. Такого рода объединительный (интегративный) процесс позволяет выделять прежде всего межпредметную (например, языка и литературы) и межуровневую (например, лексики и грамматики) интеграцию в рамках того или иного единства, которое в целом или его компоненты (единицы) становятся объектом исследования.

Основными составляющими интеграции являются: 1) интеграция – это процесс и его результат; 2) интеграция предполагает объединение в единое целое определенных элементов (частей, компонентов); 3) элементы интеграции разнородны и автономны; 4) разнородный характер и различная степень автономности обуславливают не только взаимосвязь элементов

единого целого, но и их взаимодействие друг с другом, что позволяет увидеть в этом определенную упорядоченность и тем самым языковой механизм, определяющий порядок (закономерность) взаимодействия элементов в составе целого и формирующий его структуру; 5) интегративное единство позволяет говорить о качественно ином его состоянии, ориентированном на выполнение интегративной функции. Именно в таком качестве выступают объекты объединения, например, лингвистики и литературоведения, лингвистики и когнитологии, лингвистики и культуры и т.д.

В исследовательском плане, в зависимости от того, что рассматривается как объект, а что оказывается предметом (аспектом) его изучения (описания), мы имеем различные терминологические сочетания (лингвистическая поэтика или поэтическая лингвистика; лингвистическая когнитология или когнитивная лингвистика и др.). В случае, например, лингвистической поэтики объектом межпредметной интеграции является поэтика как понятие литературоведения, а предметом – ее описание с лингвистических позиций. Терминологическое сочетание поэтическая лингвистика выделяет в качестве объекта лингвистику, а его предметом оказывается литературоведческая область поэтики. Межуровневая интеграция, например, лексики и грамматики позволяет выделить лексическую грамматику, объектом которой является грамматика, а предметом ее описания – грамматические категории, формы, взаимодействующие с лексикой. Если же мы имеем дело с грамматической лексикологией, то объектом является лексикология как наука о словах в их концептуальном содержании, а ее предметом оказывается описание лексических единиц, выполняющих грамматическую функцию и являющихся средством выражения грамматических значений.

В отношении грамматики интегративный подход находит отражение в широком ее понимании. Так, в частности, с точки зрения акад. В.В. Виноградова, «в грамматической структуре слов морфологические своеобразия сочетаются с синтаксическими в органическое целое». Это позволило ему определить «морфологические формы» как «отстоявшиеся синтаксические формы» [1. С. 31]. Не вызывает сомнений и включение В.В. Виноградовым в состав грамматики лексикологического материала. По его мнению, «в языках такого строя, как русский, нет лексических значений, которые не были бы грамматически оформлены и классифицированы. Понятие бесформенного слова к современному русскому языку неприложимо» [1. С. 18]. Закономерной для В.В. Виноградова является и связь грамматики с фонетикой, поскольку «фонетика, как учение о звуковой системе и звуковых изменениях языка, связана как с лексикой (или лексикологией), так и с грамматикой» [2. С. 13].

Таким образом, виноградовское сочетание «грамматическое учение о слове» (морфология) имеет не только узкое понимание как внутренней системы морфологического устройства слова, но и широкое, поскольку включает в качестве системного аспекта изучения морфологии ее связь и взаимодействие с фонетикой, лексикой и синтаксисом. Данная связь отражает по существу интегративное ее осмысление, которое не растворяет

полностью лексику и фонетику в грамматике, а лишь выделяет те их стороны, которые связаны и взаимодействуют с грамматическими процессами. При этом и лексика, и фонетика остаются самостоятельными языковыми уровнями, как и морфология с синтаксисом.

С нашей точки зрения, место морфологии в представленной интегративной системе, включающей фонетику, лексику и синтаксис, во многом служебное, но не в концептуальном, а в функциональном смысле, т.е. ее положение в многоуровневой системе языка оказывается функционально зависимым, а именно: морфология, будучи объективированной фонетикой, отражающей грамматические процессы, определяется синтаксисом, а в целом они обслуживают лексику, структурируя ее содержание (морфология) и осуществляя лексико-синтаксическую координацию (синтаксис) в составе коммуникативно-структурного предложения.

Интегративный характер морфологии позволяет выделять различные типы морфологии, в которых она является объектом, а предметами ее изучения оказываются взаимодействующие с морфологическим уровнем языковые уровни, в результате чего мы имеем особые аспекты описания морфологии: фонетическая морфология, лексическая морфология, синтаксическая морфология.

Наиболее наглядно интеграция была представлена в исследованиях синтаксического строя русского языка. Это естественно, поскольку считалось, что в рамках синтаксической модели разные по своей природе и автономности компоненты (слова и их формы в той или иной звуковой оболочке) обеспечивают предложению-высказыванию выполнение основной функции языка – коммуникативной. В этом случае теоретически и методологически важным для понимания интеграции оказывается то, что она, в своей сущности, отражает не только взаимосвязь и взаимодействие знаний о мире и языке, объективированных фонетикой, лексикой и морфологией в составе предложения-высказывания (системоцентрический подход), но и знаний, связанных с межличностным общением (антропоцентрический подход). В результате происходит интегративное согласование этих типов знаний и средств их языковой репрезентации, определяющее успешность коммуникации. В этом случае мы имеем интегративное единство как когнитивное образование, т.е. единство, создаваемое взаимодействием двух типов концептов, связанных, во-первых, со знаниями, полученными в результате отражения и познания действительности посредством языка, и, во-вторых, со знаниями языковой системы, со знаниями языка как объекта действительности.

Рассмотрим типы интеграции в рамках морфологии (грамматического учения о слове).

1. Морфологическая интеграция. Она представлена объединением морфологических значений в грамматической части слова, выраженной формообразующими аффиксами. Причем взаимосвязь и взаимодействие

этих значений может отражаться как в рамках одного и того же грамматического аффикса, так и в рамках разных формообразующих аффиксов. Например, значения времени и наклонения оказываются представленными либо во флексии (в формах глагола настоящего времени), либо в суффиксе (в формах глагола прошедшего времени). Но в том и другом случае между ними складываются определенные отношения, обусловленные разнородностью и автономностью взаимодействующих грамматических значений: если есть показатель значения времени, то присутствует и значение наклонения. Однако релевантный показатель наклонения не обязательно влечет за собой реализацию того или иного временного значения (формы повелительного или сослагательного наклонений). Это обусловлено тем, что концептуальная интеграция оказывается возможной в рамках реальности и представлена в языке взаимосвязью и взаимодействием изъявительного наклонения и времени. В рамках же ирреальности объективация времени осуществляется не в морфологических формах времени, а на уровне контекста.

2. Лексико-грамматическая (лексико-морфологическая) интеграция. Она также представлена в процессах объединения двух разноприродных и автономных компонентов – лексического и грамматического, выделение которых в этом статусе обусловлено не онтологической природой, а исследовательским подходом, поскольку слово – это грамматически оформленный языковой знак (см. приведенное выше высказывание В.В. Виноградова). Отношения между ними следующие: наличие лексического значения обуславливает его грамматическое оформление и соответствующую категоризацию, тогда как грамматическое значение такой обязательной связью с лексическим значением не обладает (например, предлоги и частицы).

Интеграция лексического и грамматического компонентов может происходить на двух уровнях: на уровне одной части речи – внутривидовая интеграция и на уровне взаимодействия двух частей речи – межвидовая интеграция.

2.1. Внутривидовая интеграция представлена прежде всего лексико-грамматическими разрядами (ЛГР) той или иной части речи. Выделяемые в составе одной части речи, они сориентированы на результат взаимодействия лексического и грамматического значений слов-лексем. Языковым механизмом данного взаимодействия является совместимость / несовместимость этих значений в семантической структуре слова. Это находит отражение в понятии семантической дефектности морфологической парадигмы, когда отсутствие той или иной словоформы в парадигме лексемы обусловлено семантическими причинами. В результате интегративная концептуализация предстает в ЛГР как избирательная к сочетаемости его абстрактного лексического концепта и грамматического концепта той или иной словоформы в составе грамматической категории.

Однако, наряду с таким подходом, в русистике широко распространено мнение академической «Русской грамматики» (1980), согласно которому «сама по себе неполнота парадигмы, т.е. невозможность образования

ряда форм или отдельных форм слова, еще не может служить определяющим признаком при классификации слов на лексико-грамматические разряды» [3. С. 459]. Думается, с этим мнением можно было бы согласиться, если бы дефектность парадигмы была следствием только структурной и узуальной причин (по выражению П.А. Соболевой, «случайная дефектность»), поскольку какую-либо закономерность здесь установить трудно. Но дефектность парадигмы, обусловленная семантической причиной, имеет принципиально иной характер – закономерный (П.А. Соболева). И поэтому неполнота (дефектность) парадигмы в этом случае может служить достаточно объективным признаком для выделения ЛГР и использоваться как инструментальный, как показатель взаимосвязи грамматики и лексики, т.е. это понятие имеет чисто лингвистическую значимость.

2.2. Особые (гибридные) формы части речи как результат межчастеречной интеграции. Состав гибридных образований в современной русистике не определен однозначно ни в количественном отношении, ни с точки зрения их частеречного статуса. Но большинством лингвистов в качестве таких образований выделяются причастия и деепричастия. Они определяются как особые непредикативные формы глагола, поскольку отражают принципиально иную плоскость языковых явлений по сравнению с его предикативными морфологическими формами. В отличие от словоформ, представляющих морфологическую деривацию и связанных со знаниями об отношениях между словами в составе высказывания, гибридные образования несут знания о первичных и вторичных синтаксических функциях частей речи в той или иной синтаксической позиции и являются результатом синтаксической деривации. Но поскольку они в лексическом плане не обнаруживают различий с их производящими словами, то это обуславливает их деривационный статус в качестве форм части речи, но форм особых – не морфологических, а синтаксических (по характеру деривации), хотя в целом имеют морфолого-синтаксическую природу. Именно статус форм позволяет рассматривать, в частности, причастия и деепричастия как гибридные образования в составе морфологии и глагола как части речи.

Межчастеречная интеграция интересна тем, что взаимодействуют различные стороны двух частей речи: с одной стороны, абстрактная лексическая семантика, представленная в интегративном образовании основой слова, а с другой – грамматическая семантика, выраженная формообразующими аффиксами, которые определяют форму существования (объективирования) этой лексической семантики. При этом осложнение структуры производящего слова грамматическими признаками другой части речи приводит к тому, что яркость и полнота реализации основного частеречного значения в гибридной форме оказываются менее выраженными. Это находит отражение в категории репрезентации [4].

Таким образом, языковая природа гибридных форм как единиц межчастеречной интеграции характеризуется тождественностью лексических

значений, но при этом выражается особый ракурс, особое восприятие денотативной ситуации в коммуникативно-структурном высказывании.

В целом, оценивая возможности применения интегративного подхода к описанию морфологии, считаем, что он позволяет представить системный взгляд на ее отношения с другими языковыми уровнями в их единстве, выполняющем коммуникативную функцию. В обучении интегративный подход, будучи комплексным по своей природе, дает возможность активизировать знания, ранее полученные в изучении русского языка.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Русский язык. М.: Высшая школа, 1972.
2. Грамматика русского языка. М.: Изд-во АН СССР, 1960. Т. 1.
3. Русская грамматика. М.: Наука, 1980. Т. 1.
4. Шарандин А.Л. Категория репрезентации в системном описании частей речи русского языка // Русская грамматика в диалоге научных школ, направлений, методов: Сб. науч. статей / Отв. ред. Е.С. Шереметьева и др. Владивосток: Изд-во Дальневосточного федерального университета, 2022.

A.L. Sharandin

Tambov State University named after G.R. Derzhavin (Tambov)

INTEGRATIVE APPROACH TO DESCRIBING RUSSIAN MORPHOLOGY

Abstract. *The article considers the integrative approach as one of the most effective methods in teaching the Russian language. It is associated with a comprehensive description of objects, which requires the activation of knowledge gained in the study of units of different language levels. The main components of the concept of integration have been identified. Cross-subject and cross-level integration are highlighted. As part of a broad understanding of grammar, the connections and interaction of phonetics, vocabulary, morphology and syntax are considered. On the basis of the integrative approach, the types of integration in morphology are distinguished: morphological integration and lexical-grammatical integration. Morphological integration is represented by the union of morphological values in the grammatical part of the word, expressed by formative affixes. Lexical-grammatical integration is represented by the interaction of lexical and grammatical components in the semantic structure of the lexeme. Lexico-grammatical discharges (intra-part integration) and hybrid forms (inter-part integration) act as language formations reflecting the integration of this type.*

Keywords: *integration, morphology, interaction, lexical-grammatical discharges, hybrid forms of lexeme.*

К.И. Шарафадина
Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов
(Санкт-Петербург)

КОДИФИКАЦИЯ ФЛОРОЯЗЫКА В ЭТИКЕТНО-БЫТОВЫХ ПОСОБИЯХ-СЛОВАРЯХ XIX ВЕКА

***Аннотация.** Рассматривается процесс кодификации флороязыка в этикетно-бытовых пособиях-словарях XIX века на примере первых французских пособий Делашене «Abécédaire de Flore, ou Langage des fleurs» (1811) и Латур «Le langage des fleurs» (1819) и первого русского пособия-кодификатора «Селам, или Язык цветов» (1830) Д.П. Ознобишина. Серьезно расширив компетенции флорошифра как коммуникативного феномена, Ознобишин нашел отечественному изводу «языка цветов» свое место в широкой мультикультурной парадигме бытования этикетного флорокода: от Востока до Запада. Делается вывод, что русская версия стала под пером Ознобишина кросс-культурным палимпсестом.*

***Ключевые слова:** эмблематическое мышление, этикетно-бытовая практика, флорокод, язык цветов, цветочное наречие, селам, палимпсест.*

«Язык цветов» – продукт такой тенденции развития образного языка, как эмблематическое мышление. В определённых культурно-семиотических ситуациях «...слово стремится сделаться вещью, вещь проявляет стремление стать словом. Она обрастает знаковыми признаками, превращается в эмблему» [1. С. 34]. В итоге эмблематический процесс предстает как процесс взаимной переводимости/непереводимости или интерпретации слова и вещи (изображения). «Язык цветов» по этому признаку можно отнести к условной группе «предметных» шифров, наряду с лексиконами мушек, вееров, перчаток, почтовых печатей и пр.

Будучи «пересаженным» с Востока на европейскую почву с ее богатым многовековым фондом растительной символики, «язык цветов» подвергся коренной трансформации-перекодировке: формально-рифменный принцип порождения и передачи информации-тайнописи стал содержательно-ассоциативным. Дальнейшая трансформация заключалась в развитии «языковых» аспектов флорокода – его «грамматики» и «синтаксиса». И наконец, по ходу внедрения матрицы флорошифра в контекст разных национальных культур он обрел рецептивные модификации.

В определенный момент своего развития «язык цветов» получил «письменную форму», резко увеличившую возможности его применения: цветок, букет и другие предметы могли быть не только переданы адресату «вживую», но и изображены на бумаге, вышиты и т.д. Это позволяло корреспондентам общаться за пределами пространственно-временного совпадения, при этом смыслы посланий сохранялись. В начале XIX века «язык цветов» пережил даже попытки превращения цветков в аналог знаков буквенного письма, к чему располагали сами названия описаний этого языка, такие как «Алфавиты», «Азбуковники».

«Хороший тон» в его популяризации задавала и поддерживала искусственная в галантных тонкостях Франция. Там в начале века были в ходу разнообразные рукописные списки. Такие цветочные словари стали чуть ли не обязательным аксессуаром на туалетном столике благородной француженки. На основе трех самых популярных из них Б. Делашене подготовил в 1811 г. первое печатное пособие с интригующим названием *Abécédaire de Flore, ou Langage des fleurs* [2]. Посвящение книги императрице Марии-Луизе свидетельствовало о высоком общественном статусе этого кода. Кроме того, один из списков, легших в основу пособия, принадлежал также особе из императорской семьи – Жозефине Бонапарт.

Б. Делашене предложил закрепить за каждым из цветов соотнесенность с определенной буквой французского алфавита: например, сирень (*lilac*) – это долгий звук «а» во втором слоге. Знак ударения и знаки препинания должны были заменить соответственно изображения насекомых и анютиных глазок в разном положении. В сферу применения этого шифра автор предлагал включить вышивки, и тогда букеты, венки, гирлянды становились шифрованными любовными посланиями. Однако такие слишком замысловатые варианты цветочной почты не нашли отклика у читательниц.

В 1819 г. в Париже вышло первое издание пособия *Le langage des fleurs* [3], задавшего тон подобного рода продукции на протяжении первой половины века. Автор книги, скрывшийся под псевдонимом Латур, построил ее в виде очерков, подробно разъясняющих символическую родословную множества цветов. Очерки о цветах были распределены по временам года, завершали книгу два подробных указателя из 272 позиций, по алфавиту реплик и алфавиту названий. Как две основные сферы применения языка цветов рекомендовались букеты-селамамы и цветочные записки.

Опыты Делашене и Латур положили начало потоку печатных пособий и руководств, носящих завлекательные и вычурные названия «Алфавитов», «Азбук», «Альбомов» цветов, «Венков», «Цветников», «Оракулов», «Телеграфов» Флоры, «Букетов чувств», «Аллегорических грез»: они разъясняли аллегорико-символические значения растений, упорядочивали их, давали своеобразные инструкции по «грамматике» и «синтаксису» языка цветов и его применению. Это книги Victorine M*** *Les Fleurs, rêve allégorique* (Paris, 1811. 108 p.); G*** *Le Bouquet du sentiment, ou Allégorie des plantes et des couleurs* (Paris, 1816. 130 p.); *Le bouquet de Flore* (Paris, 1830); *La couronne de Flore, ou mélange de poésie et de prose* (Paris, 1837); *Le langage des fleurs ou Livre du destin* (Paris, 1841) и др.

В них появились первые попытки грамматической категоризации **цветочного наречия** с помощью определенных манипуляций с цветком как денотатом. Так, категория отрицания исходного значения выражалась цветком головкой вниз: если подаренную гвоздику («Люблю») возвращали «перевернутой», приговор не подлежал пересмотру («Не люблю»); просящая «все помнить» незабудка в «опрокинутом» положении приказывала

«все забыть». Правый наклон означал местоимение «я», тогда как «ты» передавалось наклоном цветка влево. Местоимение «он» атрибутировалось вручением цветка левой рукой. Средством выражения синтаксических «категорий» стали этикетные букеты-«послания», которые иерархически упорядочивали флороэлементы, организуя их в единое высказывание.

В 1830 г. в Санкт-Петербурге была издана небольшая (в восьмую долю листа) изящная книжечка с интригующим названием «Селам, или Язык цветов» [4]. Поясним: турецкое слово *selam* употребляется как выражение приветствия в неофициальной обстановке, ср. с известным арабским приветствием السلام عليكم *ас-салям алейкум*, букв. «Мир Вам».

Составителем, а заодно переводчиком, комментатором и редактором легшего в ее основу анонимного немецкого первоисточника (*Die Blumensprache, oder Bedeutung der Blumen nach orientalischer Art. – Ein Toiletten-geschenk. Achte vehrmerte Auflage. Berlin, 1823*) и автором стихотворного предисловия-поэмы выступил Дмитрий Петрович Ознобишин (1804–1877). Ознобишин возложил на себя серьезную миссию – кодифицировать «цветочное наречие», активно используемое в литературно-бытовом дискурсе первой трети века (альбомах, дневниках, литературных опытах), попутно придав ему «русский» колорит и найдя отечественному изводу языка цветов свое место в широкой мультикультурной парадигме бытования этикетного флорокода: от Востока до Запада.

Селамный словарь построен по алфавитному принципу и включает почти четыре сотни (392) словарных позиции. Словарные «статьи» состоят из двух базовых конструкторов: природного денотата и приписываемого ему концепта-реплики с самыми разнообразными референциями. Они могут быть более или менее лаконичными: «Розовая ветка – *Нет*. Розовый листок – *Да*. Нард. – *Молчи!* Левкой большой. – *Помиримся*. Лимонный лист – *Прощай!* Бузина черная. – *Я твоя*. Кардинал. – *Я пылаю*. Нарцисс полевой. – *Сжался надо мною!* Метлица. – *Ты насильно будешь любить меня*. Вайда. – *Сила ее будет порукою в моей верности*. Пигва (цвет). – *Я отвергнута тобою; но все буду обожать тебя*. Встречаются и крупные реплики-сценарии: Лавровый листок. – *Ты носишь цвет постоянства. Умеешь ли ты так же постоянно любить?* Павлинные очки. – *Молодой человек должен отважиться – робких не любят*. Вереск. – *За шумной рекою, За дальней горою, Друг милый, с тобою увижуся я*. Ноготки. – *Поцелуй меня, девица, Поцелуй меня, душа! Роза в щечках загорится, Будешь вдвое хороша*» [4].

Учитывая скомпрессированный сюжетно-повествовательный потенциал большинства словарных «дуэтов», предлагаем усмотреть в позициях словаря Ознобишина такой феномен, как **флорофреим**. Базообразующий принцип, системно реализованный Ознобишиным, – продиктованная игровой установкой (игра-флирт) диалогичность, предполагающая разные коммуникативные ситуации. Систематизируем их, выделив основные:

– автопрезентации: «Азалея. – Я одинока и бледна от печали. Лунка. – На листах моих сердце; я благоухаю ночью; но я холодна как месяц. Крапива. – Берегись – я девица. Кресс белоцветный. – Горд и свободен я, но с сердцем, полным любовью. Трилистник. – Свободным я родился, свободным и хочу остаться»;

– комплименты: «Скерда. – Твоя ножка прекрасна! Ангельчик. – Все в тебе прекрасно. Бальзамин. – Ты сияешь перед всеми как царица»;

– намеки и укоризны: «Денник. – Я понял пламенный твой взгляд; Песчаница – Ты скупа на ласки. Алой – Ты меня огорчила. Пион махровый. – Как ты недогадлив!»;

– обличения-шаржи: «Дурман. – Как ты смешон. Маковый цвет. – Ты наводишь сон»;

– предупреждения-интриги: «Волчец. – Нас подозревают. Лисий хвост. – Нас подслушивают»;

– пожелания: «Василек – Будь прост, как он»;

– просьбы: «Гранатка. – Пусть радости тебя ласкают в светском круге; Но вспомни иногда об отдаленном друге»;

– сценарии поведения: «Дрок – Ты найдешь меня одну; не заставь долго ждать тебя. Настурция. – Будь деятелен»;

– программы действий: «Гераний. – Мне надо тайком тебя увидеть и поговорить с тобой. Колос пшеницы. – Я забочусь. Скоро ты будешь моею»;

– назначение свиданий: «Ситник. – Завтра будет бал – будь там. Богатинка. – Приди в известное место. Колокольчик. – Когда мы успеем переговорить сегодня? Колокольчики белые. – Укажи мне числом колокольчиков час дня. Колокольчики голубые карпатские. – Назначь час вечера. К. трехцветные. – Потерпи только один день»;

– шутки: «Гвоздика (странная). – Не дуйся так сильно – можешь лопнуть»;

– сентенции: «Перец индийский. – Страдания укрепляют любовь. Папоротник. – Только сердечный союз может доставить продолжительное удовольствие. Розочка. – Честь девушки подобна выполированной стали: от одного дуновения потускнет. Крестовинка. – Велик Господь!» [4].

Варьируется и интонационная палитра: от выпренне-торжественной (Кипарис. – Когда смерть прекратит безнадежную любовь мою, пролей слезу на моей могиле), витиевато-поэтичной (Месячник. – Надежды мои то блекнут как цветок, то снова оживают) до ироничной (Наперстянка. – «Женская благосклонность подобна ясному дню: жди, когда придет).

Коммуникативное наполнение Ознобишиным исходных формул селлама становится очевидным при сравнении с аналогичным материалом популярных французских пособий Делашене и Латур. Односложные номинации – обозначения чувств поэт разворачивает в реплики, которые порой содержат повествовательный потенциал небольшой новеллы или мини-поэмы. Так, если у французских авторов *плюц* – это «дружба» и «взаимная нежность», то у Ознобишина почти «синопсис для романа»: *Навсегда и крепко я привязан к тому, что избрал однажды; ни суровость Севера, ни палящие лучи Юга не отвлекут меня от избранной мною* [4].

Метатекстовые включения в виде названий растений на латыни и основных европейских языках (немецкий, французский, английский) расширили культурологическую «географию» его «Селама», демонстрируя как пересечение, так и различие культурно-ассоциативных полей.

В итоге Ознобишин создал плотную метатекстовую рефлексивную «оболочку» вокруг исходного текста, которая привносит в него авторское начало. Используя текстологическую терминологию, связанную с рукописными древними текстами, можно обозначить характер нового текста как кросс-культурный гиперпалимпсест (новый текст, написанный на пергаменте «поверх» остатков старого текста).

Ознобишин, таким образом, сделал попытку кодификации «языка цветов» как кросс-культурного феномена, что выделяет его книгу на фоне первых европейских этикетных пособий. Зафиксированный и в более поздних пособиях флорошифр уже как явление культурной агрегации исходного восточного «селама» также ждет дальнейшей лингвокатегоризации в контексте феномена невербальных информационных систем.

Список литературы

1. Лотман Ю.М. Статьи по семиотике культуры и искусства. СПб.: Академический проект, 2002.
2. Delachénaye B. Abécédaire de Flore, ou Langage des fleurs. Paris, 1811.
3. Latour de Ch. Le langage des fleurs. Paris: Audot, 1819.
4. Ознобишин Д.П. Селам, или Язык Цветов. СПб.: Деп. нар. просвещения, 1830.

K.I. Sharafadina

Saint-Petersburg University of the Humanities and Social Sciences
(Saint-Petersburg)

CODIFICATION OF FLORAL LANGUAGE IN DICTIONARIES OF THE 19th CENTURY

***Abstract.** The article examines the process of codification of the flora language in etiquette and everyday dictionary manuals of the 19th century using the example of the first French manuals by Delachéne “Abécédaire de Flore, ou Langage des fleurs” (1811) and Latour “Le langage des fleurs” (1819) and the first Russian codifier manual “Selam, or the Language of Flowers” (1830) by D.P. Oznobishin. Having seriously expanded the competence of the flower code as a communicative phenomenon, he found the domestic version of the “language of flowers” its place in the broad multicultural paradigm of the existence of etiquette flower code: from East to West. It is concluded that the Russian version became, under the pen of Oznobishin, a cross-cultural palimpsest.*

***Keywords:** emblematic thinking, etiquette and everyday practice, florocode, language of flowers, selam, palimpsest.*

И.А. Шаронов

Российский государственный гуманитарный университет (Москва)

СЕРЫЕ ЗОНЫ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ: ПРОБЛЕМНЫЕ УПОТРЕБЛЕНИЯ ДЕЕПРИЧАСТНОГО ОБОРОТА

Аннотация. Статья посвящена проблемам нестандартного использования деепричастных оборотов в современных текстах масс-медиа. Рассматривается целый ряд случаев, когда по современным требованиям грамматической нормы те или иные предложения должны считаться неправильными, неясными и когда, тем не менее, они принимаются в силу частотного использования.

Ключевые слова: русский язык, деепричастный оборот, семантика, тип сказуемого, серые зоны грамматики, позиция субъекта, страдательный залог.

Причастиями и деепричастиями надо пользоваться с оглядкой.
Нора Галь. Слово живое и мертвое

1. Видовая семантика деепричастия. Как известно, деепричастие обозначает в предложении действие, дополнительное к главному действию, и совершаемое одним агентом, стоящим в позиции подлежащего. Однако, конечно же, на этом требования не заканчиваются. Важным следует указать на взаимодействие вида глагольных форм в предложении. Необходимо согласование действий, названных предикатом и деепричастием, по времени их совершения. Деепричастие несовершенного вида (НСВ) при предложении с глаголом НСВ используется для описания действия, параллельного главному, и может примыкать к предложению и слева и справа, см.: *Мальчик бежал по улице, весело напевая = Весело напевая, мальчик бежал по улице.*

Деепричастие совершенного вида (СВ) в стандартном случае указывает на действие, предшествующее основному: *Весело пропев, мальчик побегал по улице.* – ?*Мальчик побегал по улице, весело пропев.* Негласное правило в целях иконической передачи события требует постановки деепричастия СВ впереди личной формы. Если же этого не происходит, при восприятии предложения может возникнуть неясность. Ср. пример, анализируемый в книге Норы Галь «Слово живое и мертвое» [1. С. 153]:

Героиня «вошла и завизжала, выскочив из комнаты». – Вопрос: завизжала ли героиня, находясь в комнате или уже выскочив из нее?;

Однако уже 6 октября Зиничев попросил перевести его на другую работу, уступив свое место 30-летнему главе правительства Калининградской области Антону Алиханову. – Вопрос: когда Зиничев попросил перевести его на другую работу – до оставления своего рабочего места или после этого?

Особенно ярко необходимость описания последовательности заметна при описании дву- или разнонаправленных действий. Сбой в таком описании рождает неопределенность – одну из важных характеристик создания романтической поэтической дымки. Ср. фрагмент известного стихотворения Бродского «Рождественский романс»:

*Как будто жизнь начнется снова,
Как будто будет свет и слава,
Удачный день и вдоволь хлеба,
Как будто жизнь качнется вправо,
Качнувшись влево.*

Естественнее было бы сказать: *Как будто жизнь, качнувшись влево, / Качнется вправо.*

Но автор не ищет для читателя легких путей.

2. Вид сказуемого в предложении. Требование от деепричастия указания на дополнительную действительность имплицитно, что в предложении есть описание главного действия. Поэтому в серую зону использования деепричастного оборота должны попадать предложения, в которых передается не действие, а признак субъекта, его оценка и т.п. Неудачными имеет смысл считать предложения, в которых деепричастие или деепричастный оборот присоединяется не к глагольному, а к именному сказуемому. См.: *В течение многих лет, подпитываясь российским примером и ресурсами, коррупция была орудием против украинских интересов, – полагает Петр Порошенко (из газ.).*

Поэты чутко улавливают такого рода серые зоны грамматики и активно используют их для создания необходимого флера:

*Сегодня, я вижу, особенно грустен твой взгляд.
И руки особенно тонки, колени обняв.
Послушай: далеко, далеко, на озере Чад
Изысканный бродит жираф (Н. Гумилёв. Жираф).*

3. Синтаксическая позиция субъекта. В статье М.Я. Гловинской на большом материале использования деепричастных оборотов в современных массмедиа констатируется узуальное «ослабление» на подлежащее: субъект в современном узусе может быть выражен дополнением, главным образом в безличных предложениях, особенно выражающих эмоционально-волевое состояние субъекта: *Открыв дверь, ему захотелось / показало / пристичило... [2].*

А как правильно? *Открыв дверь, он захотел (?) / почувствовал (?) / пристичило (??)...* Полная ли здесь синонимия предложений?

Русская ментальность – стремление перенести ответственность на внешний неконтролируемый стимул при совершении поступков – выражается в активности использования безличных предложений. Ввиду частотности

подобных предложений носители языка уже не обращают внимание на нарушение требования к субъекту быть выраженным формой именительного падежа.

4. Принадлежность обоих действий одному субъекту. В последнее десятилетие активизировалась семантическая автономизация деепричастных оборотов. В таких предложениях описываются два действия, совершаемые разными субъектами. Приведём примеры:

Так, уходя на пенсию на пять лет позже достижения пенсионного возраста, размер пенсии возрастает на 42% (из газ.);

Правда, как отмечают ученые, мужчина в США может позволить себе не обращать внимания на весы лишь до определенного момента. Достигнув чрезмерной полноты или ожирения, его зарплата начинает мгновенно падать, сообщает американский телеканал CBS (из газ.);

Посетителям выдают наушники, подходя к определенному экспонату в наушниках, начинает звучать запись игры именно на этом инструменте (из газ.).

Однако среди таких предложений можно выделить особый, «простительный» случай. Это предложения, причина использования которых связана с речевым эллипсисом, «перебравшимся» в письменный текст. Эллипсис передает субъективный модус. Вот одно из таких предложений: ***Наблюдая за деятельностью А.А. Фурсенко, его шпыняют то А. Розенбергом, то самим фюрером, приводя пассажи насчет того, что кроме четырех арифметических действий и начатков грамоты, позволяющих читать приказы немецкой власти, иные познания недочеловекам не нужны*** (из газ.).

На первый взгляд, предложение из рук вон плохое. Несовпадение субъектов плюс сразу два деепричастных оборота. Однако если вставить в предложение недостающее и часто забываемое как само собой разумеющееся предложение, что-нибудь типа: *с прискорбием отмечаешь, что*, как предложение обретает уже удобоваримую форму: ***Наблюдая за деятельностью А.А. Фурсенко, с прискорбием отмечаешь, что его шпыняют то А. Розенбергом, то самим фюрером, приводя пассажи насчет того, что кроме четырех арифметических действий и начатков грамоты, позволяющих читать приказы немецкой власти, иные познания недочеловекам не нужны.***

Рассмотрим следующий пример:

Ты прав, мой ангел, лишь замедлив бег,

Пейзаж становится заметным и прекрасным,

Тогда спешащий вечно человек,

Во мне становится к моменту сопричастным (Евгения Бурлюкина).

И здесь плохое построение связано с несовпадением субъектов. Однако если мы эксплицируем подразумеваемое предложение, к которому

на самом деле примыкает деепричастие, все встанет на свои места: *Ты прав, мой ангел, лишь замедлив бег, ЗАМЕЧАЕШЬ, ЧТО Пейзаж становится заметным и прекрасным.*

Еще один подобный пример: *Именно утренние часы задают настроение всему дню. Поэтому, встав пораньше и сделав все дела, деятельность будет приносить большие удовлетворения и результатов в достижении ваших целей (из газ.). – Именно утренние часы задают настроение всему дню. Поэтому, встав пораньше и сделав все дела, ЗАМЕЧАЕШЬ, ЧТО деятельность будет приносить большие удовлетворения и результатов в достижении ваших целей.*

5. Категория залога. Известно, что в предложении с деепричастным оборотом глагол не может стоять в страдательном залоге. То есть использовать деепричастие при предложении в страдательном залоге – сделать серьезную ошибку. Тем не менее такие ошибки время от времени встречаются в массмедиа, например: *Не сливая воду, бобы ставятся на огонь, и именно на большой. После того, как они закипят, поддержать на огне одну-две минуты.*

А что возможно с залогом деепричастия? П.А. Лекант справедливо пишет о том, что деепричастие используется преимущественно в действительном залоге. «Залоговые соответствия деепричастных форм типа *прочитывая* – *прочитываясь* наблюдаются в русской речи редко (деепричастие обычно выступает в форме действительного залога)» [3. С. 319]. Приведенный в работе П.А. Леканта пример достаточно экзотичен. В корпусе мы обнаружили только одно употребление – в тексте А. Белого, великого экспериментатора, на язык которого как на литературный стандарт опираться вряд ли возможно: *Его монада не материальна в духе Бюхнера и Молишота, а обладает диалектической реальностью, в сфере которой понятие «дух» вырывается у метафизиков, **прочитываясь** и **раскрываясь** иначе (имманентно, а не трансцендентно) (А. Белый. На рубеже двух столетий).*

Значительно чаще можно встретить случаи использования страдательной формы залога деепричастия в СВ. Форма построена из глагола связки *будучи* и страдательного причастия СВ. См.:

*Ваня Шейкин, который, **будучи подогрет**, всем начинал объяснять, что он воевал в батальонной разведке, и в подтверждение вынимал финку и пускал ее в какое-нибудь древо (В. Аксенов. Таинственная страсть);*

*Не **будучи закрепленной** в миг ее возникновения, **правда не раскрылась!** Да и не нужна она была теперь – положила руку на сердце – Евстигнейу Ипатьчу! А нужна была удача и хоть чуть денег (Б. Евсеев. Евстигней);*

***Будучи легко узнаваемыми**, с когнитивной точки зрения клише являются наиболее удобным способом создания иронии (из текста доклада филолога).*

Таким образом, можно подвести итог. Использование деепричастного оборота – одна из периферийных зон русской грамматики. Деепричастие

стремится вырваться из оков привязки к главному предложению, стать самостоятельной синтаксической единицей. Судя по современным текстам массмедиа, нормативные требования к деепричастиям ослабевают и, возможно, в некоторой отдаленной перспективе ограничения в использовании русского деепричастия окончательно разрушатся.

Список литературы

1. Галь Н. Слово живое и мертвое. М.: Изд-во АСТ, 2022.
2. Гловинская М.Я. Деепричастие // Русский язык конца XX столетия (1985–1995). М.: Языки русской культуры, 1996.
3. Современный русский язык / Под ред. П.А. Леканта. М.: Эрофа, 2007.

I.A. Sharonov

Russian State University for the Humanities (Moscow)

GREY AREAS OF RUSSIAN GRAMMAR: PROBLEMATIC USES OF THE ADVERBIAL TURNOVER

Abstract. The article is devoted to the problems of non-standard use of adverbial phrases in modern mass media texts. A number of cases are considered when, according to modern requirements of the grammatical norm, certain sentences should be considered incorrect, unclear, and when, nevertheless, they are accepted due to frequent use.

Keywords: Russian language, adverbial turnover, semantics, predicate type, gray areas of grammar, position of the subject, passive voice.

Е.Н. Широкова

Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского (Нижний Новгород)

СОЧИНТЕЛЬНЫЕ РЯДЫ В КОНТЕКСТЕ ИНФОРМАЦИОННОЙ ВОЙНЫ

***Аннотация.** Рассматриваются сочинительные ряды в коммуникативно-дискурсивном и прагматическом аспектах. Материалом исследования послужили сообщения Telegram-каналов, освещающие события СВО. Показывается, что акторы информационной войны используют сочинительные ряды как средство компрессии языковых средств реализации тактик манипулятивного воздействия. Анализируются семантические и прагматические основания объединения лексических единиц, в том числе форм «множественного пейоративного», в блоки однородных членов предложения, с помощью которых реализуются тактики осмеяния и оскорбления. Отмечается, что в качестве конструктивного приема антитезы сочинительные ряды участвуют в объективации манипулятивного приема столкновения модуса реальности и модуса желательности. Доказывается, что прагматика использования сочинительных рядов заключается в воздействии на картину мира адресата, в формировании аксиологических оппозиций, в дискредитации мишени информационно-психологического противостояния.*

***Ключевые слова:** сочинительный ряд, однородные члены предложения, коннотация, словосочетание, множественное пейоративное, информационная война, сетевой дискурс.*

В последние десятилетия актуальным объектом междисциплинарных лингвистических исследований становятся языковые средства ведения информационно-психологических войн. При этом большое внимание уделяется лексическим единицам, которые, по мнению ряда авторов, являются основным манипулятивным средством, используемым в международных информационных конфликтах [1. С. 10]. Среди таких лексических единиц выделяется негативно-оценочная лексика, а также аксиологически амбивалентная лексика, приобретающая противоположные коннотации в зависимости от идеологической позиции актора [2. С. 393; 3. С. 37]. Наведенная негативная оценка лексических единиц формируется контекстом в результате применения автором текста тактик и стратегий речевой агрессии, конструктивной основой которых выступают определенные типы синтаксических конструкций. Цель данной статьи – описание конструкций на базе сочинительной связи в коммуникативно-дискурсивном и прагмалингвистическом аспектах. Материалом исследования послужили сообщения Telegram-каналов, освещающие события СВО.

В конфликтном дискурсе жанр сообщения Telegram-канала позволяет в небольшом тексте в концентрированном виде сосредоточить разноуровневые языковые средства, реализующие тактики манипулятивного воздействия. Удобным средством такой компрессии является использование сочинительных рядов, объединяющих лексические единицы на основе их «когнитивно-прагматико-эмотивной равноценности» [4. С. 39]. Являясь конструктивной основой градации, упорядоченного перечисления, антитезы, сочинительные ряды, концентрирующие негативно-оценочную лексику, выступают как средство фасцинации: способствуют «привлечению, удержанию и переключению внимания, а также психологическому давлению на собеседника и его “заражению” испытываемыми говорящим эмоциями» [5. С. 62], например: *Раз уж взялись за гуж, надо доводить дело до логического конца – до признания террористическими и упразднения русофобских государств и блока НАТО, до демилитаризации и деиндустриализации Запада, до выделения ненависти к русским в отдельный вид психических заболеваний с принудительным карантинном и лечением носителей инфекции; Европу почему-то жутко, до одури, до коликов в желудке, до кровавых мушек в глазах и непроизвольной дефекации по ночам пугает отмена моратория на смертную казнь в России* (<https://t.me/s/Mikle1On>).

В контексте информационной войны объединение негативно-оценочной лексики в структурно-семантический блок однородных членов предложения выступает как средство манипулятивного воздействия на адресата с целью изменения его картины мира, формирования аксиологических оппозиций «свой / чужие», высмеивания и дискредитации мишени информационно-психологического противостояния и т.п. Рассмотрим это на примере: *Главнюк хунты Зеленский, рейхсминистр Урсула фон дер Ляйен, ливерная колбаса Шольц, подскочившие на запах жареного польские, прибалтийские шавки, боятся не того, что Путин победит, придёт к ним в кабинет и каждого из них задушит. Нет.* (<https://t.me/s/Mikle1On>).

В высказывании представлен ряд аппозитивных сочетаний, в которых имена политиков с высоким социальным статусом сочетаются с негативно-оценочными приложениями, направленными на осмеяние и дискредитацию политиков. Так, в первом сочетании в качестве приложения используется неодериват, созданный на основе контаминации лексемы *главный* с инвективной лексемой, во втором – новообразование, начальная часть которого вызывает ассоциации с фашистской Германией, в третьем – дословный перевод немецкой идиомы «обиженная ливерная колбаса», который часто используется в усеченном виде. Как отмечают авторы проекта «Курьезы перевода», представленного на сайте Союза переводчиков России, дословный перевод идиомы, имеющей в немецком языке значение

«строить из себя обиженного», вызвал у русскоязычной аудитории когнитивный диссонанс. Под влиянием контекстов употребления русскоязычные адресаты воспринимают выражение «(обиженная) ливерная колбаса» как оскорбительное прозвище, значение которого, по мнению переводчиков, можно интерпретировать как «мягкий человек с попраным достоинством, который сносит разного рода издевки» [6]. Завершает анализируемый сочинительный ряд словосочетание на основе инвективного употребления слова *шавки*. Прагматические функции анализируемого блока однородных членов предложения заключаются в оскорблении, осмеянии и, как следствие, дискредитации политиков.

Среди анализируемых конструкций значительным воздействующим эффектом обладают ряды однородных членов предложения, состоящие из форм множественного пейоративного. В научной литературе отмечается манипулятивный потенциал данных форм, а также описываются их текстовые функции: выражение негативно-оценочного отношения, создание аксиологически значимых оппозиций «свои / чужие», дискредитация лица путем отнесения его к отрицательно оцениваемой группе и т.п. (обзор литературы по данной проблеме см. в [7]).

В анализируемом дискурсе манипулятивные переносные формы множественного числа образуются от имен собственных политических деятелей, а также территорий, с которыми ассоциируется идеология сторон противостояния: *Боррели, байдены и их ручные террористы зеленские истребляют украинский народ в геополитической схватке с Россией* (https://t.me/s/slutsky_1); *Хельсинки с Варшавами обойдутся и Калибрами. Не баре, чай. А вот Берлиныс Раммштайнами и другими военными базами и портами нуждаются в особом внимании. Равно как и Лондона со Скапа-Флоу и портами, без которых Британии – смерть без покаяния. От голода-холода* (<https://t.me/s/Mikle1On>).

Создаваемые из таких форм ряды однородных членов предложения служат созданию генерализованного образа врага, а количество компонентов сочинительного ряда позволяет представлять оппозицию «свои / чужие» с разной степенью генерализации – от оппозиций «Россия / Украина», «Россия / НАТО» до оппозиции «англосаксы / остальной мир». Отметим, что подобный плюрализм содержательного наполнения оппозиции «свои / чужие» является характерной чертой анализируемого сегмента сетевого дискурса. Еще одной синтаксической конструкцией, в которой рассматриваемые формы используются с манипулятивными целями, являются нечленимые словосочетания со значением совместности. Так, во втором примере такие словосочетания входят в состав однородных рядов (*Берлины с Раммштайнами и другими военными базами и портами; Лондона со Скапа-Флоу и портами*), а соединение в тексте противительным союзом *а* двух первых высказываний, включающих данные словосочетания, позволяет

не только создать генерализованный негативно оцениваемый образ объекта противостояния, но и ранжировать конститuentы коллективной мишени в соответствии с модальной рамкой «X1 с X2 менее значительны и вызывают большее пренебрежение, чем Y1 с Y2». Несомненно, такое ранжирование также является способом речевой реализации тактик оскорбления и высмеивания.

Как правило, манипулятивные тактики коррелируют друг с другом и реализуются с помощью комплекса речевых средств. Рассмотрим это на примере фрагмента сообщения Дмитрия Медведева: *В ближайшее время все эти сунаки, шольцы, макроны (он же Миттеран у деда Дементия) и прочие байдены поменяют загаженные памперсы и расправят свои обвисшие плечи, однако их вербальная диарея продолжится* (t.me/medvedev_telegram/446).

Формы множественного пейоративного, образованные от имен собственных политиков с высоким социальным статусом, сочетаются с кванторными словами *все эти, прочие*, которые выступают в качестве маркеров «множественного пейоративного» и создают «особую конфликтную тональность текста» [7. С. 197]. Данные формы используются для оскорбления, дискредитации конкретных политиков, о чем свидетельствует характер референции имен во вставной конструкции. Функция отнесения к группе, являющейся мишенью информационно-психологического противостояния, реализуется за счет объединения данных форм в единый структурно-семантический блок на основе сочинительной связи. Для реализации тактики издевки особенно важным является использование именной группы *прочие байдены*, расположенной сразу же за вставной конструкцией, которая вводит в текст перифрастическую номинацию Джо Байдена с определенно-референтным употреблением, созданную на основе таких признаков, как возраст и возрастные болезни политика (*дед Дементий*), с помощью игрового приема контаминации слова «деменция» с именем собственным *Дементий*. На возрастные проблемы политика также указывает экспликация ошибочной референции президента Франции. Кроме того, негативная оценочность наводится с помощью манипулятивного приема метафоризации. Так, в тексте формируется развернутая метафора БОЛЕЗНЬ, репрезентантами которой являются: *лекарства, затяжной жидкий понос, загаженные памперсы, вербальная диарея*.

Наряду с этим с манипулятивными целями в анализируемом дискурсе активно используются антитезы, построенные на основе столкновения модуса обещания (желательности) с модусом реальности: *А чего их не бросать то? Им обещали безвиз и каву в венской опере в кружевных труселях, а не лечение и уход после «сафари на москалей и сепаров»* (https://t.me/s/Mikle1On); *У хохлов ситуация такая, что поставки оружия*

ещё только завтра, а электричество начинают отключать уже сегодня (<https://t.me/arbaletgovorit/15062>). В таких конструкциях обыгрывается интерпретационный характер репрезентации действительности в сознании человека. Так, противопоставленные модальные рамки частей антитезы ассоциируются с разными сторонами противостояния и участвуют в выражении позиции «своих» и «чужих». Именно это позволяет в конструкциях с сочинительной связью противопоставлять логически несовместимые понятия.

Таким образом, в контексте информационно-психологической войны сочинительные ряды выступают как конструктивная основа концентрации речевых средств, реализующих тактики манипулятивного воздействия. Соединительно-перечислительные ряды объединяют негативно-оценочные лексические единицы, в том числе формы множественного пейоративного, расположенные, как правило, на основе восходящей градации. Сочинительная связь с противительными отношениями участвует в создании антитез, построенных на основе манипулятивного противопоставления модусов обещания (желательности) и реальности. Прагматические функции анализируемых конструкций заключаются в воздействии на когнитивные структуры адресата, а также в дискредитации мишени информационно-психологического противостояния.

Список литературы

1. Васильев А.Д., Подсохин Ф.Е. Информационная война: лингвистический аспект // Политическая лингвистика. 2016. № 2 (56). С. 10–16.
2. Копнина Г.А., Кошкарова Н.Н., Сковородников А.П. Языковые последствия современных информационно-психологических войн в русскоязычных массмедиа: постановка проблемы // Русистика. 2021. Т. 19. № 4. С. 383–400.
3. Сковородников А.П., Копнина Г.А. Лексико-фразеологические новации в русском языке и речи как следствие информационно-психологических войн: функционально-прагматический аспект // Политическая лингвистика. 2022. № 4 (94). С. 31–40.
4. Сигал К.Я. Об одном фрагменте психолингвистической грамматики сочинительной связи // Вопросы филологии. 2007. № 1 (25). С. 31–41.
5. Зарипов Р.И. Фасцинация как основа медиатекста и информационно-психологического воздействия // Политическая лингвистика. 2024. № 1 (103). С. 57–69.
6. Курьезы перевода: Обиженная ливерная колбаса. Электронный ресурс: <https://spr.fld.mrsu.ru/wp-content/uploads/2023/01/livernaya-kolbasa-2.pdf>.
7. Плотникова А.М., Слаутина М.В. «Множественное пейоративное» как маркер речевого конфликта // Уральский филологический вестник. Сер.: Язык. Система. Личность. Лингвистика креатива. 2022. № 2. С. 190–199.

E.N. Shirokova

National Research Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod
(Nizhny Novgorod)

**COORDINATIV CONSTRUCTIONS IN THE CONTEXT
OF INFORMATION WAR**

***Abstract.** The article examines coordinative constructions in communicative, discursive and pragmatic aspects. The research material was the messages of Telegram channels covering the events of the SVO. It is shown that information war actors use coordinative constructions as a means of compressing of linguistic means of implementing manipulative tactics. The semantic and pragmatic grounds for combining lexical units, including forms of “pejorative plural”, into blocks of homogeneous sentence parts, with the help of which ridicule and insult tactics are implemented, are analyzed. It is noted that as a constructive technique of antithesis coordinative constructions participate in the implementation of the manipulative method of the collision of the mode of reality and the mode of desirability. It is proved that the pragmatics of using coordinative constructions consists in influencing the addressee’s worldview, in forming axiological oppositions, and in discrediting the target of information and psychological confrontation.*

***Keywords:** coordinative constructions, homogeneous sentence parts, connotation, word-group, pejorative plural, information war, network discourse.*

Е.Я. Шклярук

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

МАРКЕРЫ-КСЕНОПОКАЗАТЕЛИ В РУССКОЙ СПОНТАННОЙ РЕЧИ: ВОПРОС ГРАММАТИЧЕСКОГО СТАТУСА

***Аннотация.** Рассматриваются особенности грамматикализации и прагматикализации единиц, ставших в результате прагматическими маркерами-ксенопоказателями – особыми единицами устной речи, вводящими в дискурс чужую (в широком смысле) речь. Наряду со «словарными» частицами «мол», «де», «дескать» материалы устных корпусов позволяют выявить и другие единицы, не описанные пока словарями и грамматиками. Словник маркеров-ксенопоказателей включает более 20 единиц. Несмотря на статус прагматического маркера, который не предполагает грамматической изменяемости, некоторые ксенопоказатели сохранили свои грамматические характеристики: изменяемость по роду и числу для «такой/такая/такие», по лицу и числу – для «говорит» («грит/грю/гришь»). В результате грамматический статус этих единиц остается дискуссионным. Представляется, что в качестве формальных признаков, позволяющих уточнить специфику описываемых единиц и их отличие от слов-прототипов, могут выступить их просодические характеристики.*

***Ключевые слова:** устный дискурс, прагматический маркер, маркер-ксенопоказатель, чужая речь, прагматикализация, грамматический статус.*

Исследование выполнено при финансовой поддержке СПбГУ (шифр проекта 124032900006-1).

Русская спонтанная речь уже давно привлекает внимание исследователей. Коллоквиалистика занимается изучением особенностей устного дискурса на разных языковых уровнях и, наряду со спецификой синтаксиса и лексики, рассматривает целые классы единиц, которые встречаются исключительно в устной речи. Такими единицами являются прагматические маркеры (ПМ). ПМ употребляются говорящим по большей части неосознанно, на уровне речевого автоматизма, они практически лишены как лексического, так и грамматического значения и выполняют в дискурсе лишь те или иные функции [1. С. 23]. Появление ПМ в устной речи является результатом двух активных процессов – грамматикализации и прагматикализации. Так, утрата грамматической изменяемости и «консервация» определенной формы в качестве ПМ является одним из признаков прагматикализации [2].

Одной из функций ПМ является ввод в повествование чужой речи (ЧР) – функция ксенопоказателя. Термин «ксенопоказатель» был введен Н.Д. Арутюновой для маркирования в речи присутствия Другого [3. С. 437]. Такое широкое понимание позволяет и ЧР трактовать довольно

широко и включать в нее и свою собственную речь, сказанную ранее или только еще планируемую, и собственные или чужие мысли, а также интерпретацию поведения и даже молчания другого человека [4. С. 284; 5]. Именно прагматические маркеры-ксенопоказатели (ПМК) и стали объектом внимания в настоящей работе.

На материале ряда устных корпусов русской речи удалось составить словарь ПМК, насчитывающий более 20 единиц. Настоящая статья посвящена рассмотрению особенностей некоторых ПМК, связанных с их грамматическими характеристиками.

Интересно отметить, что кодифицированные ксенопоказатели, уже давно нашедшие свое место в системе языка, в словарях и грамматиках – частицы *мол*, *де*, *дескать*, – также являются результатом процесса грамматикализации. Этимологически эти единицы восходят к глагольным формам: «*де* – аорист от *делать* (десять), в значении ‘говорить’, *дескать* (*дискать*) – стяжение от *де сказать* ‘осуществил речь’, а *мол* (*мл*) – прошедшее время от *молвить*» [3. С. 437], см. об этом также: [6. С. 165; 7].

Данные основного подкорпуса Национального корпуса русского языка (НКРЯ) [8] позволяют предположить, что к началу XIX века *мол*, *де* и *дескать* уже широко употреблялись в качестве самостоятельных, не окказиональных единиц. Их статус был закреплен академическими грамматиками [9. С. 645] и словарями [10. С. 782]. Примеры употребления этих частиц в современной речи находим в устном подкорпусе (УП) НКРЯ и в корпусе русского языка повседневного общения «Один речевой день» (ОРД) [11], ср.:

(1) *Извините/ последнее я скажу/ что сейчас реально происходит – это столкновение исторических эпох/ о чём/ собственно/ вот говорилось/ там ээ де... город-деревня и так далее/ и прошлое/ довольно интенсивно/ довольно/ ээ так скать / явно во многих местах берёт реванш* (УП);

(2) *И люди и боятся и работу бросить/ дескать/ брошу работу/ а куда я устроюсь/ а вдруг всё наладится/ кто меня назад возьмёт* (УП);

(3) *потом врачи сказали / что (...) мол хорошо / если б человека два пришли сдать кровь // *П (м) вот / а(:) ну в общем на другой день там было двадцать пять человек* (ОРД).

На материале корпусов живой речи встречаются ПМК, которые в ходе процессов грамматикализации и прагматикализации не до конца утратили свои грамматические признаки. Наличие таких грамматических «атавизмов» [2] удалось выявить у маркеров *такой* и *говорит*, ср.:

(4) *я такая / о-о / вы приехали // а у вас завтра занятия будут? / они такие / будут / я говорю / да-а / не повезло мне* (ОРД);

(5) *она говорит да ладно *Н и вот знаешь говорю / у меня уже собеседование говорю / знаешь как *Н критически так смотрю @ угу* (ОРД);

(6) *а он меня(:) не то пощекотал / не то что-то говорит / а я хлеб маслом на(:)... мазывала говорит / я говорит и дёрнулась* (ОРД).

ПМК *такой* изменяется по родам и числам, однако полностью утрачивает способность изменяться по падежам (4), в отличие от полнозначной единицы-прототипа – местоименного слова *такой*.

ПМК *говорит* (примеры (5) и (6)) в устной речи встречается, как правило, в редуцированных формах *грю*, *grim* и под., сохраняет способность изменяться по лицам и числам, но утратил все остальные глагольные признаки. Так, в (5) и (6) представлен не полнозначный глагол *говорить*, а произошедший от него прагматический маркер. Если при первом употреблении *говорит* в примере (5) можно предположить, что говорящий использует глагол говорения в своем прямом значении, то в продолжении его реплики повторное употребление этой единицы представляется необоснованным и неосознанным. Таким образом, перед нами явно прагматический маркер, в данном случае «обрамляющий» передаваемую ЧР.

Представляется, что более четким формальным признаком, способным отличить полнозначные употребления глагола *говорить* от ПМК, могут стать просодические характеристики. Опыт просодического анализа позволяет предположить, что ПМК *говорит* склонен к редукции, а в интонационной структуре фразы на эту единицу приходится понижение частоты основного тона, в то время как полнозначные глаголы такого «поведения» не проявляют, см. пример 7 и *рис.* к нему:

(7) *вот // *П (э) там / говорит / вот две машины стояли / между ними расстояние () ну полтора метра (ОРД).*

Рис. Интонаграмма к примеру (7)

Интонаграмма иллюстрирует движение тона во фразе и падение тона на форме *говорит* (указано стрелкой). Слуховой анализ подтверждает употребление этой единицы в редуцированной форме. Статус *grim* рассматривала и Н.Д. Арутюнова в контексте перехода этой словоформы в статус частицы [3. С. 437]. Однако, по ее мнению, эта единица только «стремится» к получению нового грамматического статуса.

Интересно, что другие ПМК, образованные от глаголов – *видите ли* и потенциальное *(ты) знаешь* [12. С. 177–184], – не сохранили своих грамматических категорий и полностью «законсервировались» в определенных формах, как и большинство прагматических маркеров, ср.:

(8) *Вы пришли в булочную и Вас там у кассы облаяли / потому что видите ли у Вас крупная бумага / а у них сдачи нет (УП);*

(9) *она говорит / ну как там вообще изменилось там что-нибудь? Я говорю ты знаешь* говорю / просто я сама сама говорю изменилась (ОРД);

(10) *я говорю / знаешь / многим пригождался. Дальше мы с ним разговаривали / и я сказала / понимаешь / ведь Арбенина / совсем неглупая девушка / что видно по её текстам / по той интонации / которую она выбрала* (УП).

В корпусном материале *знаешь* в роли потенциального ксенопоказателя выступает, как правило, еще и как маркер старта чужой речи ((9) и (10)), что лишь подчеркивает его полифункциональность. Более того, подобные употребления можно отнести еще и к хезитации, поскольку неизвестно, был ли в чужой речи маркер старта или говорящий, готовясь передать ЧР, просто заполняет паузу колебания в своей речи. Подобная возможность различного толкования рассматриваемого ПМ еще раз указывает на его очевидную полифункциональность.

Таким образом, проведенный анализ ещё раз подтвердил дискуссионность грамматического статуса русских ПМК. Представляется, что наличие на одном временном срезе как полностью устоявшихся прагматических маркеров, так и тех единиц, которые сохранили свои грамматические «атавизмы», указывает на то, что эти единицы переживают процессы грамматикализации и прагматикализации буквально на наших глазах. Отслеживание особенностей изменения и формирования новых ПМК относится к перспективам настоящего исследования.

Список литературы

1. Богданова-Бегларян Н.В. Предисловие редактора // Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021. С. 5–52.
2. Богданова-Бегларян Н.В. Грамматические «атавизмы» прагматических маркеров русской устной речи // Русская грамматика: структурная организация языка и процессы языкового функционирования / Ред. О.И. Глазунова и К.А. Рогова. М.: ЛЕНАНД, 2019. С. 436–446.
3. Арутюнова Н.Д. Показатели чужой речи *де, дескать, мол* // Язык о языке: Сб. статей / Под общ. рук. и ред. Н.Д. Арутюновой. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 437–452.
4. Левонтина И.Б. Пересказывательность в русском языке // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог». М.: РГГУ, 2010. Вып. 9 (16). С. 284–289.
5. Bogdanova-Beglarian N.V., Ryko A.I. Xeno-Marker as an Interpreter of Silence or Speech Behavior in Oral Communication (Difficulties in Translation and Teaching RFL // Синергия языков и культур 2021: междисциплинарные

исследования. Сб. статей / Под ред. С.Ю. Рубцовой. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2022. С. 80–89.

6. Михайлова О.А. Жизнь чужого слова в живой речи горожан // Русская разговорная речь как явление городской культуры / Отв. ред. Т.В. Матвеева. Екатеринбург: АРГО, 1996. С. 153–167.

7. Богданова Н.В., Пальшина Д.А. Редуцированные формы русской речи: о разных моделях языковой эволюции // Человек говорящий: исследования XXI века. К 80-летию со дня рождения Лии Васильевны Бондарко. Монография / Отв. ред. Л.А. Вербицкая, Н.К. Иванова. Иваново: Ивановский гос. хим.-технол. ун-т, 2012. С. 51–59.

8. Национальный корпус русского языка // Электронный ресурс: <https://ruscorpora.ru/new>.

9. Грамматика русского языка: в 2 т. Том I. Фонетика и морфология. М.: Издательство АН СССР, 1960.

10. Словарь русского языка: в 4 т. 4-е изд., стер. М.: Русский язык; Полиграфресурсы, 1999. Т. 4. С – Я.

11. Корпус русского языка повседневного общения «Один речевой день». Электронный ресурс: <https://ord.spbu.ru>.

12. Прагматические маркеры русской повседневной речи: Словарь-монография / Сост., отв. ред. и автор предисловия Н.В. Богданова-Бегларян. СПб.: Нестор-История, 2021.

E.Ya. Shkliaruk

St. Petersburg University (St. Petersburg)

XENOMARKERS IN RUSSIAN SPONTANEOUS SPEECH: QUESTION OF GRAMMATICAL STATUS

***Abstract.** The article examines the features of grammaticalization and pragmaticization of units, which as a result became pragmatic xenomarkers (PXM). PXMs are special units of oral speech that introduce someone else's (in the broad sense) speech into discourse. Along with "dictionary" particles, they say, materials from oral corpora make it possible to identify other units that have not yet been described by dictionaries and grammars. The PXM vocabulary includes more than 20 such units. Despite the status of a pragmatic marker, which does not imply grammatical inflection, some PXM have retained their grammatical characteristics: inflection in gender and number for "takoy/takaya/takye", in person and number for says ("grit/gryu/grish"). As a result, the grammatical status of these units remains debatable. It seems that their prosodic characteristics can serve as formal features that make it possible to clarify the specifics of the units being described and their difference from prototype words.*

***Keywords:** oral discourse, pragmatic marker, xeno-marker, someone else's speech, pragmaticization, grammatical status.*

Ю.А. Южакова

Рязанский государственный университет им. С.А. Есенина (Рязань)

ЗОНА ПЕРЕХОДНОСТИ И ПСЕВДОПЕРЕХОДНОСТЬ В СИНТАКСИСЕ

***Аннотация.** Вопрос о границах простого и сложного предложения относится к не до конца решённым и вызывает много споров. Введение в структуру простого предложения подчинительных союзов не переводит такие предложения в разряд сложных. Союзный оборот не имеет собственной предикативности и осложняет простое предложение. Автор для таких конструкций использует термин «псевдосложное предложение» и обосновывает его. Особый интерес может представлять изучение оборотов с точки зрения соотношения с членом простого предложения и придаточным предложением в плане функциональной синонимии. Одним из спорных вопросов является место фразеологизированных синтаксических структур в зоне переходности.*

***Ключевые слова:** синтаксис, простое предложение, фразеомодель, союзный оборот, псевдосложное предложение.*

В современной синтаксической науке дискуссионным остается вопрос о границах простого и сложного предложения, о соотношении формы предложения и содержания высказывания. Художественная и разговорная речь предлагают нам синтаксические модели, которые не укладываются по тем или иным параметрам в рамки принятых классификаций. Такие единицы определяются как переходные, промежуточные, периферийные, контаминационные, синкретичные, гибридные.

В большинстве случаев «зона переходности» становится «свалочным местом» для тех конструкций, структура которых не прозрачна. Так, в открытом банке заданий для подготовки к ЕГЭ появились предложения: (1) *Почему ты появляешься лишь когда мне плохо?*; (2) *Попадут – значит, желание сбудется.* При объяснении пунктуации в них не содержится указание на то, что предложения сложные. Напротив, предложение (3) *Последние десять лет она только и делала, что была сиделкой* названо сложным. Основания для такой классификации вызывают много вопросов.

В данной работе мы рассмотрим некоторые конструкции, которые в лингвистической литературе не нашли достаточного освещения.

Особый наш интерес вызывает проблема использования подчинительных союзов в простом предложении. Обычно такие конструкции относят к сложным, что противоречит как структуре рассматриваемых конструкций, так и их семантике. Сложное предложение состоит из частей, каждая из которых построена по той или иной формуле простого предложения и обладает предикативностью. В.В. Виноградов писал: «Сложным

называется предложение, представляющее единое интонационное и смысловое целое, но состоящее из таких частей, которые по своей внешней, формальной грамматической структуре более или менее однотипны с простыми предложениями» [1. С. 285]. Самостоятельные простые предложения – это всегда предикативные единицы. Следовательно, части сложного предложения тоже должны обладать и структурной близостью к простым предложениям, и предикативностью. Если нет этих признаков хотя бы у одной из частей, связываемых подчинительным союзом, конструкцию нельзя считать сложным предложением. Например: (4) *Если он* (Тарту. – Ю.Ю.) *и мал, то только по числу жителей...* (из газ.); (5) *Кому ж оно* (вдохновение. – Ю.Ю.) *дано, как не вам!* (М.А. Булгаков); (6) *Только и радовался, что детям* (разг.); (7) *В смутном предчувствии именно этой-то полосы жизни я и начинал много раз свой дневник с целью заносить в него каждую мелочь, чтоб потом ее пережить, хотя и в воспоминании, но, возможно, ярче и полнее* (А.И. Куприн).

Однако, несмотря на отсутствие грамматически и семантически выраженной предикативности, некоторые авторы считают их частью сложного предложения. А.М. Пешковский для определения таких предложений, которые как в структурном, так и семантико-стилистическом отношении отличаются от сложноподчиненного предложения, ввел понятие взаимоподчиненного предложения [2. С. 468]; «Русская грамматика» называет их сложными предложениями, «где союз присоединяет особого рода неполное предложение» [3. С. 176–177].

Ряд авторов называет такие конструкции пограничными между простыми и сложными (подробнее см.: [4. С. 172; 5. С. 33–40; 6. С. 41; 7. С. 45; и др.], хотя термин «пограничные» или «переходные явления» употреблять в данном случае представляется нецелесообразным, т.к. рассматриваемые нами конструкции не совмещают в себе признаков простых и сложных предложений, не являются одновременно теми и другими. С нашей точки зрения, эти признаки исключают друг друга.

Рассмотрим подробнее структуру таких предложений. В них есть часть, однозначно трактуемая как предикативная единица, содержащая двучленную грамматическую основу: *Тарту мал...*; *Вдохновение дано...*; или представляющая собой односоставное предложение: *Радовался...*; *Чтобы пережить...* Данные конструкции соответствуют структурным схемам простого предложения, характеризуются предикативностью и содержат одну пропозицию. Основанием для того, чтобы считать предложения сложными, является наличие подчинительных союзов *если... то, как, что, хотя*.

Условия употребления тех союзов, которые принято называть подчинительными, очень разнообразны, функции их не ограничиваются подчинением придаточного предложения, поэтому необходимо рассматривать своеобразие их синтаксической роли в каждой повторяющейся в своих

формах синтаксической конструкции. Факты языка показывают, что при помощи подчинительных союзов могут выделяться члены предложения. На это указывала А.Ф. Прияткина: «Создается сложное двухъязысное построение – экономное по форме и емкое по содержанию, что обеспечивает продуктивность данной модели и широкие возможности использования. Такая конструкция отчасти конкурирует со сложным предложением, с которым она в ряде случаев оказывается сходна по характеру синтаксических отношений, но от которой отличается тем, что имеет одно предикативное ядро» [8. С. 51].

Остаётся вопрос, чем является компонент предложения, отделённый от основной части подчинительным союзом? Это словоформы *по числу жителей, не вам, детям, в воспоминании*, сохранившие грамматическую связь с предикативной основой.

Данные конструкции построены так, что их грамматическая основа, определяющая модально-временной план предложения, содержится в основной части, в то время как осложняющая часть включает лишь коммуникативно выделяемую словоформу или сочетание словоформ, не составляющих предикативную единицу или ее контекстуальный эквивалент. Актуализированная словоформа является членом предложения и составляет акцентуемый компонент. Простое предложение, осложненное акцентуемым компонентом, – псевдосложное предложение [9].

При рассмотрении акцентированного союзом компонента в качестве неполного предложения налицо имеем семантическое тождество сказуемых, тогда как сложное предложение предполагает различие в предикативном содержании сочетающихся в нем частей. Воссоздание предикативной основы обособленного компонента (*Если Тарту и мал, то Тарту мал только по числу жителей...; Кому ж вдохновение дано, как не вам оно дано; Только и радовался, что радовался детям*) влечёт за собой повтор, часто сопутствующий союзной связи вторичного характера, но не переводит предложение из разряда простых в разряд сложных, т.к. восстановленный компонент не содержит «нового значения». Роль повтора – чисто служебная. Формула предложений данного типа не допускает развертывания второй части в предикативную единицу, повторение в ее составе предикативного центра первой части невозможно. Этот подход критиковал В.В. Виноградов: «Широко и необоснованно применялся принцип “подразумевания” недостающих до нормы и будто бы опущенных звеньев (или элементов), независимо от всякого обращения к контексту и ситуации... Таким образом, мысль отрывалась от слов, предполагалось наличие мыслей без слов» [1. С. 285].

В качестве акцентуемого компонента выступает союзный оборот. В псевдосложных предложениях, в отличие от сложившегося понятия оборота [10. С. 97; 11. С. 299], он не называет событие, то есть не имеет предикативной семантики. Из этого следует, что псевдосложное предложение

в семантическом плане соответствует элементарному простому предложению, а в плане структуры является осложненным, т.к. содержит оборот – грамматически оформленную группу словоформ, имеющую синтаксические отношения с основной частью простого предложения, формальные показатели связи с предложением, которые являются также показателями определенных семантических отношений. Предложения данной структуры отличаются своей обособленной позицией и дополнительным значением выделения, ограничения, акцентирования. Кроме субъективного значения выделения, союз вносит в псевдосложное предложение дополнительное условное, уступительное или другое значение. То, что в сложном предложении – полипредикативной структуре – дано в явном, развернутом виде, в осложненном предложении – монопредикативной структуре – как бы свернуто.

«Русская грамматика» не даёт определённости относительно «зоны переходности»: предложения с подчинительными союзами в своем составе называет сложными [З. С. 574], предложениями фразеологизированной структуры [З. С. 383–384], союзными конструкциями, совмещающими в себе признаки простого и сложного предложения [З. С. 176–177], а также простыми предложениями с подчинительными союзными связями внутри [З. С. 175].

Неоднозначно трактуются и предложения с инфинитивными оборотами. В «Русской грамматике» предложения типа (8) *Северные олени делают дальние переходы – попить в океане соленой воды* (газ.); (9) *Двое с машиной занимают высокую точку – приковать внимание жеребца* (Песк.) – рассматриваются как простые с распространяющей инфинитивной группой: «В предложении инфинитив – один или с зависящими от него словоформами (инфинитивная группа) – может выступать как член предложения, определяющий по цели, предназначенности и относящийся не к одному какому-то слову, как это имеет место в присловных связях, а к целой группе членов предложения» [З. С. 117]. Такая распространяющая инфинитивная группа в предложении часто выносится в начальную позицию: (10) *Порядок навести – никто пальцем не пошевелит*.

С другой стороны, предложения типа: (11) *Турист нашёл где остановиться*; (12) *Я понял чем заняться*; (13) *Запомнил где искать книгу*; (14) *Школьник узнал что почитать летом* – по-разному трактуются исследователями: и как простые, и как сложные. Н.Ю. Шведова рассматривает всю совокупность союзных выделительных средств (союзы, местоимения, частицы) как единый местоименный компонент, лежащий в основе образования модели и имеющий усилительно-указательное значение. Таким образом, инфинитив входит в местоименное сочетание со значением определенности [12. С. 19].

Н.Н. Фаттахова в качестве переходных рассматривает конструкции, характерные для оформления русских народных примет: (15) *Быстрая оттепель – долгий мороз*; (16) *Мокрое Благовещенье – грибное лето*;

(17) *Синяя пасмурь – пушистые снегопады*; (18) *Красное лето – зеленый покос*; (19) *Серенькое июльское утро – красный денек* [13]. Автор утверждает, что в основе модели лежит структурная схема N1 – N1.

Переходность часто смешивается с фразеологизацией. К фразеологизированным следует относить модели, в которых одна часть является устойчивым сочетанием, а другая – лексически свободным. Например: (20) *Вы только и делаете, что все бьете и ломаете!* (М.А. Булгаков); (21) *Не могло быть и речи о том, чтобы пропустить лекцию*; (22) *Нечего было и думать о том, чтобы отдохнуть*.

Таким образом, в качестве основного критерия структуры предложения необходимо рассматривать моно- или полипредикативность, а не формальные средства. Фразеологизация синтаксических структур – один из факторов переходности, однако проблема места устойчивых синтаксических моделей в ряду других единиц недостаточно разработана.

Список литературы

1. Виноградов В.В. Основные вопросы синтаксиса предложения // Исследования по русской грамматике. Избранные труды. М.: Наука, 1975. С. 254–294.
2. Пешковский А.М. Русский синтаксис в научном освещении. М.: Учпедгиз, 1956.
3. Русская грамматика: в 2 т. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.
4. Основы построения описательной грамматики современного русского литературного языка. М.: Наука, 1966.
5. Белошапкина В.А. Сложное предложение в современном русском языке (Некоторые вопросы теории). М.: Просвещение, 1967.
6. Чиркина И.П. Переходные конструкции в синтаксисе // Вопросы синтаксиса русского языка: Сб. докладов. Калуга: Калужская областная типография, 1971. С. 39–47.
7. Распопов И.П. Строение простого предложения в современном русском языке. М.: Просвещение, 1970.
8. Прияткина А.Ф. Союзные конструкции в простом предложении современного русского языка: Дис. ... д-ра филол. наук. Владивосток, 1977.
9. Южакова Ю.А. Псевдосложное предложение в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Рязань, 1999.
10. Лекант П.А. Проблема структурно-семантического осложнения простого предложения // Семантическая структура слова и высказывания: Межвузовский сборник научных трудов. М.: МПУ, 1993. С. 96–103.
11. Краткий справочник по современному русскому языку / Под ред. П.А. Леканта. 2-е изд., испр. и доп. М.: Высш. шк., 1995.
12. Шведова Н.Ю. Местоимение и смысл. Класс русских местоимений и открываемые ими смысловые пространства. М.: Азбуковник, 1998.

13. Фаттахова Н.Н. Безглагольные бинотивные русские народные приметы // Вестник ТГГПУ, 2010. № 2 (20). Электронный ресурс: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezglagolnye-binominotivnye-russkie-narodnye-primety>.

Yu.A. Yuzhakova

Ryazan State University named for S. Yesenin (Ryazan)

TRANSITIONAL ZONE AND PSEUDOTRANSITIVITY IN SYNTAX

***Abstract.** The question of the boundaries of a simple and complex sentence is not fully resolved and causes a lot of controversy. The introduction of subordinating conjunctions into the structure of a simple sentence does not transform such sentences into the category of complex ones. The conjunction does not have its own predicativeness and complicates a simple sentence. The author uses the term “pseudo-complex sentence” for such constructions and justifies it. Of particular interest may be the study of phrases from the point of view of the relationship with a member of a simple sentence and a subordinate clause in terms of functional synonymy. One of the controversial issues is the place of phraseological syntactic structures in the transition zone.*

***Keywords:** syntax, simple sentence, phrase model, conjunction, pseudo-complex sentence.*

Сведения об авторах

Алексеев Данил Андреевич, студент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Байков Федор Владимирович, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Белова Дарья Дмитриевна, техник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Блинова Ольга Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Богданова-Бегларян Наталья Викторовна, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Болтовская Елена Александровна, кандидат филологических наук, доцент Могилёвского государственного университета имени А.А. Кулешова (г. Могилёв, Республика Беларусь)

Борисова Елена Георгиевна, доктор филологических наук, профессор Московского городского педагогического университета; заведующая кафедрой теоретического языкознания Государственного академического университета гуманитарных наук (г. Москва)

Величко Алла Васильевна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Виноградов Сергей Николаевич, доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Герасимова Анастасия Алексеевна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Глазунова Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Голев Николай Данилович, доктор филологических наук, профессор Кемеровского государственного университета (г. Кемерово)

Голубева Виктория Константиновна, кандидат филологических наук, доцент Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Горбунова Людмила Ивановна, доктор филологических наук, профессор Иркутского государственного университета (г. Иркутск)

Григорьян Елена Леонидовна, кандидат филологических наук, доцент Южного федерального университета (г. Ростов-на-Дону)

Гришечкина Елена Алексеевна, магистр педагогических наук, преподаватель русского языка и литературы Гомельского государственного колледжа строителей (г. Гомель, Республика Беларусь)

Давидюк Татьяна Игоревна, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Донина Людмила Николаевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института лингвистических исследований РАН, доцент Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Зеленин Александр Васильевич, доктор филологических наук, независимый исследователь (Финляндия)

Зензерея Ирина Викторовна, кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного педагогического университета, Куйбышевский филиал (г. Куйбышев, Новосибирская обл.)

Зубова Людмила Владимировна, доктор филологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Казкенова Аимгуль Каирбековна, кандидат филологических наук, профессор Университета Нархоз (г. Алматы, Республика Казахстан)

Кальцавара Екатерина Евгеньевна, кандидат филологических наук, учитель русского языка и литературы школы № 2054 (г. Москва)

Козырева Полина Тимофеевна, студент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Санкт-Петербург)

Колосовская Татьяна Леонидовна, аспирант, лаборант-исследователь Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Кольшева Ольга Николаевна, кандидат филологических наук, старший преподаватель Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Комышкова Анна Дмитриевна, кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина; Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород)

Конюшкевич Мария Иосифовна, доктор филологических наук, профессор, независимый исследователь (г. Гродно, Республика Беларусь)

Кузнецов Игорь Александрович, кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков Российского химико-технологического университета имени Д.И. Менделеева (г. Москва)

Купчик Елена Викторовна, доктор филологических наук, профессор Тюменского государственного университета (г. Тюмень)

Кустова Галина Ивановна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник отдела корпусной лингвистики и лингвистической поэтики Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН, руководитель центра грамматических исследований (г. Москва)

Лазуткина Елена Михайловна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Лантева Наталья Андреевна, кандидат филологических наук, доцент Благовещенского государственного педагогического университета (г. Благовещенск)

Лютикова Екатерина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Мареева Юлия Александровна, преподаватель Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Мартьянова Ирина Анатольевна, доктор филологических наук, профессор Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена (г. Санкт-Петербург)

Мельникова Екатерина Михайловна, кандидат филологических наук, доцент Ярославского государственного педагогического университета имени К.Д. Ушинского (г. Ярославль)

Мечковская Нина Борисовна, доктор филологических наук, профессор Белорусского государственного университета (г. Минск, Республика Беларусь)

Минеева Зоя Ивановна, доктор филологических наук, профессор Петрозаводского государственного университета (г. Петрозаводск)

Мишина Екатерина Андреевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Недомова Зденька, Ph.D., доктор философии, доцент Остравского университета (г. Острава, Чешская Республика)

Николина Наталия Анатольевна, кандидат филологических наук, профессор Московского педагогического государственного университета (г. Москва)

Панич Мария Борисовна, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Паско Лада Игоревна, магистрант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Петрова Зоя Юрьевна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Петрова Наталья Евгеньевна, доктор филологических наук, профессор Нижегородского государственного педагогического университета имени Козьмы Минина (г. Нижний Новгород)

Плесник Лукаш, Ph.D., доктор философии, старший преподаватель Остравского университета (г. Острава, Чешская Республика)

Повалко Полина Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Попова Татьяна Ивановна, кандидат филологических наук, научный сотрудник Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Птенцова Анна Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова; сотрудник Института языкознания РАН; Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Радбиль Тимур Беньюминович, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой общего и прикладного языкознания Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Рахилина Екатерина Владимировна, доктор филологических наук, профессор, руководитель Школы лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Москва)

Решетникова Валентина Валентиновна, старший преподаватель Российского университета транспорта (г. Москва)

Родионова Инесса Геннадьевна, доктор филологических наук, доцент, заведующая кафедрой «Русский язык и методика преподавания русского языка» Пензенского государственного университета (г. Пенза)

Романова Татьяна Владимировна, доктор филологических наук, профессор, руководитель департамента фундаментальной и прикладной лингвистики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (г. Нижний Новгород)

Русанова Светлана Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Новосибирского государственного технического университета (г. Новосибирск)

Рылов Станислав Александрович, кандидат филологических наук, доцент Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Саакян Левон Николаевич, кандидат филологических наук, доцент Государственного института русского языка имени А.С. Пушкина (г. Москва)

Сагидуллина Юлия Рустамовна, магистрант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Сандакова Марина Всеволодовна, доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Северская Ольга Игоревна, кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Середа Евгения Витальевна, кандидат филологических наук, доцент Российского государственного социального университета (г. Москва)

Ситникова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, доцент Приазовского государственного технического университета (г. Мариуполь, ДНР)

Смолий Елена Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (г. Москва)

Соловьева Светлана Александровна, доктор филологических наук, профессор Череповецкого государственного университета (г. Череповец)

Стрельникова Наталия Даниловна, кандидат филологических наук, доцент Санкт-Петербургского государственного электротехнического университета «ЛЭТИ» имени В.И. Ульянова (Ленина) (г. Санкт-Петербург)

Студеникина Ксения Андреевна, аспирант Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Ступина Екатерина Сергеевна, кандидат филологических наук, доцент Нижегородского государственного лингвистического университета имени Н.А. Добролюбова (г. Нижний Новгород)

Сунь Юй, кандидат педагогических наук, старший преподаватель Яньчэнского педагогического университета (г. Яньчэн, пров. Цзянсу, КНР)

Фатеева Наталья Александровна, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института русского языка имени В.В. Виноградова РАН (г. Москва)

Федорова Ольга Викторовна, доктор филологических наук, профессор Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (г. Москва)

Федотова Нина Леонидовна, доктор педагогических наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Церюльник Анна Юрьевна, кандидат филологических наук, доцент высшей школы русской филологии Тихоокеанского государственного университета (г. Хабаровск)

Шарандин Анатолий Леонидович, доктор филологических наук, профессор Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина (г. Тамбов)

Шарафадина Клара Ивановна, доктор филологических наук, профессор Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов (г. Санкт-Петербург)

Шаронов Игорь Алексеевич, доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского языка Института филологии и истории Российского государственного гуманитарного университета (г. Москва)

Широкова Елена Николаевна, доктор филологических наук, профессор Национального исследовательского Нижегородского государственного университета имени Н.И. Лобачевского (г. Нижний Новгород)

Шклярук Екатерина Ярославовна, аспирант Санкт-Петербургского государственного университета (г. Санкт-Петербург)

Южакова Юлия Александровна, доктор филологических наук, профессор Рязанского государственного университета имени С.А. Есенина (г. Рязань)

Научное издание

Русская грамматика в динамике

*Сборник научных статей
по материалам VIII международного симпозиума*

Текстовое электронное издание

Ответственный редактор: Е.В. Маринова

Редакторы: Н.С. Чистякова
В.М. Цымбалова
Компьютерная верстка: Л.В. Медведева

Подписано к использованию 21.06.2024. Тираж 300 экз. (1-й з-д 1–50).
Гарнитура «Таймс». Объем данных 5,66 Мбайт.
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования
«Нижегородский государственный лингвистический университет
им. Н.А. Добролюбова»
Редакционно-издательский отдел
603155, г. Нижний Новгород, ул. Минина, д. 31А
<http://www.lunn.ru>, izdat@lunn.ru